

Анатолий Левин
1923-2023

История нашей семьи.





Анатолий Левин
1923-2023

История нашей семьи.

Ньютон, Массачусетс, США.
2023

Перед титульным листом: фотография автора. Ньютон, Май 2012 г.

Напечатано: в 2023 году

Copyright © 2023 by Leonid Levin, and Tamara Levin.

Введение.

Приветствую вас, мои дорогие дети, внуки и правнуки! Приветствую всех читателей этой книги!

Перед вами – история нашей большой семьи. Прочитав эту книгу, наши внуки, правнуки, и другие читатели также узнают много нового о Советском Союзе, самой большой стране мира, из которой наша семья эмигрировала в Америку. В Советском Союзе была предпринята попытка построить коммунизм, самое совершенное общество. Я прожил в нём большую часть жизни, был свидетелем и участником почти всей его истории – от надежд и энтузиазма до разочарования народа и раскрытия преступлений его правителей. Обо всём этом, о том, как мы и другие люди жили все эти годы, я расскажу. В нашей жизни было много хорошего и много плохого.

При нашей жизни почти исчез, из-за Холокоста и ассимиляции, тот еврейский народ, который говорил на идише и сохранял традиционный образ жизни. Мы ещё застали этот мир, и я расскажу немного о нём (почитайте Шолом-Алейхема и Башевис Зингера). А мы принадлежали к русскому еврейству, которое очень отличалось и от евреев, говоривших на идише, и от других евреев, например, из Марокко или Нидерландов. Для нас русский язык и русская культура были родными. В своём большинстве мы были оторваны от еврейской религии и мирового еврейства, однако антисемиты не давали нам забыть, кто мы такие. Об этом народе, который внёс большой вклад в науку, культуру, экономику страны и был за это вознаграждён преследованиями, в результате чего его большая часть эмигрировала, мы должны рассказать его потомкам.

Причём обо всём этом я рассказываю в связи с конкретными событиями жизни нашей семьи, сначала в царской России, потом в СССР и в Америке, и с изложением того понимания некоторых вопросов, которое у меня сложилось на протяжении жизни.

Я, автор этой книги, был педагогом. В течение 36 лет я преподавал сначала в средней школе, потом в институте. Надеюсь, что некоторые выводы об обучении и воспитании детей и студентов (включая некоторые выводы из моей диссертации о том как развивать интерес к учёбе) будут читателям полезны. При этом я не скрываю и своих ошибок в работе и вообще в жизни – об этом тоже полезно прочитать.

В приложении **А** приводится родословное дерево семи поколений нашей семьи. В приложении **В** я расскажу о наших близких и более отдалённых родственниках. Эти сведения, как и основной текст, могут пополняться при изменении состава семей и других важных переменах.

Благодарю наших детей Леонида Левина (Лёню) и Тамару Левину (Тому), которые оказали большую помощь в редактировании; Лёню, который вставил в текст фотографии, разработав соответствующую программу; мою сестру Софью Левину (Софу), которая проделала большую предварительную работу со снимками; Тому, которая ор-

ганизовала печатание; наших внучек Мириам Перельмуттер (Машу) и Ребекку Левин, переводчицу Маргариту Волошинову, которые перевели этот текст на английский.

Оглавление

Введение.	i
Часть I	1
1 Они дали нам жизнь. Прадедушка; мои дедушки и бабушки.	1
2 ... и мои родители. Я появился на свет благодаря войне и антисемитизму.	4
3 ... и дедушки, бабушки и родители Ани, моей жены.	12
4 Счастливое детство в несчастной стране.	15
5 Школьные годы. Образование в Советском Союзе.	25
6 Сталинский террор. Я “расследую” и задумываюсь.	35
7 Москва. ИФЛИ, Московский университет.	37
8 Война. Холокост в СССР.	40
9 Как Бог меня спас; как я одолел небольшой бунт.	42
10 Эвакуация. Как я добывал торф. Голод.	44
11 Возвращение в Москву. Начало научной работы.	48
12 Болезнь и выздоровление. Как лечились в СССР.	50
13 Великая победа над фашизмом.	56
Часть II	59
14 Снова Днепропетровск. Учёба, журналистика.	59
15 Женитьба. Проблема жилья в СССР. 50 лет вместе.	63
16 Наши дети Лёня и Тома.	66
17 Антисемитизм в СССР. Как Сталин чуть не забрал нас с собой в могилу.	73
18 Анина учёба и работа.	78
19 Моя работа. Спецшкола Военно-Воздушных Сил, другие школы.	80
20 Как сделать учёбу интересной.	88
21 “Оттепель.” Я – аспирант. Научная работа.	98
22 Как Лёня стал математиком.	104
Часть III	109
23 Как мы отдыхали.	109
24 Литература и искусство в нашей жизни.	113
25 Моя сестра Софа, её учёба, работа, семья. Подвиг матери.	121
26 Саратов. Анина работа. Педагогический институт.	124

27	Как работали в СССР. Как мы питались и одевались.	131
28	Тома – студентка. Семья. Работа. Наша первая внучка.	135
29	Кавказ. Махачкала. Дагестанский педагогический институт.	138
30	Как выбрать профессию. Школа юного педагога.	144
31	Наши путешествия по самой большой стране мира.	149
Часть IV		157
32	Прощание с родиной.	157
33	Как анекдоты и самиздат победили советскую власть.	163
34	По дороге в Америку. Вена, Италия.	167
35	Америка. Фрамингем. Мэн: Лето с внуками.	169
36	Мы и религия.	170
37	Наши дети, внуки и правнуки в Америке.	173
38	Бостон. Мы снова студенты.	179
39	Все потомки наших родителей – в Америке.	182
40	Смерть Ани. Первая могила в Америке – мы укоренились.	184
41	Ньютон. Клуб любителей поэзии и эти мемуары.	186
42	Снова туризм: США, Канада, Париж, Израиль.	188
Заключение.		197
Приложения		199
А Наше родословное дерево.		199
В Родственники на трёх континентах.		201
1	Родственники по линии моей мамы.	201
2	По линии моего папы.	206
3	По линии Аниного папы.	207
4	По линии Аниной мамы.	210
5	По линиям супругов наших детей, внуков, Софы.	211

Часть I

1 Они дали нам жизнь. Прадедущка; мои дедушки и бабушки.

Маймонид знал семь поколений своих предков. Я знаю – больше или меньше – только о трёх. Но моих правнуков Басю, Арона, Ханну, Кейлу, Хейли, Семёна, Эвана, Розанну, Айви и тех, которые, Бог даст, ещё родятся, эти мемуары введут в историю уже шести поколений. Они – седьмое. Своими предками интересуются многие. А наши внуки и в школе, и в колледже получали задания с такими вопросами. Наши предки, родители заслужили, чтоб мы сохранили память о них. Есть ещё одна причина, почему полезно знать своих предков. Врачи придают большое значение генетической наследственности. Поэтому я в приложении сообщу существенные положительные и отрицательные факты о здоровье предков и родственников.

Мой прадедущка (дедущка моего папы) Хаим Дэйв Левин был главным раввином Костромы, большого города на Волге. Его жену звали Аснэ Цива. У них было двое детей – сын, отец моего папы, и дочь Сима. Мой папа в детстве переписывался с дедущкой, по пятницам писал ему письма на иврите. Дедущка гордился внуком, всем показывал его письма. Других сведений о моих предках из этого поколения у меня нет.

Обоих дедущек я ещё застал, но общения у меня с ними почти не было. А с одной из бабушек, замечательной традиционной еврейской женщиной, я общался больше 30 лет, а иногда и жил вместе.

Отец моего папы Иегуда Лейб Левин родился в 1864 г. в местечке Рудня Могилёвской губернии России (теперь это Беларусь). После женитьбы на Сарре Моисеевне Обдиркиной переехал в Москву. У них было трое детей – мой папа и две дочери (о них – ниже). Дедущка был, как и его отец, образованным талмудистом, очень религиозным, дипломированным (смиха) раввином, но должности раввина не занимал. Знал немецкий, писал по-русски, но в семье говорили на идише. В Москве у них была мастерская по обработке тканей (плиссирование, гофрировка) с шестью рабочими. Хранили профессиональные секреты, были довольно зажиточны. Делами занималась в основном бабушка, дедущка молился.

В 1891-93 г.г. царь Александр III изгнал из Москвы евреев – ремесленников; среди них были дедущка с семьёй и их родственники. Некоторые уехали в Америку. Дедущку тоже звали туда на должность раввина (была острая нужда в ортодоксальных раввинах), но он отказался, так как Америка считалась некошерной, то есть нерелигиозной

страной. Семья поехала на Украину, в Екатеринослав. С ними поехали все 6 русских рабочих, и бабушка вновь открыла свою мастерскую. Бабушка была болезненно толстой – настолько, что для неё приходилось расширять двери. В 1904 году она умерла в Киеве в ходе неудачной операции по поводу этой болезни. После её смерти мастерская была ликвидирована. Дедушка помогал сыну (моему отцу), которому пришлось оставить учёбу и начать работать. Позднее мой папа даже послал своего отца за границу, в Стокгольм (Швеция), где, общаясь, очевидно, с помощью немецкого и международного еврейского языка идиш, дедушка закупал товары.

После революции дедушка вместе со своей второй женой Риввой переехал на Амур (пригород Днепропетровска). Занимались мелкой торговлей, жили очень бедно. Ввиду отсутствия раввина, дедушка неофициально выполнял его обязанности. Помню Алеф-Бейс (еврейский алфавит), который дедушка дважды прибавал над моей кроватью. Помню голос дедушки (он называл меня Толка). Маме моей он передал памятку о соблюдении чистоты еврейской семьи. Дедушка умер от воспаления лёгких в 1934 г.

Отец моей мамы Мордхе Хаим (Марк) Ашкинази и бабушка Хая Двойра (Клара), урождённая Милецкая (1)¹, (2)² до Первой мировой войны жили в Кобрине. Евреи составляли больше половины населения города. Дедушка был очень религиозным Слонимским хасидом (как отмечается в Краткой Еврейской Энциклопедии, Слонимский хасидизм стал широко известен своими особыми хасидскими напевами. Я запомнил некоторые из этих весёлых напевов и часто наигрывал их, наряду с другими еврейскими песнями, во время наших праздничных собраний у бабушки). Дедушка служил на сахарном заводе графини Бобринской. От хозяйки скрывали, что среди её служащих был еврей.

Семья была зажиточной, держали двух прислуг, еврейку и русскую. Бабушка родила 12 детей, из которых выжили только 6 девочек. Она всю жизнь со слезами вспоминала сына Арчика, который умер уже юношей. При советской власти дочери выхлопотали ей Медаль материнства. При этом бабушка в Кобрине ещё занималась бизнесом – имела небольшую лавку, где продавала муку. Приглашала покупателей даже по-польски: Проше пана до монки.

Во время Первой мировой войны евреев выселили из приграничной полосы, подозревая их в шпионаже в пользу Германии. При этом казаки устраивали погромы. Мамины родители с малыми детьми на руках бежали через опасную зону и далее на юг, в Екатеринослав. Там они вначале, наверное, жили на свои сбережения. После революции дедушка попытался у себя в квартире устроить какую-то мастерскую, но дело не пошло. Жили бедно. Бабушка, например, на протяжении последних десятилетий своей долгой жизни могла есть только размельчённую пищу, так как не могла позволить себе заказать зубные протезы. Пока дедушка был жив и некоторое время после его смерти в семье соблюдались основные религиозные традиции (бабушка – всю жизнь). Во время праздника Суккот дедушка не только кушал, но и спал в сукке у соседей.

По своим политическим взглядам дедушка был, как ни странно, монархистом. Бабушка тоже придерживалась консервативных убеждений. Она с возмущением говорила мне о соседе, бедном еврее – сапожнике, который считал, что не должно быть деления

¹ Дедушка Мордхе Хаим Ашкинази.

² Наша бабушка Хая Двойра.

1. ОНИ ДАЛИ НАМ ЖИЗНЬ. ПРАДЕДУШКА; МОИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ. 3

на богатых и бедных. Мне рассказывали, что когда умер Ленин, в семье было радостное настроение. Особенно ненавидели Троцкого, Лейбеле Троцкого, как они его называли, считали этого еврея главным виновником победы коммунистов. (Как председатель столичного Совета и его Военно-революционного комитета Троцкий практически руководил Октябрьским восстанием, провозгласил на 2-ом Съезде советов создание советского правительства во главе с Лениным. Во время гражданской войны в качестве наркома (министра) по военным и морским делам руководил Красной армией от её создания до победы).

Дедушка умер от рака желудка в 1930 г. Запомнился его голос, последние слова, которые я услышал. Мы, дети, шумели, и дедушка спокойным голосом сказал на идише, не называя виновников шума: пусть будет тихо. Я никогда в жизни не видел более отчаянного проявления горя. Моя мама буквально каталась по полу. Еврейская община напечатала в типографии на иврите некролог (оттуда я взял снимок дедушки).

Вскоре бабушку арестовали. Следователь на идише требовал отдать золото, которого у неё не было. Бабушка ответила: у меня есть золото. Это мои золотые дочери. Утром её отпустили. Семья была очень дружной. Моя мама была так предана им, что папа даже ревновал. Бабушка вела хозяйство. Каждую свободную минуту читала свой старенький Сидур. Бабушка часто повторяла с чувством (на идише, по-русски она говорила, но неохотно и, конечно, неправильно): какой у нас замечательный (дорогой) Бог! Помню её слова об активности: Бог говорит человеку: ты делай, а я помогу. Когда у меня случается болезнь или другая неприятность, но всё заканчивается благополучно, я вспоминаю, как бабушка говорила в таких случаях, обращаясь к Богу: пугай меня, но не наказывай.

Мы с ней вели дискуссии, в частности, по вопросам религии. Помню, я спросил у бабушки, не обидно ли еврейским женщинам, что мужчина должен каждое утро благодарить Бога, сотворившего его не женщиной. Бабушка ответила, что женщиной быть трудно (рожать детей и т.д.), поэтому мужчины рады, что им не досталась такая доля. Помню ещё одно феминистское высказывание бабушки. Посмотри, говорила она, курица несёт яйца, выводит цыплят, и мясо у неё вкусное, не то, что у петуха.

Бабушка всю жизнь болела бронхиальной астмой. До революции ездила в санаторий. Потом дочери о ней заботились, как могли. Когда бабушка заболела воспалением лёгких, достали с великим трудом лекарство, которое тогда только появилось, и спасли её. Бабушка спокойно относилась к своему преклонному (больше 90 лет) возрасту. Я у вас гость, – говорила она. Бабушка умерла в 1957 году, оставив любимых и любящих 6 дочерей, 8 внуков и внучек, 4 правнуков и правнучек. Она похоронена на Кайдакском кладбище в Днепропетровске. Памятник на её могиле, наряду с другими, был разрушен вандалами – антисемитами. Его восстановили. Этот печальный факт я использовал, когда обосновывал право Софы, затем её детей и внуков на получение статуса беженцев.

Вот снимки: (3)³, (4)⁴, (5)⁵, (6)⁶, (7)⁷.

2 ... и мои родители. Я появился на свет благодаря войне и антисемитизму.

Мой папа – Александр Львович Левин, в паспорте – Айзик Лейбович, еврейское имя Ицхак Айзек. Айзек – это английское имя. Так по-английски читается Исаак (Isaac Newton, Isaac Asimov). Хорошо бы это имя сохранить в потомстве, тем более, что папа передал нам благословение долголетия. Папа родился в Москве 15 февраля 1890 г. (25 Швата 5650 г.). На памятнике и в паспорте указан 1989 год, но это неверно: в 1989 году родилась его старшая сестра Маша. Как сказано выше, в 1891-93 г.г. царь Александр III изгнал из Москвы евреев-ремесленников. Среди них была папина семья, которая поехала на Украину, в Екатеринослав, нынешний Днепропетровск.

Моя мама Мириам (Мария Марковна Левина, Маня, в детстве звали Марадл, девичья фамилия Ашкинази) родилась 21 декабря 1903 года (2 Тевета 5664 г., в 8-ой день Хануки) в Кобрине, небольшом городе близ Брест-Литовска (теперь это Брест в Беларуси). День мы знали точно, так как отмечали его, а о годе родители всю жизнь комично спорили. Папа говорил, что мама родилась в 1902 году и что он старше её не на 13, а только на 12 лет (будучи намного старше, папа пережил маму на 9 лет).

Во время Первой мировой войны дедушка и бабушка с детьми бежали в Екатеринослав. Там встретились и поженились мои родители.

Здесь я сделаю небольшое отступление, объясню мысль, которая сформулирована в названии этой главы. Мои родители встретились в Екатеринославе благодаря тому, что семья отца была выселена царём-антисемитом из Москвы, а семья матери, в связи с войной, из Кобрина.

Обобщая, можно сказать, что все мы, кто живём сейчас, родились в результате общего хода событий, в том числе и трагических. Так что вполне понятное сожаление о трагических событиях, которыми так богата история, означает, если быть логичными, и сожаление о том, что мы живём на свете. О факте нашего рождения можно сказать словами песни “День Победы”: “Это радость со слезами на глазах” (поскольку победа над фашизмом связана с огромными жертвами, как и наше появление на свет). Религиозные евреи, что бы ни случилось, часто вспоминают древний афоризм ГАМ ЗУ Л’ТОВА (это тоже хорошо, то есть всё к лучшему). Прошлое изменить нельзя. Можно только надеяться, что даже самые печальные события в будущем приводят к чему-то хорошему.

³Бабушка с дочерьми. Слева направо: Инна, моя мама, Циля, Лена, Минна, Хася.

⁴Они же, но прошли годы... Сидят: мама, бабушка, Хася. Стоят: Инна, Минна, Циля, Лена.

⁵Наряду с другими (о них ниже) - бабушка, мы с Аней, Лёней (сзади справа) и Томой (головка над столом).

⁶Бабушка с внучкой Ритой.

⁷Впечатляющий снимок. 1940 год. Бабушка с дочерьми и их семьями. Сидят: папа, Хасин муж Моисей, Хася, дочка Минны Любочка, бабушка, сын Лены Марик, Циля. Стоят: я, мама, Софа, Минна, дочь Хаси Лиля, Лена, её муж Абраша, Инна.

Продолжаю рассказ о моих родителях. В Екатеринославе в 5 лет папа начал учиться в хедере, в 10 лет – в ешиботе (ешиве) в Кременчуге. Был очень способным и набожным, любимец раввинов. До глубокой старости помнил тексты, хотя после закрытия синагоги повторять их не приходилось. Помню некоторые его рассказы, в том числе и забавные, о быте ешиботников. Их кормили по очереди евреи города. Ребецин, жена раввина, для экономии посуды (посудомоечных машин тогда не было) подавала в тарелке суп, а потом переворачивала её и клала туда второе. В молодости папа был хорошо развит, переплывал Днепр, очень широкую реку. Физическое развитие помогло ему, когда после революции надо было заняться физическим трудом. Папа хорошо играл на мандолине, любил петь еврейские и русские песни, от хасидских до песен на стихи Некрасова. До старости сохранил хороший голос.

После смерти матери папе пришлось уехать из Кременчуга и в 15 лет начать работать приказчиком в оптово-галантерейном магазине Фейгина и Чирейкина. Папа мне говорил, что торговля мелкими товарами предпочтительна: небольшие покупки люди делают часто, без долгих сомнений, в том числе и насчёт цены. Одновременно с работой папа занимался с частным учителем и сдал экстерном экзамены за гимназический курс (видимо, частично). Писал по-русски совершенно без ошибок (а иначе не сдал бы экзамен, так как до революции уже в младших классах гимназии требовалась абсолютная грамотность). Хорошо решал задачи.

Через 3 года Бабич, муж папиной кузины Тани, взял его в г. Павлово/ на/Оке, вблизи Нижнего Новгорода, обучил слесарному делу. У Бабича там был завод, папа стал его коммивояжёром (разъездным представителем). Побывал в десятках городов. Потом Бабич открыл в Екатеринославе свою контору со складом железо-скобяных изделий. Папа был одним из двух его представителей.

Во время революционных событий 1905 года папа включился в политическую деятельность, участвовал в избирательной кампании еврейской религиозной партии последователей Аход-Ха-Ама (Гинцберга), считавшего, что Эрец Исраэл должна стать духовным центром еврейского народа (о нём см. в Краткой еврейской энциклопедии, т. 1, стр. 248-251 и т.3, стр. 306). К счастью, после революции об этой папиной деятельности властям не было известно – доносчиков среди тех, кто знал, не оказалось. Во время Большого террора одним из главных оснований для ареста и уничтожения была принадлежность к любой политической партии. Папа с трудом, с помощью протекции и взяток, освободился от призыва в царскую армию. Главная причина, которая оправдывала в его глазах этот поступок – невозможность есть трэфную пищу. В дальнейшем папа никогда не прибегал к взяткам. И это ещё одно обстоятельство, позволившее ему избежать ареста. После революции многие коммунисты, особенно руководители невысокого ранга, оказались коррумпированными. Некоторые уцелевшие бизнесмены, в частности, из евреев, которым при царе нередко удавалось с помощью взятки преодолевать различные ограничения, стали подкупать новых начальников и попадались на этом.

Возвращаюсь в дореволюционное время. Вскоре после освобождения от призыва в армию папа основал собственный бизнес. Вёл торговлю даже с заграницей (Швецией). Дела шли хорошо, папа стал купцом второй гильдии. Мог, по своему обороту, получить и первую, но не захотел платить за это повышенный налог, хотя первая давала право

проживать вне черты еврейской оседлости (знаете ли вы, что это такое?). Построил двухэтажный каменный дом производственного назначения, который до сих пор, спустя столетие, стоит на углу улиц Кооперативной и Свердловской. Папа хотел основать фабрику, но в связи с началом революции сдал дом в аренду.

Папа был всегда исключительно честным, в частности, в деловых связях. Он говорил мне, что представление о торговцах, как о жуликах, (есть поговорка: не обманешь – не продашь) может быть справедливой только по отношению к мелким торговцам, которые так и остаются бедняками. А настоящие бизнесмены – это те, которые понимают, что честное имя дороже любых денег. Эти люди по устной договорённости по телефону могут передать друг другу многотысячные суммы денег. Если человек с надёжной репутацией хочет открыть или расширить дело, но у него нет нужных денег, ему всегда открыт кредит. К сожалению, сейчас не только в России, но и в Америке многие забыли об этой старой добродетели еврейских (и не только еврейских) бизнесменов.

Но мне не суждено было стать наследником папиного бизнеса. В 1917 году произошла сначала Февральская революция, которая покончила с царизмом и на короткое время сделала Россию демократической страной, а затем Октябрьская революция. Коммунисты захватили власть, победили в начавшейся Гражданской войне и в течение 74 лет правили страной. Построенная папой фабрика была национализирована. Папа долго хранил соответствующий документ.

Чтобы оживить экономику страны, совершенно развалившуюся в ходе гражданской войны, правительство по предложению Ленина ввело вместо так называемого военного коммунизма Новую экономическую политику (нэп). Было разрешено открывать небольшие частные предприятия и заниматься частной торговлей. И результаты не заставили себя ждать. После голода и всеобщей разрухи военных лет экономика стала восстанавливаться. Кстати, в период горбачёвской перестройки 80-ых годов взоры многих экономистов и политиков обратились к успешному опыту эпохи нэпа.

Папа, как и многие другие бывшие бизнесмены, поверил советской власти. Он открыл на проспекте Карла Маркса, центральной улице города, магазин железно-скобяных товаров – инструменты, замки, гвозди, другие металлические изделия, необходимые для начавшегося жилищного строительства. Дело пошло успешно.

В 1922 году папа женился на моей будущей маме. По словам сестёр, главная особенность мамы в детстве – страстное стремление учиться. Мама получила хорошее образование, окончила 7 классов частной еврейско-русской женской гимназии Каган. Восьмой, последний класс, который в женских гимназиях считался дополнительным (педагогическим), не окончила – из-за Гражданской войны гимназия закрылась. Мама на всю жизнь сохранила интерес к литературе, театру, посещала лекции на литературные темы. В библиотеках брала книги для себя и для нас – видимо, без этого я не стал бы филологом. Знала иврит, Тору. От неё я услышал, запомнил и часто повторяю ивритские изречения Гам зу л' това, Борух Адышем ейм-ейм (благодарю тебя, Боже, за каждый день), Ло акафдон меламед (нетерпеливый не может учить). Это последнее изречение, которое для меня очень важно, так как у меня есть такой недостаток, я уже в США встретил, как старого знакомого, в Пиркей авот (Поучения отцов, трактат из Талмуда).

Новая семья, в которой вскоре было уже двое детей – я, потом Софа, в первое время жила обеспеченно. Ездили на курорт, держали няню, замечательную женщину Харитину – я её называл Тиной. Мы сохранили с ней дружеские отношения и после того, как она вышла замуж, бывали у неё в гостях. Вскоре всё изменилось. После смерти Ленина (1924 год) Сталин и другие руководители страны решили, что нэп может привести к реставрации капитализма. Отменить то, что ввёл Ленин, они сразу не решались, но стали давить и вытеснять нэпманов налогами. После того, как предприниматель выплачивал налог, на него накладывали новый. Предприятие разорвалось и закрывалось. Папа ликвидировал магазин и открыл слесарную мастерскую – сам стал изготавливать то, чем раньше торговал. Папа вообще легко овладевал любым ремеслом, был мастер на все руки. Помню, как он оборудовал замечательный погреб (я помогал). Для нашей квартиры изготовил ставни. Во время войны в свободное время изготавливал тяпки (мотыги) для огородников и тем избежал голода. В своей крохотной послевоенной квартирке без удобств своими руками устроил водопровод с нагревом воды, канализацию, туалет и душ.

Когда и мастерскую пришлось закрыть (не было денег на аренду), папа попытался наладить производство в нашей квартире (помню никелировочную ванну, стоявшую возле моей кровати), но и из этого ничего не вышло. Если разорённый нэпман хотел стать рабочим и поступить на завод, его не принимали. В стране была безработица, и работу давали только тем, кто раньше уже был рабочим. Но папа был человек, который никогда не сдаётся и всегда находит выход. Он уехал на Донбасс, где на угольных шахтах была острая нехватка рабочих и принимали всех. Был принят слесарем. Пользуясь знанием языка идиш, помогал приехавшим из Германии специалистам общаться с местными коллегами. Через некоторое время папа смог поступить на завод в Павлограде.

Во время его отсутствия мама, молодая, неопытная женщина, оставшаяся с двумя малышами, вела самоотверженную, героическую борьбу за наше выживание. Дело в том, что нэпманов и членов их семей лишили избирательных прав. Само по себе это не имело значения, так как в СССР настоящих выборов никогда не было – это был сплошной обман. Но лишённые, как их (нас) называли, были вообще лишены всех прав. Их выселяли из квартир прямо на улицу, не лечили в больницах и поликлиниках. В связи со свёртыванием нэпа и начавшейся насильственной коллективизацией села (знаете ли вы, что такое колхоз?) снова начался голод, и хлеб, другие продукты государство стало продавать в небольшом количестве по карточкам. Нэпманам карточек не давали. Чтобы выжить, люди продавали всё, что у них было, и покупали продукты у спекулянтов. Я помню, как мама стояла возле магазина и спрашивала у входящих, будут ли они покупать чёрный хлеб (в карточках были талоны на белый хлеб и на чёрный, очень плохого качества; некоторые покупали только белый, а талоны на чёрный могли отдавать).

Нам прислали требование освободить квартиру. Мама с трудом добивалась приёма у городских начальников, иногда брала с собой нас, маленьких детей (я запомнил фамилию одного из чиновников – Голубенко). Ничего не помогало. Мама поехала в столицу Украины (тогда это был Харьков) к Генеральному прокурору. И добилась! Нас оставили в квартире. А соседей наших, Мирецких, выселили.

Поскольку у папы уже был трудовой стаж, он смог, вернувшись в 1931 году в Днепропетровск, поступить рабочим – слесарем на завод Металлокомбинат, переименованный потом в Металлист. На этом заводе папа проработал 25 лет, до выхода на пенсию (с перерывом во время войны). Мы перестали быть “лишенцами,” жить стало легче. В январе 1935 года отменили продуктовые карточки, это был праздник. Папа получил высший рабочий разряд. Он был слесарь-лекальщик, изготавливал вручную сложные штампы для прессов. Ему давали заказы с других заводов, даже после выхода на пенсию – был одним из лучших специалистов в Днепропетровске, крупном промышленном центре. Вскоре папу назначили бригадиром, потом мастером. Затем он стал начальником цеха (замочного, по своей старой специальности) – большой успех для человека без диплома инженера, да ещё бывшего капиталиста и нэпмана. Преподавал на курсах повышения квалификации. Поскольку руководство сравнительно небольшим цехом (около 100 рабочих) оставляло свободное время (заполнение нарядов и другую бумажную работу папа делал дома), он выполнял ещё одну рабочую операцию. Чтоб не было недоразумений, эту операцию – изготовление пружинки для замков – никто, кроме папы, не делал.

Папа любил работу, очень серьёзно относился к ней. Отпуск взял всего два раза за 25 лет. Получил путёвку в дом отдыха, где, участвуя в соответствующем конкурсе, навсегда бросил курение (до этого выкуривал по две пачки папирос в день). Вместо отпуска брал денежную компенсацию. Папа ни разу не опоздал на работу. Когда я, работая в институте, в дни, в которые у меня не было занятий, оставался дома, папа тихонько спрашивал у Ани: что, Толю уволили? – он не понимал, как это можно не идти на работу. Папа имел хорошие отношения с рабочими. Выручал их, одалживая небольшие суммы. Сам он никогда не занимал денег – возможно, под влиянием Торы, где это входит в число наказаний. Я унаследовал это от папы, придерживаюсь данного принципа и в Америке, где покупка в кредит широко распространена (нередко приводя к банкротству).

Папа, естественно, не любил советскую власть, не верил в коммунистическую утопию. ШЕКЕР ВЕ КОЗЕВ (на иврите – обман), – говорил он, – “Когда здесь вырастут грибы (указывая на ладонь), тогда у них получится то, что они обещают. Скоро это кончится.” Всего 9 лет не дожил папа до осуществления своего пророчества (всех советов крах коммунизма застал врасплох). Но, будучи по натуре активным человеком, папа участвовал в общественной жизни завода: выпускал стенгазету (сам писал все статьи), потом был даже избран председателем профсоюзного комитета (беспартийный!).

Был умным и остроумным, опытным в житейских делах человеком (внуки, к сожалению, знали его уже стариком). Приведу в качестве примера два высказывания, которые, наверное, стоит запомнить. Ты в спорах часто бываешь прав, – говорил он мне, – но ты ошибаешься, когда думаешь, что это имеет большое значение. То есть, даже будучи уверенным в своей правоте, надо ещё уметь объяснить это, быть дипломатом, быть готовым к компромиссу. И ещё: ссора супругов – не основание для развода. Ссоры в семьях происходят часто. Развод бывает неизбежен, если возникает новая сильная любовь.

Сын и внук раввинов, получивший религиозное образование, папа избирался старостой (габе, в Америке называют президентом) своей синагоги. У нас был кошерный

дом. Но власти собрали жителей района, и большинство, в основном молодёжь, комсомольцы, “демократически” проголосовало за передачу здания синагоги клубу. После закрытия синагоги папа отошёл от религии.

В конце жизни своё отношение к религии папа выразил словами: и верить нельзя, и не верить нельзя. Полагаю, что религиозное воспитание оказало несомненное влияние на его мораль. Я уверен, что папа никогда не изменял жене. Отмечу также, что папа не сквернословил, не пил, хотя повседневно общался с рабочими, для которых характерно и то, и другое. Папа считал своим долгом обеспечивать семью (мама работала только во время войны). Сильно переживал за судьбу Израиля. Честность и осторожность остались его характерными чертами. Папа неизменно отклонял предложения своих знакомых, бывших нэпманов, совершить какую-то незаконную сделку (как начальник сборочного цеха, выпускавшего готовую продукцию, он имел такую возможность). Я хочу спокойно спать, – говорил он. И ещё: то, что сегодня знают двое, завтра могут узнать все. И это снова спасло его: всё руководство завода было осуждено за какие-то махинации – кроме папы!

Вернёмся к маме (если бы можно было это сделать реально!). На маме было всё хозяйство – папа в работе по дому не помогал, да и времени у него не было, только ремонтировал, что нужно. Нас, детей, тоже очень мало привлекали к домашней работе, чтоб не отвлекать от учёбы. Мама покупала продукты и всё остальное, прекрасно готовила, на зиму заготавливала варенья, соленья, стирала, гладила, ремонтировала одежду, убирала, купала детей, лечила нас и т.д. Наша учёба была её главной заботой. Знала наших учителей, наших товарищей и даже их родителей. Посещала все родительские собрания, была членом родительского комитета, помогала школьной столовой. Хотя наша семья, как и большинство советских евреев, отошла от религиозных традиций, мама постилась в Йом Кипур. Она говорила, что делала это ради благополучия детей.

И ещё особо отмечу, какую роль мама сыграла в моём спасении, когда я во время войны заболел туберкулёзом. Тогда многие умирали от этой болезни. Кроме лечения, для выздоровления требовалось полноценное питание, а в стране был голод. И мама нанялась продавать на базаре конфеты, что считалось очень унижительным.

Пока мы с Аней и детьми жили в Днепропетровске, мама очень много помогала нам, в частности, покупала и приносила с базара продукты (а мы жили далеко). Поехала к Софе в Николаев помогать, когда там родился сын Марик. Ниже я расскажу, какую роль мама сыграла в судьбе Софиной дочки Любы. Когда мы уехали в Саратов, мама, уже тяжело больная, продолжала принимать близко к сердцу наши и Софины дела, проблемы, большие и малые. У меня сохранилось письмо, которое мама прислала в 1971 г. После подробных вопросов о нас и наших детях мама пишет: “Как вы подготовились к зиме? Мне кажется, что ваши окна требуют покраски (они с папой ранее гостили у нас). Если будете делать, купите индийскую. Изумительная белизна, сохнет за 3-4 часа, очень выгодно, коробка (1 кило) – 9 р.” И только после этого пишет, что у неё обострение болезни, она никуда не выходит, часто вызывает карету скорой помощи.

Я не скажу ничего нового, а только присоединюсь ко многим и многим, преклоняющимся перед женщиной – матерью. К сожалению, я, как и другие, (что не оправдывает), слишком поздно осознал свои ошибки по отношению к матери. Главная – мама очень обижалась на меня, за то, что я редко писал письма. Когда я учился в Москве

на первом курсе, мама, отчаявшись, написала письмо моему ректору! Он вызвал меня. Не помню, чтоб я тогда почувствовал, какой это позор. Став вполне взрослым, я писал родителям достаточно часто, как мне казалось. Но маме так не казалось (можно ли считать маленькой, совершенно недостаточной, но всё же компенсацией эти подробные заметки, которые должны сохранить память о моих родителях и на которые я охотно трачу больше времени, чем я недодал в переписке? Вряд ли. Долги надо отдавать при жизни). Мне казалось, что я правильно поступаю, когда пишу следующее письмо после получения ответа на предыдущее. Но письма в СССР шли медленно, и это получалось не так быстро, как маме хотелось. Получение каждого письма было для неё и папы праздником.

Какие ещё праздники были у них? Очень немного. Праздником был наш, Софин и наших детей, которых они очень любили, приход, а потом приезд. Недавно Тома мне рассказала, как дедушка играл с ней в домино. Она играть ещё не умела, выбирала камни домино, которые ей нравились. Сделал для внуков качели. Родители всегда, особенно после выхода папы на пенсию, жили скромно. Папа научился делать мороженое, так что для внуков, кроме еды, всегда было лакомство.

Были ли у наших родителей недостатки? Конечно, как у всех людей. А те очень хорошие стороны их личности и жизни, о которых я рассказал, не выдуманы и не преувеличены.

Старость у наших родителей была трудная. Мама 18 лет болела бронхиальной астмой. Один раз удалось достать путёвку в санаторий. Также ездила в Москву, где её сестра Минна помогла ей попасть в больницу. Периоды улучшения сменялись тяжёлыми приступами, часто вызывали карету скорой помощи. Много раз маму клали в больницу. И папе было очень трудно. У них была только одна комната (и кухня). Ночью мамин кашель будил его. Затем он стал хуже слышать. Папа теперь мог бы лучше спать, но маме по ночам очень часто нужно было вызывать карету скорой помощи. Телефона у них не было, и папа в любую погоду, со своим плохим зрением и слухом, шёл искать телефон, потом встречал карету. Маме помогали, кроме папы, её сестра Циля и племянница Рита (мы с Софой, живя в других городах, немного могли для мамы сделать, хотя, конечно, приезжали к ним в Днепропетровск).

О домашнем телефоне особый разговор. В СССР, кроме Москвы, это был предмет роскоши. Его получали начальники, а простые люди, как правило, – за взятку. Поэтому телефонистам было невыгодно делать телефон общедоступным. Папе, как инвалиду 1-ой группы (он из-за инсульта почти потерял зрение) по закону полагался телефон вне всякой очереди. К ним пришёл агент, сказал, что телефон к ним может быть проведен. После этого он долго сидел, ожидал взятку. Но папа взяток не давал. Вскоре они получили по почте отказ “ввиду технической невозможности.” А к их соседям телефоны провели. Я пытался помочь. Побывал во всех инстанциях в Днепропетровске и в Москве, в приёмной Председателя Президиума Верховного Совета (Президента СССР). Ничего не получилось – бюрократия к этому времени стала непробиваемой, все поддерживали друг друга (а за 20 лет до этого в той же приёмной охотно выполнили мою просьбу).

В июле 1973 года маму снова положили в больницу. Её состояние ухудшалось (сердечная и лёгочная недостаточность как следствие бронхиальной астмы и эмфиземы

лёгких). Когда я приехал в Днепропетровск, мама дышала через кислородные подушки. В туалет шла, опираясь на меня одной рукой, а другой держась за стену. Мама сказала, что хочет умереть. Когда я сказал, что у неё было много обострений, после которых наступало улучшение, мама повторила, что хочет умереть. Ей было неполных 70 лет.

Мама сидела на кровати с закрытыми глазами. Потом взяла мою руку и крепко пожалала. Я понял, что мама прощается, но только потом подумал, что, наверное, у неё отнялась речь. А тогда я подумал, что маме тяжело говорить, но пожатие было крепким. Я успокаивающе погладил мамину руку, но она снова крепко пожалала мою руку, прощаясь, не принимая моего успокаивающего жеста. Потом тяжело легла набок, лицом к стене. Вскоре пришла с вечерним обходом дежурный врач. Посмотрела – мама спокойно лежала, легко дышала. Пощупала ноги, сказала: “Отёков нет, опасности нет.” Я хотел, чтоб не мешать другим женщинам спать, пойти до утра домой и стал собирать продукты, чтоб отнести в холодильник (в СССР питание в больницах было недостаточным, и его дополняли продуктами из дому). Но старая, опытная соседка по палате сказала: “Кто это будет завтра есть?” И я остался.

Через некоторое время мне показалось, что я перестал слышать мамино дыхание. Я позвал врача, которая неохотно, но пришла (она ведь недавно видела её). Посмотрела и сказала: “Ваша мама умерла.” Я потребовал, чтоб её отвезли в реанимацию, ведь она только что была жива. Но врач сказала, что это не тот случай (возможно, она в начале дежурства посмотрела истории болезней и знала о мамином состоянии в последние дни).

Мама очень долго и тяжело болела, но скончалась легко, без агонии, как-то тихо, как говорится, душа отлетела. Возле неё был сын, которого она любила и который её любил. Это было 7-го августа 1973-го года, Девятого Ава. И это для меня ещё одна, очень важная причина поститься в этот день. Мама была похоронена на Кайдакском кладбище, где покоится её мама, возле задней стены, на 5-ом участке (мужском, другого места не было, кладбище закрыто), 3-ья могила.

После маминой смерти я и Софа предложили папе переехать к нам. Папа поехал к Софе, позднее пожелал переехать к нам. Дважды подолгу жил у нас, возвращался к Софе, когда мы с Аней должны были ехать в Москву провожать в Америку Лёнину, а затем Томину семью. Снижение зрения и слуха сильно ухудшило папину жизнь – он не мог читать и смотреть телепередачи. Но в остальном его здоровье было хорошим до последних лет. Папа всегда вёл правильный образ жизни – тот самый, о котором все знают, но далеко не полностью соблюдают. Он в одно и то же время ложился спать, рано вставал, был умерен в еде – в последние годы ел два раза в день, в строго определённое время. Физический труд заменял ему спорт. В 88 лет папа сохранял ясный ум и память – продиктовал мне рассказ о своей жизни, о близких и далёких родственниках. Затем его память стала ухудшаться.

11-го сентября 1982-го года (23 Элула), в возрасте 92 лет, папа скончался в Николаеве, в Украине. Там же похоронен (участок 45).

Подводя итоги жизни, прожитой нашими родителями, можно сказать, что они сумели, преодолевая невероятные трудности и опасности, прожить достойно, честно и, сравнительно с миллионами жертв коммунистического режима и войн, относительно

благополучно. Вот снимки: (1)⁸, (2)⁹, (4)¹⁰, (5)¹¹, (6)¹², (7)¹³, (8)¹⁴, (3)¹⁵, (9)¹⁶, (10)¹⁷, (11)¹⁸, (12)¹⁹.

3 ... и дедушки, бабушки и родители Ани, моей жены.

Аня не застала своих дедушек, бабушек в живых. И не успела записать что-нибудь со слов родителей. То, что я смогу рассказать о них и о других Аниных родственниках, я узнал от её двоюродных сестёр Ани Шунис, Тамары Айзиковой и Жени Грейфер, из автобиографии и документов Аниного отца, которые Аня бережно сохранила, и из родословной, присланной их американскими родственниками (но там – только имена). Многих Аниных родственников я знал.

Анины прадедушка и прабабушка по линии отца Давид Мейер и Хенне (Ханна) Рахиль Эренбург жили в местечке Парич(и), теперь это Беларусь. У них было 5 детей. Их сын Лейвик (снимок 1 в главе 3 Приложения) и его жена Брайнэ (Броня), Анины дедушка и бабушка, жили недалеко от Паричей, в селе Щедрин. У них было 9 детей. Я случайно узнал, как Анины родители оказались сельскими жителями. Третий Любавичский Реббе Менахем-Меңдл (Цемах Цедек) купил в 1839 году землю у князя Щедринского и поселил на ней евреев (журнал “Алеф,” Но 371). Благодаря этому, Анин отец мог в своих документах писать, что происходит из сословия земледельцев (крестьян), хотя ни его родители, ни он сам земледелием не занимались. В Советском Союзе, который считался государством рабочих и крестьян, такое происхождение давало ряд преимуществ (в получении образования, продвижении по службе и т.д.).

Женя Грейфер сообщила, что их общий с Аней дедушка Лейвик был очень уважаемый меламед (учитель), его советы принимали несколько местечек вокруг Бобруйска и Барановичей. Поскольку имя Лейвик стало одним из двух еврейских имён нашего сына, я нашёл это имя как полное (не уменьшительное) в Краткой Еврейской Энциклопедии (т. 4, стр. 758) и в журнале “Алеф.” Броня держала небольшую лавочку В 1919 году она заболела сыпным тифом. Была помещена в больницу, организованную в бывшей помещичьей усадьбе. Какая-то банда подожгла ночью усадьбу, и Анина бабушка погибла. Анин папа уехал с отцом и сестрой Блюмой в Екатеринослав (Днепропетровск), где он работал до ухода в 1919 году в Красную армию. В 1921 году дедушка Лейвик и Блюма умерли там от голода (по другим данным – от тифа).

⁸Наша мама.

⁹Наш папа.

¹⁰Мама, папа. Софина дочь Люба, её другой дедушка и я.

¹¹Мама, папа и мы с Аней.

¹²Мама с внучкой Любочкой.

¹³Мама с внучкой Любочкой.

¹⁴Мама и папа.

¹⁵Построенный папой дом.

¹⁶Папа.

¹⁷См. 2-9.

¹⁸Все трудности и радости позади.

¹⁹См. 2-11.

Как сообщила Тамара Айзикова, их общий с Аней дедушка по материнской линии Ехиль Рабинович имел звание раввина, но работал учителем. Был очень беден. Мучительно собирал плату за уроки – не платили по много месяцев. Угощали, но не платили. После угощения ему было неудобно говорить о деньгах. Бабушка Ханна была великая труженица. С трудом удавалось хоть как-то накормить семью – и то не всегда. Одежду детям не покупали, всё шила сама. Каждый день пекла свежий хлеб, но ели вчерашний – из экономии. Как бы ни было трудно, но на праздники, особенно на Песах, бабушка готовила очень вкусную еду. Потом произошла революция. Во время Гражданской войны спасались от погромщиков тем, что сына Давида клали в постель и говорили, что у него тиф.

Судьбы Аниных и моих родителей были очень различны. Мои родители происходили из весьма зажиточных семей и, хотя после смерти папиной мамы семья обеднела, папа успел до революции стать бизнесменом среднего уровня. Поэтому после революции мои родители подвергались тяжёлым преследованиям и должны были бороться за выживание. Анины родители происходили из бедных семей. Как многие евреи, страдавшие от российского антисемитизма, особенно из бедных слоёв населения, Анин отец вступил в коммунистическую партию, участвовал в Гражданской войне и сделал успешную карьеру (в первые годы советская власть не мешала евреям занимать любые посты).

Наум Львович (Нохум) Эренбург родился в 1897 году в селе Щедрин (теперь это Беларусь). В 16 лет начал зарабатывать, давал частные уроки еврейского языка. Наум Львович (я буду называть его этим привычным для меня именем) всю жизнь читал на идише, иврите, выписывал еврейский журнал. Высоко ценил Бялика. В 17 лет переехал в Екатеринослав и начал работать на заводах резчиком труб, потом вагранщиком (металлургом). В мае 1919 года вступил добровольно в Красную армию. В 1920 году был принят в члены Коммунистической партии. После окончания курсов в 1921 году был направлен помощником военного коменданта станции Волноваха, потом станции Харьков, затем станции Люботин.

В том же году Наум Львович женился на своей двоюродной сестре Басе Ефимовне Рабинович. Через год у них родилась дочь Аня. Потом родилась, но вскоре заболела и умерла ещё одна дочь. В августе этого года он был демобилизован из Красной армии. Поступил на железную дорогу тарифоведом в Днепропетровске, в 1924 году – заместителем начальника городской станции в Сталино, в 1925 году – на ту же должность в Николаеве, в 1926 году – в Мариуполе. Через 2 года стал заместителем начальника коммерческого отдела управления железной дороги в Днепропетровске. Летом 1930 года был членом президиума районного Совета депутатов трудящихся и заведующим районным торговым отделом Днепропетровского сельского района. В 1930-31 годы работал в Днепропетровске инженером-экономистом управления железной дороги.

В 1931 году в числе тысячи коммунистов (так называемых парттысячников) он был направлен на учёбу. Поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта в Днепропетровске. Одновременно с учёбой работал в том же институте ассистентом кафедры марксизма-ленинизма. В 1936 году закончил институт с хорошими отметками (дипломный проект защитил на “отлично”). Поступил в Днепропетровский проектный институт железнодорожного транспорта (Днепрогипротранс), где в течение 19 лет ра-

ботал в должностях старшего инженера, начальника изыскательской партии, начальника титула, начальника экспедиции, главного инженера проекта, главного инженера проектно-изыскательского отдела, начальника отдела изысканий, главного инженера экспедиции. Железнодорожники имели звания и носили форму, подобно военнослужащим. У Аниного отца было звание инженер-майора.

Когда в ходе Отечественной войны был освобождён Днепрпетровск, Наум Львович был направлен туда проектировать восстановление железных дорог. Там он разыскал племянницу жены, жертву Холокоста Беллу (об этом – ниже) и удочерил её. Анин отец был награждён медалями “За боевые заслуги” и “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.” Ему было присвоено звание “Почётный железнодорожник,” которое давало ряд льгот, в частности, ежегодный бесплатный проезд по СССР.

Но в 50-ые годы выяснилось, что у Аниного отца в Америке есть брат, с которым он иногда (редко) переписывался и что Наум Львович скрывал этот факт. Попытка объяснить, что этот брат был членом Американской коммунистической партии, подвергался преследованиям, из-за чего вынужден был переменить фамилию, не помогла. Анин отец был лишён допуска к секретным документам, в связи с этим понижен в должности и в августе 1953 года, в возрасте 56 лет, досрочно то ли отправлен, то ли сам ушёл на пенсию, как сказано в приказе, “по состоянию здоровья.” Тем не менее Наум Львович до конца жизни сохранял какую-то наивную веру в партию, когда уже мало кто верил партийной пропаганде. Помню, как я рассматривал в газете снимок парада на Красной площади в Москве, чтобы по размещению руководителей на трибуне определить их места в партийной иерархии. Наум Львович сказал, что каждый стал, где хотел, где было место.

Об Аниной маме, к сожалению, могу рассказать немного. Никаких документов, кроме свидетельства о смерти, не сохранилось. Кое-что узнал от её племянниц и внуков. Использую также свои воспоминания. Бася Ефимовна родилась в 1907 году. Видимо, где-то училась (возможно, у своего отца), так как всю жизнь любила читать. После замужества вела домашнее хозяйство. Только во время войны работала, в частности, надомницей-швейей. Была великая труженица. Наум Львович старался чем-то помочь – я помню, как они вдвоём мыли посуду: она мыла, он вытирал. Но он часто и надолго уезжал в командировки, экспедиции, и она справлялась одна. В квартире всегда было чисто. Соседки удивлялись, как она всё успевала. Бася Ефимовна была умная женщина. Проявляла скептическое отношение к официальной пропаганде, хотя с мужем, по-видимому, не спорила. У них днём не выключалось радио. И я помню, как она комментировала передачи на политические темы. Ми клапт ин чайник,- говорила она на идише, что в переводе означает: бьют в чайник, то есть- пустая барабанная трескотня. По поводу Большого террора говорила, что один-два человека могут быть врагами народа, но все не могут. Помню её высказывания на идише: этот мир – тоже мир (то есть не следует пренебрегать радостями земной жизни). Иронически говорила: богачи – великие экономисты – это о поговорке, что мы не настолько богаты, чтоб покупать дешёвые вещи (которые, мол, скоро придётся выбросить). Аня очень тепло отзывалась о родителях, говорила, что они были ответственны, гостеприимны, дружны.

Они очень любили внуков. Лёня жил с ними до трёх лет. Потом, когда мы сняли отдельную квартиру без удобств, Аня возила детей на выходные к родителям, там купала их, бабушка ремонтировала их одежду и т.д. Дедушка водил их в парк, читал им, в частности, когда Тома ела. Как-то дедушка, устав от их баловства, предложил сделать перерыв в этих воскресных посещениях. Но в среду передал, что он уже отдохнул и пусть приезжают. Когда Тома захотела учиться музыке, сделали очень дорогой подарок – пианино. Кстати, к нашей с Аней свадьбе они подарили нам Большую Советскую Энциклопедию, которую Наум Львович собирал свыше 25 лет. И внуки любили их. Когда девочка Света назвала Наума Львовича дедушкой, Тома спорила: “Это мой дедушка, а не твой!”

Они оба были больные люди. Бася Ефимовна страдала от холецистита. Постоянно соблюдала диету. В октябре 1959 года из-за обострения болезни легла в больницу. 30 октября 1959 года в возрасте 62 лет скончалась от перитонита на почве флегмонозного холецистита. Похоронена в Днепропетровске, на новом кладбище. Наум Львович женился на её сестре Софье Ефимовне. В 1965 году они, обменяв квартиру, переехали в Москву, где жила дочь Софьи Ефимовны Тамара с семьёй. 24 марта 1968 года Наум Львович, у которого был рак желудка, умер в онкологической больнице, как записано в свидетельстве о смерти, от печёночной недостаточности. Кремирован и похоронен на Новодачном кладбище, в Долгопрудном. Участок No 6, рядом со свёкром Тамары Айзиковой.

Мои и Анины родители и их родители не исчезли бесследно. Они продолжают в нас. И их имена перешли к их потомкам. Аня (Ханна) получила имя бабушки и прабабушки. После Аниной гибели этим именем названа наша правнучка. Это же имя носит наша внучка. Софа (Сарра) носит имя бабушки. Лёня получил еврейское имя Лейб Лейвик в память двух прадедушек. Оно созвучно и с его гражданским именем Леонид. Внучка Маша (Мириам) носит имя моей мамы, а её дочь Бася – имя Аниной мамы. Имя внучки Наоми связано с именем Аниного папы.

Вот снимки: (1)²⁰, (2)²¹, (3)²², (4)²³, (5)²⁴, (6)²⁵, (7)²⁶, (8)²⁷.

4 Счастливое детство в несчастной стране.

*Ночью из дома я поспешу,
В кассе вокзала билет попрошу -
Может, впервые за тысячу лет:
Дайте до детства плацкартный билет.
Тихо кассирша ответит: билетов нет.
(Р. Рождественский, “Город детства”).*

²⁰ Аня с родителями и тётёй Софьей Ефимовной.

²¹ Анин папа.

²² Анина мама.

²³ Анин папа с Аней и Софьей Ефимовной.

²⁴ Аня с родителями и родственниками (о них – в приложении).

²⁵ Анин папа.

²⁶ Жизнь отшумела.

²⁷ См. 3-7.

Рассказ о детстве начну с перечисления своих имён. Моё официальное имя было Анатолий Айзикович Левин. Моего папу все называли Александром, и меня обычно называли Анатолий Александрович. Моё еврейское имя – Нафтоли Херц бен Ицхак Айзек. Моё американское имя – Anatoly Alexander Levin. (В Америке имя Anatoly не популярно. Если кто-то захочет сохранить моё имя в потомстве, лучше, наверное, использовать моё еврейское библейское имя).

Я родился 24 июля 1923 г. (11 Ава 5683 г.) в Днепропетровске. Дата моего рождения причиняла мне в детстве большие огорчения. Дело в том, что моя сестра Софа (Сарра Зисэ) родилась 25 марта 1925 г. (29 Адата 5685 г.), и ей ежегодно устраивали именины, а мне – нет, потому что летом многие, в том числе часто и мы, уезжали из города. В этом же городе родились Аня и наши дети. Вот снимки: (1)²⁸, (2)²⁹.

Город Днепропетровск до революции назывался Екатеринослав, в честь основавшей его Екатерины Второй (Великой). Новое название города связано с Днепром, одной из самых больших рек Европы, и именем Петровского, революционера, потом одного из руководителей советской Украины - на Украине (теперь говорят в Украине), в отличие от России, города не переименовали.

Днепропетровск – один из старейших и крупнейших индустриальных центров Украины. До войны (здесь и дальше это означает Вторую мировую, Отечественную войну) там было больше 500 тысяч жителей, сейчас больше миллиона. Самая разнообразная промышленность, включая производство (прежде) ракет.

И вместе с тем это очень красивый, зелёный город, с прекрасными парками. На берегу Днепра – парк Шевченко, с аллеями роз, сирени и т.д, с пляжами и водными станциями, с летним театром под открытым небом, бесплатными концертами симфонического оркестра – я его называл парком интеллигенции. В центре города – молодёжный парк Чкалова с танцевальными площадками, парашютной вышкой, лодками на пруду, детской железной дорогой, где ходят настоящие поезда с маленькими вагонами; все железнодорожники, кроме машиниста, – дети школьного возраста. Парк Ленина (я называю не все) – тихий парк. Днём здесь родители и бабушки с детьми, вечером в аллеях встречались пары будущих родителей (в том числе и мы с Аней, благо её дом был близко).

Вот снимки: (3)³⁰, (4)³¹, (5)³², (6)³³.

Но в детстве для нас самым главным местом на Земле был не город, а двор нашего дома № 80 по Комсомольской улице. Самуил Маршак пишет: Дети нашего двора, вы его хозяева (взрослые во дворе появляются не часто). Нам с Софой повезло. У нашего трёхэтажного дома, в котором прошло наше детство и ранняя юность (17 лет у меня, 16 у Софы) был большой двор, отгороженный от улицы и соседних домов (у Ани была хорошая квартира, но не было своего двора, дом стоял посреди других домов, и Аня уходила играть к кузинам Зине и Нике, в их двор).

²⁸Я в двухлетнем возрасте.

²⁹Софа.

³⁰На Днепре.

³¹См. 4-3.

³²Вокзал.

³³Наша главная трамвайная остановка.

Бывший хозяин дома Кацнельсон вырастил во дворе фруктовые и декоративные деревья (абрикос, грушу, белую и чёрную шелковицы, клёны, акации, кусты сирени и др.). Мы особенно любили абрикосовое дерево. У него очень низко начинали расходиться причудливо изогнутые ветки, и мы на них часто сидели, как птицы. Нас было восемь и трое старших, которые с нами общались, но не часто играли.

Каждый имел свою ветку – сиденье. Иногда возникали споры, но моя ветка была верхняя, на неё никто не претендовал. Абрикосы обрывались ещё незрелыми, а груши росли очень высоко, добираться до них могли только мы с Гришкой. Но они до самой зимы не успевали созреть. Я и сейчас, если попадается твёрдая, незрелая груша, называю её воспоминанием детства. Шелковица поспевала, и мы, трое мальчишек, снабжали себя и девочек. Особенно ценилась белая – редкий сорт. Она очень сладкая и не пачкается.

А ещё росла трава, в которой было так хорошо – высокий бурьян, калачики, из которых девочки плели венки, жёлтые одуванчики – главные цветы моего непривлекательного детства (до сих пор мне жалко, когда их вырывают, как сорняки). И наконец был спуск в таинственный овраг, где росли папоротники и можно было откопать интересные вещи, например, красивые черепки от фарфоровой посуды (видимо, там когда-то сваливали мусор). Спускаться в овраг категорически запрещалось, так как за ним был ничем не отгороженный обрыв. Внизу стоял дом, третий этаж которого был на уровне нашего двора. Мы с Гришкой тем не менее спускались в овраг, а он, хоть и моложе меня и моего друга Миши, но посмелее, спускался даже в обрыв.

Перед отъездом в Америку мы побывали в родном городе и посетили наш дом. И надо же случиться такому невероятному совпадению, что через 44 года после того, как наша семья покинула этот дом, именно в день и час нашего последнего посещения, в нашем присутствии был ликвидирован двор нашего детства! Двор был залит асфальтом, снесены заборы, засыпан овраг. В одном из своих последних стихотворений Марина Цветаева написала:

Ребёнок растёт на асфальте
И будет жестоким – как он.

А где та крутая гора против нашего дома, на которую я с трудом взбирался за жёлтыми одуванчиками? Неужели вот этот холмик?

Там нас порою сводили с ума
Сосны до неба, до солнца дома.
Там по сугробам неслышно шла зима.
("Город детства").

Кстати о сугробах. Снег тогда на улицах не чистили, за исключением трамвайных путей. И это была прелесть! Дело не только в снежках, снежных бабах и детских санках – это и сейчас есть. Вместо авто-такси тогда были извозчики. Зимой они свои коляски с запряжёнными красивыми лошадьми переставляли с колёс на широкие сани. Верх коляски поднят, ноги накрыты ковром или медвежьей шкурой и ...но-о! И какой же

русско-еврейский не любит быстрой езды – плавной, не по камням, а по снегу – особенно если ему 5 лет! Эта радость была недешёвой и нечастой, но память – навсегда. Повседневным транспортом был трамвай, который в Екатеринославе начал ходить в 1898 г. – раньше, чем в Петербурге и Москве. Его зимние и летние вагоны были различными. Летом ходили открытые вагоны без боковых стен (привезены до революции бельгийской компанией, которая и организовала трамвайное движение на юге России).

От двора и улиц – к нашему дому. Мы увидели, что и он перестроен – в отличие от двора, в общем, к лучшему. Вместо шести больших квартир, в каждой из которых после революции жили по три семьи (с общей кухней и туалетом) сделали много небольших отдельных квартир со всеми удобствами. Три этажа превратили в четыре за счёт снижения высоты потолков. Но мой балкон! На снимке (7)³⁴ – наш дом во время этого последнего посещения. Справа вверху была наша квартира. Но вместо маленького балкона у нас был большой балкон во всю ширину нашей столовой. А снизу подымался огромный клён, который как раз на уровне нашего третьего этажа раскидывал свои ветви, охватывавшие летом густой листвой весь балкон – мы жили, как в лесу. Я на балконе летом спал в гамаке, который сплёл папа; мы там ели, занимались, читали – словом, жили.

И этого балкона нет. И клёна нет. Впрочем, и детства нашего нет, и нас там нет, так что успокойся, Толя, Anatoly Alexander Levin. А Кацнельсон так построил свой дом, что он стоит уже почти 100 лет, и его фундамент и стены выдержали такую реконструкцию. Но сам Кацнельсон не был таким крепким, как построенный им дом. Он скончался от инфаркта, когда у него после революции отобрали дом, оставив семье небольшую квартиру.

Мои систематические воспоминания начинаются с 5 лет. До этого помню только отдельные эпизоды. Мне три года, мы на берегу Азовского моря, в Бердянске. Там на пляже в это время ещё были отдельные купальни для мужчин и женщин. Вижу себя перебегающим от папы к маме и обратно. Самое яркое воспоминание – возвращение папы из поездки (это был период нэпа, и у папы ещё был бизнес). Папа привозил конфеты – ириски, но какие! Когда мы с Софой с огорчением видели дно коробки, конфеты кончились, – снимается это дно, а под ним опять полная коробка конфет! И в третий раз то же чудо! Много ли надо для счастья?

Запомните это, у кого есть или будут маленькие дети и внуки. Мои уже, слава Богу, выросли. Но есть правнуки. Я с ними редко вижусь – живём в разных городах. Но они всегда рады встрече с дедушкой Толей, который приносит конфеты.

С 5 лет помню многое. Вот утром я забираюсь к папе в кровать и говорю: давай решать задачи (моя учительница математики Антонина Андреевна сокрушалась, что я поступил не на математический факультет; сейчас я мог бы ей доложить, что это сделали мои дети). В кровати папа читал мне стихи; помню “Мойдодыр,” басни Крылова. Видимо, родительская кровать – самое любимое место для малых детей. Хотя по моей вине такие близкие отношения с папой продлились недолго, но папа всегда со мной охотно беседовал.

Помню, как во время нэпа я покупал хлеб в частной булочной и, что, конечно, было более интересно, мороженое. Мороженщик стоял на перекрестке, накладывал мороже-

³⁴ Дом нашего детства после реконструкции.

ное между двумя круглыми вафлями; его слизывали языком по кругу. Как это было вкусно! Помню, как оно подорожало с 5 до 15 копеек. Помню, как озорничал – уже в таком нежном возрасте. Спрашивал у прохожих, нет ли у них невесты 5 лет. Звонил соседям и убегал. Помню большое наводнение. Кто-то, наверное, пострадал – мы, малыши, об этом не знали. Но какая радость: по улице в гости на лодке! Я запомнил фамилию человека, к которому мы ездили (Рожанский) – таким сильным было впечатление. Летом на Днепре брали лодку и плыли на острова (папа хорошо грёб). А там – золотой песок, высокая лоза, разомлеешь на солнце, которого мы не боялись (потом дома мазались сметаной).

Когда на нашу семью обрушились описанные выше беды, родители приняли удары на себя, старались, чтобы мы ничего или почти ничего не почувствовали. Но я кое-что понимал. Помню, как мама, отбирая для починки наши одёжки, сказала: пусть враги наши носят такую одежду. Я спросил: кто наш враг – фининспектор? (налоговый инспектор). Мама ничего не ответила. Помню, как папин знакомый, у которого за неуплату налога должны были описать и вывезти имущество, принёс к нам двух больших гусей, которые долго жили у нас на балконе. Также помню, как маму (папа работал в другом городе) вместе с другими лишенцами выгоняли на чистку от снега трамвайных путей. Мама поехала с нами, показала, что у неё малые дети, которых не на кого оставить, и её освободили.

Чтобы скрывать от нас то, что нам не нужно было знать, переходили на идише. Поэтому мы с Софой скоро научились понимать этот язык. Позднее я немного научился и читать. Я нашёл у бабушки книжку на идише – рассказ Шолом-Алейхема “Гимназия.” Так как имя автора и название были напечатаны на русском и на идише, я узнал 13 еврейских букв (в языке идиш гласные обозначаются отдельными буквами; используются алеф, аин и другие буквы). Затем я стал искать знакомые слова, в которых были известные и одна неизвестная буква. Узнав таким образом алфавит, прочитал рассказ. Это было нелегко, так что текст (начало) врезался в память. Немного почитал бабушкин Сидур – там сверху был текст на иврите, внизу на идише. Больше читать на идише не стал, хотя язык мне нравится. Жаль, что он исчезает (внесён в Красную книгу языков), и спасибо раввинам и другим, в семьях которых живёт этот язык.

Наше раннее детство прошло в еврейской религиозной обстановке.

Я все дошкольные годы верил в Бога, удивляя старших мальчиков-школьников. Даже высказал папе такую мысль: может быть, мы всю неделю спим и только в субботу просыпаемся. Странная мысль, но она говорит о том, как торжественно у нас отмечалась суббота. Помню вкус замечательных блюд маминой еврейской кухни. Также помню игру в орехи, стрельбу из лука в соответствующие праздники.

Мы с папой ходили в синагогу, где сидели на почётном месте, за бимой, лицом к молящимся (папа был габе).

Когда мне исполнилось 5 лет, папа попытался учить меня ивриту. Он пел мне песню “Хомей шоним” – о мальчике, который в 5 лет идёт в хедер, прощается с игрушками, но говорит, что после занятий вернётся к ним снова. У папы не было учебников, только религиозные книги. Мы надели шапки, и началось учение. Папа показал мне буквы, прочитал “Борух Ато ...” Я спросил, что это значит. Папа ответил: потом узнаешь. Я заплакал, и на этом учение кончилось. Однажды я видел Илью-пророка (Элию). Когда

во время пасхального седера наполнили бокал вина для Элии, меня послали открыть для него дверь. Я вышел в тёмный коридор и увидел что-то похожее на молнию. Я вернулся и объявил об этом. Меня не стали тогда разочаровывать. Позже я узнал, что искра пробежала из-за неисправности выключателя.

Помню, как перед праздником Йом Кипур над моей головой вращали петуха, совершая капорес – не деньги, а живого петуха (кстати, мне до сих пор памятное с детства ашкеназийское произношение: капорес, Сукес, Шабес и т.д. ближе, чем принятое сейчас сефардское). А петухов и кур мне приходилось относить к резнику – к сожалению: не следовало ребёнку показывать, как бьётся птица с перерезанным горлом. Так же тяжело было видеть, как отрезанная мамой у живой рыбы голова продолжала открывать и закрывать рот. И как моя кошка забавляется с пойманной мышкой – куснёт и отпустит, ждёт, чтоб та попыталась убежать, а потом съедает. Резника Рагозина арестовали вместе с главным раввином Днепропетровска Леви Ицхак Шнеерсоном, отцом Менахем Мендл Шнеерсона, седьмого Любавичского ребе.

Довелось мне видеть в нашем доме настоящего цадика, приехавшего из Белоруссии. Помню этого высокого красивого старика с белоснежной бородой, бывшего, как мне сказали, царского солдата. С каким почтением его принимали! Прямо смотрели ему в рот, ловили каждое слово. Только и слышалось: “Реб Шмуль Ехиел, реб Шмуль Ехиел!” Из его высказываний запомнил одно. Во время обеда он сказал: в такой грубой стране (восточная Украина считалась недостаточно религиозной) – такие нежные плоды! Это о помидорах. И действительно, ни в Италии, ни в Америке – нигде я не видел таких томатов, с таким запахом и вкусом, как на Украине.

У нашей бабушки (улица К. Либкнехта, дом No 22) пасхальный седер проводился до самой войны. Я уже был, как и почти вся молодёжь, нерелигиозным комсомольцем и спросил у дяди Абраши, коммуниста, следует ли нам участвовать. Он ответил, что, из уважения к бабушке, следует. Позже в Дагестане я увидел, что у мусульман таких сомнений не было – коммунисты открыто участвовали в религиозных обрядах.

Днепропетровск – большой современный город. В бытовом отношении у нас в семье ничего или почти ничего, кроме религиозных традиций (и то недолго) и языка идиш не напоминало о быте маленьких еврейских городов, местечек. Но отдельные детали в бабушкиной семье и в соседнем дворе я ещё застал. Например, бабушка, как и другие еврейские женщины, всю жизнь собирала гусиный пух для подушек и, главное, перин. Эти перины обычно входили в приданое невесты. На них не только спали, как у Гоголевской Коробочки, но ими и укрывались. Мне довелось у бабушки спать в такой пуховой постели, под лёгкой и тёплой периной.

В нашем доме в основном жили уважаемые евреи, которым квартиры сдал ещё Кацнельсон (правда, потом были подселены другие люди. Рядом с нами вместо выселенной семьи нэпмана Мирецкого поселилась семья рабочего – антисемита Трофимова). А рядом с нашим домом находился Аронкин двор, как мы его называли по имени мальчишки Арона, который дружил с нашим Гришкой и иногда появлялся на нашем дворе (в нашем доме таких имён детям уже не давали). В Аронкином дворе, в отдельных маленьких домиках, жили сапожники, торговки с недалёкой Озёрки, большого и живописного главного днепропетровского базара, и другие. Там часто происходили какие-то громкие скандалы, причём вне домиков, прямо во дворе.

Вероятно, в местечках, откуда приехали эти люди, было всякое – и очень высокое, и не очень. Почитайте Шолом-Алейхема. Как замечательно описал он жизнь в этих местечках, с каким великолепным еврейским юмором и сочувствием, особенно к беднякам, страдавшим не только от погромов, но и от своих богачей. Максим Горький, любивший евреев, писал Шолом -Алейхему: “Книгу Вашу прочёл. Смеялся и плакал. Чудесная книга!” – это о повести “Мальчик Мотл.”

Теперь перемахнём через забор из Аронкиного в наш двор, где прошли лучшие часы нашего детства. Представляю моего друга детства – лучшего у меня никогда не было. Миша Бабицкий был старше меня на два года. Очень серьёзный, успешно учился игре на скрипке (чтоб никому не мешать, на кухне, поздно вечером, когда там уже никого не было). Внимательный слушатель, в отличие от многих детей и подростков (да и взрослых), предпочитающих самим говорить. Мы с Мишей дружили все 17 лет, поссорились только один раз за все годы. Не помню причины, но ссора была основательной – продолжалась два года! Помню, как мы с ним разделили общий коридор на две части – наша и ваша. Помирили нас, притащив меня на его день рождения. Существовала формула примирения. Надо было скрестить мизинцы и вместе сказать: в мире, в мире навсегда, кто поссорится – свинья. На снимке (8)³⁵ Миша (в морской форме), я и Юра Златин (в очках)- Мишин школьный товарищ, умница, приятный человек. Я Юру встречал и раньше, но хорошо узнал и полюбил в Москве, где мы вместе учились (он поступил раньше). Там и был сделан этот снимок, когда Миша, призванный после окончания школы в военно-морской флот, перед войной был в Москве проездом. Снимок оказался прощальным – Миша и Юра погибли на войне.

А пока все живы, и мы с Мишей свистом вызываем друг друга во двор. Как играют дети в Америке? Наверное, в чём-то похоже, а в чём-то иначе, чем мы.

У нас было мало игрушек, и вообще мы не были избалованы. Каждая покупка была событием. Помню, как мне купили радио-наушники (до этого у нас вообще не было радио). Все легли спать, и я лёг и включил в первый раз новенькие наушники. И в тишине, прямо в мои уши, негромко зазвучали песни! Я помню их до сих пор: “И кто его знает,” “Так будьте здоровы.” Потом выступил юморист Владимир Хенкин. Телевидения тогда ещё вообще не было. Помню, как на именины к одной девочке папа-киномеханик привёз домой киноаппарат и показал “Приключения барона Мюнхаузена.” Представляете, кино – дома! Нет, вы, у которых телевизор уже в кармане, представить себе это чудо не можете. Таким образом, мы должны были в основном развлекать себя сами, и мы делали это совсем неплохо.

Летом мы играли в ловитки. Определялся ведущий с помощью считалки, особого стихотворения. Например: На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, а ты кто такой? Каждый произносил по одному слову, и тот, кто сказал последнее слово, становился ведущим. Все разбежались, он ловил, и пойманный становился ведущим. Я особенно любил жмурки или прятки. Особым шиком считалось спрятаться в неожиданном месте. Например, Гришка (так почему-то его все называли, Мишу никто не называл Мишкой) сумел однажды тихо подняться на дерево, под которым стоял с завязанными глазами ведущий! В другой раз я спрятался в

³⁵Мы с Мишей (сидит) и Юрой (справа).

закрытом на замок сарае, проникнув туда сквозь щель в крыше. Посреди нашего двора лежало дерево – огромный дуб. Кто-то привёз его на дрова, но, очевидно, не смог распилить. Мы соревновались – кто сколько раз сможет обежать вокруг дуба. Получалось 10, 12 раз. Я пробежал трусцой 12 раз и решил бежать ещё. Пробежал 15, 17 и чувствую, что не устал. Удивляя всех и самого себя, бегу. 20, 30, 50, 100, 110 кругов! Все разошлись, и я остановился.

Иногда играли в футбол с соседним двором – не с Аронкиным, а с Абрамкиным, с другой стороны. Я был хавбек (полузащитник). Тогда ещё не было такого патриотизма, употреблялись английские названия голкипер, корнер и т.д. – ведь футбол пришёл в Россию из Англии со своими терминами, так же как, например, кораблестроение из Нидерландов (гавань, матрос, балласт и т.д.), а из русского в другие языки не только погром, водка, царь, большевик, но и космонавт, интеллигенция, Большой балет и другие. Помню, как интересно обошёл меня однажды нападающий Абрамка (впоследствии видный инженер). Мы играли рядом с сараем. Когда я находился перед Абрамом, он поддал мяч на сарай, мяч по инерции прокатился немного по сараю и скатился вниз за моей спиной. Пока я смотрел на крышу сарая, Абрам пробежал мимо меня и забил гол. Это было остроумно, хотя незаконно – ведь сарай был вне поля, и мяч, попавший в аут, был уже вне игры. Всё это меня до сих пор немного волнует (важное событие на фоне Второй мировой войны, не правда ли?). Я не стал футболистом, но те игры, в которые играл (ещё волейбол), понимаю и иногда смотрю по телевизору. И те виды спорта, которыми немного занимался – бег, прыжки, гимнастика на снарядах (заставляли в университете), плавание, гребля, лыжи, коньки и некоторые другие – мне интересны, хотя к болельщикам (фанатам) я себя не отношу.

Вечерами и в плохую погоду играли сидя. Я особенно любил игру в 15 вопросов (в Америке даётся 20 вопросов) и игры на внимание, основанные на запретах. Например, все по очереди называют числа натурального ряда, за исключением оканчивающихся или делящихся на 3. Кто ошибся, выбывает, пока не останется один – победитель. Или надо отвечать на вопросы, избегая слов да, нет, чёрное, белое: Тебя зовут Толя? – Меня зовут Толя. Кто ошибся, отдаёт фант (залог). Потом выкупает его, сплясав или спев что-нибудь. Играете ли вы в морской бой? К стыду своему, признаюсь, что мы играли не только дома, но и на уроках. Играли в пашки и шахматы. Шахматы люблю и часто играю до сих пор – какая чудесная игра, даже на моём любительском уровне.

Но вот во время самого разгара какой-то игры с балкона раздаётся папин голос: Толя, Софа, домой! Вся компания подбегает к балкону и хором кричит: ещё полчаса! Ещё полчаса! Если повторного приказа нет, значит, получена амнистия; если повторяется – надо уходить. Однажды мы подготовили кукольный спектакль по пушкинской “Сказке о царе Салтане.” В это время вся страна переживала по поводу гибели самого большого самолёта, “Максим Горький,” вместе с экипажем (о гибели миллионов людей, например, из-за голода на Украине, газеты не сообщали). Был объявлен сбор денег для постройки нового самолёта. Мы решили внести свой вклад. Распространили среди жильцов нашего дома билеты. Девочки сшили кукол. Я был Салтаном, Миша – Гвидоном. В программе был также концерт (мама переживала, что Миша играл на скрипке лучше, чем я). Зрители пришли со своими стульями. Вырученные деньги мы отнесли в редакцию газеты.

Были среди развлечений и розыгрыши, и не очень приятные дразнилки. Однажды пришла Мишина сестра Лиля и спросила, где Софа. У меня в руках была спичечная коробка. Я сказал: в этой коробке. – Ты обманываешь! – Посмотри сама, с серьёзным видом ответил я. И Лиля, уже школьница, открыла коробку и посмотрела! Я и сейчас пишу об этом и хохочу. А вот не такой безобидный эпизод. Мама купила и дала нам черешню. Мы с Софой разделили её и стали есть. Я старался есть медленно, а когда Софа съела, показал ей свою и запел, противный мальчишка: хочется, хочется и не перехочется!

Мы и животные. Ни у наших родителей, ни у нас, ни у наших детей никогда не было собаки. А жаль. Славные, умные, привязчивые существа. Конечно, с ними немало хлопот. Мой двоюродный брат Марик, живущий в Москве, почти каждый день, какая бы ни была погода, гулял с Джерри (потом была другая собака); они были для них с Любой членами семьи. Но ведь гулять на воздухе полезно, так что можно сказать, что и собаки выгуливают своих хозяев. У нас в доме жил охотник Корнеев, и у него была прекрасная собака Альфа (потом Бета), ирландские сеттеры, большие, с гладкой коричневой шерстью, спокойные, воспитанные. Корнеев общался с ними по-английски (даун – ложись) или по – французски (ту бо – всё хорошо, то есть то же самое, лежи спокойно). Была у Гриши белая собачка Марс.

А нашими друзьями всю жизнь были кошки – и в детстве, и потом, и у наших детей, и у некоторых внуков (я здесь, как и в других местах, чтоб не возвращаться к затронутой теме, отступаю от хронологической последовательности и связываю рассказ с тем, что было позднее). Любимую кошку моего детства звали Тамара. Потом выяснилось, что это еврейское имя. Так же впоследствии мы назвали нашу ещё более любимую дочь. Моя кошка была красивого коричневого цвета. Тома тоже красивая шатенка. Они обе были хорошо воспитаны, обе хорошо ко мне относились. Моя дочь верит в переселение душ. Кто знает? (Я покажу Томе этот пассаж. Если он останется в тексте, значит, с чувством юмора у нас всё в порядке).

Считается, что кошки, в отличие от собак, привязываются к месту, а не к людям. Но это не совсем так. У Ани в детстве была кошка, которая знала время её возвращения из школы (и, следовательно, кормления) и встречала её за квартал от дома. Однажды у нас с Аней, уже взрослых, пропала кошка. Примерно через месяц мы возвращались ночью домой, как вдруг довольно далеко от дома услышали с дерева: мяу! Я подумал, что это, возможно, наша кошка, позвал её, и это была она, сильно похудевшая. Спрыгнула на землю (как известно, кошки всегда мягко приземляются на свои 4 лапы) и пошла за нами.

Когда у моей первой кошки, Тамары, родились четверо котят (у Тома тоже родились четверо детей, но не сразу, а постепенно), я устроил котят в спокойном и безопасном месте. В нашей квартире была общая ванная комната, которая использовалась не по прямому назначению, а как склад всякого барахла, а потом и как место моего заключения (вместо обычного “угла”). Над этой ванной был небольшой чердак, на который могли взобраться только кошка и я. Там я и устроил котят. Только те из вас, которые имели возможность наблюдать, как у котят прорезываются глазки, как они потом с каждым днём становятся активнее, игривее, могут понять, какая это радость.

Перенесясь сразу через 60 лет, расскажу об эпизоде из нашей американской жизни. В течение нескольких лет мы с Аней выезжали с внуками в летний лагерь в штате Мэн. Однажды внучка Анечка заявила, что хочет домой. Это было непонятно, так как детям там было хорошо. Выяснилось, что наступала годовщина (йорцайт) трагической гибели её любимого котика (попал под машину), и Анечка поехала, чтобы поставить свечу на его могиле. Возвращаясь назад. Когда котята подросли, я с огорчением отдал их в хорошие семьи. Так мы поступали всегда – о том, чтобы топить котят, у нас не могло быть и речи (даже писать об этом неприятно).

Тогда ещё не было принято кастрировать домашних животных. И это приводило к тому, что и городские дети, подобно сельским сверстникам, узнавали о взаимоотношении полов в животном мире раньше, чем это хотелось бы их родителям. Моя кошка была лишена невинности прямо у меня на глазах. Хотя это произошло, очевидно, по взаимному согласию (она от него не убежала), но она потом какое-то время извивалась на полу. Видели мы на улице и подобные отношения между собаками (дворнягами – аристократические Альфа и Бета ничего такого себе не позволяли). Эти наблюдения накладывались на информацию, получаемую от старших мальчишек из соседних дворов, иногда попадавших к нам. Потом к этому присоединялась запретная художественная литература (Мопассан и т.п.). В школах бесед на эти темы тогда не проводили.

Упомянутые чужие мальчишки приносили к нам бластные песни и вообще бластную романтику. Какое-то время меня это интересовало. Я даже сочинил продолжение известной песни “Мурка,” с моралью: если связался с такой братвой, нельзя своих предавать (я в детстве писал стихи; стихи были плохие, но маме и учителю Василию Ивановичу они нравились). Однажды с улицы прибежали к нам с криком: идём бить Извилистую улицу! Я не понимал, почему нужно бить эту улицу, но пошёл. К счастью, на Извилистой улице никого не оказалось.

Вот я с удовольствием вспомнил детские годы – сколько интересных и счастливых часов и минут! Теперь – задний ход. Детство наше, как и любого человека, вовсе не было таким безоблачным, как это кажется потом. Счастливые детство, юность – это воспоминания взрослого человека, который забыл многочисленные огорчения или не придаёт им значения. Но то, что потом вспоминается как мелочь, в детстве воспринимается иначе. Так, к счастью, устроена память, что хорошее запоминается лучше, чем плохое. А плохого было немало.

Дело не только в общественном строе. Посмотрим вокруг, в благословенной Америке – сколько детского плача, крика – это от счастья, что ли? Сколько дети получают неприятных замечаний, запретов, наказаний! То же самое потом в школе, плюс переживания из-за опросов, экзаменов, отметок. И конфликты между собой – точно так же, как у взрослых, и даже острее. Меня, например, дразнили (правда, чужие, свои – никогда) из-за заикания и нистагма (постоянного движения глаз).

Я выше упомянул, что у Гриши была белая собачка Марс. Однажды я гулял во дворе; Марс был недалеко от меня. И из дома, который стоял внизу, в обрыве, кто-то выстрелил из рогатки и выбил у Марса глаз. Собачка завизжала и с бешеной скоростью завертелась на месте. И я это видел. Одного этого воспоминания достаточно, чтобы признать относительность представления о счастливом детстве.

А болезни! Мы переболели почти всеми обычными детскими болезнями. Были и необычные. Например, Софа однажды получила страшный ожог, когда на неё опрокинулась большая кастрюля (или выварка) с кипятком. Много дней лежала раздетой под пологом вместо одеяла, испытывая мучительные боли.

Потом – трудный подростковый возраст, проблемы юности. Например, пелось в одной песне: на 10 девчонок по статистике 9 ребят (удивительное совпадение: в моём выпускном классе было 10 девчонок и 9 ребят. И за 10 лет ушли по разным причинам ...10 девчонок и 9 ребят! – всех помню поимённо). Эту песню интересно петь, но, как рассказала одна знакомая, какое мучение – во время танцев стоять или сидеть у стеночки и ждать, пригласят или нет. И так же, как у взрослых, и даже острее: любит – не любит? А ведь нам ещё повезло – наше детство прошло в период между войнами (и наши дети и внуки тоже выросли в мирное время).

В заключение хочу подтвердить известное утверждение, что в раннем детстве, примерно, до 5 лет, закладываются многие особенности личности. Помню, например, что у меня в раннем возрасте появилось тщеславие – любил, когда меня хвалили. Захваливание – это наркотик, к которому привыкаешь. И если меня не хвалили, сам начинал чем-то хвастаться (от Томи услышал шутку: себя не похвалишь – ходишь, как оплётанный).

Но в общем, в детстве было много хорошего, и это хорошее доминирует в памяти. В трудные минуты жизни светлые воспоминания придают оптимизма.

А билет в детство получить можно. Бесплатно. Откройте книгу Маршака, Чуковского, английских авторов и прочтите стихи, которые сначала читали вам, а потом вы сами читали в детстве.

5 Школьные годы. Образование в Советском Союзе.

В апреле 1931 года мама отвела меня в школу. Почему в апреле? В школу тогда принимали в 8 лет. Так что, хотя я до 7 лет хорошо читал (в 5 лет я самоучкой выучился читать – по вывескам магазинов и по витринам, в которых рядом с товарами были их названия), умел писать (левой рукой, печатными буквами), решал арифметические примеры и задачи, но поступить в школу в сентябре, когда мне было 7 лет, я не мог. Однако родители решили, что мне в следующем году в первом классе делать будет нечего, и мама уговорила принять меня в конце учебного года в первый класс с тем, чтобы я летом перешёл во второй. Это лишило меня с волнением ожидаемого дошкольниками торжественного дня 1 сентября (когда Рита, моя двоюродная сестра, пошла в школу, и я приехал к ним, чтобы поздравить, она встретила меня сообщением: а у нас завтра выходной! До этого у неё все дни были выходные, но теперь у неё был настоящий выходной).

Кстати, я думаю, что именно сентябрь следовало бы считать началом нового года. Январь от декабря отличается только условной календарной датой. Да и то многие народы – религиозные евреи и православные христиане, мусульмане, народы Дальнего Востока и другие – не считают 1 января началом нового года. Христиане вообще празднуют в основном Рождество, а не новогодие. А в сентябре начинается новый учебный

год – важное событие для школьников, их родителей, студентов, преподавателей. У многих после окончания летнего отдыха начинается новый рабочий год (в Америке это праздник – Labor Day). Заканчивается уборка урожая и начинается подготовка к новому циклу сельхозработ (в Южном полушарии начинаются весенние полевые работы). Начинается театральный сезон.

Что касается меня, то я был компенсирован за потерю праздника 1 сентября тем, что этот день стал для меня знаменательным на следующие 52 года учёбы и работы. Помню, как странно я себя чувствовал 1 сентября 1985 года, когда я вышел на пенсию (чтоб уехать в Америку). В моём институте и по всей стране торжественно начался новый учебный год, а я остался дома.

Но это будет не скоро. А сейчас хороший весенний день, и я с мамой выхожу на улицу и иду мимо девочек, которые играют в классы (прыгают по определённым правилам по начертанным мелом на асфальте квадратам) и не знают, что я иду в школу! Мы зашли в класс во время урока. Ксения Степановна сказала: ну, мальчик, напиши, как тебя зовут. Я не знал, где нужно писать; но, увидев на стене чёрную доску и мел, подошёл и написал: Толя Левин. Меня посадили рядом с Аней Бродской. Аня очень дружелюбно ко мне отнеслась, дала бумагу, карандаш (у меня в первый день ничего не было – мама не знала, что я сразу останусь). На дом было задано выучить стихотворение. Как я его учил! Я уже знал его наизусть, вместе с непонятными словами (помню “опояшем города,” то есть окружим каким-то поясом), но продолжал ходить по комнате и учил, учил.

Вскоре я оказался одним из самых отстающих учеников в классе, хотя я лучше всех читал и знал 4 действия арифметики. Но у меня был плохой почерк. Дело в том, что я левша и до школы писал левой рукой. В отличие от Америки, у нас левшей переучивали, но ни о какой каллиграфии уже не могло быть и речи. Плохой почерк у меня остался навсегда (спасибо тебе, компьютер, выручил!). Но когда стараюсь, могу писать нормально. Помню, как в 7 классе Николай Васильевич заставил меня 3 раза переписывать сочинение, а потом прочитал его классу, пронёс между рядами и сказал: вот вам новый Левин (начиная с 5 класса, а иногда и раньше, учеников у нас обычно называли по фамилии).

Мне запомнился один урок Ксении Степановны. В 3 классе она однажды вывела нас на улицу. Была ранняя весна, текли ручьи. В течение одного урока я усвоил и запомнил множество понятий физической географии: остров, полуостров, залив, пролив, приток, устье, дельта и т.д. (потом я рассказывал моим студентам об этом уроке).

В том же 3 классе началась история моих частых, но недолгих влюблённостей. Влюбился сразу в двух девочек из нашего класса – в одну больше, в другую поменьше. Не помню, во сне или наяву представлял себе нас троих на Днепре. Над нами голубое весеннее небо с небольшими белыми облаками, края которых пронизаны солнцем. Девочки в белых платяцах находятся в лодке, а я, незаметно, под лодкой. Время от времени я появляюсь и угощаю девочек. С удовольствием смотрю, как они молча едят что-то вкусное, полученное от меня. Наверное, это я фантазировал наяву, так как не помню, чтоб мне когда-нибудь снились цветные сны – только чёрно-белые.

Замечу кстати, что мне всю жизнь снятся сны с развитым сюжетом, психологической характеристикой персонажей – прямо художественные произведения (я никогда

не сочинял ни художественной прозы, ни пьес). Удивительно, что я и мои действия в каждом сновидении изображаются совершенно реалистично, а всё остальное часто выглядит фантастично, словно разные отделы мозга создавали их (об этом я и у Достоевского читал). Среди сновидений бывают, конечно, и неприятные. Какое удовольствие, пробудившись, понять, что это был только сон!

Когда я переходил в 5 класс, нас всех перевели в новую, большую школу, далеко от дома (1)³⁶. Хотя буквально рядом с нашим домом была другая школа, но мы захотели вместе со всеми перейти в ту, далёкую. Обычно добирались на трамвае, и я часто опаздывал. До сих пор отношусь к совам – так называют людей, которые поздно ложатся (я обычно в час ночи) и поздно встают. Можно позавидовать противоположному типу людей, жаворонкам, которым доступно утреннее, самое полезное солнце, утренний незагазованный воздух. Маме, чтобы поднять меня, приходилось стаскивать с меня одеяло. Совами стали и наши дети.

Когда мы пытались уговорить Тома раньше ложиться, чтоб раньше вставать, она отвечала: я не люблю спать вечером, а люблю утром. А когда подросла, протестовала против попыток поднять её, заявляя, что это её личная жизнь. Мама будила её словами: кончай личную жизнь. Сейчас Тома работает далеко от дома, рано встаёт и не высypается. Лёня недавно решительно перешёл к жаворонкам, и я вслед за ним тоже делаю это, но постепенно.

В 5 классе я стал отличником и оставался им до окончания школы, получал похвальные грамоты, а при окончании школы – так называемый золотой аттестат, дающий право поступить в вуз (высшее учебное заведение) без экзаменов. Позднее такой аттестат заменили золотой медалью.

Нам с образованием в общем, сравнительно с другими, повезло. Хотя уже в первые годы Советской власти было введено всеобщее бесплатное образование детей и неграмотных взрослых, но в 20-ые годы школьное обучение страдало из-за бесконечных экспериментов. Считалось, что в новом государстве нет места старой, буржуазной школе. Попытались ввести в школах демократию, которой не было в обществе. Школьники голосованием выбирали учителей. Были отменены отметки, только – успевает, не успевает. Отменили домашние задания (здорово!). Вместо учебных предметов пытались ввести известный на Западе (то есть вполне буржуазный) метод проектов и так далее. Выяснилось, что все эти новшества привели к резкому снижению уровня знаний. И в начале 30-ых годов, то есть как раз к нашему поступлению в школу, её вернули в нормальное состояние.

Русская школа всегда была ближе к европейской, особенно к строгой немецкой, чем к либеральной американской. Неуспевающих учеников оставляли в том же классе на второй, а иногда и на третий год. Поскольку в СССР государство несло все расходы на просвещение, повторное обучение миллионов второ- и третьегонников ложилось дополнительным бременем на бюджет государства. И органы народного образования стали давить на школы и учителей, чтобы снизить количество неуспевающих учеников. Возникло соревнование между школами – у кого выше процент успеваемости. Сначала оно было официальным, но потом, когда институты обнаружили слабую подготовку

³⁶Наша школа.

студентов, это соревнование было отменено, однако неофициально продолжалось. Я помню, как на традиционном августовском, перед началом учебного года, совещании, партийный руководитель упрекал учителей: наши передовые рабочие выполняют производственный план на 150, 200 и больше процентов, а вы даже 100 процентов успеваемости не можете добиться! Такие люди руководили нами.

Но те, кто хотел учиться, у кого родители придавали этому первостепенное значение, могли получить хорошее образование. В частности, у евреев, как известно, всегда ценилось образование – это единственный народ, у которого все мальчики даже в средние века должны были учиться. Так что когда после Февральской революции была отменена процентная норма, ограничивавшая доступ евреев к образованию (такое положение сохранялось и при советской власти в течение тридцати лет, после чего эти ограничения были негласно восстановлены), евреи буквально ринулись за образованием. Многие добились больших успехов, стали выдающимися учёными, специалистами разных профессий.

Погоня за полной успеваемостью снижала также качество высшего образования. Оно было бесплатным, требовательность к студентам невысокой, так что многие молодые люди поступали в вузы без серьёзного желания учиться. Была такая песня: “От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год!”

Но и сессия, экзамены были обычно нетрудными. Студент брал один билет, обычно с тремя вопросами, и при более или менее правильном ответе считалось, что он усвоил весь курс. Это было нечто вроде лотереи. И при этом ещё процветали шпаргалки – тайно приносимые на экзамен ответы на вопросы.

В институтах, как и в школах, стремились избежать отсева, довести всех или почти всех студентов до выпуска, чтобы государственные расходы не пропали даром. Помню, как ректор педагогического института Кобзев говорил на собрании преподавателей: я вас не призываю снижать требовательность к студентам. Но помните, что нам положено иметь одного преподавателя на 12 студентов. При отчислении 12 студентов мы обязаны сократить одного преподавателя.

Я имел возможность сравнить отношение к учёбе советских и американских студентов – медиков, присутствовавших во время моих визитов к врачам. Американские внимательно слушали объяснение, не отрываясь, рассматривали то, что им показывали. Советские смотрели в окно, беседовали на разные темы. Поэтому так трудно советским врачам сдать в Америке экзамен, на котором нужно ответить не на три случайно попавшихся, а на все вопросы по предмету. В своей знаменитой Фултонской речи Черчилль сказал, что одна из главных опасностей со стороны Советского Союза, опустившего в Европе железный занавес, связана с числом выпускаемых в СССР инженеров. Но он не сказал, а возможно, и не знал, каково было качество подготовки этих инженеров.

Особенно слабым было заочное обучение (студенты, совмещавшие учёбу с работой, занимались самостоятельно и каждый год приезжали два раза на сессию). Вспоминаю такой случай. Однажды, после того, как я окончил университет, ко мне обратился мой школьный товарищ Костя. Он учился заочно на филологическом факультете университета. Легко сдавал все экзамены, но попросил помочь ему по латинскому языку. Я показал ему, как читаются буквы и их сочетания. Договорились о следующей встрече,

но он не пришёл. Потом он сказал мне, что сразу после нашего первого и последнего занятия он пошёл и сдал этот двухлетний курс!

Конечно, в разных вузах, как и в разных школах, и даже в пределах одного и того же учебного заведения, уровень работы был различным. Студенты и школьники, которые хотели учиться, преподаватели, которые серьёзно относились к своей работе, добивались успеха.

Возвращаясь к рассказу о моей учёбе. Нельзя сказать, чтобы я был прилежным учеником. Письменные задания выполнял (они проверялись). Получив новые учебники, сразу с интересом прочитывал их (наши учебники, в отличие от американских, были небольшие). Потом устные задания выполнял выборочно. Охотно учил наизусть стихи (наверно, потому что охотно, многие помню до сих пор). Прочитал почти все книги из списков обязательной и дополнительно рекомендованной литературы. Книги мне доставала мама. Только две книги мама не достала: “Айвенго” В. Скотта и книгу о фольклоре какого-то Глобы. Из письменных заданий очень не любил и старался избегать механические, нетворческие. Учительница украинского языка Дора Степановна заставляла нас каждый день переписывать страницу украинского текста. Так как проверялась только дата, я переделывал даты на прежних страницах. К счастью, это было возможно далеко не всегда, и хотя у нас было всего 2 урока в неделю, и в городе нашем (в центре) все говорили по-русски, я овладел украинским языком, даже читал лекции на украинском.

Любил писать сочинения. Поскольку само произведение уже было прочитано, я в сочинениях старался выражать своё понимание его. Как и потом, в научной работе, прежде, чем начать писать текст, я долго продумывал, вынашивал его. К этому нужно прибавить, что я, к сожалению, часто откладываю работу, в отличие от Софы, которая, умница, старается любую работу делать сразу. Вследствие всего этого, я иногда писал по ночам, обливая голову холодной водой. Сочинения получались большие, и я их часто сдавал с опозданием. Однажды, в 9 классе, сочинение, которое заняло 2 тетради, писал так долго, что уже боялся его сдать. Мама отнесла его учителю. Обрато я его ещё не получил. Позднее, став педагогом, я понял – что учителю больше делать было нечего, как только читать сочинение такого объёма? Кстати, когда мы в Америке учились в колледже, мы нередко также не получали обратно свои работы – только отметки. Лично я любил работу и в школе, и в институте – кроме проверки письменных работ.

Я никогда не пользовался шпаргалками, за исключением одного случая. Не списывал у других домашние задания и контрольные работы и другим не давал списывать у меня, не подсказывал. Но охотно помогал. Все привыкли и не обижались. Упомянутый единственный случай произошел, когда я учился в Московском университете на 4 курсе. Мы сдавали экзамен по политэкономии социализма. Было известно, что экзаменатор, профессор Гальперин, раздаёт билеты и надолго уходит. Ну как тут было устоять? Однако когда я со своими конспектами подходил к университету, я встретил профессора. Один раз захотел согрешить, а он уже раздал билеты и вторично, конечно, выходить не будет! Увидев меня, он достал из кармана билет и дал мне. Хэппи энд!

О списывании сочинений хочу сказать отдельно. Как только объявляется сочинение, ученики и их родители начинают искать книги, статьи, сочинения предыдущих поколений школьников. Это большая беда. Дело не в сочинениях самих по себе. По-

чти никому после школы не приходится писать сочинения на литературные темы. Но школьные сочинения, если ученик их сочиняет, а не списывает, учат мыслить и выражать свои мысли. Если работник любой профессии не любит и не умеет творчески относиться к делу, если человек не в состоянии связать несколько фраз, доля вины ложится на учителя, который положительно оценивал явно списанные работы. А это всегда можно определить. Плагиат, представление чужих работ в качестве своих, как и другие виды обмана в школах, также играет немалую роль в развитии склонности ко всякому жульничеству. В Советском Союзе очень многие считали нормальным, например, тащить с производства всё, что плохо лежит. Чтобы избежать недоразумения, нужно прибавить очевидное. Использование при подготовке своих сочинений печатных работ, конечно, не только допустимо, но часто даже необходимо. Однако при этом общего указания на использованные источники недостаточно. В тексте должны быть чётко отделены свои мысли от чужих, цитированных или пересказанных.

По математике я охотно решал задачи, но не любил однообразные примеры. Недавно Софа напомнила мне, как я её эксплуатировал. Надо было решить уйму примеров на извлечение квадратного корня. Примеры были лёгкие, но отнимали много времени. Я привлёк Софу. Она вписывала в мою тетрадь знаки извлечения корня, а я вставлял цифры (ей помнится, что и цифры она вставляла, хотя о квадратных корнях ещё ничего не знала – в конце задачника давались ответы).

В отношении задач помню такой случай. Никак не получалась задача по геометрии. Наступила ночь, все спали, а я продолжал попытки. Не мог примириться с мыслью, что Женя Панченко решит, а я нет. Под утро задача была решена. Панченко тоже решил её ночью. Оказалось, что мы, не зная этого, самостоятельно доказали теорему о свойстве биссектрисы внешнего угла треугольника, которая была необходима для решения задачи. Задачник по стереометрии был построен на основе нового учебника, по которому мы учились. Но планиметрию мы учили по старому учебнику, в котором этой теоремы не было (была только теорема о биссектрисе внутреннего угла).

В связи с математикой вспомнил ещё один эпизод. Родители выписали нам газету “Пионерская правда” (пионерами, или юными ленинцами, были все школьники с третьего по седьмой класс, кроме тех, кого не принимали из-за плохого поведения). Я читал эту газету от названия до телефонов редакции, и было жалко, что всё прочитано. Там, кроме новостей и обычной пропаганды, печатались хорошие повести (“Золотой ключик или приключения Буратино,” “Гиперболоид инженера Гарина” А. Толстого и другие). Проводились различные конкурсы, в которых я участвовал. Решая одну задачу, я придумал метод решения уравнений сложением – я не знал, что это уже давно придумано; мы в школе применяли только метод подстановки. Получил Почётную грамоту.

Другими предметами, кроме литературы и математики, занимался, но не увлекался. Потом, уже взрослым, охотно читал в журналах “Наука и жизнь,” “Знание – сила,” “Техника – молодёжи” и других статьи по проблемам естественных и гуманитарных наук, охотно беседую на эти темы со знающими людьми. Если не считать неприятный процесс утреннего подъёма, школу любил. Но, как и все нормальные дети, выходные дни и каникулы любил ещё больше. Особенно любил дни после болезни. Уже здоров, но в школу ещё идти нельзя! Сажу перед нашей голландской печью, хорошо обогревавшей всю квартиру, смотрю на весёлый огонь и читаю – не то, что задано, а что хочется. С

болезнью была связана ещё одна приятная история. В 8 классе я заболел малярией. Болел тяжело, но зато какова была компенсация! Приступы были как раз во время экзаменов в 8 и в 9 классе. Меня переводили по годовым отметкам и даже награждали похвальными грамотами. Вообще я к экзаменам относился довольно спокойно. Какое-то волнение, конечно, было, ведь всё успеть повторить невозможно, не так ли? Но волнение уходило, как только получал задание – начинал работать.

Во время выпускных экзаменов в 10 классе (малярия, к сожалению, уже кончилась) случились два события, достойных упоминания. Первое – очень неприятное. В день перед первым экзаменом – сочинением по русской литературе – я спокойно спал, мама не будила меня. В дверь постучали, и вошла школьная уборщица. Проснувшись, я мгновенно понял: я ошибся, это был день первого экзамена! Наверное, солдаты и пожарники по тревоге не одеваются так быстро. Через какую-то минуту я уже летел по улице. Учитель Николай Васильевич ничего не сказал. Я писал, конечно, без черновика.

Второй эпизод произошёл во время экзамена по геометрии. Мне достался очень трудный вопрос – лемма об объёме усечённой пирамиды (или конуса?). Доказательство состояло из трёх частей, занимало всю доску, включало понятие предела, хотя математический анализ тогда ещё в школе не изучался. Я хорошо помнил и записал на доске первую и третью части, а во второй, я чувствовал, у меня была какая-то ошибка. Когда я рассказал первую часть, учительница сказала: переходите к третьей части. Спасибо, Антонина Андреевна! Вообще-то, она знала, что я учился хорошо. Такие проявления доброты во время экзаменов запоминаются.

Так было, когда я в университете сдавал экзамен по зарубежной литературе Средних веков и эпохи Возрождения. Материал знал. Я уверенно отвечал на первый из трёх вопросов, и Николай Николаевич Арденс предложил мне перейти ко второму. А мне хотелось продолжать ответ на первый, весьма интересный вопрос, и я переспросил: переходить ко второму? Профессор сказал: пожалуй, прямо к третьему – он решил, что я второго вопроса не знаю. Хотя мне эта поблажка была не нужна, но приятно вспомнить. Конечно, этот вопрос не так прост. Возможно, зная о такой доброте, школьники и студенты хуже учатся? Здесь, как и во всём, нужно чувство меры.

О наших отношениях с учителями. Однажды, во втором или третьем классе, я увидел в столовой, как моя учительница ..ела! Я был потрясён. Учительница ела, как обыкновенный человек! Такое преклонение перед учителями, которое, понятно, сохраняется недолго, я наблюдал и в Америке, у внуков, учеников младших классов. Если им казалось, что родители объясняли что-то не так, как в школе (возможно, другими словами), они говорили: учительница лучше знает!

В средних и старших классах мы уже относились к учителям по-разному. Называли учителей кличками, обычно безобидными, просто потому, что русские имена и отчества слишком длинные (у других народов ещё длиннее. Я помню, как приехал в СССР король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева – и это ещё не рекорд. Мы тогда называли нашу кошку Махендра). Иногда мы между собой называли учителей просто по имени, без отчества: Антонина, Лиза (директор школы). Но были и обидные клички. Учителя, конечно, были разные. Однажды я на комсомольском собрании решил покритиковать двух учительниц-сестёр. Когда я сказал: теперь поговорим о сёстрах П, – раздался гром аплодисментов! Будучи тщеславным, я до сих пор с удовольстви-

ем вспоминаю этот эпизод. Вскоре вышло постановление, запрещающее критиковать учителей на комсомольских собраниях школьников.

А теперь расскажу о самом лучшем (наряду с Антониной Андреевной) учителе.

В шестом классе к нам пришёл новый учитель русского языка и литературы Николай Васильевич Ашевский. Он был также назначен нашим классным руководителем (воспитателем). Это был старый учитель, сохранивший ещё дореволюционные убеждения, которые ему, конечно, приходилось скрывать.

Первое впечатление было ошеломляющим. На дом было задано выучить наизусть стихотворение Пушкина “К Чаадаеву.” На следующий день Женя Щёткина была вызвана прочитать его, и наша главная отличница получила двойку! Она разрыдалась. Через несколько дней я был вызван рассказать главу из повести Пушкина “Капитанская дочка.” Я начал: “В эту ночь я не спал и не раздевался” – “Почему же ты не спал и не раздевался?” – спросил Н. В. – “Так написано!” – “Так это же не ты. Надо говорить: Гринёв не спал и не раздевался.” Я получил 5. Возможно, Н. В. считал полезным сначала напугать, а затем отпустить вожжи.

Наряду с серьёзными вещами, запомнились некоторые забавные эпизоды. Например, как-то в диктанте была фраза: удар был слаб – гвоздь не вбит, ударь ещё раз. Я написал: удар был слаб – гость не убит, ударь ещё раз. Н. В. похвалил меня за остроумие – он не поверил, что мне так послышалось.

Н. В. проводил занятия литературного кружка не после уроков, как обычно бывает, а вечером. Я потом делал так же. Это ведь совсем другой кружок! Вместо того, чтобы уставшими и голодными оставаться на седьмой урок, ребята специально приходят вечером в опустевшую школу (большинство жили близко – таков был принцип приёма учеников в школы). После кружка мы провожали Н. В. домой, и по дороге он беседовал с нами на разные темы. Запомнил его высказывание о семейной жизни: без любви жить можно, а без доверия нельзя (у него не было жены – видимо, развёлся). Авторитет Н. В. был исключительным. Когда через много лет я был в школе на традиционной встрече бывших выпускников и в зал вошёл Николай Васильевич, весь зал встал – никто другой не удостоился такой чести. После войны я приходил к нему в гости. Под его руководством я проходил педагогическую практику перед окончанием университета – мне было интересно пройти её в моей школе.

Как и все дети во всём мире, мы ходили в школу не только учиться, но и развлекаться. Использовали для этого и учебные пособия. Наверное, вы тоже надевали на голову скелета шапку, в зубы ему вставляли папиросу, а в руку щётку для подметания пола? Я до прихода учителя обёртывался географической картой и совершал молитву. Текст сочинял сам, без использования иудейских, христианских или мусульманских молитв, которых я и не знал. Иногда наши развлечения помогали учению. Я до сих пор помню символы многих химических элементов, так как мы использовали их в тайной переписке. Например, Fe – это Е (конечно, не Ф, что легко можно было бы расшифровать).

Не всегда наши забавы были безобидны. Мы не употребляли наркотики или оружие, не пили (а я никогда не курил), но безобразий творили предостаточно.

Однажды я совершил самый настоящий хулиганский поступок. Я сидел рядом с Женей Щёткиной (у нас были парты на двоих). Когда её вызвали отвечать с места и она поднялась – так полагалось, сидевший сзади Сергей Ермолакин (вообще-то хороший,

безобидный парень) сказал мне: поставь ей на сиденье ручку пером вверх (мы тогда ещё писали не авторучками, а чернилами с помощью металлических перьев). И я поставил! Когда Женя садилась, она почувствовала острое перо и не села, а заплакала. Что тут поднялось! Вызвали директора. Она велела отправить меня на заднюю парту (из-за плохого зрения я всегда сидел за первой партой) – ты не достоин сидеть с такой девочкой!

Другая, казалось бы, более безобидная шутка чуть не закончилась для меня катастрофой. Был у нас Алексей Алексеевич, учитель рисования и черчения. На его уроках мы делали, что хотели – ходили по классу, разговаривали. Это случилось, когда в стране проходили первые всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании. Замечательная демократия (уже никаких лишенцев), если не знать, что в каждом бюллетене был только один кандидат, назначенный партией! Был такой анекдот: Бог привёл к Адаму Еву и сказал: а теперь выбери себе жену. На уроке черчения я сказал учителю: Алексей Алексеевич, мы решили выдвинуть вас в Верховный Совет (парламент). Смущённо, как мне показалось, А. А. сказал: ну что вы, ребята – Почему бы нет, – настаивал я, – вы честный труженик и т.д. Всем было очень весело. А. А., казалось, отнёсся к этому спокойно, может быть даже с удовольствием – мол, наивные ребята не знают, что из этого ничего не получится, по возрасту они вообще в выборах не могут участвовать, но всё равно приятно. Возможно, он в учительской потом рассказал об этом, и ему объяснили, что я над ним просто посмеялся.

Во всяком случае, я после этого никогда не получал у него высшую отметку, и в моём аттестате среди отметок 5 стоит одна 4 – по черчению. В таких случаях отметку по одному предмету общим советом учителей повышали. Но тут это не получилось. Четвёрка по черчению, а правильное сказать, по поведению, могла мне стоять права на поступление в вуз без вступительных экзаменов, и я бы не смог учиться в Москве. Но я получил золотой аттестат. Директор школы Елизавета Владимировна посчитала, что черчение приравнивается к рисованию, отметка по которому не влияет на решение о золотом аттестате. Наверно, сыграло роль и соревнование между школами – какая выпустит больше отличников (потом его отменили). Я был отличником 6 лет, но золотые аттестаты получили и те, которые никогда раньше в отличниках не числились. А Елизавету Владимировну, уже пенсионерку, я после войны посетил, а потом, увы, участвовал в её похоронах (как и в похоронах Николая Васильевича).

Моё поведение в так называемый трудный или переходный период причиняло моим родителям (и мне самому, конечно) намного больше огорчений (мягко говоря), чем учителям. Я не слушался, грубил папе. Он отправлял меня в ванную комнату, а летом выгонял из дома. Я, зная, что он через какое-то время пойдёт искать меня, прятался и с удовольствием наблюдал, как он ходил по улице, видимо, не решаясь вернуться и сказать маме, что меня нигде нет. Хорош будущий педагог, строгий воспитатель своих и чужих детей? Но мой друг в средних классах (потом он куда-то исчез) Борис был почище меня. Например, вытащил у учителя географии из портфеля бутылку водки и всем показывал – не знаю, вернул ли потом. Однажды Н. В. обнаружил в своём стуле гвоздь и заподозрил Бориса – такая у него была репутация. Борис в разговоре со мной отрицал это, и я ему верил. При этом он плохо учился. Как-то, зная, что его должны вызвать по химии, он пришёл ко мне, и я ему объяснил понятие валентности.

Он получил четвёрку, и это было для него событием. А у него дома была бандура – украинский народный инструмент, и я научился играть на ней.

Потом у меня появился новый друг – Клавдий Невтринос (не вытирай свой нос; украинский юмор часто проявляется в фамилиях). Клавдий был замечательный парень – я таких больше не встречал. Умный, начитанный, не просто отличник – ни разу не получил другой отметки, кроме 5, скромный, добродушный – ни одного конфликта. Мы с ним называли друг друга кум. Сидели за одной партой, всегда вместе шли домой, летом плавали по Днепру на лодке, открыли необитаемый остров и назвали его островом трёх кумов – с нами поехал ещё один, случайный. Клавдий погиб на войне, как и другие наши ребята – еврей Юзик Эйзиель и русский Коля Сапон.

А в седьмом классе к нам пришла новая девочка – Аня, ваша будущая мама, бабушка, прабабушка и пра-пра ..., (если внуки пожелают сохранить и размножить для своих детей и внуков эти мемуары). Тогда Аня была полненькой девочкой невысокого роста, с длинной косой, которую она сохраняла всю жизнь.

Аня, Анна Наумовна Эренбург (еврейское имя Хана бат Нохум, в Америке Анна Levin – в некоторых документах до получения гражданства Egenburg) родилась в Днепропетровске 29 июля 1922 г. (4 Ава 5682 г.). В раннем детстве часто переезжала с семьёй по месту работы отца (Донецк, Николаев, Мариуполь). В 1930 г. поступила в украинскую школу в Днепропетровске, в 1937 г. перешла к нам.

Аня хорошо училась. Был случай, когда никто из нас не смог решить дома задачу, а Аня вышла к доске, написала решение и скромно села на место, уязвив нашу гордость. В школах часто не любят хорошо успевающих учеников, но у нас такого не было. Аня подружилась с несколькими девочками. Она была избрана председателем совета пионерского отряда, в котором состоял весь наш класс. Отряд делился на три звена, и я, как руководитель одного из них, стал Аниным подчинённым. Аня, дочь железнодорожника, стала в свободное время работать на детской железной дороге, достигнув высокой должности ревизора движения. Дальнейший рассказ об Аниной жизни и наших отношениях – ниже.

А я на детской железной дороге не работал, но зато родители стали учить меня музыке. Такова одна из еврейских традиций нового времени (в нашей семье музыке училась Тома, потом все её дети). Хотя у большинства детей эта учёба скоро заканчивается без особого успеха, но массовость приводит к выявлению большого числа талантов, как в Бразилии с футболом, в Кении – с бегом. Я отношусь к тем, чье музыкальное образование, несмотря на наличие некоторых природных данных, было кратковременным (2 года на скрипке и несколько месяцев на пианино) и малоуспешным. Только взрослым я понял причину. Я почти не видел нот! У меня от рождения острота зрения в 10 раз меньше нормальной. У врача различаю буквы только первого ряда таблицы. Очки мало помогают – в них различаю на таблице два ряда. Человек привыкает к своим дефектам. Мне трудно себе представить, как это люди видят в 10 раз лучше меня! Обучаясь игре на скрипке, я отводил руку со скрипкой в сторону и вплотную приближал глаза к нотам. Вторую руку, со смычком, я также отводил налево, и это было мучение. А на уроке (кстати, маме приходилось приносить мне в школу скрипку) я этого делать не мог. Играя на пианино, я, чтобы приблизить глаза к нотам, налегал грудью на инструмент, очень мешая пальцам.

И я нашёл выход! Мама требовала, чтобы я играл по одному часу в день. Так как мама музыки не знала, я, вместо игры по нотам, начал импровизировать (до сих пор иногда это делаю). Конечно, за невыученный урок учительница меня ругала, и вскоре занятия прекратились. Но они были не совсем бесполезны. Я начал играть на пианино по слуху песни, танцы, марши – на уроках физкультуры, на семейных праздниках, товарищеских сходках. До сих пор иногда играю для себя. Однажды, уже будучи учителем, играл в школьном джаз-оркестре, не на пианино, а на ударных. На выпускном вечере я немного выпил и захотел попробовать себя в роли ударника. Мне уступили место, и я включился в исполнение. Вдруг дирижёр (мой ученик) остановил оркестр и предоставил мне соло! И я довольно долго импровизировал на барабанах, большом и малом, на тарелках и ещё на чём-то.

6 Сталинский террор. Я “расследую” и задумываюсь.

Когда я учился в 7 классе, в стране разразился Большой террор. Став единоличным диктатором, Сталин решил уничтожить всех, кто мог выступить против него – прежде всего, активных членов партии, но также и беспартийных. Многие миллионы были репрессированы, большинство из них были расстреляны или погибли в лагерях. Из наших родных никто не был арестован, так как среди них не было больших начальников. У Ани один дядя был расстрелян, другой, муж Софьи Ефимовны, начальник шахты, был арестован, потерял в тюрьмах и лагерях здоровье и вскоре после освобождения умер. Аня об этом тогда не знала или не рассказывала. Не только мы, дети, но и взрослые не имели представления о масштабе террора. В газетах сообщали о судах над несколькими десятками “врагов народа.” В местных газетах писали о нескольких местных “изменниках.” Всю ужасную правду о Большом терроре узнали только после смерти Сталина.

Но я, встречаясь во время летнего отдыха с людьми из разных мест, спрашивал, были ли у них аресты, арестован ли первый секретарь областного комитета партии. Некоторые боялись говорить об этом, но многие рассказывали о том, что у них писали в местной газете. И я, как и другие, понял, что аресты происходили везде.

Я стал интересоваться политикой. В 8 классе начал читать ежедневную большую газету “Комсомольская правда” (которая, как ни странно, выходит до сих пор большим тиражом под прежним названием, хотя того комсомола давно уже нет). С тех пор в течение больше 50 лет, кажется, не пропустил ни одного дня без какой-нибудь газеты, даже во время болезней, пока газету не заменил интернет.

В 10 классе я уже считал правильной идеологию и практику не коммунистических, а социал-демократических партий, которые тогда правили (да и сейчас правят) во многих странах Европы. Своими мыслями я поделился с Мишей, Клавдием и ещё одним одноклассником. Этот последний, когда я через полгода случайно узнал о нём нечто нехорошее, пригрозил, что если я кому-нибудь расскажу, он донесёт о моих политических высказываниях. Доносительство тогда часто практиковалось для сведения личных счётов.

Наряду с политикой, я стал задумываться над другими вопросами. Поскольку книги и статьи печатались только пропагандирующие марксистские взгляды, которые я раз-

делял лишь частично, приходилось всё продумывать самому, изобретая то, что, скорее всего, уже изобретено. Вот один из предметов моих тогдашних размышлений. Возможно, эти мысли возникли под влиянием слов Печорина из романа Лермонтова “Герой нашего времени.” Печорин писал в дневнике: “Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его ...” Я не просто понял, а почувствовал, что существуют две структуры человеческого мышления: субъективное, обслуживающее наши потребности, и объективное, которое смотрит на человека как бы со стороны, понимает других, сравнивает себя с другими. Эти две структуры связаны, и это вызывает странное чувство: я о чём-то думаю, и одновременно как бы со стороны вижу себя, думающего об этом. Самосознание, понял я, – это, по-видимому, не совсем “само,” хотя кажется, что я сам, субъективно, себя сознаю. Чтобы сознавать себя как особую личность, надо понимать, что есть другие личности, а это прерогатива объективного мышления.

В 10 классе Н. В. задал нам написать сочинение на тему “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” (слова из песни). Я понял тему как вопрос о смысле жизни. Вот основные идеи моего сочинения. Вопрос о том, зачем мы живём, по-моему, не имеет смысла. Если человека втолкнули в поезд, имеет ли смысл спрашивать его, зачем он едет в этом поезде? Вопрос о цели можно ставить только по отношению к тем действиям, которые мы совершаем по своей воле. Наше существование к ним не относится. Но поскольку мы не по нашей воле уже родились, и от нас в значительной мере зависит выбор деятельности, поведения, вопрос о том, какой сделать выбор и почему – очень важен. И так далее. Я никак не настаиваю на истинности и тем более на приоритете в отношении изложенных выше мыслей. Привожу их, чтобы дать представление о том, чем интересовался в 10 классе.

Но вот подходят к концу школьные годы. Перед окончанием школ пришло время решать, что делать дальше. В раннем детстве на вопрос, кем я хочу быть, когда вырасту, я отвечал: я буду учиться, стану доктором, заработаю много денег, куплю лошадь и стану извозчиком (какое счастье – целый день бесплатно кататься!)

Выбирать надо было вуз – другие варианты, кроме получения высшего образования, не рассматривались, за исключением тех случаев, когда папа, в ответ на мои безобразия, говорил, что заберёт меня из школы и сделает парикмахером – но я понимал, что это говорится в воспитательных целях. Мы как-то слабо думали о профессии. Так как единственное, что мы умели – это учиться, мы хотели продолжать учёбу, выбрав интересные предметы. Нам повезло в том отношении, что дискриминации евреев при приёме в вузы ещё не было. Индустриализация требовала много специалистов, а выпускников школ тогда было меньше, чем планы приёма в вузы – во многих из них был недобор. Высшее образование было бесплатным, студенты получали стипендию (сначала все, потом только хорошо успевающие).

Информация о высших учебных заведениях была скудной и случайной. К нам приходили представители университета и других вузов города. Помню только два объявления в “Комсомольской правде” – Харьковского института журналистики и Московского института философии, литературы и истории (ИФЛИ). Немного подумывал о первом, но решил подать документы на филологический факультет ИФЛИ (в СССР специальность, которую в Америке называют *major*, следовало выбирать с самого начала).

Мама хотела, чтобы я стал врачом, но не только не оказывала давления – даже советовать стеснялась. Аня, которая тоже закончила школу с “золотым” аттестатом, пошла по пути отца – поступила в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ДИИТ). Софа через два года, уже во время войны, также получила “золотой” аттестат и поступила в медицинский институт.

В конце июня 1940 года – выпускной вечер. Николай Васильевич танцует с нашими девочками – конечно, вальс. По традиции идём встречать рассвет. Начинается взрослая жизнь. А школьные годы, как и раннее детство, оставили тёплое воспоминание как весёлое, беззаботное время, хотя, как видно из всего сказанного выше, оно далеко не всегда было таким.

Недавно мне захотелось вспомнить песни, которые мы с друзьями пели в юности. Подошёл к пианино, стал играть – и вдруг почувствовал такую острую, вообще-то не характерную для меня грусть по прошлому, по юности ...

Вот снимки: (1)³⁷, (2)³⁸, (3)³⁹.

7 Москва. Институт философии, литературы, истории (ИФЛИ), Московский университет.

Я в Москве жил недолго – в общей сложности, примерно, 5 лет, но с этим столичным городом связаны важные события в моей и Лёниной жизни.

подавая заявление в ИФЛИ, я не знал, что это, как пишут Геллер и Некрич и В. Аксёнов, знаменитое учебное заведение (и даже “легендарное” – “Алеф,” № 961), не знал, что ИФЛИ – это гуманитарные факультеты, отделившиеся в 1931 г. от Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (через год после моего поступления ИФЛИ снова объединился с МГУ). Я не мог знать, что в этом году конкурс среди поступающих будет 25 человек, в том числе 9 отличников, на одно место.

В моей жизни было немало везений. Одно из них – поступление в ИФЛИ. Не знаю, специально, или так совпало, но папа, вместо того, чтобы отдать меня в парикмахеры, достал мне путёвку на экскурсию Москва-Ленинград. Это и дало мне возможность поступить в ИФЛИ. Во-первых, я лично, не по почте, подал документы в первый день приёма заявлений – думаю, что это имело значение. Во-вторых, я имел возможность во время экскурсии пройти собеседование, с помощью которого происходил отбор среди отличников, освобождённых от сдачи вступительных экзаменов. Помню, как я шёл на собеседование через институтский двор (Сокольники, Ростокинский проезд, дом 13-А), смотрел на студентов и думал: они сами не понимают, какие они счастливые. Мой соученик (отличник), пославший документы по почте, не был принят в ИФЛИ. 23 августа я вынул из почтового ящика открытку: “Вы приняты ...”

1 сентября. Первая лекция, которую, как принято, читает самый почитаемый профессор – это был Сергей Иванович Радциг (античная литература). Потом нам старшекурсники сказали, что когда он будет читать (в своём переводе с древнегреческого) о

³⁷Наша семья в 1940 году, перед моим отъездом из родного дома.

³⁸Аня в юности.

³⁹См. 6-2.

свидании Гектора с Андромахой, он будет плакать. Так оно и было. 30 лет читает и 30 лет плачет. Если вам ещё не довелось прочитать этот эпизод из “Илиады” Гомера, прочтите и, наверное, поймёте старика.

Я с самого начала учился с увлечением. Каждый новый предмет мне казался самым интересным. Да и как было не увлечься при таком профессорско-преподавательском составе. Ведущие учёные, авторы учебников, по которым учились студенты – филологи всей страны. Сейчас, спустя 70 лет, когда никого из них уже нет в живых (я посетил на Новодевичьем кладбище могилы многих из них), о них говорится в новом издании Российского Энциклопедического Словаря.

Соколов Юрий Матвеевич – русский фольклор. Вместе со своим братом Борисом обошёл Север России, чтобы успеть записать исчезающие былины и другой фольклор. Автор учебника. Я в ходе лекций часто посылал записки с вопросами. Спросил у Ю. М.: не отомрёт ли теперь, при всеобщей грамотности, устное народное творчество? (сейчас бы я добавил – кроме анекдотов и частушек). Ю.М. ответил: не понимаю этого молодого пессимизма. В лице Ю. М. я встретил одного из настоящих учёных, бескорыстно преданных науке. Однажды я сидел с ним рядом, когда его аспирантка читала лекцию. Я был потрясён – какое благородное лицо, какие глубокие глаза! Когда он весной 1941 года умер, на его похороны приехал Северный русский народный хор.

Гудзий Николай Калининнович – древне-русская литература (автор учебника), спецкурс и спецсеминар о Л. Н. Толстом, декан факультета, потом мой научный руководитель – о нём ещё скажу ниже. Гроссман Леонид Петрович – русская литература 19 века. Талантливый лектор. Я ещё в школе прочитал его книгу “Пушкин.” Пинский Леонид Ефимович – зарубежная литература. В 1951 году арестован в ходе антисемитской кампании. Тимофеев Леонид Иванович – теория литературы. Крупнейший специалист, особенно в области теории стиха. Его лекции было трудно конспектировать: каждая фраза – это новая мысль; помогал его учебник. Реформатский Александр Александрович – русский язык, общее языкознание (автор учебника). И другие.

С благодарностью вспоминаю и менее именитых преподавателей. Молодая преподавательница французского языка Леонова (к сожалению, не запомнил имя и отчества – мы её между собой называли по фамилии, хотя любили). Я в школе изучал немецкий язык, но попросил записать меня во французскую группу, чтобы, как я написал в заявлении, изучать русскую литературу в подлиннике – имея в виду обилие текстов на французском в русской классической литературе. Я был в группе единственный, не изучавший ранее французский язык, но благодаря Леоновой скоро догнал других и потом без дополнительной подготовки сдал на 5 кандидатский экзамен по французскому языку, необходимый перед защитой диссертации.

Назову ещё преподавателя латинского языка Боголепова Владимира Петровича. Уцелевший сын царского министра просвещения, побывавший во многих странах Европы (показывал нам альбомы), он сумел заинтересовать нас латинским языком и древне-римской поэзией. Мы не должны были заучивать стихи наизусть, но делали это.

Я успешно сдавал экзамены. Позволял себе высказывать собственное отношение к тому или иному вопросу. Некоторые экзаменаторы спрашивали, не хочу ли я заняться научной работой по их предмету. За все годы получил только одну четвёрку (в Сверд-

ловске, во время войны) по русской литературе 18 века. Но в дипломном списке отметок у меня все пятёрки, так как этот курс вошёл в общий курс русской литературы. Поскольку я закончил обучение не в Московском, а в Днепропетровском университете, я упомянул об отметках, чтоб было понятно, что этот переход был связан не с учебными трудностями, а с другими причинами, о которых расскажу ниже.

Теперь о моём студенческом быте. Я попал не в лучшее из общежитий. Не догадался разузнать (на Стромынке, в здании бывшего института благородных девиц, было очень хорошее общежитие). Был рад, что приняли в институт; куда поселили, там и жил до войны. Наше общежитие находилось в Останкино, далеко от института. Это было двухэтажное здание барачного типа. Тонкие деревянные стены продувались ветром насквозь, так что зимой на внутренней стороне окон лежал снег. В комнатах – по 6-8 человек.

Я решил, что в 17 лет уже не следует зависеть от родителей, и написал, что буду жить на стипендию. Родители, которые имели полную возможность помогать мне, не обратили внимания на это заявление и прислали мне деньги. Я написал на переводе отказ. Питался я так. Утром и вечером – сладкий чай с белым хлебом. Днём самый дешёвый обед – суп пшённый и каша пшённая. Всё. И это целый год, ежедневно, без разнообразия. Я не был голодным, ел много хлеба, но ни мяса, ни фруктов, ни овощей. И это после маминой вкусной и обильной пищи! Мои американские потомки, наверное, удивятся – как можно так жить и при этом хорошо учиться? Но я себя прекрасно чувствовал! И не испытывал ни малейшего намёка на униженность, когда товарищи, с которыми мы вместе обедали, заказывали нормальный мясной обед. Просто не думал об этом, не сравнивал.

Когда я уезжал в Москву, папа дал мне письмо к своему родственнику, киносценаристу Михаилу Витухновскому. Он и его жена Таня прекрасно приняли меня, угостили хорошим обедом, уговаривали каждое воскресенье приходить к ним, вместе посещать музеи. Но я из-за стеснительности больше у них не был.

При моём скудном бюджете я посещал концерты мастеров художественного чтения – Яхонтова, Журавлёва, Аксёнова, Кочаряна, Каминки (билеты были дорогие). А у нас в институте часто бывали бесплатные концерты. К нам приходили известные артисты Рубен Симонов, Алла Тарасова, поэты Сурков, Безыменский и другие. Перед получением стипендии у меня всегда оставалась пара рублей (а многие более обеспеченные студенты вечно занимали деньги).

Мы в общежитии жили дружно и весело. Не помню, чтоб возникали ссоры – только теоретические дискуссии. Не было пьянства, разгула – головы были заняты другим. К нам приходили и читали свои стихи студенты старших курсов, известные в будущем поэты Семён Гудзенко, Сергей Наровчатов, Павел Коган – его песня “Бригантина” уже была знаменита. Погиб на войне. Недавно увидел в одном из журналов статью о Павле Когане и в ней – снимок его зачётной книжки из ИФЛИ. Захотелось сохранить этот снимок (1)⁴⁰ (название института было позже изменено).

Наша французская группа была очень дружной (я был старостой). 12 человек разных национальностей, что для нас не имело никакого значения, кроме некоторого интересного разнообразия, да и то скоро перестали замечать. Две замечательные девушки

⁴⁰Зачётная книжка студента ИФЛИ (не моя – у меня сохранилась только зачётка из МГУ).

– москвички Нина Любушкина и Наташа Успенская; двое старше нас, с которыми я подружился, – Ася Генкель и Михаил Коряков; два башкира Мустафин и Гизатуллин; украинка, еврейка и два еврея с Украины: Нина Горбенко, Инна Манзон, Яша Костюковский, впоследствии известный сатирик и киносценарист (“Операция Ъ”, “Кавказская пленница”, “Бриллиантовая рука”), и я – в ИФЛИ вообще было много евреев; якутка Коркина, очень образованная, уже работавшая в каком-то издательстве, и Таня Атабек, москвичка с кавказскими корнями. Со многими из них я впоследствии встречался. Одна из таких встреч произошла в 1971 году в Тбилиси, во время научной конференции. В автобусе рядом со мной сидела интересная женщина. Взглянула на меня и говорит: Толя? Я посмотрел – Таня Атабек! Через 30 лет оказаться рядом! Мы расцеловались. А встреча с Коряковым сыграла, без его вины, печальную роль в моей жизни – об этом ниже.

Совместно праздник мы отмечали только один раз – 1 мая. Собрались у Тани Атабек. Я впервые выпил ликёр и немного захмелел. Пьяным, не помнящим себя, не был ни разу в жизни – даже обидно (шучу). Помню, как меня пытались разыграть. Меня посадили, рядом со мной стали две девушки. Мне завязали глаза, и я должен был угадать, кто меня поцеловал. Но поцелуй оказался мне каким-то резиновым. Я сказал, что, кажется, к моей щеке просто приложили резиновую губку. А это Яша Костюковский, сняв ботинки, подошёл и поцеловал меня.

Студенческая жизнь была, как говорится, ключом. Назову только один пример – стенную газету. Обычно эти рукописные газеты носили казённый характер. Они никого не интересовали. У нас желающих о чём-то написать было столько (ведь все филологи), что размер газеты зависел только от длины коридора!

И вот подходит к концу первый курс. Весенняя сессия. Я готовлюсь к экзамену. Наш институт был расположен в одном из самых замечательных уголков Москвы. Прямо через дорогу – Сокольнический парк, с его живописными природными ландшафтами, прудами, мостиками, беседками. Там я обычно в тёплую погоду и занимался. Но 22 июня 1941 года я занимался в читальном зале, у открытого окна. Вскоре после полудня проходивший по двору парень произнёс в окно одно слово: “Война!”

8 Война. Холокост в СССР.

Этот воскресный день разделил нашу жизнь на две части. Американцам трудно представить себе, чем была война для нас. Америка тоже потеряла во Второй мировой войне сотни тысяч своих сыновей и дочерей (Советский Союз – 27 миллионов). Америка тоже внесла очень большой вклад в общую победу над Германией, а войну с Японией выиграла почти в одиночку. В битве за остров Иводзима, при высадке в Нормандии и во многих других сражениях американская армия проявила такой же героизм, как советская армия в битвах за Москву, Сталинград, Ленинград и других. Америка в короткий срок перестроила экономику на нужды войны, чтобы обеспечить свою армию и армии союзников всем необходимым. Но эта война проходила далеко от Америки. Пожалуй, роман Митчелл “Унесённые ветром” и другие о гражданской войне на юге Америки могут дать некоторое представление о войне, которая идёт там, где ты живёшь.

Начало войны было для Советского Союза катастрофическим. В силу ряда причин (уничтожение командного состава армии во время Большого террора, самоуверенность Сталина и его маниакальная подозрительность – он не верил многочисленным предупреждениям о дате нападения, так что война началась неожиданно, и др.) немецкая армия за несколько месяцев захватила огромную часть страны. Советские войска потеряли миллионы людей убитыми, ранеными, пленными, тысячи танков и самолётов. Большинство пленных, попавших в немецкие лагеря, погибли, а оставшихся в живых Сталин после войны отправил, как предателей, в советский ГУЛАГ.

На оккупированных территориях немецкая армия и силы безопасности начали охоту на евреев, не успевших убежать из-за внезапности начала войны и быстрого немецкого продвижения. Холокост в Советском Союзе отличался от того, что происходило в других странах Европы. Там евреев вывозили в концлагеря для тайного уничтожения. Потом гитлеровцы старались ликвидировать следы этих преступлений. Только в Советском Союзе немцы, учитывая погромные традиции России, большую часть евреев открыто расстреливали прямо в городах или возле них. Остальных заключали в гетто. Тех, кто не умер там от голода и болезней, через некоторое время также убивали. Весь мир знает о трагедии Бабьего Яра, где были расстреляны примерно 34 тысячи евреев из Киева. Такие же массовые расстрелы происходили повсюду. В Мариуполе были расстреляны папина двоюродная сестра Таня и её муж Бабич.

В Днепропетровске 13-14 октября 1941 года были расстреляны 11 тысяч (по другим данным – намного больше) евреев, в том числе моя тётя Маня (1)⁴¹, Анины тётки Эсфирь с мужем Семёном и Клара с мужем Александром: на снимке (2)⁴² они среди других, о которых – в приложении. Вместе с ними в колонне евреев, которых конвоировали к месту расстрела (о чём они, конечно, не знали, им говорили о переселении), шла 10-летняя дочь Эсфири и Семёна Белла. Когда, подходя к месту казни, Семён услышал пулемётную стрельбу, он опустил на землю рюкзак, сказав: он нам не понадобится. Белла, которую папа держал за руку, вырвалась и побежала. В неё стреляли, но она добежала до своего дома. Там уже хозяйничали соседи.

Попробуем представить себя на месте 10-летней девочки, Аниной двоюродной сестры. Где сегодня ночевать? Как достать что-нибудь поесть? Как спастись (за укрывательство евреев – расстрел), где жить (идёт зима)? Ужасно думать о миллионах убитых евреев. Но мне ещё ужаснее думать о тех, особенно детях, которые ещё живы, но знают, что спасения нет, их найдут и убьют, о тех, которые медленно умирают от голода – посмотрите на еврейских детей из концлагеря (3)⁴³.

А Беллочка выжила! Как выжил наш народ в течение тысячелетий непрерывных преследований и погромов. Сначала Белла пошла к своему директору школы, который с риском для жизни прятал её некоторое время. Затем, выдавая себя за украинку Галю (этим именем потом называли её внучку), Белла попала в детский дом для сирот. Но в этот детдом постоянно приходили немцы в поисках еврейских детей. Белла рассказывает, как страшно кричал маленький мальчик, которого забирали (дети войны всё

⁴¹Наша тётя Маня, жертва Холокоста.

⁴²Среди других - Анины тётки Эсфирь с мужем Семёном и Клара с мужем Александром, жертвы Холокоста.

⁴³Еврейские дети из концлагеря.

понимали!). В детдоме оставаться было нельзя, и Белла ушла. В течение почти двух лет девочка из хорошей еврейской семьи ночевала в подвалах разрушенных домов, питалась отбросами и подаянием (в отличие от немцев, итальянские солдаты иногда давали что-то из своей полевой кухни).

После освобождения Днепропетровска Анин отец узнал, что кто-то видел Беллу на улицах города. Наум Львович через газетное объявление разыскал её и удочерил. С Божьей помощью Белла с дочерьми, зятем и внуками приехала в Америку (7 лет мне пришлось бороться за её право на статус беженки – документы об удочерении не были оформлены, как положено). Вот снимки: (4)⁴⁴, (5)⁴⁵.

9 Как Бог меня спас; как я одолел небольшой бунт.

По причине плохого зрения я не был призван в армию, из-за чего сильно переживал. Снова и снова добивался переосвидетельствования, но дальше глазного кабинета меня не пускали. Однажды после очередной комиссии, летним солнечным днём, я шёл в институт, и вдруг стало темно. Я вспомнил, как в недавно прочитанном романе описывается наступление слепоты. Человек не чувствовал никакой боли и ничего не понял. Он спросил, почему выключили свет (дело было вечером). Я решил, что глазной врач, который мне закапал что-то в глаза, по ошибке ослепил меня. Я остановился, не зная, что делать. Хотел найти дорогу обратно в поликлинику, но как? Через несколько минут стало светлее, как на рассвете. Вскоре всё прошло. Оказалось, что врач закапал мне большую дозу атропина, не предупредив о последствиях.

Потом я попытался поступить в школу военных переводчиков (ведь они не должны стрелять), сдал экзамен по немецкому языку (помню некоторые вопросы, например, есть ли в вашем городе трамвай?). Но, посмотрев моё свидетельство об освобождении от воинской обязанности (сколько людей о нём мечтали!), сказали, что на войне каждый должен уметь стрелять, и отказали. А поскольку я настаивал, пошли на обман. Велели прийти такого-то числа; я пришёл и узнал, что они накануне эвакуировались.

В это время в Москве началась запись добровольцев в народное ополчение. Туда принимали всех, независимо от возраста и состояния здоровья. Кто хоть как-то годился для фронта, направлялся туда. Малообученные или совсем необученные, они были сразу брошены в бой. Московская дивизия народного ополчения под Вязьмой попала в окружение. “Оказавшихся в окружении собирали по лесам и деревьям, свозили на сборные пункты. Здесь по внешнему виду отбирали евреев и убивали.” (“Чёрная книга,” ч.2. Авторы – составители В.Гроссман и И.Эренбург). Так погибли Юра Златин и мои соседи по комнате в общежитии – еврей по фамилии Немец и Саша Мандрыко. (Саша был влюблён в нашу Наташу Успенскую – очень красивую девушку. Она так и не вышла замуж – мало женихов осталось в нашем поколении. Эти девушки – тоже жертвы войны).

⁴⁴Родители Беллы.

⁴⁵Белла на месте расстрела своих родителей, 11 тысяч днепропетровских евреев и своего несостоявшегося расстрела.

Меня направили в охрану фабрики “Буревестник,” которая шила армейские сапоги. Когда начались занятия, я днём учился, а ночью дежурил. Спал во время поездок через всю Москву (однажды у меня в троллейбусе вытащили кошелёк).

22 июля немецкая авиация начала бомбить Москву, сначала по ночам, а потом и днём. Во время воздушных тревог люди спускались в метро (там и спали на принесённых матрасиках), в подвалы своих домов, в вырытые траншеи. Мне за всё время только один раз довелось спуститься в метро и увидеть, как там люди привычно располагались прямо на рельсах в обесточенных туннелях (во время переезда меня со всеми заставили выйти из троллейбуса и спуститься в метро).

Ко всему привыкаешь. Когда меня посылали охранять отдалённый склад, где можно было поспать (хотя не полагалось), я с наслаждением пользовался этой редкой возможностью, несмотря на непрерывную стрельбу зенитных орудий и немецкие самолёты, летящие прямо над головой в скрещённых лучах поймавших их прожекторов. А на самой фабрике я порой засыпал на посту даже стоя, получив однажды замечание начальника: не надо спать. Сказано это было не строго – возможно, у него был сын примерно моего (18 лет) возраста.

Теперь о двух эпизодах, которые имеются в виду в названии этой главы. Те смертельные опасности, о которых говорилось выше, угрожали всем. Расскажу, как Бог (или судьба, случай – выберите, что вам ближе) спас меня, так сказать, лично. Однажды меня направили в кочегарку. Это был очень хороший пост – там, в подвале, было тепло, можно было позаниматься. Я любил также беседовать с рабочими; многие из этих московских рабочих были умны, разговор с ними был интересен. Я пошёл к кочегарке, но меня вернули, сказав, что туда решили направить пожилого охранника, а мне придётся стоять (точнее, всю ночь ходить) возле бензохранилища. Это был самый опасный пост. Там в любую минуту мог произойти взрыв от брошенной спички, папиросы. Я начал ходить вдоль бензохранилища. В эту ночь наш район подвергся бомбардировке, одна из бомб попала на фабрику. Я увидел яркую вспышку, а затем услышал воющий звук падающей бомбы и грохот разрыва. Я бросился на землю. Бомба упала прямо на тот корпус, где была кочегарка. Погибших кочегаров и охранника откопали только через сутки. Утром мы остались дежурить на весь день и следующую ночь.

Как-то прочитал в интернете: ‘В субботу, в день 65-ой годовщины отражения первого массированного налета немецко-фашистской авиации на Москву, прошла акция “Вспомните, ребята.” Акция сопровождалась показом видеодокументов, фотографий и хроник.’ Я перечитал эту главу и вспомнил ...

А линия фронта приблизилась вплотную к Москве. 16 октября было передано по радио такое сообщение, каких ни разу не было с самого начала войны. До этого дня в официальных сводках, которые публиковало Информбюро, старались скрыть тяжёлое положение на фронте. А 16 октября было заявлено – эти слова врезались в память: “За истекшие сутки положение на Западном фронте ухудшилось. Немецкие войска в нескольких местах прорвали нашу оборону и развивают наступление.” И всё! Ни слова о том, что наши войска стремятся остановить наступление (после основной части сообщения пошли, как всегда, мелкие боевые эпизоды – вроде: сержант такой-то подбил два немецких танка и т.п.).

Стало ясно, что Москву готовят к сдаче. Правительство (кроме Сталина и некоторых других) и дипломатический корпус выехали из Москвы в Куйбышев. С партийных учреждений стали снимать вывески. Жгли списки коммунистов. Предприятия и учебные заведения стали закрываться. Началась паника, грабежи. Население покидало город. Кому удавалось – в составе своих коллективов, другие – сами, как могли. Были и такие, кто ожидал немцев. Мой новый сосед по общежитию сказал, что никуда уезжать не собирается.

Вечером я пошёл на дежурство. У ворот фабрики увидел огромную толпу. Фабрика закрылась, и рабочие (на фабрике работало несколько тысяч человек) требовали зарплаты и пытались прорваться на фабрику. Я подошёл к калитке, постучал, назвал себя, и меня впустили. Мы стояли перед воротами, в которые непрерывно били.

Вдруг ворота распахнулись, и толпа хлынула во двор. Охранник Жаворонков крикнул мне: “Левин, это революция! Я видел революцию!” Я ответил: “Это х..ня (крепкое русское слово), а не революция!” И, как говорится, принял командование на себя. Сказал Жаворонкову: “Возьмись за створку ворот.” Другому охраннику – за вторую. Они поняли и взялись. Я бросился навстречу бегущим и, размахивая поднятым над головой кулаком, в котором ничего не было, закричал: “Стой, стрелять буду!” Толпа могла запросто растоптать меня, но рассмотреть быстро размахивающий кулак за какие-то секунды было трудно, и люди заметались. Я крикнул: “Закрывай!” Ворота закрыли, по ним снова стали барабанить, но попыток сорвать их уже не было – видимо, угрозу стрелять приняли всерьёз.

Успевшие прорваться (их было не очень много) стали требовать зарплаты и встречи с директором. Им сказали, что директор в банке, и к ним вышел парторг – пьяный! – этот стыд невозможно забыть. Им выдали по паре сапог и через заднюю калитку стали выпускать. Утром я пошёл домой. Фабрика закрыта, занятия прекратились – в Москве делать было нечего.

10 Эвакуация. Как я добывал торф. Голод.

17 октября я сложил чемодан и отправился на Комсомольскую площадь трёх вокзалов. Невесёлые мысли одолевали меня: если немцы войдут в Москву, здесь начнётся то, что было в Германии. Мы не знали, что в оккупированных районах Советского Союза уже происходит массовое уничтожение евреев. Но о преследовании фашистами евреев мы знали – до войны, до заключения договора с Германией об этом сообщалось. На вокзальной площади скопилась масса народа. Я узнал, что из 11 железных дорог, выходящих из Москвы, 10 уже перерезаны немцами. О том, чтобы купить билет, нечего было и думать.

Я вышел на перрон. На одном из дальних путей стоял пассажирский поезд. Я подошёл к нему. Проводников не было видно. Я вошёл в вагон и забрался с чемоданом на свободную верхнюю полку возле туалета. Оказалось, что это эвакуировались на Урал работники министерства тяжёлого машиностроения. Среди них были евреи. Мне предложили в случае проверки назвать себя внуком одной старой женщины. Поезд отправился только через два дня, шёл вне графика, с частыми и длительными остановками. Путь до Свердловска продолжался 10 дней вместо обычных 2-3.

У меня с собой не было почти никакой еды, и я впервые в жизни узнал, что такое голод. На некоторых больших станциях нас, эвакуированных, кормили горячим обедом. Вообще надо сказать, что после периода растерянности начала войны была проделана огромная работа по эвакуации на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию тысяч предприятий и миллионов людей из западных районов страны. Эти предприятия и люди в тяжелейших условиях налаживали на новых местах производство оружия и другой необходимой для войны продукции. А множеству евреев эвакуация спасла жизнь.

В Свердловске я оформился на 2 курс местного университета. А мой ИФЛИ воссоединился с Московским университетом, и они вместе были эвакуированы в Среднюю Азию, в г. Ашхабад. Оказалось, что в этом городе нет условий для работы университета и проживания преподавателей и студентов. Все голодали, впрочем, как и повсюду. Я потом узнал, что ифлиец Семён Гудзенко пошёл со своей девушкой в пустыню ловить черепах. Чтоб охватить своим поиском больше пространства, разошлись в разные стороны. Девушка заблудилась и погибла.

Было решено перевезти МГУ в другой город. Но в какой? Через некоторое время выяснили, что я нахожусь в Свердловске. И Московский университет в полном составе переехал в Свердловск.

Мои родители с Софой эвакуировались в г. Орск на Южном Урале. Маму и Софу взяли в свой эшелон тётя Инна и её муж Зяма, папу – тётя Хася. Она работала в магазине, и им дали целый товарный вагон, чтоб вывезти товар. Хася взяла нашего папу как члена семьи. Ещё до отправления из Днепропетровска их эшелон попал под бомбёжку. Вагон сгорел с вещами, но люди успели выскочить. Им дали другой вагон (часть товара уцелела). Папа вернулся домой и собрал то, что там осталось, включая персидский ковер, который будет упомянут ниже.

В Орске родители и Софа весной испытали наводнение, спасались на крыше. Жили в крохотной комнатке, но сравнительно благополучно, так как папа в свободное от работы время изготавливал мотыги для огородников. Мама работала на эвакуированном военном заводе. В Орск приехали и Аня с родителями – туда был эвакуирован проектный институт, в котором работал Анин отец. Аня работала на том же заводе, а потом уехала в Новосибирск, куда был эвакуирован её институт. Закончив школу, Софа некоторое время работала на заводе, потом приехала в Свердловск и поступила в медицинский институт.

Во время каникул студентов направляли на работу, и каникулы продолжались намного дольше, чем обычно. Летом и осенью 1942 года я работал на добыче торфа для крупнейшего Уральского машиностроительного завода, выпускавшего тяжёлые танки. На торфяных болотах Северного Урала специальные машины, багеры, нарезали торф в форме кирпичей. Женщины переворачивали их для предварительного подсушивания. Наша работа заключалась в переноске торфа со всего поля в места, где их складывали по определённым правилам в большие штабеля для полной просушки.

Рабочий день продолжался 11 часов, с часовым перерывом на обед. Выходной день давали один раз в месяц. Тем, кто выполнял норму, давали дополнительную порцию хлеба (с начала войны все продукты выдавались по карточкам). Нормы были тяжёлыми даже для опытных рабочих, и мы их не выполняли.

Я предложил небольшое изменение в организации работы нашей группы из пяти человек. Прежде у нас, как и у всех, одни наполняли корзины торфом, помогали другим поднять тяжёлые (20 килограмм, больше 40 фунтов) корзины на плечо, и пока те относили их к штабелю, наполнялись другие корзины. Потом менялись, так как относить было тяжелее. При этом, когда штабель был далеко, корзины наполнялись быстрее, чем относились, и те, кто наполнял их, простаивали. А когда штабель был уже близко, простаивали те, кто относил, так как к их возвращению корзины не успевали наполняться. Конечно, отдыхать было приятно, но ещё важнее было немного улучшить наше скудное питание.

Я предложил изменять соотношение наполняющих и относящих по мере приближения к штабелю. Пока участок далеко, двое наполняют, трое относят. Возле штабеля трое наполняют, двое относят. И мы стали перевыполнять норму. Потом меня перевели на более квалифицированную работу укладчика штабеля. Высокий штабель надо было укладывать так, чтобы он не рассыпался, был устойчив даже при сильном ветре, и при этом внутри сквозь весь штабель должен был проходить так называемый продух – канал для вентиляции (может быть, благодаря этому опыту меня стали потом считать специалистом по укладке – от чемоданов до продуктов в холодильнике – шучу).

Я в жизни мало занимался физическим трудом – кроме описанной и другой работы во время войны, были разные хозяйственные дела после женитьбы (переложил черепичную крышу, отремонтировал крыльцо, оборудовал сарай стеллажами и др.). В Америке собрал стол из выброшенных кем-то полированных досок (он до сих пор стоит). Ремонтирую, что могу. Кое-что у Тома во дворе сделал и т.д. И всякий раз, когда дело получалось, удовлетворение было не меньше, чем от удачно прочитанной лекции или написанной статьи – а может быть, и большее, потому что не часто.

Война изменила многое в жизни, в поведении людей. Так как большинство мужчин были на войне, немногие оставшиеся были, как говорится, нарасхват. В помещении, где мы жили, была ещё одна комната, такая же большая, как наша. Там жили несколько десятков мобилизованных на торфоразработки женщин и девушек из Удмуртии (национальной республики на Урале). У них постоянно ночевал какой-то мужик. Пытались они на своём ломаном русском языке заманить к себе одного из наших студентов (самого старшего из нас), но он отказался (избежав очень вероятного венерического заболевания). Мы работали всё лето, сентябрь и октябрь, пока не пошли дожди.

Знаете ли вы, что такое голод не для сохранения фигуры? Мы часто узнаём о голоде и о гибели от голода множества людей в том или ином районе Африки. Люди, прожившие жизнь в Советском Союзе, очень хорошо представляют себе этот ужас. В России до революции были неурожайные, голодные годы. Но тот голод, который несколько раз поражал Россию, Советский Союз после революции, не идёт с ними ни в какое сравнение. Голодными были все годы гражданской войны. Вот как Маяковский вспоминает о своём посещении голодной и больной любимой:

Не домой, не на суп, а к любимой в гости
Две морковинки несу за зелёный хвостик.
Я много дарил конфет да букетов,
Но больше всех дорогих даров
Я помню морковь драгоценную эту
И полполена берёзовых дров.

В 1921 году, в конце гражданской войны, страшный голод разразился в Поволжье. Погибли миллионы людей. Нередкими были случаи людоедства. Ещё больше людей погибло от голода в 30-ые годы, главным образом на Украине, в результате насильственной коллективизации крестьянства. Голодной смертью медленно умирали миллионы заключённых (не довелось читать “Архипелаг Гулаг” Солженицына? Прочтите его же короткий рассказ, за который он получил Нобелевскую премию, “Один день из жизни Ивана Денисовича”).

Наша семья, испытывая большие трудности в отношении питания, о чём я рассказал выше, голода до войны не знала. Что такое голод, мы с Софой узнали во время войны, когда учились в Свердловске. Мы получали в день по 400 граммов очень плохого хлеба и скудный обед. 400 граммов – разве это мало? Я в Америке съедаю такое количества хлеба за 2-3 дня. Но это потому, что мы едим много другой пищи. А в войну не было больше ничего. Нормально питающийся человек легко переносит даже абсолютный голод, например, во время поста. Однако при постоянном недоедании, когда человек каждый вечер ложится голодным, и утром, пока не откроется магазин, совсем нечего есть, накапливается истощение, и чувство голода становится постоянным. Люди с сильной волей, наверное, делили бы эти 400 граммов на несколько частей, но я и Софа съедали этот хлеб сразу, на крыльце магазина. Потом, до завтра – ничего. И так изо дня в день. Об этом тяжело и даже как-то унижительно писать, но и не писать нельзя.

Так жили миллионы людей.

Вот отрывок из опубликованного в газете воспоминания о военном детстве: “Помню, в эвакуации, в Тбилиси, мы были прикреплены к столовой. Там давали коричневый суп, в котором плавали две макаронины. До сих пор его вкус не забыл – уж очень мне нравился этот суп. Как-то раз я взял свою порцию и мигом съел. Напротив меня сидел военный. Вдруг он сказал: мальчик, хочешь ещё? Ешь мой. Я ел, а он плакал.”

Но был голод и пострашнее. Когда немцы, окружив Ленинград, не смогли овладеть им, они решили уморить ленинградцев голодом. В результате блокады около миллиона ленинградцев погибли мучительной голодной смертью (однако город так и не был взят). Я видел на выставке, посвящённой блокаде Ленинграда, картину “Пропали карточки.” Посреди магазина мужчина в распахнутом пальто ищет во внутреннем кармане пропавшие карточки. Люди не в силах на него смотреть – пропажа карточек означала смерть всей семьи.

Пропажа карточки случилась и у нас, когда, после возвращения в Москву, мы работали летом на заготовке дров. У одной студентки пропала хлебная карточка. Подозрение пало на студентку, которая ходила за хлебом отдельно от нас. Когда был объявлен общий обыск, она пыталась выбросить карточку, но мы не спускали с неё глаз, и она попалась. Я, бывший там бригадиром, сказал ей, что мы никому не скажем, если она завтра подаст заявление об отчислении из университета. Она подала.

Мы не сообщали из Свердловска нашим родителям, что голодали, так как полагаем, что у них тоже тяжёлое положение. Когда мы на зимних каникулах в начале 1943 года приехали к ним в Орск, мы наелись досыта. И я с удовольствием вспоминаю этот небольшой город на самой границе между Европой и Азией, между Россией и Казахстаном (люди жили в Европе, а их огороды были в Азии; казахи приезжали на базар на верблюдах). А Свердловск, большой город с театрами, институтами, столицу Урала, как его называют, вспоминать неприятно – голод не тётка, есть такая пословица. Узнав о нашем положении, родители продали персидский ковёр, единственную ценную вещь, которую они привезли, и прислали нам большой ящик пшена и сухарей. Я приходил вечером в общежитие к Софе, и она варила кашу. “Жить стало лучше, жить стало веселей” ...

Когда я потом представлял себе гипотетическую третью мировую войну, я думал не об опасности для жизни, а о голоде, особенно если твои дети просят есть, а тебе нечего им дать. В заключение шуточный (а может быть и серьёзный?) совет. Если у вас депрессия, плохое настроение, сядьте, закройте глаза и представьте себе, что вы давно голодаете. А потом откройте холодильник ...

11 Возвращение в Москву. Начало научной работы.

В июне 1943 года Московский университет вернулся в Москву. В связи с моим отъездом Софа перевелась в Новосибирский медицинский институт – в этом городе находилась наша тётка Хася с семьёй. Они жили более или менее благополучно. Хася взяла её к себе, заботилась о ней. А наш переезд в Москву – какая это была чудесная, весёлая поездка! Она продолжалась три дня. Мы ехали своей компанией, в спальнях вагонах, нас хорошо кормили. К нам приходили профессора, рассказывали разные истории. Проводников мы не видели, так что чувствовали себя свободно. Иногда ехали на подножке и даже на крыше. А за окном лето! Пронесётся зелёные поля, леса, реки – бескрайние просторы России, Татарии; города, до которых не дошла война.

Я в Америке испытываю ностальгию по спальным поездам дальнего следования, которыми здесь почти не пользуются. Приятно засыпать под стук колёс, интересно знакомиться с разными людьми, с которыми предстоит долгая поездка, смотреть в окно на постоянно меняющиеся (в отличие от плавания на теплоходе) виды. Говорят, правда, что в Америке спальные вагоны неудобные (наверное, есть и удобные, но более дорогие). Но вот и Москва. Летом мы работали на лесозаготовках. Меня назначили такелажником – вместе с напарником мы гнули и прессовали проволоку, которую снимали с приплывающих плотов, подготавливая её к транспортировке.

Затем начались занятия. В отличие от того, что было раньше, на 4 курсе я основное время тратил на научную работу. Ещё на 3 курсе, в Свердловске, я начал заниматься в спецсеминаре по Л. Н. Толстому, которым руководил проф. Николай Калинин Гудзий, наш декан. Он предложил мне изучить историю создания повести “Утро помещика.” Работа меня увлекла. В почти 100-томном (!) Полном собрании сочинений Толстого (Н.К. был одним из редакторов) опубликованы черновые варианты повести, дневники и письма Толстого, относящиеся к периоду её создания. Это давало возможность не просто написать обычную студенческую работу, а провести исследование.

Ещё на первом курсе я привык заниматься не в общежитии, а в читальном зале, где ничто не отвлекает, а главное, можно сразу получить нужную литературу. На 4 курсе постоянным местом моих занятий стала Ленинская библиотека, которая тогда помещалась ещё в великолепном здании Румянцевского музея. А занятия в университете я посещал выборочно. Например, не посетил ни одной лекции проф. Каирова по педагогике – как большинство студентов университета, не собиравшись стать педагогом. Поэтому, когда я стал им, я не мог назвать себя учеником Президента Академии педагогических наук (он одновременно был ещё и министром просвещения; впрочем, никакого вклада в педагогику он не внёс, был просто чиновником). Экзамены всё же сдавал успешно.

На последнем экзамене по французскому языку случилась очень досадная неприятность. После ответов на вопросы по грамматике я должен был перевести без словаря отрывок из статьи Эмиля Золя “Экран,” которую я читал по-русски в связи с моей работой в спецсеминаре Н. К. Гудзия. Я хорошо перевёл текст, чем очень удивил преподавателя Шамардину, поскольку я редко посещал её занятия и, естественно, не отчитывался о выполнении домашних заданий, которые я выполнял, но, что касается перевода, не так, как принято. Вместо пользования словарём, которое очень неприятно прерывает чтение, клал рядом французский и русский тексты (мы читали роман Стендаля “Красное и чёрное”). Читал в подлиннике, пока смысл предложения был понятен. Если нет – смотрел в перевод.

Шамардина спросила, читал ли я раньше эту статью. Я сказал – нет, поскольку по-французски я её не читал. Конечно, я должен был прибавить, что по-русски я её читал – ведь это облегчило мне понимание французского текста, хотя я его раньше не видел. Шамардина сказала: “Я вам уже поставила “отлично,” но я хочу знать, читали ли вы раньше эту статью.” Я повторил – нет.

В это время открылась дверь, и в комнату вошёл ... Гудзий! Он, как декан, видимо, должен был посещать экзамены. Увидев лежавшую передо мной статью Золя (он хорошо знал французский язык), Н. К. сказал: “Вам повезло.” Шамардина произнесла только одно междометие: мг (мх). Их обоих – Шамардиной и Гудзия – давно нет на свете, но это мх до сих пор звучит в моих ушах. Это вообще моя особенность или психоз – даже менее значительные ошибки, какое-то просто неудачное слово, о котором собеседник тут же забыл, запоминаются на десятки лет.

Потом я узнал ещё вот что. Шамардина, очень добрая женщина, купила пальто вернувшемуся с фронта Семёну Гудзенко, ставшему вскоре известным поэтом (я упоминал о нём выше). Услыхав, что друзья его называют Сарик (это было при мне), она остановилась и очень серьёзно спросила: “Простите, кто он по национальности?..” То, что он еврей, для неё была неожиданность (фамилия-то украинская). Мне показалось, что для неё это имело большое значение. Если это так, то описанный выше эпизод мог дать ей, как это часто бывает в отношении евреев, пищу для обобщения.

Наверно, она рассказала Гудзию о нашем разговоре, но он не изменил своего хорошего отношения ко мне. Возможно, Николай Калининкович считал, что для студента обманывать преподавателей вполне нормально. Специалист по Толстому (не только), он помнил, как в “Анне Карениной” описывается относительность морали. Для Врон-

ского, очень порядочного офицера, было очевидно, что лгать нельзя, но женщинам можно. Обманывать нельзя, но мужей можно ...

Вскоре наступила моя очередь доложить о результатах исследования. Вместо обычных в нашем спецсеминаре 15-20 минут, моё сообщение, вместе с обсуждением, заняло 3 часа – два занятия. На второе занятие Н.К. пригласил несколько посторонних, в том числе своего друга, также, как и он, члена украинской Академии Наук Белецкого. В ходе обсуждения некоторые мои выводы, в том числе связанные со злополучной статьёй Золя, оспаривались (Гудзий защищал их), но работа была одобрена. Через несколько дней ко мне подошёл аспирант Гудзия Зиновий Папёрный (впоследствии видный учёный и писатель – сатирик, исключённый во время антисемитской кампании борьбы с “космополитизмом” из партии). Папёрный, присутствовавший на моём выступлении на спецсеминаре, сообщил, что мой доклад вынесен на Московскую городскую научную студенческую конференцию.

А потом Николай Калининкович пригласил меня в свой кабинет и сказал, что будет готовить меня в аспирантуру. Война близилась к концу. Намечались хорошие жизненные перспективы. Но получилось иначе.

Вот снимки: (1)⁴⁶, (2)⁴⁷.

12 Болезнь и выздоровление. Как лечились в Советском Союзе.

Весной 1944 года я встретил своего приятеля по первому курсу Михаила Корякова, офицера, приехавшего в Москву не то в отпуск, не то в командировку (потом он как-то оказался в Америке, работал в газете “Новое русское слово,” написал книгу о неприглядной советской действительности). Мы решили пойти на концерт Александра Вертинского, очень популярного до революции эстрадного певца, незадолго до этого вернувшегося из эмиграции.

По пути в театр я из-за плохой обуви промочил ноги и простудился. Простуда долго не проходила. Поставили диагноз – пневмония. Потом выяснилось, что у меня туберкулёз лёгких, развившийся, очевидно, из-за длительного ослабления организма (в нашей семье туберкулёзом никто не болел). Я решил прервать учёбу и уехать к родителям в Орск, с тем, чтобы вместе вернуться в недавно освобождённый Днепрпетровск. Моя болезнь, конечно, сильно опечалила родителей. Папа в мой предыдущий приезд сказал мне: я три раза подымался и три раза меня разоряли – сначала советская власть, потом война. Теперь, сказал он, подыматься тебе. Мои родители хорошо кормили меня, что особенно важно при этой болезни. Я чувствовал себя нормально.

Летом 1944 г. мы выехали в Днепрпетровск. Ехали в “теплушке,” пустом товарном вагоне, без коек, скамеек. Сидели и спали на своих вещах. Родной город встретил нас неприятливо. К этому времени в стране, особенно на освобождённых территориях, развился антисемитизм. Нацистская пропаганда слилась с давними антисемитскими

⁴⁶Я - студент.

⁴⁷Мой друг Сергей Никольский.

традициями населения. Я нашёл в Днепропетровске “Майн кампф” Гитлера, книгу “У истоков великой ненависти” на русском языке – энциклопедию антисемитизма. Читал также выходившую при немцах газету, полную антисемитских статей (в том числе весьма остроумных).

Наша квартира была занята. Суд отказался нам её вернуть, поскольку мы после освобождения города не вносили в депозит квартирную плату. Суд игнорировал то очевидное обстоятельство, что в условиях войны этот закон мирного времени неприменим хотя бы потому, что город был сильно разрушен, и нельзя было узнать, сохранился ли наш дом. Судья Бабкин, придумавший этот предлог, чтобы не возвращать квартиры вернувшимся из эвакуации (значительную часть из них составляли евреи), получил орден.

Всё более откровенным становился бытовой антисемитизм, и мне вскоре пришлось испытать это на себе. Я шёл по улице. От дома, мимо которого я проходил, ко мне направился пьяный офицер (в новом кителе, без всяких наград), заговорил о евреях и ударил меня. Следовало ли мне вступить с ним в драку? Независимо от её исхода, я был бы, очевидно, признан виновным в нападении на офицера Советской Армии. Он мог и застрелить меня – идёт война, а пьяному море по колено. Я пошёл в военную комендатуру и предложил пойти к этому дому. Не пошли.

А недавно я прочитал в изданной в Израиле Краткой еврейской энциклопедии: “...летом 1944 в Киеве и Днепропетровске евреи, в том числе и военнослужащие, подвергались избиению, реэвакуированные еврейские семьи не только не могли вселиться по ордеру в оставленные ими квартиры или получить обратно свои вещи, но и становились объектами нападений.” Далее рассказывается, что старший лейтенант еврей И. Д. Розенштейн, застреливший двух напавших на него военных, был приговорён к расстрелу. (Т. 8, стр. 1254-5).

Между тем моя болезнь продолжалась. Никаких лекарств от туберкулёза тогда не было, по крайней мере в Советском Союзе. Меня лечили искусственным пневмотораксом. В полость плевры вдували воздух, чтобы ограничить подвижность больного лёгкого. Но это не помогало. Хотя я чувствовал себя неплохо, симптомы болезни продолжались, и это было опасно. Я решил вернуться в Москву. Получил вызов для восстановления в Московском университете (без вызова в Москву билеты не продавали). От местного органа здравоохранения получил направление в Центральный институт туберкулёза.

Расскажу о том, как мы лечились. В советской системе здравоохранения были как положительные, так и отрицательные стороны. Лечение было бесплатным. Правительство оплачивало его, как и бесплатное образование, за счёт того, что работающие получали только небольшую часть прибыли от производства – остальное забирало государство.

Но если больной хотел, чтобы, например, операцию делал известный хирург, он договаривался с ним о личной оплате. Это считалось незаконным, но все об этой практике знали. Было также принято делать небольшие денежные подарки нянечкам (помощницам медсестёр), которые в больницах непосредственно ухаживали за больными, получая за свой нелёгкий труд нищенскую зарплату.

Покажу на примерах из нашей жизни, насколько эта неофициальная доплата была иногда важна.

Когда у моей мамы диагностировали рак груди и предложили немедленно лечь на операцию, мы решили посоветоваться частным образом с авторитетным в Днепропетровске доцентом Коганом. Он осмотрел маму и посоветовал подождать 2-3 месяца. Вскоре все симптомы исчезли. С этим же доктором Коганом договорились, когда мне нужно было сделать операцию. После операции я обнаружил на простыне кровь, и доктор ночью приехал из дому и устранил причину.

Потом произошёл забавный случай с этим прекрасным врачом. Рядом со мной лежал мужчина, украинец, с ампутированной по колено ногой. Когда Коган со своей свитой совершал обход, он сказал: «Какая замечательная культя (остаток ноги, обшитый сохранившейся кожей). Кто это вам сделал?» – «Да это вы же (назвал его еврейское имя и отчество) столько-то лет тому назад!» – радостно сказал мужчина. Коган смутился – невольно похвалил себя. Но он нашёлся. «Я тогда был моложе, только начинал и очень старался, – сказал он, – Сейчас я так не смог бы.» Позднее в Москве и, возможно, где-то ещё открыли немногие платные поликлиники.

Но обычно за лечение больные не платили, и это было, конечно, большое благо – не думать, смогу ли я в случае болезни оплатить лечение.

Следующая особенность нашего лечения – посещение врачом больных на дому. Не только в случае тяжёлого заболевания, но даже в связи с простой простудой врача вызывали на дом. Это было особенно важно потому, что свои машины имели очень немногие. При этом уменьшалась опасность распространения инфекции.

Далее. Больным, как тем, кто лечился дома, так и тем, кого положили в больницу, компенсировали потерю заработка – частично или полностью, в зависимости от стажа работы на данном месте. Отпуск по беременности и родам оплачивали в течение 4 месяцев. В стационарных больницах больных держали неделями и месяцами – столько, сколько требовалось по медицинским показаниям.

Сравнивая это с Соединёнными Штатами, надо иметь в виду, что содержание больных в СССР обходилось во много раз дешевле. Зарплата медицинских работников была очень низкой. Палаты обычно были рассчитаны на 4-10 больных (кроме палат для тяжёлых больных). Питание было неудовлетворительным, так что родственникам приходилось приносить продукты из дому. Оборудование было намного проще и дешевле, чем на Западе.

Были хорошо оборудованные, комфортабельные, с отличным питанием больницы для больших начальников и их семей. Для этих больниц закупались на Западе дорогие лекарства (в обычные больницы могли поступать, кроме советских, да и то не часто, только лекарства из стран-сателлитов Польши, Венгрии, Чехословакии и др.). Научно-лечебные институты Академии медицинских наук были также хорошо поставлены, но попасть туда было очень трудно.

При недостаточном, отсталом оборудовании особенно большую роль играли опыт, подготовка, талант врача, его отношение к делу. Было немало замечательных врачей – опытных, порой самоотверженных. Но уровень большинства врачей был невысоким. Я ранее писал, как несерьёзно проводились экзамены в советских институтах, в том числе и в медицинских. Помню, как мне пришлось вынести тяжёлую процедуру – порционный

анализ желудочного сока. Мой врач повертела в руках принесённую мною бумагу и сказала: “В этих анализах только лаборанты разбираются.”

Томе в больнице не могли поставить диагноз гепатита, пока Аня не заметила желтизну её глаз. В другой раз Тома в Москве чуть не погибла. Все города делились на участки, закреплённые за врачами и поликлиниками. К Томе приходили разные врачи, так как участок перешёл к другой поликлинике. Врачи ничего не могли определить. А Тома теряла силы, исходила внутренним кровотечением, пока бывшая проездом в Москве её свекровь Марья Петровна не вызвала машину скорой помощи. Оказался разрыв внематочной беременности.

Возвращаясь к моему лечению. Приехав в Москву, пошёл в Центральный институт туберкулёза Академии медицинских наук. В коридоре спросил у пожилого человека в белом халате, где приёмный покой. Это оказался директор института, еврей. Спросил, по какому я делу. Я дал ему моё направление. Он сказал, что такие направления посылают по почте и ждут вызова, который высылается, когда есть свободное место. Потом посмотрел на меня и спросил: “Это не о вас ли звонили из ЦК (Центрального Комитета) партии?” Я в растерянности ответил: “Наверное, нет.” Он велел мне подождать, пошёл с моей бумагой в канцелярию, вскоре вернулся и сказал: “Идите оформляться.”

С волнением вспоминаю этого человека, который, очевидно, спас мне жизнь. Потом я читал, что среди медицинских работников, уволенных в ходе антисемитских кампаний, был директор Центрального института туберкулёза Левин. Вероятно, это был он.

Не знаю, как в Америке, но в отношении Советского Союза утверждение антисемитов о том, что евреи сплочённо держатся друг за друга, и поэтому особенно опасны, является ложью. Кроме родственников, которые, действительно, обычно охотно помогают друг другу, евреи не часто позволяли себе оказывать помощь, протекцию своим соплеменникам. Например, заведующий кафедрой в Белгородском педагогическом институте, к которому я после аспирантуры обратился в связи с объявлением о наличии вакансии, отказал мне, опасаясь обвинения в создании “семейственности” – было такое понятие, относившееся, конечно, только к евреям, работающим в одном учреждении.

Случаев получения помощи от евреев (кроме родственников) в моей жизни было намного меньше, чем от не евреев, о чём я рассказывал выше и ещё надеюсь рассказать. Кроме судьбоносного приёма в тубинститут, запомнил очень немного (безусловно, какие-то забыл) не таких значительных случаев. Как-то во время учёбы на первом курсе в трамвае старенький еврей спросил меня, где я учусь. Я сказал, что в ИФЛИ. “Флиен?,” – спросил он и показал рукой полёт самолёта (по-еврейски флиен значит летать). Я объяснил, где учусь. Он предложил мне прийти в школу, где он продавал письменные принадлежности, и он даст мне тетради – это был большой дефицит. Знаете ли вы это слово или вам оно, к счастью, так же понятно, как моему трамвайному попутчику слово ИФЛИ? Я поблагодарил старичка, но за тетрадями не пошёл.

Помню случаи поблажек со стороны экзаменаторов – евреев. Вскоре после начала войны я сдавал экзамен по истории. Отвечал не очень хорошо – нас переселяли в другое общежитие, и вообще время для подготовки к экзамену было неподходящим. Когда я кончил отвечать, экзаменатор Вишнеvский пожелал мне по-еврейски: “Зай гезунт” (будь здоров) и поставил “отлично.” Я ответил: “Зайт гезунт” (будьте здоровы)

– пригодился мой скромный идиш. Меня очень растрогало это неожиданное обращение по-еврейски от ортодоксального коммуниста, в официальной обстановке экзамена – мы, молодые, до войны мало думали о своём еврействе.

Позднее, в 1942 голодном году, профессор Гроссман также поставил мне “отлично,” хотя я на один из вопросов ответил очень слабо. И ещё один случай. Когда я после окончания университета сдавал кандидатский экзамен по французскому языку, я должен был прочитать без словаря незнакомый текст. Экзаменатор Фрусина на консультации дала мне на дом газету, отметив то место, которое я должен буду перевести. Мне неудобно было сказать, что я в состоянии перевести незнакомый текст; я просто поблагодарил её.

Прочитав этот абзац, Тома вспомнила, как она в Новосибирске искала квартиру и председатель жилищного кооператива помог ей после двух вопросов: “Как вас зовут?” и “Ир занд а ид?” (вы еврейка?).

В связи с моим поступлением в тубинститут нужно сказать об одном феномене советской действительности – о так называемом телефонном праве. Руководящие работники, не желая нести ответственность за то или иное своё незаконное или сомнительное решение, вместо письменного приказа давали устное указание лично или по телефону. Например, однажды, когда я находился в кабинете ректора Саратовского пединститута Кобзева, он узнал, что ему предлагают возглавить комиссию по проверке работы какой-то школы. Кобзев спросил по телефону, не стесняясь меня, настолько это ему казалось естественным, – какие после проверки должны быть сделаны выводы (положительные, отрицательные или так называемые организационные, то есть снятие с работы). И это до начала проверки! Конечно, ответ, такой же незаконный, как и вся система советского руководства, он мог получить только в устной форме.

Этот эпизод вообще характерен для широко распространённой практики так называемых проверок, ревизий, которые часто проводились, чтобы подтвердить заранее принятое решение. Нередко – чтобы получить у проверяемых взятку (особенно в последние десятилетия, когда на смену уничтоженным более или менее идейным коммунистам пришли откровенные карьеристы и нечистоплотные люди). В лучшем случае эти проверки, сильно мешавшие работе, проводились просто для того, чтобы создавать видимость активности.

Незаконное “телефонное право” обычно служило групповым и личным интересам тех, кто им пользовался. Но иногда, видимо, не часто, оно позволяло руководителю совершить доброе дело, из чувства жалости помочь кому-то, когда по официальным правилам это сделать нельзя. Есть пословица: в семье не без урода. Можно её дополнить: а в плохой компании иногда попадается порядочный человек. Вот так мне посчастливилось. Директор тубинститута воспользовался тем, что якобы полученное по телефону указание из Центрального Комитета партии никто проверять не станет.

Вскоре выяснилось, почему лечение мне не помогало. Прекрасный рентгенолог профессор Прозоров, который лично сидел за аппаратом (обычно, в том числе и в Америке, техник делает снимки для рентгенолога), обнаружил процесс в моём втором лёгком. Лекарств по-прежнему не было, но мне наложили пневмоторакс на второе лёгкое, что-то ещё делали, и через некоторое время процесс закрылся. С благодарностью вспоминаю профессора Рабухина, доктора Кумака, моего лечащего врача.

Институт был очень хорошим лечебным учреждением. Этажом выше располагалось отделение Кремлёвской больницы, где лечились руководители страны и их родственники. Их лечение проводили те же врачи в тех же кабинетах, только у них были другие палаты и другая столовая. Выше я рассказал, как мама, чтобы посылать мне деньги на дополнительное питание, нанялась помогать торговцу конфетами.

Выздоровлению, очевидно, способствовало оптимистическое настроение, вообще характерное для меня. Я, как и другие молодые соседи по палате, выполнял предписания врачей, но меньше всего думал о болезни. Мы жили весело! Научился играть в преферанс. Мы играли часами, до отбоя. Так увлёкся, что даже когда смотрел кино (нам показывали фильмы каждый вечер – телевидения ещё не было), продумывал всякие комбинации.

Однажды, по случаю какого-то праздника, мой сосед, молодой лейтенант Саша Ермаченко угостил меня водкой (я его – закуской). Мы распили бутылку на двоих (обычно, если не говорить о пьяницах, в России принято выпивать бутылку втроём). 250 граммов водки и даже вина я ни до того, ни после не выпивал. Я не был пьян настолько, чтоб не помнить себя (я вообще никогда не был по-настоящему пьян), но был очень заметно “навеселе.” Мне предложили сыграть в преферанс, полагая, что в таком состоянии я проиграюсь (преферанс – денежная игра, но у нас ставки были небольшие). Я согласился ... и обыграл всех! Потом я вспоминал, что играл вопреки всякой логике. И поэтому выиграл – для партнёров мои ходы были неожиданными. А ночью меня стошнило.

Порой наше веселье было неэтичным. Поместили к нам еврея средних лет по фамилии Волк. И мы хором пели почти по Пушкину:

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей подругою голодной
Выходит на дорогу лев (или бегемот).

Все знали, что у Пушкина написано:

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

Потом я прочитал у Твардовского, как позорно “во чьё-то горе обратить забаву.” Кстати, инициатором этого пения был племянник министра Скачков, любивший рассказывать антисемитские анекдоты. А мы, молодые евреи, участвовали, не задумываясь над связью этого веселья с анекдотами Скачкова.

Но вот прошло 6 месяцев, я был практически здоров, пришло время выписываться. Доктор Кумак настойчиво рекомендовал мне не рисковать, не оставаться в Москве, а уехать к родителям в Днепропетровск, где также имелся университет – конечно, не такой, как Московский. Я согласился с ним, хотя и неохотно. Поскольку учебный год всё равно уже пропал, Минна на всякий случай устроила меня ещё на два месяца в санаторное отделение какой-то больницы.

8 мая 1945 года я выехал в Днепропетровск.

13 Великая победа над фашизмом.

Утром 9 мая, проснувшись, я услышал сообщение, которого мы ждали со дня на день, поскольку Берлин был взят советскими войсками уже неделю тому назад: Вторая мировая война в Европе завершилась великой победой над фашизмом. По радио выступил Сталин.

Почти четыре года мы жили войной, стойко переносили большие трудности. Это не была война Сталина и Гитлера. Спровоцированная ими война стала для нас войной за выживание. Я каждый день отмечал по карте положение на фронте (и, по мере моих малых возможностей, делал, что мог).

Наверное, счастье победы не было бы таким сильным, если бы события войны не развивались так драматично. Советская пропаганда неустанно – в газетах, по радио, в песнях, кинофильмах и т.д. – внушала народу веру в непобедимость Красной армии (потом она стала называться Советской). Утверждали, что война будет вестись на территории врага, “малой кровью, могучим ударом.” И когда немецкие войска вторглись в страну и в короткий срок оккупировали огромную территорию, это был страшный шок для всех, снизу доверху, включая Сталина, который только через 12 дней смог выступить по радио. Немцы захватили Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, большую часть Украины, западные области России, окружили Ленинград и вплотную подошли к Москве. Казалось, всё кончено, тем более, что все знали о том, как быстро немцы сумели покорить другие страны Европы.

И вдруг 11 декабря 1941 г. по радио выступает диктор Юрий Левитан (худощавый еврей с великолепно поставленным голосом. В течение всей войны, когда по радио раздавался этот голос, замирала вся страна – от него узнавали важнейшие горестные и радостные новости). “Разгром немецко-фашистских войск под Москвой!” Состояние людей, слушавших это сообщение, трудно представить себе тем, кто этого не пережил. Впервые разгромлены немецкие войска, которые за полтора месяца покорили великую Францию, прошли триумфально через всю Европу до Москвы! И это сделала армия, которая, казалось, была почти подавлена.

Победе под Москвой способствовали наступившие морозы – немцы не были готовы к ним, так как рассчитывали быстро закончить войну. Как ни странно, но очень большую роль в этой победе сыграл один человек, немец, который находился далеко от Москвы – Рихард Зорге, советский разведчик, идейный коммунист (внук известного немецкого социалиста). Зорге заранее сообщил в Москву дату нападения Германии, но Сталин ему (и другим, в том числе Черчиллю) не поверил, считая их провокаторами. Оказалось, что сообщение было верным. Так что когда находившийся в Японии Зорге сообщил, что Япония, союзница Германии, в этом году не нападет на Советский Союз, как все ожидали, Сталин поверил. И многие из находившихся на Дальнем Востоке дивизий были переброшены под Москву.

Однако решающую роль сыграл перелом в настроении народа. Даже те (очень многие), кто не любил советскую власть, поняли, что вопрос стоит о судьбе страны, народа, и начали воевать по-настоящему, как умеют воевать русские и другие, в том числе евреи, когда считают войну своей, жизненно важной. На оккупированных территориях, особенно в Белоруссии, десятки тысяч партизан пускали под откос немецкие эшелоны,

срывая снабжение войск, сражавшихся под Москвой. И советская пропаганда перестроилась. Вместо идей марксизма-ленинизма стали прославлять патриотические традиции старой русской армии. Возродили её атрибуты, включая погоны. Учредили ордена и медали имени русских полководцев Суворова, Кутузова, флотоводцев Ушакова, Нахимова. Возродили православную церковь.

Весной 1942 года немцы сумели развернуть новое мощное наступление на юге. Сталин издал драконовский приказ, по которому так называемые истребительные батальоны расстреливали из пулемётов тех, кто отступал без приказа. Тем не менее немцы дошли до Кавказа и Сталинграда на Волге. Но затем в районе Сталинграда их войска (300 тысяч человек во главе с фельдмаршалом Паулюсом) были окружены и в начале 1943 года уничтожены или взяты в плен. К этому времени советская промышленность и американские поставки по ленд-лизу обеспечили армию достаточным количеством оружия, боеприпасов и других необходимых материалов.

Если в 1941-42 г.г. немцы успешно наступали летом и терпели поражения зимой, то летом 1943 года советская армия одержала победу в крупнейшем танковом сражении на Курской дуге, которое, наряду со Сталинградской битвой, сыграло решающую роль в войне. После этого её наступление продолжалось почти непрерывно. Однажды по пути из Ленинской библиотеки я услышал орудийный салют, которыми в Москве отмечали взятие больших городов. Я спросил, какой город взяли. Мне ответили: Днепропетровск.

Америка и Великобритания, заключившие перед лицом общей опасности союз с СССР, воевали с немцами в Африке, с Японией на Тихом океане, в 1943 году начали освобождение Италии, а летом 1944 года открыли долгожданный второй фронт в Западной Европе. В апреле 1945 год советские и американские войска встретились в Германии, на реке Эльба. 2 мая советские войска взяли столицу Германии Берлин. 8 мая 1945 года Германия подписала акт о капитуляции.

Гитлер и его ближайшие соратники кончили жизнь самоубийством, другие руководители Германии были казнены, как военные преступники, по приговору Международного трибунала.

И сейчас, спустя много-много лет, нельзя без волнения смотреть на кадры старой кинохроники, запечатлевшие встречу матерей, жен, детей со своими – живыми! – сыновьями, мужьями, отцами, спасшими страну и весь мир от смертельного врага.

Воспоминание о великой победе над фашизмом омрачается той страшной ценой, которую за неё заплатили все участвовавшие страны, но особенно советский народ (27 миллионов погибших) и рядом неблагоприятных последствий (подчинение стран Восточной Европы, рост шовинизма и антисемитизма).

Но, несмотря на всё это, День Победы, день памяти о беспримерном подвиге народа, остался в его сознании как великий праздник – со слезами на глазах.

Часть II

14 Снова Днепропетровск. Учёба, журналистика.

Вернувшись домой, я собирался осенью перевестись в Днепропетровский университет, но этому помешала новая болезнь. Для того, чтобы закрепить моё излечение от закрывшегося туберкулёзного процесса, было решено на некоторое время продолжить наложение искусственного пневмоторакса. Внесли в плевру инфекцию, и я заболел эмпиемой, гнойным плевритом. Антибиотиков тогда у нас ещё не было, и, в отличие от туберкулёза, который я переносил легко, новая болезнь протекала очень тяжело, с высокой температурой. Однажды, когда мы с мамой ехали в больницу, я впервые в жизни на несколько минут потерял сознание.

Болезнь длилась почти всю зиму. Но вот однажды тётя Циля, у которой я находился во время болезни (и которая украдкой от меня всё время плакала) принесла с базара солёный арбуз. Отрезала мне половину, и я его съел. Сразу съел вторую половину. И выздоровел! (наверное, не потому выздоровел, что съел арбуз, а потому съел его, что выздоровел). Но ещё один учебный год был потерян.

Осенью я оформился в Днепропетровский университет (на 4 курс, поскольку я в Москве не сдавал весеннюю сессию за этот курс). Разумеется, здесь был совершенно другой уровень по сравнению с МГУ. Вообще в СССР, в отличие от США, всё лучшее, в том числе и лучшие вузы, сосредоточены в столице – Москве, (и в Ленинграде). Только сравнительно недавно в Новосибирске был создан научный и учебный центр сравнимый со столичными. В Днепропетровске нельзя было даже представить себе и качество преподавания, и ту свободу дискуссий (конечно, в определённых рамках), которые были у нас в ИФЛИ и МГУ.

Помню, как на 3 курсе МГУ я вступил в полемику с руководившей семинаром Лидией Михайловной Поляк. Я прочитал в журнале её статью о поэзии военного периода, где она в примечании пишет, что не рассматривает поэму Твардовского “Василий Тёркин,” так как это лубок, то есть примитивные стихи, рассчитанные на полуграмотных крестьян. Я понял, что она просто не читала поэму. Во время позорной для СССР войны с Финляндией (1939-40 г.г.) Твардовский, действительно, печатал под этим названием стихи такого типа. Поэтому, когда он начал публиковать свою поэму, Поляк, как я понял, решила, что это продолжение, и не стала читать. Я сказал, что поэма “Василий Тёркин” – не лубок, а замечательное произведение большой поэзии (и сейчас так считаю). Лидия Михайловна не обиделась

Поскольку я и в Москве на 4 курсе посещал занятия выборочно, а большую часть времени уделял своему исследованию, что я продолжал делать и в Днепропетровске, ущерб от снижения уровня преподавания в ДГУ был для меня не так уж велик. Обнаружилась даже некоторая положительная сторона. Я вообще в чём-то плохом всегда стараюсь найти нечто хорошее, смягчающее огорчение (гам зу л'това!) Это полезно для самочувствия и, наверное, для здоровья, но не для карьеры – зачем прилагать большие усилия, если и так неплохо?

В ДГУ меня сделали (до сих пор не понимаю, кто и как) председателем научного студенческого общества, приглашали на заседания кафедр. Мой доклад о творчестве Бориса Пастернака был вынесен на пленарное заседание общегородской научной студенческой конференции – единственный от университета. На научной конференции преподавателей я сделал доклад о Белинском. За эти и другие доклады получил Почётную грамоту ЦК комсомола и денежную премию ректората.

Но, как оказалось, к серьёзным вещам это никакого отношения не имело. Когда перед выпускными экзаменами происходило распределение на работу (в СССР выпускники вузов были обязаны 3 года отработать там, куда их направят) и секретарь комитета комсомола предложил рекомендовать меня в аспирантуру, декан Плахотишина отрицательно помахала головой. Потом всё-таки экзаменационная комиссия дала мне, как получившему диплом с отличием, рекомендацию в аспирантуру, но это была формальность. Шёл 1948 год. Задержка из-за болезни привела к тому, что моё окончание университета совпало с усилением антисемитизма. По этой и по другим причинам я не стал подавать заявление, а из тех евреев, которые подали, никто не был принят, и одно из двух мест осталось незаполненным. Только через 14 лет, в период хрущёвской “оттепели,” я поступил в аспирантуру.

Когда зав. кафедрой литературы Марк Ильич Соيفер попытался привлечь меня к преподавательской работе на кафедре, та же Плахотишина не допустила этого. Я был направлен в Никополь лектором в отдел культуры. К счастью, оказалось, что никакой лектор там не требовался (может быть, моя фамилия не понравилась), и я мог искать работу самостоятельно.

Ещё на 4 курсе я начал печататься в газетах. Первые заказанные мне статьи – “проба пера” – были посвящены двум юбилеям (со дня рождения и со дня смерти) великого американского изобретателя Эдисона – словно предвидя, что я когда-нибудь стану американским гражданином. Этот заказ был удивительным, так как в стране уже началась кампания борьбы против “преклонения перед Западом” (нужно было нейтрализовать то положительное впечатление о Западе, по сравнению с СССР, которое вынесли советские солдаты и офицеры, побывавшие во время войны в Европе).

Затем я стал печатать статьи по вопросам литературы и театра. Увидев впервые своё имя в печати, я испытал такое удовольствие, которого потом, опубликовав много научных статей, никогда больше не чувствовал.

Одну из заказанных мне театральных рецензий меня попросили представить как “коллективное мнение.” Я предложил Ане подписать её (при этом я включил её мысль; мы вместе смотрели спектакль – бесплатно, по журналистскому документу).

Третьим подписавшим был Павел Загребельный. Это был серьёзный студент, участник литературного кружка, в котором я (параллельно с руководством научным студен-

ческим обществом) был председателем. Перед окончанием университета я передал ему мои полномочия. Он стал известным писателем, руководителем Союза писателей Украины. Помнил ли он, как его имя впервые появилось в печати?

Последнюю (в тот период) статью я опубликовал уже после окончания университета, в 1949 году. В стране развернулась дикая антисемитская кампания борьбы против “безродных космополитов.” Заведующие литературными отделами областных газет “Днепровская правда” и украинская “Зоря” еврей Иосиф Пустынский и Михаил Штейн, печатавшие мои статьи, были ошельмованы и уволены. Пустынский, боевой офицер, раненый, награждённый орденами и медалями, обвинённый в отсутствии патриотизма, вскоре умер от инфаркта. Хотя мою, ранее заказанную Пустынским статью о Грибодове сменившая его Демьяненко напечатала, но больше я связываться с газетами не стал – только через 13 лет я снова стал печататься.

Во время учёбы в университете я вступил в партию. Идеи социализма, социальной справедливости (в Западном понимании) были мне близки. Я читал Маркса, Энгельса, Ленина, и хотя далеко не со всем, что они писали, я был согласен (в книгах по иудаизму сейчас мне тоже не всё представляется обоснованным), но многие идеи классиков марксизма казались мне разумными.

Идеи, провозглашённые коммунистами, получили поддержку со стороны миллионов людей из бедных слоёв общества (помните сапожника, соседа моей бабушки?) и со стороны многих интеллигентов как в России, так и за рубежом.

Эти люди, в России и за рубежом, видели и тяжело переживали несовершенство современного мира, в котором массы бедняков, с трудом поддерживающих своё существование, противостоят живущее в роскоши меньшинство, далеко не всегда имеющее какие-то заслуги. Отрицательное отношение к этому миру особенно усилилось после Первой мировой войны, а затем во время экономического кризиса 1929-1932 годов. Многие увидели какую-то надежду в попытке коммунистов построить основанное на равенстве новое общество, к чему давно призывали Кампанелла, Мор, Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие социалисты, – общество, в котором в связи с огромным развитием производительных сил люди будут свободны от заботы о средствах существования с тем, чтобы главным делом стало всестороннее развитие личности, общество, в котором исчезнут национальные границы и войны.

Осуждая пороки существующего мира, они не могли представить себе, что новый мир окажется ещё хуже. Их симпатии к советскому эксперименту исчезли после раскрытия в 1956 году сталинских преступлений и вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 году.

Мне, как и другим, было видно, как много в нашей жизни такого, что никак не соответствовало провозглашённым идеям (хотя масштаб сталинских злодеяний тогда ещё был неизвестен). Но видел я и положительные свершения: бурное развитие промышленности, отсутствие безработицы и другие. После революции весь народ получил образование (в отличие от Западной Европы и Америки, большинство населения России до революции было неграмотным). Массы евреев из местечек черты оседлости и крестьян из деревень (пока это было возможно) переехали в столицу и большие города, где перед ними открылись такие возможности, которых у них раньше не было. Победа над фашизмом в этой страшной войне также связывалась с руководством партии.

В уставе партии было написано, что она объединяет единомышленников. Но это было не так. Когда в конце 80-ых годов наступило время некоторой свободы (“гласность,” “перестройка”), оказалось, что, наряду с твёрдолобыми сталинистами и беспринципными карьеристами, за неимением выбора, в партию, единственную в стране, вступали и люди, которые находили что-то приемлемое в её программе и хотели активно участвовать в общественной жизни.

Однако ко времени моего вступления в партию эти возможности свелись почти к нулю. После революции, пока в партии (не в обществе!) существовала оппозиция, рядовые члены партии могли участвовать во внутрипартийных дискуссиях, голосовать за ту или иную платформу – многие из них потом за это удовольствие поплатились жизнью. В 20-ые и в начале 30-ых годов члены партии выделялись среди населения. Им поручалась ответственная, руководящая работа, часто – несмотря на полную некомпетентность (считалось, что преданность партии и революции важнее). Нередко эти поручения были связаны с опасностями и трудностями, с переездом в отдалённые местности. Их в первую очередь направляли на учёбу. Во время Большого террора многие из них были уничтожены.

В моё время члены партии, которые исчислялись уже не тысячами, а миллионами, практически не отличались от остального населения, только должны были платить членские взносы, выполнять какую-то общественную работу (бесплатную и часто бессмысленную), а также подчиняться более строгим правилам поведения (наказывали за пьянство и т.п.).

Произошло то, что Оруэлл в своём замечательном романе “1984” назвал разделением партии на внешнюю и внутреннюю. Внутренняя партия, состоявшая из профессиональных партийных и других руководящих работников, управляла страной. Они извлекали из этого огромные личные выгоды. Только в первые годы после революции от коммунистов требовался скромный образ жизни, они должны были жить интересами партии, порученного дела. Существовал партийный максимум зарплаты, выше которого член партии не мог получать, какой бы пост он ни занимал. Прославлялся аскетизм. Конечно, и тогда была коррупция, злоупотребления (об этом Ленин писал в своих последних статьях), но за это коммунистов наказывали более строго, чем беспартийных.

Потом всё изменилось. Был отменён партмаксимум, а после войны руководящие работники стали получать в закрытых конвертах вторую зарплату. Среди массовой бездомности они получали великолепные (по советским понятиям) квартиры. В специальных закрытых (без вывесок) магазинах и столовых получали по сниженным (а порой по символическим) ценам дефицитные продукты и всевозможные товары. Лечились в специальных больницах, отдыхали в роскошных санаториях. Их дети и внуки вне всяких конкурсов принимались в самые престижные вузы.

А “внешняя партия” имела, пожалуй, только одно преимущество перед беспартийными – право участвовать в закрытых партийных собраниях, на которых иногда зачитывались секретные письма Центрального Комитета. Это, думаю, была главная причина моего вступления в партию – я интересовался политикой и чувствовал какую-то ущербность от того, что не имею доступа к информации, которой владеют мои коллеги. Впрочем, действительно серьёзные новости, например, секретный доклад Хрущёва о Сталине, быстро становился всеобщим достоянием – миллионы новых членов партии

не умели хранить секреты. Помню, как моя беспартийная тётя Циля, работавшая на заводе, спросила меня: “У вас на партийном собрании читали письмо Центрального Комитета? О чём? Это секрет? Ну, так я тебе сейчас расскажу!”

Очень скоро мои отношения с партией осложнились – об этом я расскажу ниже.

15 Женитьба. Проблема жилья в СССР. 50 лет вместе.

На следующее утро после моего возвращения в Днепропетровск, 9 мая 1945 года, в День Победы, я на демонстрации увидел Аню. После этого мы с ней встречались в течение трёх лет. Решили жениться после окончания учёбы. Кстати, из 6 наших мальчиков, оставшихся живыми после войны, 4 женились на девочках из нашего класса (одна пара потом развелась). Мы с Аней зарегистрировали наш брак 5 ноября 1947 года, за несколько месяцев до свадьбы, – это было необходимо, чтоб Аню отпустили с работы, куда она была направлена по распределению после окончания института. Вот какими мы были в этот день (1)¹.

Наша свадьба состоялась 6 марта 1948 года. Конечно, не было религиозного обряда (все мы, кроме бабушки, были тогда атеистами). Через много лет мы в Америке совершили обряд еврейского бракосочетания под хупой, впервые обменялись кольцами. (Аня и до этого носила кольца, а я кольца не носил ни до хупы, ни после, так что иногда незамужние женщины, которых было много в нашем военном поколении, думали, что я холостяк.) А тогда в квартире Аниных родителей состоялось скромное застолье для родственников. В качестве вина Анин папа привёз из деревни самогон (крепкий алкогольный напиток, незаконно изготавливаемый кустарным способом, довольно противный, по-моему, но широко распространённый в СССР, в России, главным образом, в селах).

Перед новой семьёй встал вопрос – где жить. Жилищная проблема в Советском Союзе вообще была одной из самых мучительных. Если описывая систему просвещения, здравоохранения, я мог отметить как отрицательные, так и положительные стороны, то в отношении жилья положительной можно было считать только низкую, почти символическую арендную плату за государственные квартиры. При увеличении стоимости всего остального, эта плата почти не менялась.

Жители сёл и, частично, пригородных посёлков жили обычно в собственных маленьких домах без всяких удобств. Туалеты, и в суровую русскую зиму – во дворах. Там же – вода в колодцах. Не отсюда ли закалённость, которой не было у немецких солдат во время декабрьской битвы под Москвой?

В городах положение большинства жителей было намного хуже. После революции с большим пропагандистским шумом было произведено переселение рабочих в дома, покинутые богатыми или конфискованные у них (напомню, что у моего папы был конфискован двухэтажный дом, правда, производственного назначения). Но рабочих и служащих было намного больше, чем квартир, и в одну квартиру стали вселять

¹Перед свадьбой.

несколько семей. Возникли так называемые коммунальные квартиры, с общей кухней, общим туалетом на несколько чужих друг другу семей.

Если обнаруживалось, что кто-то занимает площадь больше установленной мизерной нормы, его “уплотняли,” то есть отбирали комнату для другой семьи. Мой папа сам отдал три из занимаемых им шести комнат двум другим семьям, превратив свою квартиру в коммунальную. В одной из наших трёх комнат жила тётя Маня, убитая потом немцами.

Положение стало ещё хуже, когда в связи с индустриализацией и коллективизацией миллионы крестьян стали горожанами. Новых домов строили очень мало, и большую часть квартир в них получали руководящие работники, число которых непрерывно возрастало. На почве скученности в коммунальных квартирах постоянно происходили ссоры, порой настоящие “войны.” Имели место всяческие интриги, доносы (особенно во время Большого террора) с целью расширить свою жилплощадь за счёт соседей. Как говорит Воланд в романе Булгакова “Мастер и Маргарита,” “квартирный вопрос их испортил.”

Бывало, конечно, и иначе. Иногда соседи по коммунальной квартире становились такими друзьями (вспомним студенческие общежития!), что когда при Хрущёве началось расселение семей по небольшим, но отдельным квартирам, некоторым соседям было трудно расставаться. Отмечу, что неблагодарные люди называли эти квартиры “хрущобы” (намёк на “трущобы”), забыв, в каких условиях они жили раньше.

Одно из следствий жилищного кризиса имело непосредственное отношение к нам, почему я и включил этот рассказ в главу о возникновении нашей семьи. Дело в том, что из-за невозможности обзавестись своим жильём новые, молодые семьи часто оставались жить с родителями. Возникали не характерные для Запада семьи из трёх поколений. При этом проблемы, с которыми нередко сталкиваются молодые семьи, обычно обостряются из-за разногласий между поколениями.

Описываемые трудности характерны не только для Советского Союза, но, в той или иной мере, и для других бедных стран, а также для бедных районов Америки.

Мои родители сумели отстоять свою квартиру в 20-ые годы, но не смогли вернуть её после эвакуации. И мы с Аней поселились у её родителей.

Вскоре начались неприятности, на которых я не хочу особенно останавливаться. Но отражённая в многочисленных анекдотах проблема “тёща и зять” не обошла и нашу семью. О последнем конфликте придётся рассказать, так как из-за него наша семья чуть не распалась. Когда родился Лёня, мы с Аней наняли няню-домработницу. Я ей объяснил, что, как настойчиво указывает знаменитый педиатр академик Сперанский, детей нельзя укачивать, так как при этом их засыпание происходит в результате лёгкого сотрясения мозга. Бася Ефимовна не согласилась и велела няне укачивать ребёнка. “Меня укачивали, и Лёню пусть укачивает,” – говорила она.

В течение 7-8 месяцев мне, хоть и с трудом, удавалось бороться с укачиванием. Если ребёнок ночью плакал, я ходил с ним, что-то напевал или говорил, и он успокаивался и засыпал. То же самое я делал днём, когда был дома. Все видели, что этот метод работает, хотя укачивание усыпляет ребёнка быстрее. Видимо, поэтому или по женской солидарности няня решила слушать не меня, а Б. Е., хотя платили ей мы с Аней (Аня в споре не участвовала). Когда эта няня сказала мне “если будете вмешиваться в бабские

дела, то и сами станете как баба,” я хотел отпустить её и нанять другую, но Б. Е. не позволила. Произошёл конфликт.

Случилось так, что я в это время тяжело заболел. Врачи не могли поставить диагноз. В семье решили, что это ко мне вернулся туберкулёз (потом выяснилось, что это был приступ аппендицита). Как только я поправился, я ушёл к моим родителям, в их однокомнатную квартиру – студию, как их называют в Америке.

Новые поколения иногда учатся на ошибках отцов. Когда Тома вышла замуж, они с мужем решительно отклонили предложение поселиться с нами. Они жили в маленькой, сырой комнате, пока мы с Аней не передали им нашу квартиру, переехав в другой город, где мне на новой работе дали другую. В течение почти двухлетнего раздельного проживания (с августа 1949 года до июня 1951) моя мама каждую неделю приводила к нам Лёню (конечно, я и деньги посылал).

Встал вопрос, что делать – завести новую семью? Но мне трудно было себе представить, что мой сын будет расти без меня (Лёня, наверное, потом сказал бы, что это было бы неплохо – дедушка и бабушка, как это часто бывает, его баловали, а я был строгим отцом).

Я предложил Ане поискать квартиру. Она сразу согласилась. Хорошо это было или плохо? Пусть на этот вопрос ответят Тома, Маша, Аня, Саша, Вадик, Бася, Арон, Ханнале, Кейла, Хейли, Эван, Айви, которые родились, в частности, благодаря этому решению, – а у тех, кто мог бы родиться в другом браке, спросить невозможно. Гам зу л’това!

Летом 1951 г. начали искать квартиру. На дешёвую государственную мы рассчитывать не могли, так что с помощью так называемых маклеров стали искать в маленьких частных домах. Удалось найти в районе, который назывался Фабрикой, весьма удачную квартиру (сравнительно со всеми, которые мы смотрели) – отдельную, из 3 небольших комнат и кухни (в праздники мы принимали до 30 гостей). Но из коммунальных удобств там было только электричество. В центре квартиры находилась печь, которую топили дровами и углём. В этой же печи готовили пищу. Туалет был во дворе, вода – в колонке на улице. Мусор надо было ночью выносить на неофициальную свалку (хозяин не хотел платить за вывозку). Плата за эту квартиру была в 5 раз выше государственной, причём мы должны были заплатить вперёд за 4 года 10 тысяч рублей и отремонтировать крышу. Деньги мы одолжили у родителей, крышу я отремонтировал, но хозяин Уткин ещё хотел, чтобы мы через 4 года квартиру освободили. Я не соглашался.

С этим удалось справиться. Договорившись с хозяином о цене, я оставил ему 3 тысячи рублей как задаток, не взяв никакой расписки. Уткин был потрясён! И когда мы привезли остальные деньги, он подписал договор, не вникая в детали. А там было написано, что мы можем оставаться в квартире и после 4 лет. Риск оправдал себя. Через 4 года Уткин потребовал освободить квартиру (чтобы сдать её ещё дороже). К этому времени уже родилась Тома. Мы сказали хозяину, что добиваемся государственной квартиры, а пока нам с двумя маленькими детьми уйти некуда. Уткин обратился к адвокату (в СССР можно было получить юридическую консультацию бесплатно), но ему объяснили, что в соответствии с нашим договором он выселить нас не может.

Он стал угрожать нам. Однажды перерезал наш электропровод. Я знал, что он способен на преступление. Как-то я издали видел, как он в соседнем дворе волочил по

земле хозяина того двора. В отношении нас его, видимо, сдерживало то, что я работал в военной школе и носил военную форму. Когда Лёня сказал мне, что Уткин поднял его за щёки в воздух, я серьёзно поговорил с ним. Больше он себе ничего такого не позволял. Так мы, буквально на нервах, прожили там ещё 4 года.

Жизнь наша была нелёгкой. Правда, первые полтора года у нас была няня-домработница Наташа – замечательно трудолюбивая, любила Лёню. Но она ушла работать на завод (потом приходила к нам узнать, “как там мой воспитанник”). Больше у нас такой не было. Когда Томе исполнилось 2 года, мы отпустили последнюю няню. Я устроил Тому в ясли, потом в садик (это было нелегко, мест не хватало, но удалось – причём рядом с домом). А Лёня уже ходил в 1 класс (с ключом на шее). Мы работали далеко от дома. Вечером нужно было забрать Тому, наносить воды, угля, наколоть дров, растопить печь, приготовить еду и т. п. Спасибо родителям – моя мама покупала нам продукты, Бася Ефимовна шила и ремонтировала детскую одежду. На выходные Аня отвозила детей к своим родителям, которые с ними возились, кормили, купали.

Наши отношения с Аней складывались по-разному. В первые полтора года мы ни разу не поссорились. Но после того, как мы разошлись и через два года вновь сошлись, отношения были уже не такими идиллическими. За 50 лет, которые мы прожили вместе, у нас было много хорошего. Но ссор, серьёзных и несерьёзных конфликтов было также немало. Обычно считается, что в любой семейной ссоре в большей или меньшей степени виновны оба супруга. Так оно, очевидно, и бывает. Но я сейчас не могу высказать в адрес Ани ни одного упрёка, хотя бы потому, что она уже ничего не сможет возразить. Зато я хорошо вижу, какую роль в наших ссорах играли недостатки моего характера. Я бываю нетерпим к тому, что, как я считаю, недопустимо. Часто бываю груб. Я вспыльчив (правда, и отходчив. В “Пиркей авот” написано, что в таком сочетании достоинство покрывает недостаток – маленькое утешение). Перечень моих недостатков и ошибок можно продолжить. К сожалению, не могу сказать, что понимание своих недостатков и ошибок приводит к их исчезновению. Только, может быть, к смягчению.

Эту трудную главу хочу закончить на оптимистической ноте. Как бы то ни было, но мы смогли прожить с Аней свыше 50 лет и вырастили хороших детей. А сколько браков распадается, потому что люди не смогли справиться с трудностями! Вот снимки: (2)², (3)³, (4)⁴.

Даже такие, не вполне безоблачные браки, как наш, оправдывают себя, если в результате вырастают хорошие дети. Это – главное.

16 Наши дети Лёня и Тома.

Лёня (Леонид, Лейб Лейвик) родился 2 ноября 1948 г. (30 Тишрея 5709 г.) – ровесник государства Израиль. Я начну рассказ о его и Томином детстве с фотографий, которых,

²Наша семья в 1951 году.

³В гостях.

⁴На пляже.

В отличие от снимков нашего детства, имеется великое множество: (1)⁵, (2)⁶, (3)⁷, (4)⁸, (5)⁹, (6)¹⁰, (7)¹¹, (8)¹², (9)¹³, (10)¹⁴, (12)¹⁵, (13)¹⁶, (14)¹⁷, (15)¹⁸, (16)¹⁹, (17)²⁰, (20)²¹, (21)²², (18)²³, (23)²⁴, (19)²⁵, (27)²⁶, (24)²⁷, (26)²⁸, (29)²⁹, (25)³⁰, (28)³¹, (30)³², (31)³³, (32)³⁴, (33)³⁵, (34)³⁶, (35)³⁷, (36)³⁸, (37)³⁹, (38)⁴⁰, (39)⁴¹, (40)⁴², (41)⁴³, (42)⁴⁴, (43)⁴⁵, (44)⁴⁶, (45)⁴⁷, (47)⁴⁸, (48)⁴⁹, (50)⁵⁰.

⁵Первые три года: Лёничка знакомится с миром.

⁶«О дайте, дайте мне свободу!».

⁷Кавалерист.

⁸А вот и свобода.

⁹Что там внутри?

¹⁰Серьёзный человек.

¹¹Ещё не знает, кто это за ним.

¹²См. 16-4.

¹³Пока ещё книга, а не компьютер.

¹⁴См. 16-6.

¹⁵С мамой.

¹⁶См. 16-12.

¹⁷См. 16-12.

¹⁸См. 16-12.

¹⁹См. 16-12.

²⁰См. 16-12.

²¹Со мной.

²²См. 16-20.

²³См. 16-20.

²⁴Учу Лёню ходить.

²⁵Я учу Лёню говорить.

²⁶С дедушкой Нёней (Наум Львович).

²⁷См. 16-27.

²⁸См. 16-27.

²⁹См. 16-27.

³⁰С мамой и дедушкой.

³¹С дедушкой Нёней и бабушкой Басей.

³²С дедушкой и его братом Евсеём.

³³На утреннике.

³⁴Лёнина лучшая няня Наташа.

³⁵Лёня с другой няней.

³⁶См. 16-33.

³⁷Лёня с мамой и её друзьями.

³⁸С маминой подругой Надей.

³⁹Слева, кажется, Лёнина первая подружка.

⁴⁰Школьник.

⁴¹См. 16-38.

⁴²См. 16-38.

⁴³См. 16-38.

⁴⁴Первый класс (Лёня в заднем ряду, третий справа).

⁴⁵Второй класс (сзади, третий слева).

⁴⁶Третий класс (в первом ряду, третий слева).

⁴⁷Четвёртый класс (спереди, пятый слева).

⁴⁸В пионерском лагере (спереди, в середине).

⁴⁹С Владиком и Ритой (юные двоюродные дядя и тётя).

⁵⁰С Томой, двоюродной тётей Эммой, её детьми Феликсом и Женей.

Из первых впечатлений о новорождённом Лёне я запомнил, какой у него был несчастный, обиженный вид, когда хотел есть (точнее, пить). Кормила его, естественно, Аня, а вот первый раз купать довелось мне – Аня боялась. Помню, как учил его говорить. Первое слово было не “мама,” “папа,” а “дай.” Лёне было 8 месяцев. Я сорвал в парке листок с дерева и дал ему. Потом сорвал другой, показал и, не давая, стал повторять “дай, дай.” Ребёнок понял довольно скоро и, к моему большому удовольствию, произнёс “дада.” Чтобы он связал это слово не с листком, а с получением чего-то вообще, я стал повторять его, предлагая другие вещи.

Перед “воссоединением семьи” Лёня заболел скарлатиной и его положили в больницу. Ему было 2 года и 7 месяцев, он был до этого “домашний” ребёнок, то есть не ходил в детские ясли, садик. Он не хотел оставаться один в больнице, и его обманули. Сказали, что бабушка Бася на минутку выйдет и вернётся. Когда Лёня понял, что его обманули, пришлось вызвать к нему невропатолога. В конце концов разрешили Ане остаться с ним в больнице. Я через окно сказал ему об этом, но он не поверил. На любые мои слова он мгновенно находил отрицательный, скептический ответ. Я сказал, что мама уже надевает больничный халат и сейчас войдёт к нему. При этом я нашёл в сетке, которой было завешено открытое окно, отверстие и просунул в него палец. Лёня схватил его с недетской силой и отпустил только тогда, когда в палату вошла Аня.

Вскоре после выздоровления Лёня чуть не утонул – видимо, без подобных событий никакая биография не обходится. Мы купались в Днепре. Я был с Лёней возле берега, Аня подальше. Я вышел из воды, чтобы что-то взять из наших вещей. До глубины от того места, где я оставил Лёню, было далеко, и Аня была в воде, так что оставить Лёню на минуту представлялось неопасным. Но я оглянулся и увидел, что Лёня, стоит в воде на коленях, а головы не видно – она в воде. Он видел, как люди ныряют, опускаются под воду и захотел сделать то же самое, но, видимо, потерял ориентировку, не закрыл рот и сразу захлебнулся. Вокруг было много людей, но никто не обратил внимания – ребёнок купается на мелком месте, не плачет. Если бы я не оглянулся и не выхватил его из воды ...

Дети и чудеса. Самое невероятное событие малыш воспринимает как нормальное явление (поэтому, в отличие от многих взрослых, дети с полным доверием относятся и к чудесам, о которых говорится в религиозных книгах). Под Новый год на вопрос, какой он хотел бы получить подарок от Деда Мороза, Лёня ответил – ведёрко и лопатку для игры с песком (он недавно потерял их). На новогоднем утреннике Лёне за что-то дали награду ... – ведёрко! Он ничуть не удивился и сказал: “А мне ещё лопатка нужна.” Но полное чудо не состоялось – лопатки не было. Перед сном я рассказывал Лёне сказку про волчонка Куку – сериал собственного сочинения. Позже Лёня сам придумывал продолжение и рассказывал его Томе.

Наступило время дошкольного домашнего обучения. Что касается воспитания, то Лёня, уже почти взрослым, сказал как-то, что в воспитании есть нечто нечестное. Видимо, имел в виду, что в воспитательных целях взрослые, даже если избегают прямого обмана, что-то подчёркивают, что-то утаивают.

Дети, подростки иногда хотят учиться, иногда не хотят. Но “воспитываться” никто не хочет. Ведь воспитание – это влияние на развитие личности, то есть какое-то её изменение. Иногда есть желание что-то изменить в себе, но – самому. А чтоб кто-то

меня изменял, даже с лучшими намерениями – нет. Как только ребёнок, подросток понимает, что с ним беседуют в воспитательных целях, он отключается.

Поэтому воспитание должно проходить незаметно, в ходе другой, приемлемой деятельности – учебной, трудовой, в играх, развлечениях, в организации быта и т.п. К пониманию этого я пришёл не сразу.

Из “воспитательных мероприятий” я здесь упомяну попытку развить у Лёни смелость. Поднявшись с ним на маленький холмик, я отпускал его руку и спускался. Ему приходилось сбежать самому. Ребёнок явно получал удовольствие от того, что смог преодолеть опасение и успешно спуститься. Потом холмик был чуть повыше.

Позже Лёня, уже школьник, пожаловался, что живущий по соседству его соученик по фамилии Колесник нападает на него на улице. Я помнил, как когда-то в пионерском лагере один мальчишка также не давал мне проходу. Пионервожатый Юра, замечательный парень, студент-филолог, сказал мне: “Ты не бойся его, ведь ты сильнее!” Встретив этого мальчишку, я бросился к нему, и он ...убежал! Потом был ещё похожий случай, и я убедился, что побеждает не обязательно более сильный (ведь никто силу в таких случаях обычно не измеряет), а тот, кто действует более решительно. Я сказал Лёне, что он легко прогонит или побьёт Колесника, если не будет его бояться. Предложил вместе пойти к его дому. Лёня неохотно, с весьма невоинственным видом, пошёл со мной. Колесника нигде не было, и мы вернулись. После этого у нас появилась поговорка: как будто идёшь бить Колесника (Аня говорила это, если я что-то неохотно делал).

Но, насколько я знаю, Лёня вырос неробким. Помню, как мы с ним, подростком, поднялись на Кавказе на гору Железную. Я спустился по пешеходной дорожке, а Лёня сел на плоский камень, оттолкнулся и поехал вниз по россыпи камней. Посреди горы он затормозил, ухватившись за куст дикой малины и полакомился – до этих ягод никто не мог добраться. Позднее Лёня с приятелями пришли ко мне в Махачкалу, совершив переход через покрытые льдом Кавказские горы.

Лёню, а потом Тому я приучал к чтению (по-русски, затем по-украински) таким образом. После того, как они чуть-чуть овладевали техникой чтения, я начинал читать им интересную книжку с крупным шрифтом и яркими картинками. Если ребёнок заинтересовался (это можно проверить, предложив прервать чтение), я предлагал ему или ей прочитать одно слово, после чего продолжал чтение сам. Вскоре надо было прочитать два слова, позднее – одну строчку и т.д. Наверное, отсюда пошли развитые позднее мысли о соотношении интереса и приемлемой трудоёмкости. Этот способ увлечь чтением чего-то, что представляется сложным (начать читать самому, с необходимым пояснением,) я иногда использовал и позже. Тома вспоминает, как мы с ней читали пьесы Бернарда Шоу, и справедливо упрекает меня, что такое совместное чтение практиковалось редко.

Желание или нежелание что-то делать зависит ещё от наличия или отсутствия альтернативы. Учителю, у которого на уроке порядок, легче заинтересовать учеников, чем тому, у кого на уроке можно читать постороннюю книгу. Во время поездки по городу, если нечего или нет возможности читать, я иногда в десятый или сотый раз перечитывал висящие на стене “Правила пользования троллейбусом.”

Долгие поездки по городу с Лёней я использовал для решения арифметических примеров и задач, с постепенным усложнением. Лёня делал это охотно, тем более, что

больше заняться было нечем, особенно, если приходилось стоять (после того, как дети чуть-чуть подросли, я не принимал предложения освободить для них места. А для себя и сейчас, в 92 года, не принимаю таких предложений – хочу быть молодым).

Лёне очень повезло с первой учительницей. Александра Антоновна (см. снимки 42-45) любила и умела работать, любила детей, и они её любили. Когда Лёня через много лет приехал в Днепропетровск, он первым делом навестил её, уже пенсионерку. Она радостно встретила его, узнала в этом большом парне оставшегося в её памяти Лёничку, который на вопрос, почему он скачет по коридору, размахивая руками, отвечал: “Это я птичка!”

В первые школьные годы Лёня часто болел, в частности, было заболевание печени. Удалось достать бесплатную двухмесячную путёвку в санаторий в Трускавце. А в следующем году я повёз его на другой курорт – Ессентуки. Затем здоровье нормализовалось.

Очень важное условие успешного развития детей – наличие в доме нужных книг. Хотя пока я работал в школе, у нас был очень скромный бюджет, мы не жалели денег на книги для детей. Кроме обычного набора книг для детского чтения, у нас была 10-томная Детская Энциклопедия (и подаренная Наумом Львовичем 65-томная Большая Советская Энциклопедия). Была знаменитая серия книг Якова Перельмана “Занимательная арифметика,” “Занимательная алгебра,” “...геометрия,” “...физика” и другие. В своём интервью авторам, готовившим рассказ о нём для книги “Биографии и открытия 15 знаменитых учёных в computer science,” Лёня отметил значение этих книг для его развития.

Лёня заинтересовался физикой, химией, математикой, минералогией. Помогал Тамаре, своей двоюродной тёте (дочери Софьи Ефимовны) собирать коллекцию минералов, называл её “наша коллекция.” В ванной комнате Лёня оборудовал химическую лабораторию, показывал приглашённым ребятам эффектные опыты. Помню, как в Ессентуках мы познакомились с преподавателем физики. Встречаясь с ним в парке, Лёня с ходу атаковал его вопросом “А почему ...,” так что, мне кажется, бедняга уже старался не попадаться нам на глаза. Затем Лёня стал принимать участие в математических, физических, химических олимпиадах – об этом ниже.

Как и у всех детей, особенно у подростков, у Лёни были проблемы и в школе, и дома. Как следует родителям реагировать? Видимо, прежде всего нужно научиться понимать детей, а это нелегко. Сначала взрослым трудно понять, что дети – это другие существа. Представим себя среди великанов, которые в 3-4 раза выше нас, как двухэтажные дома. Как тут не оробеть? А детишки не только не боятся их, а запросто командуют этими великанами. Представим себе взрослого человека, который скачет на одной ноге и орёт ради удовольствия на всю улицу. Или двух взрослых (даже женщин), которые вдруг начинают драться. Трудно представить?

А потом взрослым ещё труднее понять, что подросшие дети, подростки – такие же люди, как мы. Как бы мы отнеслись к человеку, который всё время что-то приказывает нам, делает замечания, а то и подзатыльник даст? Понимание всего этого ко многим родителям, в том числе и ко мне, к сожалению, приходит поздно.

Нехватка времени также играет свою роль. Если иметь возможность повседневно следить за развитием детей, можно своевременно что-то подкорректировать. Если вре-

мя упущено, и у подростка накопился отрицательный опыт, родители испытывают шок и пытаются поправить дело бесполезными наказаниями. Сталкиваясь с проблемами в Лёнином отношении к школьной учёбе и в поведении, я не всегда реагировал спокойно, продуманно. И это повлияло на наши отношения.

Педагогом – не просто по должности – я стал позднее. И в школе, и в институте, как правило, удавалось добиваться нужных результатов, сохраняя хорошие отношения с учениками и студентами (хотя были и ошибки, связанные с принципиальностью, наверное, чрезмерной – об этом ниже). И сейчас меня радуют очень хорошие, тёплые отношения со всеми внуками, пусть они будут здоровы и счастливы.

Теперь Тома (Тамара, Тамар). Она родилась 22 мая 1954 г. (19 Ияра 5714 г.)

В отличие от Лёни, который из любви к свободе появился на свет раньше, чем положено, Тома задержалась у мамы – видимо, набиралась сил (четверо детей – это не шутка!)

Посмотрим на её детские фотоснимки. (51)⁵¹, (52)⁵², (53)⁵³, (54)⁵⁴, (55)⁵⁵, (56)⁵⁶, (57)⁵⁷, (58)⁵⁸, (59)⁵⁹, (60)⁶⁰, (61)⁶¹, (62)⁶², (63)⁶³, (64)⁶⁴, (66)⁶⁵, (67)⁶⁶, (65)⁶⁷, (68)⁶⁸, (70)⁶⁹, (71)⁷⁰, (72)⁷¹, (73)⁷², (74)⁷³, (75)⁷⁴, (77)⁷⁵.

Из воспоминаний о Томином раннем детстве. Помню, как она поступала, когда считала, что уже достаточно ходила и хотела на руки. Она не просилась, не хныкала, а становилась передо мной, преграждая мне дорогу, и молча подымала руки. Запомнились её слова “коричвеный” (коричневый, “моколо” (молоко), “коматный” (томатный). Рассказывала, что им в садике давали во время завтрака коматный сок. “Нам из ложки, а воспитательницам из стакана” (думала, что разница просто в посуде). “Ты спишь?” – “Я дышаю.”

⁵¹Томочка. Один из первых снимков.

⁵²С Лёней, бабушкой, дедушкой.

⁵³Полуулыбка.

⁵⁴С лучшим другом.

⁵⁵На летнем отдыхе в Орловщине.

⁵⁶С няней Леной.

⁵⁷В яслях.

⁵⁸Лёня, Тома, Аня, я, тётя Минна, мои кузины Люба и Рита.

⁵⁹Зима!

⁶⁰Лето!

⁶¹Снегурочка.

⁶²Снегурочка.

⁶³В детском садике.

⁶⁴С Лёней, Софой, её сыном Мариком, Мининой Любой и Ритой.

⁶⁵С дедушкой, Софьей Ефимовной и её внучкой Светой.

⁶⁶Урок музыки, играет Света.

⁶⁷Юная пионерка.

⁶⁸См. 16-65.

⁶⁹С Аней, Минной и её внучкой Наташей.

⁷⁰Нравится вам эта весёлая и симпатичная девочка?

⁷¹См. 16-71.

⁷²См. 16-71.

⁷³См. 16-71.

⁷⁴Брат и сестра.

⁷⁵См. 16-75.

Пример Томиного словотворчества в два года. “Наша заворачка” – так она называла перекресток, где мы поворачивали. И было чувство грамматики. “Наша Зяма,” – говорила она об отце Риты. Вполне логично – ведь существительные с окончанием “а,” как правило – женского рода. Бася Ефимовна рассказывала, как однажды Тома пожаловалась, что дедушка её обидел. На вопрос, чем он её обидел, ответила: “Ротом!” В другой раз дедушка за что-то велел Томе уйти в другую комнату. Сказал: “Чтоб ноги твоей здесь не было!” Тома приоткрыла дверь из той комнаты, просунула ногу в дверь и объявила: “Будет нога!”

Ещё помню, как мы послали чуть подросткую Тому купить хлеб. Объяснили, что нужно спросить, кто последний в очереди и стать за ним. Так как она долго не возвращалась, я пошёл в магазин и увидел Тому, стоящую у прилавка. Оказалось, что в магазине не было покупателей, и она не могла спросить, кто последний. Родителям приятно вспоминать, каким был ребёнок “пока он мал, пока ещё он твой” (Римма Казакова).

Тома и Лёня в детстве, юности и позже были очень дружны, любили друг друга. Помню, как однажды я с Томой приехал к моим родителям, где был Лёня. Перед этим они какое-то время не виделись из-за карантина в связи с болезнью. Увидев через стеклянную дверь друг друга, дети радостно запрывали!

Тома думает записать интересные эпизоды из своей жизни. У неё это получится. Тома опубликовала в газетах ряд статей, написанных интересно, живым языком. Поэтому я, рассказав о её раннем детстве, которого она, наверное, не помнит, о её школьных годах расскажу пунктирно – она о них знает больше.

Училась Тома ровно, отметки получала хорошие. Первая учительница её была заурядная, не такая замечательная, как у Лёни. Из других Томиных учителей упомяну Нину Петровну Аркадакскую, интересно преподававшую русский язык и литературу. Она же была классным руководителем, приходила к нам домой. Тома любила читать, перечитала всю нашу художественную литературу. Когда читать было нечего (“грызла полки,” по её образному выражению), стала брать книги в библиотеках.

Как и в других семьях, где муж и жена работают, была у нас проблема распределения обязанностей. Я предложил свой вариант, с указанием затрачиваемого времени. Наряду с другими делами, брал на себя учёбу детей, что вполне естественно ввиду моей профессии. Но Аня не согласилась, говоря, что это слишком лёгкая работа. Сказала, что будет сама заниматься Томиной учёбой, а я чтоб занимался Лёниной. Убедить её мне не удалось. Это была моя ошибка – иногда надо принимать решения без согласования, если таковое невозможно.

Как и все дети, Тома болела. Однажды врачи заподозрили у неё капилляротоксикоз – заболевание, которое может вызвать опасное внутреннее кровотечение. Я привёз её в Москву, не имея даже такого неубедительного направления, какое было когда-то у меня. С одной только выпиской из истории болезни пошли в Центральный институт педиатрии Академии медицинских наук. Встретив женщину в белом халате, я спросил, где приёмный покой. Это была ... директор института! Повторилась, с некоторым отклонением, моя давняя история. Она спросила, по какому мы делу, посмотрела выписку из истории болезни и спросила, есть ли у нас направление в их институт. Я ответил, что

пришёл “по собственной инициативе.” Она рассмеялась и приняла Тому, не ссылаясь на мифический звонок из ЦК партии, как в моём прецеденте.

Были хорошие люди в Советском Союзе (как и везде)! И, видимо, в отношении детей бюрократические правила были менее строгими, допускали исключения. К счастью, диагноз капилляротоксикоза оказался ошибочным.

Стали мы учить Тому музыке (фортепьяно). Помню, как Тома встала и разбудила нас в 6 утра, чтоб не опоздать на прослушивание кандидатов. Но хотя учительница была очень хорошая, этот интерес продолжался недолго. Перед экзаменами Сарра Абрамовна обычно просила меня немного позаниматься с Томой. Экзамены проходили нормально, но пианисткой Тома не стала.

Были попытки занять Тому рисованием и лепкой, спортом, участвовала она и в театральной самодеятельности. Одно время, уже в Саратове, Тома увлеклась работой с животными в небольшом зверинце, расположенном в детском парке.

Недавно Тома, читая эти мемуары, напомнила, что я, читая ей что-то, беседуя с ней о политике, приучил её доискиваться до сути (я всегда интересовался политикой, читал нестандартные публичные лекции о международном положении). Мы также пели с нею. Тома считает, что это сказалось в её потребности петь песни, воспринимать, что-то новое, разбираться в сложных вопросах мировоззрения. Потом у неё это проявилось в глубоком интересе к иудаизму.

В Саратове я перевёл Тому в физико-математическую школу при Саратовском университете. Среди преподавателей школы одни были лучше, другие хуже, но была там замечательная учительница математики Нина Саввична Семёнова – прекрасный педагог, получившая вскоре звание Заслуженного учителя, общая любимица, друг учеников (она и на свадьбе у Тома была). Недавно, к большому сожалению, Нина Саввична скончалась.

А ещё был у этой школы летний лагерь “Комарик.” Тома его очень любила, особенно День самоуправления, когда власть в лагере переходила в руки детей (точнее, подростков), а взрослые составляли как бы детский отряд, обязанный подчиняться своим воспитанникам.

Вот снимки: (78)⁷⁶, (79)⁷⁷, (80)⁷⁸.

17 Антисемитизм в СССР. Как Сталин чуть не забрал нас с собой в могилу.

Начало нашей семейной жизни совпало с самой острой вспышкой советского антисемитизма. В первые 20 лет после революции государственного антисемитизма в СССР не было. Евреи почувствовали себя равными среди равных. Прежде, даже в Средние

⁷⁶Математика. Тома у доски что-то объясняет. Слева стоит Томина любимая учительница Нина Саввична.

⁷⁷Вожатая в пионерском лагере.

⁷⁸Тома со своей лучшей подругой Светой Санниковой.

века, некоторым евреям удавалось добиться богатства и высокого положения в обществе. Но при этом они знали, что живут в чужой стране, где их окружают люди другой, враждебной религии, и поэтому их положение ненадёжно (читали роман Лиона Фейхтвангера “Еврей Зюсс?”). В Советском Союзе религия была объявлена “опиумом для народа.” Интернационализм, равенство всех народов, с перспективой их слияния при коммунизме, стали важнейшими принципами.

Конечно, еврейская религия, члены разных партий, еврейские бизнесмены, в том числе и мои родители, подвергались жестоким преследованиям – так же, как и люди других национальностей. Но многие евреи сумели воспользоваться открывшимися возможностями, добились больших успехов в образовании, карьере, внесли очень значительный вклад в развитие экономики, в науку, в культуру. Немало евреев было в партийном аппарате, и, к сожалению, были они и в карательных органах (ЧК, НКВД). Многие из них, возможно, большинство, были потом уничтожены.

Тем не менее антисемитизм из народного сознания никогда не исчезал. Помню, как во 2 классе я на утреннике по случаю 1 Мая, дня солидарности трудящихся всех народов, читал на идише стихи, сочиненные папой – не забыл их до сих пор. На следующий день ко мне подошли большие мальчишки; они захотели услышать, как я произнесу слово “кукуруза” – это тест для выявления картавящих евреев. Тест весьма сомнительный – у Ани, например, было настоящее русское раскатистое Р, у меня не гортанное (картавое), а мягкое, похожее на американское. Я охотно произнёс “кукуруза,” не понимая, зачем. Позднее, во время летнего отдыха в украинском селе, я удивился, когда какой-то парень сказал, что мы не такие люди, как они. “Почему не такие?” – спросил я. “Да уж не такие!” – сказал он и улыбнулся.

В то время мы, подростки, не думали, а часто и не знали о своём еврействе, считали себя такими, как все, а многие взрослые, хоть и знали, но тоже очень хотели быть, как все, слиться в единое, без национальных различий, человечество. Это, в основном, было характерно только для части евреев, измученных веками преследований. Люди других национальностей, как правило, вовсе не стремились к растворению русского, украинского, грузинского и т.д. народа среди других. В деревнях почти в каждом доме висели иконы (коммунисты ссылались на нежелание обидеть своих стариков). Антисемитизм подспудно сохранялся, ждал своего часа.

И дождался. Когда ещё перед войной, а особенно во время войны и после неё. Сталин сделал ставку на великорусский национализм и шовинизм, государственный и народный антисемитизм возродился, становясь всё более откровенным и ужасающим.

Война, естественно, вызвала обострение патриотических, национальных чувств. Александр Твардовский, отнюдь не националист, писал:

Но Россию, мать-старуху, нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети, наши внуки не велят.

Заметьте – не Советский Союз, а Россию, мать-старуху. Сталин использовал эти естественные чувства и стал культивировать в стране великорусский шовинизм. Целые народы были депортированы на восток за то, что часть их мужского населения прикнула к немецкой армии. Значительная часть депортированных погибла. Среди этих

народов были и чеченцы, поднявшие потом, при первой возможности, восстание против России.

После победы шовинизм развился ещё больше. Сталин провозгласил русский народ самым выдающимся, и началась настоящая великорусская шовинистическая вакханалия. Видимо, затаённая обида других народов сыграла свою роль в будущем распаде Советского Союза на независимые государства.

Советская пропаганда стала утверждать, не заботясь о доказательствах, что Россия является родиной чуть ли не всех великих открытий и изобретений. Тех, кто сомневался в этом, преследовали, как “космополитов.” Развившийся ещё в ходе войны антисемитизм достиг чудовищных размеров.

Выше я рассказывал на личном опыте о послевоенном разгуле антисемитизма на Украине – в суде, на улице, в университете. Но это было только начало. В 1948 – начале 1949 года в стране развернулась дикая кампания борьбы против евреев (главным образом из интеллигенции, особенно в литературе, искусстве, гуманитарных науках) под лозунгом борьбы против “безродных космополитов” и еврейских националистов.

Уму непостижимо! Только что закончилась война против нацистской Германии и её союзников. Мир был потрясён, узнав о лагерях смерти, газовых камерах, об уничтожении миллионов евреев. И в это время страна, победившая, вместе с другими, Германию, страна, провозглашавшая своей программой не расовую ненависть, как Германия, а интернационализм, братство народов, словно отравленная трупным ядом побеждённого врага, подхватила его знамя звериного антисемитизма!

Представьте себе шок, который испытали советские евреи, поверившие в коммунистические идеи, особенно те, кто боролись за них до революции, во время гражданской войны (не все они были в годы Большого террора уничтожены), кто всю душу вложил в строительство социализма, кто воевал с фашизмом и победил его.

На партийном собрании в Днепропетровском университете, посвящённом борьбе против “космополитов” (среди других был заклеймён и вскоре изгнан из университета М.И. Сойфер) даже партторг Земляной не выдержал и призвал выступающих к сдержанности в выражениях. “В первом ряду сидит студент, потерявший на войне ногу, и плачет,” – сказал он. Я знал этого Юлика Драбкина. Позднее он эмигрировал в Израиль.

Тысячи евреев были уволены с работы, многие арестованы. Были расстреляны выдающиеся еврейские писатели. Погибли великие еврейские артисты Михоэлс и Зускин. Аня была уволена с работы. Вскоре был уволен и её отец, старый коммунист, воевавший за советскую власть во время гражданской войны.

В военной школе, где я работал, по указанию райкома партии под разными предлогами (родственники за границей и т.п.) были уволены все преподаватели – евреи, кроме меня. И на партийном собрании представитель райкома партии, имея в виду меня, сказал: “Вы не выполнили до конца указание райкома о засорённости кадров.” То есть оставшийся еврей (я) – это сор, который надо вымести. Но начальник школы Иван Трофимович Четвериков так и не уволил меня. Позже его уволили – не знаю, за это или за что-то ещё. Мне вообще повезло с моим первым начальником. Это был очень порядочный человек, один из ещё сохранившихся идейных коммунистов (были и такие).

Учителя – антисемиты открыто говорили на уроках о своём отношении к евреям. Преподаватель литературы Удовицкий самовольно включил в программу антисемитский рассказ (сказку) “Пропала совесть” Салтыкова-Щедрина (очень хорошего писателя, к сожалению, разделявшего, как и многие другие русские писатели, предрассудки в отношении евреев).

Тот же Удовицкий попытался в частном разговоре обвинить меня в космополитизме, то есть в том, что я не патриот – за то, что я покритиковал какой-то патриотический кинофильм. Это дошло до заместителя начальника школы Фатькина. Но я показал им, что меня, как говорится, голыми руками не возьмёшь. Будучи председателем методического объединения преподавателей русского языка и литературы, я провёл экстренное заседание объединения, на котором доказывал (не помню, как), что именно Удовицкий является плохим патриотом. Когда начальнику сообщили обо всём этом, он велел прекратить конфликт.

В январе 1953 года в газетах было опубликовано сообщение об аресте группы врачей, связанных с зарубежными еврейскими организациями. Эти врачи (выдающиеся профессора) якобы планировали убийство, путём неправильного лечения, советских руководителей и уже частично осуществили свои планы.

Антисемитская вакханалия в газетах, по радио, на собраниях достигла апогея. Многие отказывались лечиться у врачей – евреев, в том числе и у Софы. “Вы хотите отравить нас,” – прямо говорили ей некоторые пациенты, среди них и такие, которым она перед этим буквально спасла жизнь.

Добрались и до меня (к этому времени у нас был уже новый начальник, антисемит). Сразу после сообщения о “деле врачей” я получил два выговора – по партийной и административной линии. Ни до этого, ни после я не получил ни одного взыскания, зато получил десятки наград и благодарностей, практически каждый год. Партийный выговор я получил за недостатки в воспитательной работе с моим взводом (каждый класс был взводом; я был командиром взвода и преподавателем). Их не смущало то, что мой взвод был перед этим признан лучшим в школе – в нашем классе стояло очень красивое переходящее красное знамя. Не менее интересной была мотивировка выговора от нового начальника школы по фамилии Москвич. Во время моего дежурства ночью из-за таянья снега протекла крыша. Выговор был объявлен “за непринятие мер” (ночью!). Так готовилось увольнение последнего в школе еврея.

Есть свидетельства, что Сталин собирался после казни врачей организовать еврейские погромы, а затем депортацию евреев в отдалённые районы страны, причём так, чтобы половина погибла в пути. Меня долго преследовал кошмар: мы едем в закрытом товарном вагоне, Лёня просит пить (это было до рождения Тома), а у нас нет ни воды, ни пищи.

Но 1 марта 1953 г. у Сталина произошёл инсульт и 5 марта он умер. После его смерти объявили, что “дело врачей” было сфабриковано преступниками, врачей выпустили (один погиб). Начальник школы, встретив меня, так торжественно пожал мне руку, словно это меня выпустили из тюрьмы. О выговорах сразу забыли. И я пережил Спецшколу Военно-Воздушных Сил, которую вскоре закрыли (я остался работать в том же здании, в новой школе), как советские евреи пережили Сталина, а позднее и советскую власть.

После смерти Сталина государственный антисемитизм то несколько (но не совсем) затухал, то вспыхивал с новой силой. Следует особо остановиться на отношении Советского Союза к Израилю. В 1947-48 г.г., то есть ещё при Сталине, СССР поддержал образование государства Израиль и вначале оказывал ему даже военную помощь, рассчитывая сделать его своим форпостом на Ближнем Востоке (многие отцы-основатели Израйля были социалистами, и в кибуцах осуществлялись чуть ли не коммунистические принципы). Но вскоре выяснилось, что новое государство избрало ориентацию на Америку, и СССР, как противник Соединённых Штатов в “холодной войне,” стал активно помогать арабам. Маленький Израиль стал в Советском Союзе восприниматься и на политическом уровне, и в массовом сознании, как злейший враг, а советские евреи из “безродных космополитов,” то есть людей без родины, превратились в “сионистов,” “пособников сионистов” – не только те, кто выразил желание эмигрировать в Израиль.

После великой победы Израйля в Шестидневной войне ни одного дня не проходило без антиизраильской пропаганды, намного более злобной, чем даже антиамериканская. Утверждали, что сионисты с помощью Америки добиваются господства над всем миром. Эти идеи, прямо перекликавшиеся с гитлеровской “Майн кампф,” пропагандировались в тысячах статей и десятках книг. Вот названия некоторых из них: “Осторожно, сионизм!,” “Фашизм под голубой звездой,” “Иудаизм без прикрас,” “Враги мира и прогресса,” “Сионизм на службе антикоммунизма,” “Преступная политика сионизма и международное право,” “Националистическое безумие,” “Ползучая контрреволюция,” “Вторжение без оружия.”

Конечно, эта пропаганда не могла не отразиться на жизни советских евреев. Хотя таких диких преследований, как в 1948-53 г.г., уже не было, но евреям стало очень трудно получить работу, поступить в высшее учебное заведение. И на бытовом уровне открытые антисемитские высказывания и оскорбления стали обычным явлением, в том числе и среди так называемой интеллигенции.

Вот несколько примеров. Я в Днепрпетровске, наряду с основной работой, читал публичные лекции на заводах, в рабочих общежитиях, в клубах, кинотеатрах. Но вот приехал из Киева инструктор Центрального комитета партии и удивился, что я принят в число лекторов. Больше в этом городе мне чтение лекций не предлагали. После успешной защиты диссертации я 9 месяцев ждал утверждения в учёной степени кандидата наук. Когда я спросил секретаря, почему так долго не рассматривается моё дело, она откровенно сказала: “Наверное, потому, что вы Айзикович.” Одна из моих коллег в институте рассказала мне, как при ней на заседании кафедры русского языка Ленинградского университета отклонили кандидатуру на вакантную должность, прямо ссылаясь на то, что претендент – еврейка. Ректоры высших учебных заведений постоянно получали устные указания ограничить, вплоть до нуля, приём евреев.

Несколько бытовых эпизодов. Как-то я в Москве попросил уборщицу в кафе вытереть стол, за который я сел, “Поезжай в Израиль, – сказала она, – Мы здесь таких не обслуживаем.” Такой же совет я получил, когда в Саратове попросил сидящих на скамейке у своего двора людей убрать собаку, которая с лаем побежала ко мне. “Поезжай в Израиль к таким же, как ты, трусам!” (эти люди не поняли, что прежний стереотип о трусливом еврее после Шестидневной войны заменён новым: еврей – не трус, а безжа-

лостный агрессор). Кстати, осуществить такие советы было тогда невозможно – народ гнал, а государство евреев не отпускало. Об этом ниже.

Во время плавания по Волге на туристическом теплоходе я хотел сделать снимок шлюза, через который проходил наш теплоход. Мне и другим сказали, что это не разрешается. А пожилой пассажир сказал, обращаясь ко мне: “И продавать эти снимки никому нельзя” (то есть в шпионских целях за границу). Когда я на том же теплоходе заговорил с маленькой девочкой, все окружающие женщины насторожились, замолчали и не спускали с меня глаз, пока я не отошёл (видимо, боялись, чтоб я не похитил девочку). Можно только догадываться, что они говорят между собой о евреях, какие представления о нас живут в головах простых людей.

Рядом с нашим саратовским плыл такой же теплоход из города Горького. На пристанях мы швартовались рядом и обменивались песнями (они – о Саратове, мы – о Горьком). И вот я, поющий вместе со всеми для пассажиров того теплохода, слышу, как там передают друг другу сенсацию обо мне: “У них (то есть у нас) Керенский (так почему-то называли евреев) плывёт!” Один мой знакомый неустанно пытался выявить скрытых евреев среди преподавателей института. Другой, когда я сообщил ему, что моя дочь выходит замуж за русского, вместо одобрения (за то, что мы не националисты, какими нас считают), спросил: “Как это ей удалось?.” То есть это неравный брак – русский, в его понимании, безусловно выше еврейки. В доме отдыха, обсуждая в моём присутствии уничтожение евреев во время войны, проявили “благородство.” “Ну ладно, – обращаясь ко мне, – Пусть взрослых. Но детей за что?.”

В такой обстановке проходила наша жизнь. В заключение надо сказать, что антисемитизм, который был проклятием нашей жизни в СССР, нёс в себе, не удивляйтесь, и нечто положительное. Он не давал нам забыть, что мы евреи – даже тем, кто хотел забыть об этом. Он выковывал настойчивость в достижении цели, в преодолении препятствий, с которыми не встречались другие. Еврейским детям родители говорили: “Ты не смотри на других, которые весь день проводят на улице. Тебе, чтобы поступить в институт, надо на экзаменах получить на 2 балла выше проходного).” И поступали! Не только мы с Аней и Софой в благополучное в этом отношении время, но и наши дети получили высшее образование, причём Лёня – в лучшем университете страны. И мы смогли всю жизнь работать по выбранной профессии. Наконец, если бы не преследование евреев в СССР, как бы мы попали в благословенную Америку? Гам зу л’това!

Что касается нашей трудовой деятельности, то мы не просто работали для выживания (но даже для этого надо было работать лучше других, по возможности, быть незаменимыми). Многие из нас целиком отдавались работе. Ведь при любом политическом строе надо кормить, одевать, учить, лечить людей, строить ...

18 Анина учёба и работа.

Про Анину учёбу и работу я знаю намного меньше, чем про свою. Кроме того, что о себе все знают больше, чем о других, в отличие от меня, “экстраверта,” Аня, скорее “интроверт,” рассказывала меньше.

Аня хорошо училась в школе, любила и хорошо знала математику, получила “золотой” аттестат, в котором по всем предметам были одинаковые отметки – “отлично.”

Дочь железнодорожника, Аня задолго до окончания школы решила пойти по пути отца. Как отмечалось выше, она, начиная с седьмого класса, участвовала в работе детской железной дороги, дослужилась до высокого поста ревизора движения.

Благодаря своему “золотому” аттестату была без экзаменов принята в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ДИИТ) имени Л. М. Кагановича (позднее, конечно, это имя было заменено) на строительный факультет, отделение строительства мостов и туннелей.

Во время войны Аня выехала с родителями в город Орск, на Южном Урале, работала на военном заводе. Через год поехала для продолжения учёбы в Новосибирск, куда был эвакуирован ДИИТ. Узнала, что такое голод. Вместе с институтом в конце войны вернулась в Днепропетровск. Помогла вернуться в Днепропетровск моей сестре Софе, которая в это время тоже жила в Новосибирске.

В 1947 году Аня окончила институт. Вот снимки: (1)⁷⁹, (2)⁸⁰, (3)⁸¹, (4)⁸², (5)⁸³. Надо отметить, что Анин курс был очень дружным и сохранил эту дружбу на долгие десятилетия – как лицейские товарищи Пушкина. Почти ежегодно Анины однокурсники встречались и посылали снимки этих встреч тем, кто не мог на них присутствовать, в том числе Ане. Анина лучшая подруга Надя и её муж Павел, тоже их однокурсник, приезжали к нам в гости, она ездила к ним.

После окончания института Аня и Надя были направлены на строительство (или восстановление) моста на станцию Бузовка. На снимке (6)⁸⁴. В Бузовке Аня проработала недолго. В 1948 году в связи с замужеством Аня была освобождена с этой работы (самовольный уход с работы был запрещён).

Она поступила на должность инженера – конструктора в Днепропетровский гос. институт проектирования железнодорожного транспорта (Днепрогипротранс), где работал её отец. На снимке (7)⁸⁵ – Аня с отцом и коллегами.

В ходе одной из антисемитских кампаний Аню уволили из-за того, что она работала в одной организации с отцом. Это называлось “борьбой против семейственности на работе” и применялось, за редкими исключениями, только против евреев. По закону совместная работа родственников не разрешалась, только если один из них находился в непосредственном подчинении у другого. Аня не была в подчинении у отца, но какое это имело значение, если приказано изгонять евреев? Кстати, и отца её, Наума Львовича, вскоре тоже уволили – отправили на пенсию за четыре года до достижения пенсионного возраста.

Ане удалось по рекомендации моего дяди (точнее, мужа моей тётки) Абраши, видного инженера, устроиться в проектно-институте Проектстальконструкция.

Аня участвовала, в частности, в проектировании крупнейшего металлургического завода в Бхилаи (Индия), знаменитого Дворца культуры и спорта в Варшаве и других, менее известных объектов.

⁷⁹ Анин выпуск из ДИИТа (Аня во втором ряду сверху, четвёртая справа).

⁸⁰ Аня на фоне большого моста через Днепр, в восстановлении которого она участвовала.

⁸¹ Аня со своей лучшей подругой Надей.

⁸² С подругами - однокурсницами.

⁸³ Аня среди студентов выпускного курса и преподавателей.

⁸⁴ Аня (слева) и Надя на мосту, который они строили.

⁸⁵ Аня с отцом и коллегами.

Запомнились её интересные рассказы о том, как проектировщики боятся от ошибок при расчёте конструкций. Две группы параллельно выполняют одну и ту же работу, и только если результаты полностью совпадают, расчёт признаётся верным. Ещё Аня мне рассказывала, что любой расчёт проверяется другим инженером, и при этом проектировщик специально допускает ошибки, чтобы проверяющий не терял бдительность. Вот снимки: (8)⁸⁶, (10)⁸⁷.

В 1959 г. Ане на работе дали квартиру – нашу первую квартиру с коммунальными удобствами (центральное отопление, газовая плита, туалет с ванной и душем). Хотя все они по очереди, а иногда и вместе выходили из строя, а добиться ремонта было очень трудно, но наша жизнь стала в бытовом отношении намного легче.

Квартира была небольшая – одна спальня, столовая, кухня, туалет с ванной-душем и коридор при входе. Она находилась на краю города, на другом берегу Днепра. Это был тогда самый последний дом в огромном городе. На работу добирались, пересаживаясь с троллейбуса на трамвай, что, вместе с ожиданием, занимало в оба конца, примерно, три часа. Если удавалось ехать сидя, использовали поездку для чтения.

Аня работала в Проектстальконструкции до переезда в Саратов.

19 Моя работа. Спецшкола Военно-Воздушных Сил, другие школы.

После окончания университета я поступил преподавателем русского языка и литературы в Днепропетровскую спецшколу ВВС. Устроиться на педагогическую работу в городе было нелегко. Анина тётя Соня, учительница, рекомендовала меня начальнику школы Ивану Трофимовичу Четверикову, с которым раньше работала.

В 1948 году, в условиях начавшейся антисемитской кампании борьбы против “безродных космополитов,” принятие на работу еврея в военную школу было актом большого мужества.

В эти школы принимали после 7 класса годных по состоянию здоровья мальчиков, желавших стать военными лётчиками. В течение трёх лет находившиеся на полном государственном обеспечении курсанты получали общее среднее образование и готовились к поступлению в лётные училища (отличники – в Военно – инженерную академию). Они носили военную форму, приучались к армейской жизни, изучали военные уставы, знакомились с авиацией.

Преподаватели тоже получали и носили военную форму, но, за исключением нескольких прикомандированных штатных офицеров, без погон. Форму шили каждому индивидуально, бесплатно. Курсанты называли нас не по имени и отчеству, а “товарищ преподаватель.” Бывает же такое – в Америке, прямо в доме, где я сейчас живу, оказался бывший курсант нашей спецшколы, правда, не мой ученик. Иногда в шутку называл меня “товарищ преподаватель,” особенно, когда я вёл занятия по русской поэзии.

Работа наша была трудная, труднее, чем в обычной школе. Аня удивлялась, почему тётя Соня в 2 часа дня уже дома, а я прихожу так поздно. Кроме преподавания, почти

⁸⁶С коллегами.

⁸⁷См. 18-8.

каждый из нас, в том числе и я, был командиром взвода. Ребята 15-18 лет, приехавшие отовсюду, жили без родителей, и мы за них полностью отвечали. В отличие от учеников обычных школ, уходящих после уроков домой, наши после обеда садились на “самоподготовку” – выполняли под нашим наблюдением домашние задания.

Коллеги стонали от такого длинного рабочего дня, а мне работа нравилась. Вообще я не помню, чтоб мне когда-нибудь приходилось делать неприятную работу, за исключением проверки тетрадей – всюду находил какой-то интерес. И это великое счастье. Кто-то сказал: не дай Бог зарабатывать свой хлеб с отвращением.

В частности, работа становится привлекательной, если не просто выполняешь её, как принято, а вносишь в неё что-то новое. Например, я разрешил ученикам (курсантам), которые не выполнили домашнее задание, в начале урока заявлять об этом. Я отмечал в своём личном журнале, по какой теме он должен позднее отчитаться. При этом, во-первых, у ученика не было стресса от ожидания – вызовут или пронесёт, а если вызовут, – от полученной двойки. Во-вторых, факт выявлен, отмечен, так что потом можно проверить выполнение задания (а без этого пробел, скорее всего, так и остался бы, поскольку всех опросить невозможно). И, в-третьих, не расходуется зря время на опрос неподготовленного ученика, пытающегося отвечать (надеюсь, например, на подсказку).

В большинстве случаев эта система работала. Но если неподготовленность выявлена при опросе, ставил двойку, несмотря на то, что это не поощрялось. Однажды меня вызвал упомянутый выше замполит (заместитель начальника по политической части) подполковник Фатькин, бывший до этого, говорили, начальником тюрьмы. “Как повашему, курсантам нравится получать двойки?” – спросил он. “Нет, конечно.” – “А не могут ли они это недовольство перенести на Советскую власть, и когда у них в руках будет самолёт, перелететь к врагу?” – “Я так не думаю,” – ответил я. К счастью, начальник школы хорошо ко мне относился и вообще был умнее замполита, так что этот разговор не имел последствий.

С Фатькиным у меня была ещё одна беседа, на этот раз по его прямой части – политической. Я преподавал не математику, где можно было не касаться вопросов политики или идеологии, а гуманитарные предметы. В преподавании литературы, особенно советского периода, обойти эти вопросы было невозможно. Как отмечалось выше, я не отвергал полностью идеи социализма, так что многое в советской литературе для меня было приемлемо. А то, с чем я был несогласен, например, с прославлением Сталина (хотя масштаб его преступлений был ещё неизвестен), я просто игнорировал.

Отмечу кстати, что ни в одной из моих статей, в том числе и написанных при жизни Сталина, его имя ни разу не упомянуто. Я вообще позволял себе и в школе, и в институте очень вольно обращаться с программами, в которых подробно указывалось, как трактовать каждый вопрос. Я из программ брал только перечень тем, например, имена писателей, а что говорить, сколько часов потратить на ту или иную тему, решал сам. Был, конечно, риск, но как-то обошлось – во все 36 лет преподавательской работы.

Это касалось не только политики. Например, мои любимые “Горе от ума” и “Евгений Онегин” я всегда полностью, с комментариями, прочитывал на уроках, в несколько раз увеличивая, за счёт других тем, отпущенное программой время. Считал, что при самостоятельном чтении ученики не смогут понять и оценить эти произведения. До

замполита Фатькина дошло, что я что-то трактую не так, как положено, и что коллега Удовицкий обвинил меня в космополитизме. Фатькин вызвал меня. “Так как вы понимаете нашу советскую действительность?” – нахмурившись, спросил он. Что было дальше, я рассказал выше.

Для многих учителей главная головная боль, а иногда настоящий кошмар – это дисциплина. Значительная часть урока тратится на наведение порядка, и не всегда это получается. В школе, где я потом работал, были заведены тетради, где учителя записывали замечания по поведению учеников. И вот я читаю записи учителя: “Иванов весь урок выл.” На следующий день: “Весь класс выл.” Бедный учитель.

Мне, слава Богу, и в школе, и в институте довольно легко удавалось поддерживать порядок на уроках, лекциях. Каким образом? Прежде всего, я придавал очень большое значение первым занятиям. Как поставишь дело, как приучишь сразу, так и будет. Известный советский педагог Макаренко, у которого, наряду с неприемлемыми, есть немало ценных идей, писал в “Книге для родителей,” что воспитывать легко и приятно, а перевоспитывать трудно, неприятно и далеко не всегда получается. Это относится и к педагогам. Обратите внимание на эти слова – и те, у кого есть или будут дети, и те, кто будет преподавать.

Итак, первые уроки (лекции). Они, во-первых, должны быть интересными и насыщенными. Скучающих учеников, студентов нельзя уговорить или заставить сидеть спокойно. Об интересе к учению я думал постоянно и позднее защитил диссертацию на эту тему. Далее, нужно сразу договориться о необходимых условиях успешной работы. Лучше это сделать в связи с каким-то первым маленьким нарушением порядка (не ждать, пока Иванов начнёт выть).

Например, кто-то начал разговаривать. Надо прервать объяснение, спросить имя, если не знаешь (обязательно! Когда имя известно, ученик реагирует совсем иначе, чем при анонимном или общем замечании). Затем, обращаясь к нему и ко всем (ему тогда не обидно), сказать, примерно, так (коротко!): Ребята, давайте договоримся не тратить зря такое ценное время урока на замечания. Тогда и домашние задания будет легче выполнять, и настроение у всех будет хорошее, и экзамены все успешно сдадите.

Но эти слова будут пустым звуком, если порядок не будет неуклонно поддерживаться. Тот же Макаренко писал, что поддержание дисциплины достигается прежде всего не уговорами, наказаниями или поощрениями, а тем, что он называл режимом. Режим – это установленный порядок, который неуклонно поддерживается и поэтому становится привычным. Порядок должен быть разумным. В нём важны и, казалось бы, мелочи. Если порядок можно нарушать иногда, так его можно нарушать всегда – он исчезнет. И, повторяю, занятия должны быть интересны, пусть не полностью, но в значительной мере (о том, как это достигается, – ниже). Все должны быть заняты делом.

Эти принципы работали не только в военной, но и в обычных школах. Насколько мне известно, в американских массовых (public) школах царит “свобода,” то есть распушенность. Начинается на уроках, а заканчивается наркотиками, а иногда стрельбой. Конгресс, президенты признают, что результаты обучения в этих школах очень неважные.

Можно подумать, что в военизированной спецшколе поддерживать дисциплину было легко, Но это не так. Поведение наших курсантов доставляло большие неприятности педагогам, начальству и милиции. В школе была “дедовщина,” то есть младшие курсанты должны были подчиняться старшим, а иначе их избивали.

Часто происходили драки, иногда настоящие побоища между нашими и “гражданскими,” которые завидовали нашим, носившим красивую форму и имевшим большой успех на танцплощадках.

Одно такое, заранее назначенное массовое сражение произошло на главной улице города, проспекте Карла Маркса. Курсанты дрались ремнями с тяжёлыми и острыми металлическими пряжками (этим же оружием часто пользовались, выясняя на дуэлях отношения между собой). В результате сражения многие “гражданские” и некоторые милиционеры попали в больницы, а курсанты – в милицию. Начальнику школы пришлось, не в первый раз, их выручать.

Начальник имел право исключать из школы (из обычной школы исключить ученика было почти невозможно). Но этого тяжёлого наказания курсанты не очень боялись, поскольку знали, что начальник, которого они любили, называли “батей,” скорее всего только попугает. Дело обычно происходило так. После короткого разговора с провинившимся Иван Трофимович громко кричал: “Вера Лазаревна!” И диктовал секретарше приказ об исключении. Но немолодая, толстая, добрая еврейка не спешила печатать приказ. Она знала, что завтра исключённый придёт к начальнику, с виноватым видом попросит прощения, и, скорее всего, будет прощён.

Я как-то спросил у своего помкомвзвода (назначаемого из курсантов помощника командира взвода), почему они устраивают такие драки, позорят школу и рискуют исключением. Это был хороший парень, помню фамилию – Словачевский. Он ответил, что гражданские сами нападают на них. “Почему на меня никто не нападает?,” – спросил я. – Ответ был замечательный: “Вы же старый человек!” Мне было 25 лет. Помню, как в нашу комнату в студенческом общежитии поселили аспиранта. Мы были сильно огорчены – такого старика! А ему тоже было 25 лет.

Кстати, я и сейчас, в 92 года, знаю, конечно, что я старик, а чувствовать себя стариком, несмотря на старческие болезни, не хочется. Когда внуки называют меня дедушкой, для меня это звучит, как музыка (родственные чувства). А когда чужой мальчик назвал меня дедушкой (возраст), мне было неприятно.

Каждое лето курсантов вывозили в летний лагерь. С ними выезжали преподаватели военных предметов. Лагерь жил по военным уставам. В последний год существования школы мне предложили поехать в лагерь со своим взводом, преподавать военные уставы, которые я до этого никогда не видел (уставы караульной, внутренней службы, дисциплинарный). Я с интересом изучил их и преподавал курсантам. Например, я узнал (если кому интересно), что когда младший начальник отдаёт приказ, противоречащий приказу старшего начальника, надо выполнять приказ младшего. Но о предыдущем приказе следует доложить младшему начальнику, и тогда тот принимает на себя ответственность за его отмену.

Я также должен был командовать взводом на ежедневных построениях, на параде и даже в ночном боевом учении – сражении между двумя ротами! Ничего, справился. Что касается ночного учения, то начальник, зная, что наши ребята могут превратить

военную игру в настоящее сражение, как только роты заняли боевые позиции и залегли, объявил отбой – к большой досаде участников.

Лагерь располагался в прекрасном месте, в сосновом лесу. Мне разрешили взять с собой семью, и я снял комнату в ближней деревне. Кроме меня, все жили в палатках. Томе был один год и два месяца. Потом, когда она уже была подростком, у неё всплыло в памяти, как она лежала в лесу в гамаке, а мимо неё шли солдаты (наши курсанты). Ей показали человека, который вёл колонну, сказали: “Вон твой папа.” После отбоя у меня собирались любители преферанса.

А ещё я управлял самолётом – я, которому из-за плохого зрения не разрешают водить автомашину! И это не совсем шутка. Поскольку лётному делу наших курсантов будут обучать только после поступления в лётное училище, для поддержания у них мечты об авиации их иногда вывозили на аэродром. Там их не просто катали на самолётах, а давали возможность почувствовать себя лётчиками.

Объяснив технику управления самолётом, их сажали в кабину пилота двухместного учебно-тренировочного самолёта, в котором за первой кабиной находилась кабина инструктора с дублирующей системой управления. Инструктор поднимал самолёт в воздух и передавал управление полётом курсанту, давая необходимые указания и подстраховывая его действия. Посадку проводил инструктор.

Я попросил разрешения полетать, мне позволили. И вот я в воздухе. Не пассажиром! Инструктор предоставил мне свободу действий. Я направлял самолёт вверх, вниз, летел прямо, поворачивал направо, налево, снова вперёд. На таких самолётах руль имеет вид прямоугольной рамы. Подымаешь её дальний конец вверх, на себя – самолёт повторяет твоё движение, подымается носом вверх. Опускаешь вниз (не резко, а то, не дай Бог, уйдешь в штопор!) – самолёт идёт вниз. Опустить правый или левый край рамы – самолёт накренится и повернёт направо или налево.

И всё! Никаких светофоров и регулировщиков. Только ты, маленький самолёт, послушный, как собственные руки, небо, воздушный океан под, над тобой, вокруг! (и, слава Богу, инструктор сзади). Незабываемое впечатление для любого, но особенно для того, кто в детстве тщетно мечтал о двухколёсном велосипеде – родители не покупали из-за моего плохого зрения. Но вот мы уже на земле. Всё хорошее (как и плохое) имеет конец.

Расскажу теперь, как я вошёл в историю школы. В соответствии с советской традицией коллектив работников решил 2 мая выехать на загородный пикник. Было объявлено, что продукты предоставит школа (за счёт курсантов, наверное), а выпивку каждый закажет сам. Я не был пьющим человеком, но любил иногда выпить большой бокал или бутылку пива. Две бутылки для меня много, но, поскольку праздник, я заказал две, на 5 рублей 20 копеек. Пикник отменили (может быть, чтоб не брать продукты из школьной кухни). Иван Трофимович, очень хороший человек, но, как и другие, большой любитель выпить, объявляя об отмене, сказал: “А 5-20 пропьём дома.” Все уже знали о моём заказе, и эти слова были встречены хохотом – впрочем, вполне добродушным.

В 1953 году (после смерти Сталина!) новый начальник школы поручил мне, наряду с основной, оплачиваемую работу по руководству художественной самодеятельностью. Я руководил драматическим кружком, готовил концерты к праздничным дням, вёл

эти концерты. Один из участников нашей художественной самодеятельности, Евгений Кибкало, стал потом солистом Большого театра. Мою работу хвалили, в том числе и начальник школы, но в конце я по его вине пережил исключительно тяжелую неприятность.

Мы полгода готовили спектакль. Должны были показать его на первомайском вечере. Я вёл концерт. И вот, когда я должен был объявить этот спектакль, начальник поднялся на сцену, извинился и сказал, что ввиду позднего времени нужно концерт закрыть. Я, мы все стали ему говорить, что это невозможно. Он видел, что исполнители, в том числе приглашённые на женские роли, уже загримированы. Я сказал, что основные участники – выпускники, так что позднее, как он предложил, спектакль показать нельзя. Как можно допустить, чтоб полгода работы пропало даром? Ничего не помогло. Он и другие собирались выпить и отложить это были не в состоянии.

И вот конец августа 1955 года. Прошёл слух, что все спецшколы ВВС закрываются. Начальник не подтверждает, но и не опровергает, говорит – неизвестно (хотя, наверное, уже знал). Торжественное закрытие летнего лагеря. Я веду прощальный концерт. Печально звучит полонез “Прощание с родиной” Огиньского в исполнении Татаринова – соло на трубе. Все чувствуют: это – конец.

В общем, несмотря ни на что, я тепло вспоминаю работу в спецшколе. Моя первая работа была интересной, я многому научился. (1)⁸⁸

В связи с ликвидацией спецшколы было волнение – надо было искать новую работу. Но волнение продолжалось недолго: начальник спецшколы Москвич (тот самый!), которого назначили директором средней школы № 77, переведенной в здание спецшколы, меня одного из четырёх словесников оставил работать в этой школе. Моя жизнь сложилась так, что я ни одного дня не был безработным.

Работа в массовой школе отличалась от прежней, в чём-то надо было перестраиваться. Правда, в первый год мне поручили руководить выпускным классом, который состоял из бывших курсантов спецшколы. Они меня знали, я был “свой,” они ностальгически тянулись ко мне, и у нас было взаимопонимание.

Но затем меня назначили классным руководителем самого тяжёлого класса, 8-А, от которого стонала вся школа. Что было делать? Я решил, что надо сразу добиться перелома в настроении ребят (несмотря ни на что, – ребят, а не босяков, хулиганов, какими их все считали и какими они уже сами привыкли считать себя). 31 августа, накануне начала учебного года, я собрал “по цепочке,” то есть от одного к другому, своих будущих воспитанников.

Это было необычно. И обстановка необычная – вечером, в пустой школе, и время особое – перед началом учебного года, к которому в семьях готовятся, обновляют одежду, приобретают учебники и всё, что нужно для учёбы. И ребята, наверное, немного соскучились по школе, все неприятности уже как-то подзабыты. На всё это я и рассчитывал.

Я представился, хотя они меня знали как руководителя 10 класса, очень авторитетного в школе (и заметного – и я, и ученики продолжали ходить в форме, у нас другой одежды ещё не было). Моя речь была короткой, я сказал, примерно, следующее. Мне

⁸⁸В спецшколе Военно-Воздушных Сил (я третий слева).

поручили руководить вашим классом, предупредив, что это очень трудный класс. Я сейчас смотрю на вас – нормальные ребята и девочки, симпатичные лица. Думаю, что просто все привыкли вас ругать, и вы привыкли к этому. Надо это просто отбросить и забыть, и не когда –нибудь, а завтра. Все увидят – совершенно нормальный класс, славные ребята, которые пришли не дурака валять, а учиться, хорошо закончить школу. Все вопросы будем решать вместе. Выбрали старосту, совет класса (такого органа не было, был только школьный комитет – я его придумал, чтобы в классе было нечто вроде самоуправления).

Ко всему сказанному ребята отнеслись серьёзно. Я исходил из того, что им должны были надоесть вечные неприятности, и когда появится какая-то лучшая перспектива, они откликнутся. Через пару дней собрал родительское собрание – не в конце четверти, чтобы ругать за плохую успеваемость и поведение учеников, а в начале, чтобы обо всём договориться. Конечно, возникали проблемы, я много времени уделял классу (а ведь ещё была главная работа, учебная, за которую платили зарплату).

Но – хотите верьте, хотите нет – класс вскоре был признан лучшим в школе. При распределении нагрузки учителя стремились получить работу в этом классе. Из него в основном выбирали руководителей школьных организаций. (2)⁸⁹

Опираясь на такой коллектив, можно было справиться и с трудным подростком, что мне и пришлось сделать. За полгода до выпуска этого класса директор школы сообщил мне, что к нам переводят исключённого за хулиганство из другой школы ученика по фамилии Касьян. Он вместе со своей матерью находился здесь же, в кабинете. Директор протянул мне его личное дело. Мать Касьяна воспитывала его одна, отец погиб на фронте. Последний из “подвигов” её сына состоял в том, что он, находясь в зимнем доме отдыха, поставил на дверь открытую банку с краской, которая опрокинулась на входившую воспитательницу.

Я сказал директору, что сам решить не могу, должен посоветоваться с классом. Мы с директором посмотрели друг на друга. Мне было понятно, что приказ о переводе Касьяна в нашу школу изменить нельзя. Директор сказал, что только на наш класс может быть надежда. А он, директор, понял, что мне всё равно нужно провести это через коллектив класса. Я сказал Касьяну и его матери, чтоб они пришли после уроков, соберётся совет класса, и мы решим. На перемене мы с ребятами обо всём договорились. После уроков совет класса объявил, что согласен условно принять Касьяна – до первого нарушения. Они сказали, что заканчивают школу и хотят на уроках заниматься делом, а не тратить попусту время.

Как же проходил процесс перевоспитания? А никак! Никакого перевоспитания не понадобилось. Касьян был нормальный парень, распутившийся оттого, что мать, работавшая на тяжёлой мужской работе, не могла заниматься сыном, и учителя не сумели справиться. Чувствуя безнаказанность, он делал всё, что вздумается. А тут он под наблюдением не учителей, а товарищей, хороших ребят, которые хотят хорошо закончить школу и ему того же желают. Многое возможно, если создан коллектив. И, представьте себе, до сих пор мне, тщеславному дурню, обидно вспоминать, как преподаватель истории Валентина Михайловна сказала, что этот класс всегда был хорошим, просто за ним почему-то закрепились плохая слава.

⁸⁹Посмотрите на этих славных ребят и девчат.

Я преподавал не только в “моём” классе, где я был классным руководителем. В других классах я тоже довольно легко поддерживал дисциплину: (3)⁹⁰. Но иногда возникали проблемы, и педагог должен находить решения. Однажды в одном из классов ученик мешал вести урок. После нескольких попыток успокоить его, я предложил ему покинуть класс. Он отказался. Тогда я сказал дежурному ученику, чтобы он нашёл свободную классную комнату, из которой ученики ушли на физкультуру или в физический (химический) кабинет, и мы все туда перейдём. Нарушитель вышел из класса.

А я продолжал экспериментировать. В школах была система дежурных классов. Они, в частности, следили за порядком на переменах. Но вместе с ними на переменах в коридорах должны были находиться все учителя, поэтому ученики из дежурного класса не чувствовали себя ответственными, и их приходилось буквально выгонять на дежурство.

Я сказал на педагогическом совете, что учителя на переменах, как правило, должны отдыхать, иначе они будут отдыхать на уроках. А порядок на переменах должен поддерживать исключительно дежурный класс и с ними только один учитель – их классный руководитель. На новую систему перешёл только мой класс.

Перед началом нашего недельного дежурства я говорил ребятам, что, в отличие от остальных классов, мы полностью, без участия других учителей, будем поддерживать порядок на переменах. От нас зависит, чтобы не было несчастных случаев. Если классные комнаты хорошо проветрены, отметки повышаются, это доказано! И так далее. Совет класса распределял посты (каждый пост – один класс и прилегающая часть коридора), назначал старших по этажам.

Я объявлял в учительской, что на этой неделе все могут на переменах отдыхать, я беру ответственность за порядок на себя. Ребятам импонировало это доверие и ответственность. В конце недели подводили итоги (было соревнование за чистоту и порядок в классах, проветривание, дежурный класс выставлял отметки). Если вам, мои дорогие читатели, когда-нибудь придётся делать что-то более или менее похожее, имейте в виду, что в организации любого дела важно продумать детали.

После выпуска в 1958 году моего класса меня назначили руководителем шестого класса (хотя я преподавал в основном в старших классах). Снимки: (4)⁹¹, (5)⁹², (6)⁹³ – мои новые ученицы и Тома на первомайской демонстрации. Замечу кстати, что мы любили этот праздник. Два дополнительных выходных дня! Все охотно шли на демонстрацию – весна, обычно хороший солнечный день, встреча с товарищами, все празднично одеты, весёлые, беззаботные. Меньше всего думали о том, что это “день международной солидарности трудящихся.” Например, когда 30 апреля 1975 г., буквально накануне 1 Мая, победой коммунистов над Америкой закончилась война во Вьетнаме, я был уверен, что на первомайской демонстрации только об этом и будут говорить. Но никто и не вспомнил.

⁹⁰Строгий учитель.

⁹¹Мои новые ученицы, и с ними Тома.

⁹²Мы и Тома.

⁹³На первомайской демонстрации.

Иногда я совершал с учениками воскресные походы: (7)⁹⁴, (8)⁹⁵. Мои новые шестиклассники охотно продолжили традицию ответственного дежурства. Командовать всей школой! И их слушались, в том числе и ученики старших классов – больше, чем учителей, поскольку те по обязанности всегда делали надоевшие замечания, а тут свой младший товарищ, такой серьёзный, с красной повязкой на руке.

В 1961 году Хрущёв провёл школьную реформу. Срок обучения увеличили до 11 лет. Старшие классы отделили от восьмилетней школы, в них ввели, наряду с общеобразовательной, первичную профессиональную подготовку. 77-ую школу сделали восьмилетней. Мне предложили перейти в среднюю школу № 36, в которой собрали учеников 9-11 классов со всего района. Я согласился.

То, что я все 16 лет работал со старшеклассниками, помогло мне потом легко перейти на работу со студентами. Эта школа была очень необычной. Прежде в школах бывало по 2-3 параллельных класса: 10-А, 10-Б, иногда 10-В. А тут, представляете, 9, 10, 11 А,Б,В,Г,Д,Е,Ж,З,И,К,Л,М,Н и О! Вот снимки: (9)⁹⁶, (10)⁹⁷, (11)⁹⁸, (12)⁹⁹.

Теперь, в следующей главе, – об учебной работе. Всегда считал её главной. На уроках не только учатся. Воспитание, становление личности ученика происходит прежде всего на уроках. Именно они, вместе с домашними заданиями, заполняют большую часть дня школьника. Дело не в каких-то специальных “воспитательных” беседах. Если на уроках – деловая обстановка, все работают, происходит воспитание. Если ученики бездельничают, происходит их развращение. Я очень переживал и возмущался, если по каким-то причинам отменяли уроки. Например, перед праздниками ученики вместо уроков должны были проводить уборку школы.

В связи с этим вспоминаю такой весёлый случай. После отъезда в Москву, в аспирантуру, я накануне Октябрьских праздников приехал в Днепропетровск (чтоб отвезти в Москву Лёню – об этом ниже). Наведался в свою школу. Когда я вошёл в учительскую, раздался такой визг, словно там были не с десяток взрослых учительниц, а сотня десятилетних девчонок, на которых напали дикие звери. Оказалось, что перед праздником отменили, без предупреждения, уроки. Кто-то из недовольных учителей сказал про администрацию: “Левина на них нет!” И тут открывается дверь ...и входит Левин!

20 Как сделать учёбу интересной.

В учебной работе я постоянно думал о том, как добиться, чтобы ученики хотели учиться, как вызвать и закрепить у них интерес к знанию, к науке, художественной литературе.

Если учитель сумел достичь этого, обучение становится успешным, начинает доставлять удовлетворение и ученикам, и ему самому, работа приобретает смысл, жизнь становится полноценной. Уходят проблемы дисциплины, неуспеваемости, связанных с

⁹⁴ Поход вокруг города.

⁹⁵ С коллегами.

⁹⁶ Мои последние ученики.

⁹⁷ См. 19-9.

⁹⁸ См. 19-9.

⁹⁹ См. 19-9.

ними стрессов. Если у учеников развился интерес к знанию, к самому процессу познания, можно надеяться, что он сохранится и после школы. А ведь в наше время необходимо постоянно совершенствоваться, следить за быстрым развитием науки, быть готовым и способным переучиваться, если понадобится. При наличии серьёзных интересов становится менее вероятным заполнение жизни негативным содержанием.

А между тем учителя очень часто преподают свои предметы (а родители – свои идеи), не считаясь с интересами детей. Но так же неверно и приспособливать всё обучение к наличным интересам учеников. Ведь ученики должны усвоить систему знаний, а не случайные сведения, отобранные по принципу привлекательности.

Решение, как я понимал и понимаю, заключается в том, чтобы, учитывая интересы учеников, стремиться развивать эти интересы. Ведь никто не рождается с интересом к химии или истории. Интересы или появляются, развиваются при жизни, или нет, в зависимости от семейных и других влияний и, главное, – от характера обучения.

Конечно, врождённые способности (точнее, задатки способностей) влияют на развитие интересов. И наоборот, – интерес, интересное преподавание влияет на развитие способностей, которые без этого могли не развиваться. Марк Твен в одном из рассказов пишет о человеке, который только на небе узнал, что он мог быть великим математиком.

Расскажу, что я делал для возбуждения и развития у учеников (а потом у студентов) интереса. Приводимые выводы (не только мои) могут помочь тем, кому предстоит кого-то учить – дома, в школе и т.д.

Потребность что-то узнать – не с конкретной практической целью (например, выяснить, какой фильм покажут сегодня, или чтобы получить отметку), а с теоретической, “бескорыстной” – возникает, если в сознании появилось какое-то противоречие. Ведь противоречие неудобно. Не знаешь, так это или не так. Возникает желание разобраться. Но и в семьях, и в школах детям обычно преподносят прочно установленные истины, особенно в СССР, где стремились избежать малейших сомнений в том, что сообщают ученикам. Редко говорят им о том, что по тому или иному вопросу существуют противоположные мнения – а об этом им нужно говорить.

Покажу на примере из курса литературы, как создаётся проблемная ситуация (популярное в Америке выражение “никаких проблем” хорошо где угодно, только не в обучении). В учебнике литературы говорится о том, что поэты – современники Маяковский и Есенин, как и все хорошие поэты, были патриотами. Но кому это интересно, если все в этом отношении одинаковы? Я зачитывал на уроке стихи этих поэтов, из которых становилось ясно, что их взгляды были прямо противоположны. Маяковский, в соответствии с коммунистическим идеалом, мечтал о том, “чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием.” А Есенин писал, что он всегда будет воспевать не всё человечество, а “шестую часть земли с названием кратким “Русь”.” Возникало желание разобраться и начиналась дискуссия – кто прав?

Потребность снять проблему, получить ответ на возникший вопрос необходима для появления интереса, но это ещё не интерес, хотя обычно считают, что потребность в знании это и есть интерес. Всякая потребность связана с отрицательной эмоцией, потому что она говорит об отсутствии чего-то нужного. А интерес всегда окрашен положительной, приятной эмоцией.

Значит, для появления интереса нужно, кроме потребности в получении ответа на возникший вопрос, ещё что-то. Интерес появляется, когда удовлетворение возникшей потребности, то есть решение проблемы началось, или когда на основании опыта, авторитетного отзыва заранее предвкушается решение проблемы или возникновение проблем и их решение. По аналогии можно сказать, что некоторое чувство голода или жажды способствует удовольствию от пищи или напитка, но удовольствие возникает только в процессе еды или питья или при предвкушении этого процесса.

Для удовлетворения возникшей потребности в знании необходимо получение новой и при этом достоверной информации. А между тем и в школьном обучении, и в родительских беседах говорится много такого, что дети уже знают. К древней поговорке “повторение – мать учения” (отнюдь не русской, как многие считают, а латинской – *repetitio est mater studiorum*) нужно относиться осторожно. Конечно, повторение необходимо. Но если мы хотим, чтобы обучение было интересным, нужно, как рекомендовал великий русский педагог К. Д. Ушинский, стремиться в повторение вносить что-то новое. В частности, объяснение на уроке должно существенно отличаться от того, что ученики прочтут дома в учебнике.

Домашние задания, темы сочинений, в том числе и домашних, не должны ориентировать на простое воспроизведение изученного материала (о сочинениях конкретно – ниже). Если домашние задания носят творческий характер, то и рассказы об их выполнении будут интересными, так как работы будут различными.

А между тем устный опрос был обычно самой нудной частью урока. Вызванный ученик должен был рассказать то, что уже известно другим – и учитель рассказывал, и в учебнике прочли (конечно, те, кто выполняют домашние задания). К тому же этот выборочный опрос, во-первых, неэффективен (многих опросить невозможно, и ученик знает, что вторично его не скоро вызовут). Во-вторых, он отнимает много времени, в-третьих, ввиду неопределённости – вызовут или нет – он связан с ежедневным, ежечасным стрессом – в течение 10 -11 лет! (Я говорю о советской школе. В Америке проверка знаний теперь проходит иначе, имеет свои плюсы и минусы).

Я пришёл к выводу, что проверка знаний учащихся должна проводиться по-разному. О выполнении творческих заданий ученики должны докладывать устно. Это может быть интересно и полезно другим, а у докладывающих развивается речь, ораторские навыки. А для проверки знания фактического материала устный опрос проводить не следует. Письменные контрольные работы имеют свои недостатки. Во-первых, их проверка в докомпьютерную эпоху отнимала уйму времени. Это было поистине проклятие учительской профессии. В отличие от других, учитель и дома был на работе – кипа ученических тетрадей не давала чувствовать себя свободным. Во-вторых, трудно обеспечить самостоятельное, честное выполнение контрольных работ. Поколения учеников выработали целую систему обмана учителей. Я понял, что для проверки знания фактического материала следует использовать технические средства.

Шёл 1959 год. На Западе уже работали компьютеры первых поколений. В Советском Союзе до 1956 года кибернетика и всё, что связано с ней, было вообще под запретом. И я разработал электро-световой прибор для проверки и самопроверки знаний и решений – на основе выбора из многих вариантов. С помощью съёмных таблиц прибор позволял проводить, например, полный грамматический разбор, вставлять пропущенные

буквы, проверять знание математических формул, химических реакций, хронологии, правильность ответов при решении задач и т.д. При этом прибор указывал не только на правильные ответы (что позволяло бы искать ответ с помощью незаметного перебора), но и ошибочные ответы. Прибор экономил много времени и вызывал большой интерес.

Я – не инженер, а гуманитарий – получил авторское свидетельство, советский заменитель патента. Это означало, что, по данным патентной экспертизы, прибор, во-первых, полезен, а во-вторых, нигде в мире не известен. В журнале “Русский язык в школе” я напечатал статью – это была моя первая научная публикация.

Технически прибор, конечно, устарел, но он явился как бы предвестником компьютеризации наших школ (которая тогда была и в Америке в зачаточном состоянии). Хотя в СССР кибернетику уже перестали считать “лже-наукой” и появились первые громоздкие компьютеры, но главная партийная газета “Правда” в статье “Роботы за партой,” высмеяла первые шаги по использованию компьютеров в школах США. Я был обеспокоен и в письме в газету спросил, не означает ли это, что они осуждают использование технических средств для проверки знаний учеников. Зав. отделом редакции Кокошвили ответил – нет, не означает. Я понял, что “Правда” просто использует любой повод, чтобы ругать и высмеивать Америку.

Далее я обратил внимание на то, что заинтересованность зависит, при наличии других, названных выше условий, ещё от того, сколько времени и труда требуется, чтобы выполнить ту или иную работу, получить ответ на возникший вопрос. Например, при чтении книги на другом языке, кроме интересности содержания, имеет значение, сколько в тексте встречается незнакомых слов, которые приходится искать в словаре. С помощью эксперимента, в котором участвовали преподаватели иностранных языков, я установил, что интересная адаптированная книжка, в которой до 5% (или чуть больше) слов являются незнакомыми, читается охотно. Если в книжке незнакомых слов больше 14%, никто из учеников добровольно не хотел её читать, несмотря на интересное содержание (для эксперимента отбирались книжки, которые на русском языке вызвали интерес у участников).

В январе 1966 г. я опубликовал результаты этого исследования в журнале “Народное образование” (который выписывала каждая школа) и позднее много раз встречал ссылки на эти данные, без указания источника. Писали просто “как показали исследования...” Прочитав это, моя внучка Маша (магистр психологии) сказала, что в Америке были получены примерно такие же результаты, Я ответил, что это очень хорошо, независимо от того, кто опубликовал раньше. В отличие от искусства, где ценится неповторимость, в науке результаты должны быть подтверждены другими исследователями.

С уровнем трудоёмкости связана и задача перевода пассивного интереса в активный. Изучая интересы учеников, им обычно предлагают назвать или выбрать из перечня предметов, наук и т.д. те, которые их интересуют. Я прибавил к этому вопросу ещё один: читали ли вы или делали что-нибудь по этому предмету сверх обязательного задания? Оказалось, что больше половины опрошенных – ничего. Поскольку опрос проводился анонимно, ответы в своём большинстве были, очевидно, правдивы – эти ребята действительно охотно занимались тем или иным предметом, но не настолько, чтоб посвящать ему своё свободное время.

Следовательно, надо различать интересы пассивные и активные. Если учитель проводит интересно уроки (не обязательно целиком, но хотя бы значительную часть), если родители интересно рассказывают или читают что-то, у детей, подростков постепенно разовьётся хотя бы пассивный интерес к этим занятиям, беседам. И это уже хорошо. Ведь невозможно активно, дополнительно заниматься всеми предметами. Но при этом очень желательно, чтоб интерес к некоторым предметам, наукам, деятельности поднялся до уровня активного, чтоб он заполнил разумным содержанием жизнь, свободное время подростка, помог ему, может быть, выбрать будущую профессию.

Для этого нужно, после того как удалось закрепить пассивный интерес к занятиям, постепенно изменять способы удовлетворения возникшей потребности что-то узнать. Если вначале мы стараемся сами дать ответ на возникшую проблему или сами читаем детям заинтересовавшую их книгу, то теперь мы – очень осторожно, постепенно – показываем им, как они могут сами получить ответ, удовлетворить свой интерес, разрешить проблему (которую мы пока ещё сами возбуждаем).

Например, преподаватель физики или химии предоставляет ученикам возможность получить ответ, проведя какой-то опыт. Учитель литературы подсказывает, какое место, какая глава изучаемого произведения может помочь разобраться в возникшем сложном, спорном вопросе. Рекомендуем и помогаем найти источники информации – журналы, энциклопедии, (а теперь – и интернет), приучаем пользоваться библиотекой. Я давал соответствующие задания, иногда посещал с учениками читальный зал библиотеки – сам работал и консультировал.

При этом очень важно следить за тем, чтобы трудность, затраты времени не превышали на каждом этапе приемлемого уровня, о чём можно судить, наблюдая за отношением к работе (как я это делал, читая что-то с Лёней и Томой). Не только слишком трудное, но и слишком лёгкое также может оказаться неинтересным. Здесь, по возможности, нужен индивидуальный подход. Учитель математики, наблюдая за тем, как ученики решают на уроке задачи, может кому-то помочь, облегчить работу, а другому, похвалив, предложить задачу потруднее.

Что касается проблем, вопросов, споров, недоумений, то они всё больше накапливаются по мере приобретения знаний (если учение было интересным, а не просто под страхом плохой отметки). Ведь сама действительность противоречива, и чем больше человек узнаёт, тем больше у него вопросов. Каждый учитель может подтвердить, что вопросы обычно задаёт не тот ученик, который мало знает и, казалось бы, должен спрашивать, а тот, кто знает много. Таким образом, первое условие интереса к приобретению знаний – потребность в чём-то разобраться – постепенно становится привычной, более или менее постоянной.

И если при этом у учеников развивается умение самостоятельно и с помощью различных источников находить ответы, – второе условие интереса, дающее чувство удовлетворения, также оказывается в пределах их личной возможности, даже без участия учителя. У них появляется активный интерес к тому или иному предмету – у одних к одному, у других к другому, при сохранении положительного отношения (пассивного интереса) к другим предметам, если они преподаются интересно.

И очень важно учить учеников самостоятельно мыслить, любить процесс размышления, верить в свой разум; уважая мнения авторитетов, не бояться подвергать их

сомнению. В этом большую роль должны играть сочинения. Однако, как я отмечал в главе о своих школьных годах, сочинения очень часто просто списываются из каких-то источников. Почему? Почему многие ученики пренебрегают возможностью получить удовольствие от своего собственного творения? Во-первых, они не уверены в своих способностях написать сочинение “из головы.” (Моя ученица Неля Р. так и сказала: “Что ж я из головы должна писать?” Я ответил: “А из какого другого места, Неля?”). Во-вторых, они надеются обойти это затруднение более лёгким путём, испытанным поколениями учеников.

Необходимо было одновременно устранить обе эти причины, чтобы “лёгкий” путь перестал быть лёгким, а трудный стал посильным. Разъяснив значение сочинений для развития ума, умения выражать свои мысли, недопустимость плагиата, я без всякого стеснения во время классных сочинений принимал меры для недопущения “шпаргалок,” объяснив, что некоторым трудно отвыкнуть от них. Ни на партах, ни внутри ничего не должно было быть, кроме тетради и ручки. Всё остальное убиралось в сумки, стоявшие на полу.

Такая строгость не портила моих отношений с учениками. Я пользовался у них авторитетом. Однажды я обнаружил на задней парте “чужого” ученика. Его привели, чтоб показать, что “наш учитель знает все слова” (в действительности всех слов не знают даже составители словарей). Пользуясь тем, что я разрешил в начале уроков спрашивать о значении слов, которые встретились при домашнем чтении, ученики иногда приносили большой толковый словарь и, открыв его под партой на случайной странице, проверяли мою эрудицию.

Темы классных и домашних сочинений были проблемными. Я формулировал их так, чтобы нигде нельзя было найти готовый ответ. При этом никто не мог получить положительной отметки, если я обнаруживал использование чужих мыслей без указания источника.

Но всё это только подготовка к главному делу – научить, этап за этапом, писать сочинения, не бояться их, полюбить излагать свои мысли, уважать себя, свои способности. Начинали эту работу с того, что совместно составляли одно общее сочинение. Из предлагаемых учениками вариантов очередной фразы выбирался и записывался лучший – к удовольствию автора. Затем ученики писали сочинение по личным впечатлениям, “из головы.”

После этого они начинали работу над домашним сочинением на литературную тему (например, по комедии Грибоедова “Горе от ума”) с поэтапным отчётом о сделанном и с моей помощью. Сначала делали и приносили выписки из текста и свои заметки – каждую на отдельном небольшом листке бумаги (карточке). Они постигали, что сочинения пишутся не просто “из головы,” а на основе какого-то исследования. Имея уже своё понимание, читали рекомендованные статьи (они обычно прилагаются к школьным изданиям текстов), делали из них выписки или пересказывали мысли автора своими словами, указывая источник, страницу, своё согласие или несогласие, аргументируя его.

Потом располагали все карточки в логическом порядке и на этой основе составляли и приносили план сочинения (так и я работал). Затем приносили черновики, готовые

работы. На каждом этапе я просматривал принесённые материалы, комментировал. Во время классного сочинения помогал, если нужно.

Обычно ученики интересуются только отметкой, мало внимания обращая на замечания, которые учитель сделал, проверяя сочинения. Это усугубляет ту неохоту, с которой я приступал к проверке письменных работ. Но при описанной системе ученики, как правило, живо интересовались тем, что у них получилось.

Иногда (не часто) я проверял сочинения в присутствии авторов, оставляя после уроков по 3-4 ученика. Это отнимало больше времени, но было чрезвычайно полезно! Ученик и даже его товарищи напряжённо следили за движением красного карандаша, слышали похвалу, замечание, совет. Будучи беспощадным к плагиату, я очень доброжелательно относился к каждому проявлению собственной мысли, даже если ученик был, по-моему, неправ. Позже я прочитал в статье академика Колмогорова, который много занимался проблемами школьного обучения, что каждому ученику должно быть уделено какое-то индивидуальное время.

В конце года ученики писали сочинение по материалу внеклассного чтения какого-то не изучавшегося в школе произведения. Не знаю, насколько умнее стали мои ученики – измерением интеллекта не занимался. Но они, по крайней мере большинство, полюбили самостоятельно писать свои работы. Когда однажды во время проведения классного сочинения я был вызван по срочному делу, оснований для беспокойства уже не было. Поручил старосте собрать в конце урока сочинения и принести в учительскую. Все работы были написаны самостоятельно. Если кому-то и хотелось заглянуть в учебник, он постеснялся бы товарищей – списывание стало уже неприличным. “В нашем классе ребята договорились устранить самый большой недостаток учеников – списывание. И мы этого добились,” – писала потом “совесть класса” Алла Потёмкина (и в России, и в Америке сейчас много пишут об обманах на экзаменах).

В выпускном 11-ом классе я вместо нескольких домашних сочинений предложил ученикам на выбор 42 темы годовых домашних работ более или менее исследовательского характера – не только по литературе, но и по другим гуманитарным предметам, типа projects. Предоставление возможности выбирать вообще имеет большое значение в развитии интереса – это момент индивидуализации. В конце года в торжественной обстановке происходила защита. Вот снимки: (1)¹⁰⁰, (2)¹⁰¹, (3)¹⁰², (4)¹⁰³.

Очень часто повышение интереса к занятиям сводят к различным игровым, занимательным приёмам. Как видно из всего сказанного выше, я стремился развивать интерес к самому процессу познания. Но определённую роль могут играть дополнительные средства заинтересовывания учеников: отметки (хорошие), похвала, юмор, проведение занятий в форме игры.

Мне однажды пришлось провести урок вместо заболевшего учителя в классе переростков, куда были собраны третьегодники из всех школ района, чтоб они не мешали работе (они обычно ещё и хулиганили). И ничего – урок прошёл нормально. Я не стал проверять домашнее задание (это было бы бесполезно), а начал объяснять новую тему.

¹⁰⁰Защита годовых работ.

¹⁰¹См. 20-1.

¹⁰²См. 20-1.

¹⁰³См. 20-1.

Сказал, что после объяснения желающие смогут показать, как они поняли материал. Кто правильно ответит на 4 вопроса, получит четвёрку, кто ответит на 5 вопросов, получит пятёрку.

Ребята, для которых даже тройка была приятной и редкой отметкой, внимательно слушали объяснение, прекрасно вели себя, наперебой старались отвечать, чтоб получить “даром” хорошую отметку (считается, что отметки полагается получать за домашнюю работу). Я настолько овладел классом, что мог сказать: не нужно тянуть руки вверх – кто выше подымет. Я буду вызывать тех, кто спокойно поставит поднятую руку локтем на парту. Тема урока была усвоена, несколько учеников получили обещанные отметки.

Просто нужно помнить, что большие и маленькие люди ничего не делают, если это не отвечает какой-то потребности. Например, ученик идёт в школу, чтобы его не ругали родители. А чтобы при этом ещё и учиться, нужна другая потребность. Получить хорошую отметку – не самая ценная, но как вспомогательная, особенно в начале работы по развитию интереса к учёбе, тоже полезна.

Особо хочу остановиться на использовании соревнования. Приказом министра просвещения, изданного в 1944 г. на основании постановления Центрального Комитета партии, в советских школах было запрещено соревнование. Имелось в виду соревнование по числу хороших и плохих отметок, которое действительно приносило большой вред. Но это постановление было понято как запрет на всякое соревнование. Соревнование между школами по отметкам в завуалированной форме продолжалось, а соревнование между учениками в знаниях (не в отметках) было заблокировано. Я решил использовать соревнование в учебной работе. Потом опубликовал статью, в которой доказывал его полезность. Для страховки сослался на высказывания Маркса и Ленина о соревновании – единственная статья, где я упоминаю их имена.

На мысль о конкурсе, соревновании натолкнул меня следующий забавный эпизод. Однажды, в начале моей экспериментальной работы, Григорий Вайцман был вызван прочитать наизусть заданное стихотворение. Обычно, если ученик плохо запомнил стихи, он начинает сбиваться, пытается вспомнить. Но Григорий твёрдо прочитал на одну строчку больше половины и остановился. “А дальше?” – спросил я. “Всё,” – ответил он. – “Как всё?” – “Всё. Я знаю больше половины. Вы двойку уже не поставите.”

С этим надо что-то делать, подумал я. Во-первых, я стал предлагать выбирать по своему вкусу одно из нескольких стихотворений. Это заинтересовало многих, но не всех. Некоторые стали выбирать стихотворение покороче. Их вполне можно понять – заучивание наизусть отнимает много времени, а домашних заданий всегда много. Но всё-таки очень хотелось, чтобы окончивший школу унёс в своей памяти некоторые образцы великой русской поэзии.

Тогда я обратился к конкурсу. Избиралось жюри, определявшее победителей, причём первых, вторых и третьих мест могло быть несколько, так что никто не “перебегал другому дорогу.” И всё изменилось. Прежде, когда 2-3 ученика вызывались, чтобы проверить, как выучено стихотворение, остальные не слушали и только думали – вызовут меня или нет. Указание читать выразительно обычно повисало в воздухе. А тут все читали одни и те же стихи, и все напряжённо вслушивались – как читается. На первых порах вызывались желающие, потом – все. Начинали на уроке, заканчивали после

уроков, и все охотно оставались. Результат превзошёл ожидания. Многие, совершенно равнодушные к поэзии, увлеклись, некоторые стали писать стихи.

Затем мои ученики приняли участие в городском конкурсе чтецов, и Лариса Шкилёва, Алла Потёмкина и Виктор Мартыненко заняли три первых места – все из одного класса, в городе, где было свыше ста школ, десятки тысяч учеников! Способных, талантливых детей везде много, но обычно учителя сами отбирают, кого послать на конкурс, и те неохотно идут туда. А тут ребята заслужили право участвовать в городском конкурсе, победив в честном соревновании.

Лариса Шкилёва на школьном вечере в течение 45 минут читала “Мать изменника” из “Сказок об Италии” Горького (наизусть, прозу!). Читала так, что было бы слышно, если бы муха пролетела. Я посоветовал ей поступить в театральное училище. Она поговорила с матерью и сказала: мама мне такое училище задаст! – в народе существует определённое мнение о нравах артистов.

Позднее я успешно проводил конкурсы чтецов на филологических факультетах двух педагогических институтов, в которых работал. Ведь преподаватель литературы должен уметь и любить читать стихи и художественную прозу.

Соревнование я ещё шире использовал в организации познавательной активности учеников вне учебных занятий. Многие школьники сами находят выход своим познавательным интересам вне уроков. Другим надо помогать. Расскажу, что я делал. В связи с идеей использования соревнования, я заинтересовался олимпиадами, которые получили распространение, несмотря на запрет соревнования в учебной работе. Олимпиады у нас проводили по точным наукам – математике, физике, химии. Их целью был поиск талантов (с такой же целью конкурсы проводятся и в Америке). Цель эта, конечно, достойная.

Но я, во-первых, решил организовать олимпиады и по гуманитарным предметам – они у нас тогда почти не проводились. Во-вторых, я подумал о том, как использовать олимпиады для развития интересов у основной массы школьников, а не только у тех, кто и так уже интересуется тем или иным предметом. С этой целью я стал проводить олимпиады как коллективные, точнее, коллективно-индивидуальные соревнования. Средние и даже многие слабые ученики, которые прежде не могли рассчитывать на личный успех, теперь охотно готовились и участвовали, зная, что могут внести вклад в победу своей команды (класса), за которую они, конечно, “болели,” если ответят на некоторые вопросы (задания были разной степени трудности). Для оживления использовал игровые приёмы студенческих соревнований популярного Клуба Весёлых и Находчивых.

В 1965 г. журнал “Советская педагогика,” главный орган Академии педагогических наук, опубликовал мою статью об олимпиадах. Олимпиады стали проводить и по гуманитарным предметам (конечно, не только в связи с появлением этой статьи, но, возможно, она подтолкнула принятие такого решения).

Я выступил в печати также по вопросу стимулирования способных, увлечённых наукой школьников – в связи с принятым решением выдавать, наряду с золотыми и серебряными медалями, которые получали отличники, похвальные грамоты за большие успехи в отдельных предметах. В опубликованной в “Учительской газете” статье “Медаль или грамота” я писал, что такие грамоты, при соблюдении некоторых условий,

должны давать выпускнику школы не меньшие преимущества при поступлении в вузы соответствующего профиля, чем медали.

В самом деле, зачем ученику, увлечённому, допустим, химией, вместо занятия в свободное время этой наукой, тратить его на то, чтобы “дотянуть” до пятёрки свои четверки по истории и географии.? Но при этом такой ученик должен, во-первых, хорошо учиться по всем предметам. Во-вторых, его большие успехи по какому-то предмету должны быть подтверждены на внешкольном уровне, на авторитетной, хорошо организованной олимпиаде. Теперь в России победители и призёры Всероссийских олимпиад школьников при поступлении в вуз освобождаются от сдачи экзаменов.

Далее, получив разрешение Министерства просвещения экспериментировать, я организовал факультативы, “предметы по выбору” (так я их назвал), привлёк учителей, согласившихся участвовать (бесплатно). В январе 1966 года рассказал об этом в уже упомянутой статье в журнале “Народное образование,” органе Министерства просвещения. Вскоре факультативы (с оплатой учителей) были введены постановлением Министерства во всех школах (конечно, не только в связи с моим экспериментом).

Что касается традиционных кружков, я посоветовал моим ученикам посетить занятия каждого из них, чтобы выбрать самый интересный. Свой литературный кружок я, вслед за нашим с Софьей учителем Николаем Васильевичем, проводил не седьмым уроком, а вечером, в непривычно пустой и тихой школе. Потом мы стали проводить встречи за чашкой чая, по типу популярных тогда телевизионных “голубых огоньков”:^{(5)¹⁰⁴}, ^{(7)¹⁰⁵}.

Некоторые мои нововведения совпадают с тем, что делается в американских школах, но не полностью. Так, предмет по выбору у меня (а потом во всех наших школах) дополнял, а не заменял основные курсы. Ученики должны были изучать все предметы, включённые в учебный план, но, кроме того, выбирали либо дополнительный углублённый курс по одному из этих предметов, либо предмет, не входивший в учебный план (у меня это была история изобразительного искусства).

В Америке среди школьников проводится много соревнований, конкурсов по разным отраслям науки и культуры, но, насколько мне известно, большинство учеников в них не участвует. Коллективными бывают только спортивные соревнования. Школьники в Америке выполняют много проектов, но практикуется ли их защита перед жюри, в присутствии всего класса, – не знаю (Лёня рассказал, что его сын Андрей защищал свою работу, но это особый случай, о котором ниже).

Свою экспериментальную работу я начинал с чисто практической целью – сделать обучение более интересным, развить интересы моих учеников. Но когда что-то стало получаться, я решил рассказать о некоторых моих методах в педагогических журналах. А потом вспомнил, что когда-то собирался заняться научной работой – увлечёвшись работой в школе, я совсем было перестал думать об этом. Однако для научных публикаций требуются доказательства эффективности предлагаемых решений – результаты работы в экспериментальных классах по сравнению с другими. Я разработал комплекс критериев, которые в совокупности дают представление о развитии интересов учеников. Об этом – в следующей главе.

¹⁰⁴Вечер поэзии за чашкой чая.

¹⁰⁵См. 20-6.

В 1962 г. я поступил в заочную аспирантуру, через 2 года перешёл в очную. Пришло время расстаться со школой, с моими учениками, с Днепропетровском. На снимке (см. 19-12) мой последний выпуск (снимок поместился частично). Когда я уезжал, весь этот бывший мой класс пришёл на вокзал провожать меня (тётя Циля подошла ко мне и сказала: нехорошо, что я всё время стою с учениками, мало внимания уделяю провожающим меня родителям и родственникам).

21 “Оттепель.” Я – аспирант. Научная работа.

Как я упомянул выше, когда я был на 4 курсе, мой научный руководитель Н. К. Гудзий сообщил мне, что будет готовить меня в аспирантуру. Но из-за болезни мне пришлось уехать из Москвы. При окончании университета я, как отличник, получил официальную рекомендацию в аспирантуру. Но это была пустая формальность – шёл 1948 год, разгоралась антисемитская кампания борьбы с “безродными космополитами.” Я не подавал заявления, а из тех евреев, которые подали, никто не был принят, и одно из двух мест осталось незаполненным.

После смерти Сталина новый лидер Хрущёв выступил на 20-ом съезде партии с докладом о сталинских преступлениях. Наступил период некоторой, очень небольшой либерализации, “оттепели” (так писатель Илья Эренбург назвал свою повесть об этом периоде; название закрепилось).

Я решил попытаться поступить в аспирантуру, но уже не по литературе, а по педагогике. Поработав 14 лет (потом ещё 2 года) в школах разных типов, я полюбил школу и учеников. Наша знакомая учительница Зина А. сказала мне, что ненавидит школу, мечтает уйти и для этого решила поступить в аспирантуру ...по педагогике! Моя мотивация была иной. Что может быть важнее обучения и воспитания детей – для судеб этих детей и всего человечества? Я увидел, сколько мучительных проблем встаёт перед учителями, родителями, учениками. Мои эксперименты, некоторые успехи показали, что многие недостатки в обучении и воспитании могут быть преодолены или смягчены.

Но поступление в аспирантуру было очень трудным делом. Учёным хорошо платили, и в аспирантуру многие стремились вовсе не из-за любви к науке. Использовались знакомства, связи, в том числе и весьма специфические. Вот несколько известных мне примеров.

Перед окончанием университета происходило распределение на работу. Когда одна студентка украинского отделения вышла из кабинета и её спросили, куда она направлена, она, глядя в сторону, сказала: “Девочки, меня оставляют в аспирантуре.” Никто её не поздравил, все молчали – ходили слухи о её связи с 60-летним зав. кафедрой украинского языка. Летом я был в Крыму. И в приморском парке Ялты увидел её с ним. Потом однажды в Москве я шёл домой из библиотеки вместе с молодой женщиной. Она рассказала, что закончила на Украине, в Нежине, пединститут. Хотела поступить в аспирантуру. Профессор, к которому она обратилась, предложил ей прийти к нему в гараж с бутылкой коньяка.

Ещё один случай из моего личного опыта. В 1978 г., уже будучи доцентом, кандидатом наук, я был в Москве на 4-месячных курсах в Академии педагогических наук

(АПН). Молодая преподавательница с Дальнего Востока попросила меня отредактировать её автореферат (краткое изложение диссертации). Когда я сделал это, она пришла ко мне и попросила отредактировать всю диссертацию (сотни страниц). Я сказал, что не могу, так как очень занят. Тогда она сказала: “У вас тут так жарко” и стала расстегивать блузку. Я хотел открыть форточку, но она сказала, что не надо, и ушла (гордиться мне или жалеть о своём поступке?). - Интересно, что на следующий день несколько женщин смотрели на меня с явной симпатией. Я понял; что моя гостыя рассказала об этом эпизоде, считая такой способ продвижения в науке вполне нормальным.

Если в физике, химии, технических науках, с которыми связаны производство оружия, экономика, всё-таки нужно было иметь способных людей, то успехами в гуманитарных науках руководство страны интересовалось меньше всего, и коррупция, которая в Советском Союзе вообще была везде и во всём, здесь процветала. Принять своего протеже было очень просто. Для этого на экзаменах ему (или ей) ставили более высокие отметки, чем остальным. У меня не было научного руководителя, и мне было 38 лет, так что шансов попасть в аспирантуру у меня было очень мало.

Но мне удалось поступить в аспирантуру Академии педагогических наук. Я воспользовался тем, что сдавать кандидатские экзамены, писать и защищать диссертацию разрешалось и вне аспирантуры. Если соискатель учёной степени (так назывались эти люди), сдав кандидатские экзамены, хотел поступить в аспирантуру, ему засчитывались сданные экзамены и в качестве приёмных. А приёмная комиссия не могла снизить эти отметки, которые к тому же ценились выше, чем полученные на приёмных экзаменах.

Я сдал в Днепропетровском и Киевском университетах кандидатские экзамены (готовился в основном во время трёхчасовых переездов на работу и обратно). Экзаменаторы поставили мне высокие отметки – ведь я не поступал к ним в аспирантуру. В качестве реферата я представил статью о проверке знаний с помощью технических средств. Л. Н. Ланда, которому её дали на отзыв (он занимался программированным обучением), высоко её оценил.

Кроме того, я пошёл на приём к директору Института теории и истории педагогики Фёдору Филипповичу Королёву. Очень хороший человек, он, однако, высказался скептически о моём возрасте. Я сказал, что, в отличие от математики, в педагогике большой опыт, наверное, необходим. Он согласился, но сказал ещё, что продолжающие работать заочники (я по возрасту уже мог поступить только в заочную аспирантуру) обычно не укладываются в сроки. Он был прав, и я тоже не уложился в положенный срок. Я согласился, что сочетать работу в школе с учёбой в аспирантуре трудно, но сказал, что заочная аспирантура позволяет закончить мои эксперименты. И я рассказал ему о них. В общем, меня приняли.

А через 2 года меня перевели на последний курс очной аспирантуры. Это позволило мне поработать в московских библиотеках, окунуться в атмосферу педагогической науки, узнать её достижения и недостатки, участвовать в научных дискуссиях, побывать на защите диссертаций.

Я познакомился с видными деятелями педагогической науки, в том числе с академиком АПН Леонидом Владимировичем Занковым. Я ещё раньше читал его книги, и его идеи были мне близки. Занков очень критически относился к тем, кто выдаёт реко-

мендации учителям и родителям просто на основе своих соображений. Он писал, что все идеи, предложения должны быть проверены экспериментально, как это делается в медицине, технических и других практических науках.

Занков со своими сотрудниками разработал и экспериментально проверил новую систему развивающего начального образования. За 3 года ученики получили больше знаний, а главное, проявили намного более высокий уровень умственного развития, чем их сверстники за 4 года в обычной начальной школе. После массовой проверки эта система была распространена на всю страну – выдающийся успех! Правда, при этом, как сказал мне Занков, чиновники многое испортили в его системе.

Леонид Владимирович предложил мне выступить с докладом перед его коллективом. Пригласил меня к себе домой. После доклада он сказал, что я смогу по окончании аспирантуры работать в его лаборатории. Но это было нереально – получить московскую прописку, то есть право на проживание в Москве, было почти невозможно. Моим научным руководителем назначили престарелого профессора. Е. О. Перовского. Его руководство заключалось в том, что он встречался со мной раз в год, пожимал мне руку и говорил: “Я на вас надеюсь!” Я был доволен, что никто не мешал мне писать так, как я хочу.

В предыдущей главе я изложил основное содержание моей диссертации. Её название – “Процесс воспитания познавательных интересов у учащихся старших классов (на материале учебных предметов гуманитарного цикла).” Изложение уместилось на 9 страницах (в диссертации – 322 страницы). Это не значит, что остальные страницы лишние. Диссертация должна показать, что защищаемые идеи и рекомендации, во-первых, содержат новизну, а во-вторых, проверены, доказаны. Есть такая шутка. В вашей диссертации, сказал во время защиты оппонент, много новых и правильных идей, но, к сожалению, они находятся в разных местах (то есть то, что правильно, не ново, а то, что ново, неправильно).

Чтобы выяснить, являются ли мои идеи и рекомендации новыми, нужно было изучить, что сделано по этой проблеме раньше, изложить историю вопроса, а также изучить литературу по психологии интереса (существовавшее понимание которого я счёл недостаточным и дополнил его своим – понятие об интересе, соотношение интереса и потребности, интерес и трудоёмкость, активный и пассивный интерес и др).

Я прочитал, просмотрел и написал обзор всего, что имелось по моей теме в Москве на русском языке, начиная от древне-римского педагога Квинтилиана, кончая последними публикациями (Ленинская библиотека получала обязательный экземпляр всего, что издаётся в СССР). Иноязычной литературы по моей теме в Москве было немного, но с тем, что имелось на языках, которые я изучал, я ознакомился. Сделав обзор 268 книг и статей, я выявил нерешённые или недостаточно решённые, существенно важные вопросы, решение которых я смог продвинуть. При этом я, как и другие, испытал немало огорчений, когда обнаруживал, что та или иная моя мысль уже была высказана раньше.

Далее, свои выводы надо было доказать. Если в мемуарах я просто ссылался на то, что провёл такой-то эксперимент, то для Учёного совета нужно было изложить методику и результаты исследования. При этом свой опыт, эксперименты, проведенные в своих классах, надо было дополнить наблюдениями над работой других учителей,

изучить историю развития учеников с высоким уровнем интересов. К участию в своих экспериментах надо было привлечь других учителей.

Получив разрешение Министерства просвещения Украины и Московского отдела народного образования, я посетил уроки многих учителей – удачные и неудачные. Провёл обстоятельные беседы с учениками – победителями областных и республиканских олимпиад.

Подключил к экспериментальной работе учителей, которые были заинтересованы в улучшении процесса обучения (таких немало, хотя равнодушных тоже много). Я привлёк прежде всего несколько учителей из моей школы (предмет по выбору, олимпиады и др.). Из признательности хочу назвать их: Л. Е. Капустян, С. Г. Кипоренко, А. М. Перчанова, Е. Л. Рудо, Н. Т. Ткаченко, Ф. А. Шмотина. Затем нашёл добровольцев-энтузиастов в московских школах № 59 (Е. Л. Шиманович), 118 (Б. В. Седов), 330 (Н. Я. Керлер), 401 (З. А. Рахова) и в одной сельской школе (Н. А. Карлова). Работая в Саратовском пединституте, я привлёк к проверке моих предложений учителей-заочников института. Многие из них отнеслись к этой работе халтурно, но некоторые – с большим интересом.

Однако главные результаты, естественно, были получены в моих экспериментальных классах, с которыми я работал и которые наблюдал в течение трёх лет. Наряду с собственными высказываниями ребят об их интересах и их развитии за последние годы, учтены сведения о чтении книг, журналов, газет, об активности в свободное время, об отношении к таким использованным методам работы, как проверка знаний с помощью технических средств, конкурсы, олимпиады, предмет по выбору, годовые работы исследовательского характера и их защита. Отмечу, что когда в целях экономии времени было предложено желающим сдать эти работы на проверку без публичного доклада и защиты, 24 из 32 учеников основного экспериментального класса пожелали лично доложить свои работы, хотя бы после уроков.

Приведены также отзывы учителей о том, как изменилось отношение к учёбе у учеников этого класса. Проанализированы выпускные экзаменационные сочинения с целью выявить некоторые показатели интереса к работе по литературе: использование непрограммных знаний, анализ эпизодов, не разбиравшихся в классе, высказывание свежих, нестандартных мыслей, выражение личного отношения, своеобразные моменты стиля. Были проведены специальные письменные работы с целью выявления некоторых внепрограммных знаний, свидетельствующих об интересе к событиям международной жизни, к литературе, искусству.

Результаты этих опросов и тестов, которые сопоставлялись с данными, полученными в других, контрольных классах, здесь приводиться не будут.

Расскажу о некоторых из “живых” наблюдений, дополняющих в диссертации количественные данные. Вот, например, реакция учеников на такое событие, как отмена урока. Все мы помним из нашего детства, что эта реакция бывает, мягко говоря, положительной. Ещё через полгода после начала эксперимента в классе раздались возгласы ликования, когда узнали, что не будет урока химии, хотя об уроках данного учителя ученики отзывались положительно. За четыре дня до этого, узнав, что в связи с подготовкой к выборам в других школах отменены занятия, а в их школе занятия состоятся,

ученики сочли себя обойдёнными и решили уйти в кино. Их задержали и вернули в школу.

В следующем учебном году можно было наблюдать иное, необычное отношение к возможности “законного” отдыха. Когда ученики (юноши) были сняты на целый день с уроков для прохождения медицинской комиссии, они, справившись быстрее, чем ожидалось, сразу же пришли в класс. Можете вы в это поверить? Я сам удивился. Присутствуя на уроках, можно было наблюдать, как ученики недовольно реагировали на звонок с урока.

Незадолго до окончания последнего учебного года я посетил два урока повторения, которые проводила учительница географии на одну и ту же тему в двух классах – экспериментальном и другом. Во втором классе урок всё время сопровождался замечаниями типа “Девочки, не разговаривайте!”, “Ребята, я вас ещё раз прошу, если отвечающий допустил ошибку, подымайте руку”, “Зачем у вас карты на партах? Надо следить!”, “Вы просто не хотите думать!” и т.д. В первом классе было сделано всего одно замечание по дисциплине, и оно носило иной характер: “Не все вместе!”. 74 раза (против 5 в параллельном классе) подымали на этом уроке руки желающие высказаться.

Характерен такой эпизод, как спор четырёх человек с учеником, отвечавшим на вопрос о влиянии океана на климат Прибалтики. Видно было, что ответ рассматривается учениками не только как средство получения отметки, но и со стороны его познавательного содержания. Своеобразный характер носили реплики – подсказки. Это были не тайные подсказки с целью ввести в заблуждение учителя, а открытая помощь товарищу. И в ответах, и в дополнениях с места были использованы сведения, почерпнутые из газет, журналов и других внеучебных источников.

Из 32 выпускников моего “главного” класса только у двух учеников добиться заметного прогресса не удалось. Юрий Я. – способный, но слабо успевающий ученик. Был увлечён футболом, часто пропускал занятия. Одно время казалось, что он стал больше интересоваться учёбой. Юрий начал немного читать, участвовал в некоторых внеучебных мероприятиях. Но существенного сдвига так и не произошло. В выпускном классе за два месяца до экзаменов самовольно уезжал на тренировки в Крым и Донбасс. Попытки упорядочить занятия спортом не дали результата.

Трудность заключалась не в занятии спортом – в классе было много спортсменов, один из них, Леонид Оксман, даже поступил в институт физкультуры, – а в ранней профессионализации, в неправильной линии спортобщества, которое требовало от перспективных ребят почти ежедневного посещения секции. Положение осложнялось тем, что отец Юрия – ветеран футбола. Когда за две недели до последнего школьного урока я посетил семью и Юрий стал просить, чтобы его снова отпустили в поездку, отец осудил его за это легкомыслие, но затем, выйдя со мной на улицу, присоединился к просьбе сына. Школу Юрий закончил, но заметного развития познавательных интересов не произошло.

Второй случай – с Ниной (имя изменено). В 8 классе Нина училась в основном на 4. При первом опросе об интересах Нина отметила свой интерес к биологии, но интерес этот был пассивный – Нина ничего не читала, не делала в этом направлении. Нина оказалась единственной, скептически высказавшейся о “дипломных работах.” Не принимала участия в дискуссиях на уроках, не посещала факультативных занятий.

Очень неудачно ответила на вопросы специальной письменной работы. Читала немного, книги выбирала односторонне. На летних каникулах прочла: “Рассудите нас, люди,” “Одна девушка и тысяча влюблённых,” “Когда встречаются двое” (авторов не помнила).

Позже в личной доверительной беседе выяснилась причина сужения, снижения уровня её интересов (“раньше читала много, теперь всё безразлично”). У Нины обнаружилось хроническое заболевание, приводящее к окостенению суставов на ступнях ног. Нина – красивая девушка. Под влиянием матери решила после школы сразу выйти замуж. На осуществление этой задачи были направлены все помыслы.

Между обоими случаями, при всём различии, есть сходство. И стремление стать профессиональным футболистом, и стремление к замужеству требовали, по мнению юноши и девушки, скорее физического совершенства, чем умственного. Если намерения Юрия были известны, то Нина откровенности не проявляла.

В общем же исследование показало, что даже на последнем этапе школьного обучения можно добиться развития и расширения познавательных интересов у большинства учеников.

Так как в очной аспирантуре я был всего один год, а потом сразу стал преподавать в институте, причём не литературу, а педагогику, новый для меня предмет, работа над диссертацией затянулась. Я вообще пишу медленно (вот и эти мемуары также, но это неплохо, так как я всё время вношу какие-то изменения). Кроме того, моё самолюбие пострадало бы, если бы мне вернули диссертацию на переработку – и я этого избежал. Писал в основном во время двухмесячного летнего отпуска.

Летом 1969 г. я представил диссертацию, получил положительные отзывы официальных оппонентов, напечатал автореферат, и в январе 1970 г. состоялась защита. Мне единогласно присвоили учёную степень кандидата педагогических наук. Постановили также рекомендовать диссертацию к печати. Я был первым кандидатом наук среди моих родных, и они празднично отметили это событие.

Что касается публикации, то от рекомендации Учёного совета до издания – большая дистанция. После Шестидневной войны “сионизм” в самом широком смысле опять стал врагом № 1. Не будучи уверенным, я не стал добиваться издания книги. Опубликовал ряд статей. Я немного горжусь тем, что ни одна из моих статей, в том числе представленных в главные педагогические журналы, не была отвергнута – далеко не все могут этим похвастаться. О моей статье “Воспитание интереса,” написанной, когда я был ещё аспирантом, в редакционной статье журнала Министерства просвещения “Народное образование” было сказано, что я осветил вопрос лучше, чем член-корреспондент Академии педагогических наук М. Н. Скаткин, руководитель секции дидактики (теории обучения) АПН. Я был участником и докладчиком на научных конференциях и съездах педагогов и психологов в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Вологде, Владимире, Красноярске. Выступал с лекциями на научно-практических конференциях учителей.

В институте я продолжал научную работу, которую любил. В течение многих лет проводил исследования (в том числе экспериментальные) интересов студентов и возможности их развития. Но одновременно с таким же интересом включился в преподавание, в столь важное дело улучшения подготовки будущих учителей. Так что времени написание второй диссертации не оставалось. Я не переживал из-за этого. Наше материальное положение после защиты диссертации и получения вскоре звания доцента

значительно улучшилось и было достаточным для удовлетворения наших скромных потребностей. Стремиться к дальнейшей карьере за счёт качества учебной работы или недосыпания, да ещё в условиях борьбы с “сионизмом,” не было никакого желания. Когда позднее мне предложили заведование кафедрой педагогики в Омске, я отказался. Кстати, в США обе наши учёные степени (кандидата и доктора наук) одинаково приравниваются к американской степени PhD.

В заключение расскажу, как я буквально спас мою диссертацию и авторефераты в Ленинской библиотеке. Перед отъездом в Америку я решил проверить, всё ли в порядке с моим научным “наследством.” В библиотеке Ушинского диссертация, несколько экземпляров автореферата и печатные работы были на месте. А в Ленинской библиотеке мою диссертацию и авторефераты по ошибке поместили в каталогах совсем не там, где следовало. Так что никто не смог бы их обнаружить. У меня было очень мало времени, но я потратил два дня и добился исправления ошибки. И вслед за древнеримским поэтом Горацием могу сказать: Non omnis moriar! Что в переводе Пушкина звучит как: Нет, весь я не умру! (это я, как вы понимаете, пошутил, хотя после каждого человека что-то в мире остаётся). Диссертации – это, конечно, не самое важное (хорошие дети – вот главный вклад в будущее!) Но всё же... На мои исследования до моего отъезда в Америку ссылались в нескольких кандидатских и в двух докторских диссертациях.

22 Как Лёня стал математиком.

В главе о Лёнином детстве я рассказал о его интересе к математике, физике, химии и другим областям знания. В 7 и 8 классе Лёня участвовал во многих олимпиадах по этим предметам. Это было интересно, полезно, а также могло помочь в будущем поступить в вуз – официального постановления об этом не было, но документы о победах на олимпиадах приёмные комиссии обычно учитывали.

Лёня добивался хороших результатов, иногда, как, например, в олимпиаде по химии, побеждал даже учеников старших классов. Позднее, уже в Киеве, он занял третье место на Всеукраинской математической олимпиаде. Однако, поскольку победа на олимпиаде могла помочь поступить в вуз, и здесь не обошлось без коррупции.

Получив во врем учёбы в аспирантуре разрешение министерства просвещения Украины изучать организацию олимпиад, я имел доступ к архивам. Воспользовавшись этим, я заинтересовался, почему Лёня не добился успеха на районной математической олимпиаде. Найдя его работу, я увидел, что за каждую задачу, кроме последней, Лёня получил 5 – высший балл. А за последнюю было поставлено тоже 5, перечёркнуто и поставлено 0. Я выписал решение последней задачи, показал нескольким учителям математики. Все сказали, что задача решена совершенно правильно. Я не стал подымать шум по поводу обнаруженного факта коррупции, поскольку это касалось моего сына. Дело, наверное, было не только в антисемитизме, хотя и он мог играть свою роль. Только один победитель районной олимпиады получал право участвовать в следующем туре – областной олимпиаде. Видимо, кому-то нужно было продвинуть своего кандидата. Я сделал вывод (и потом писал об этом), что победителями должны признаваться все, получившие одинаковые высшие результаты.

Вернёмся к Лёне. Участие в одной из олимпиад сыграло важную роль в его судьбе. Жившая в Москве Анина кузина Тамара сообщила (телеграммой!), что в журнале “Наука и жизнь” опубликованы задачи заочной математической олимпиады. Школьники, которые успешно решат их, смогут поступить в физико-математический интернат при очень хорошем Новосибирском университете (в Сибири). Телеграмма пришла незадолго до последнего срока приёма ответов. Лёня довольно быстро решил задачи, но переписывание начисто он закончил вечером в последний день срока, когда почтовые отделения, кроме главного, работавшего круглосуточно, были уже закрыты.

Мы приехали туда за 5 минут до полночи, когда истекал срок, но приёмщик заказной почты куда-то ушёл. Он вернулся в начале первого часа, и на его печати была уже новая дата! Удалось убедить его на одну минуту вернуть на печати вчерашний день (опровергнув представление о необратимости времени). Никакого ответа мы не получили, и я определил Лёню в школу с математическим уклоном в Днепрпетровске.

Летом, когда мы отдыхали в Литве, Лёнин дедушка Наум Львович, которого мы попросили собирать нашу почту, сообщил телеграммой, что Лёню пригласили в летний математический лагерь, в котором будут отбираться кандидаты в открывающийся в Киеве физико-математический интернат. Когда поезд, увозивший Лёню, стал отходить от перрона, я понял, что Лёня уезжает из дома навсегда. И не ошибся. А получилось это вот как. На основании постановления Совета Министров СССР, в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Киеве открывались, под эгидой университетов и институтов Академии Наук, физико-математические школы-интернаты. Хотя в опубликованных условиях об этом не было сказано, организаторы новосибирской олимпиады, в которой участвовал Лёня, решили рассматривать только письма из Сибири. Письма с Украины передали в Киев.

Лёня успешно прошёл проверку в летнем лагере и в 1963 году был принят в Киевский физико-математический интернат. Так сработало сочетание Лёниного интереса к математике и его способностей с целой серией счастливых случайностей.

Август Лёня провёл дома, и я использовал эту возможность, чтобы расширить круг его интересов. Мы с ним вместе прочли великое произведение русской поэзии – роман в стихах Пушкина “Евгений Онегин.” На этой небольшой книжке, которую я дал ему с собой, я написал: “Самый лучший подарок, который я могу тебе сделать.” Подарок оказался кстати. Лёня сейчас, спустя 50 лет, может прочитать наизусть значительную, может быть, большую часть книги.

Мне поручили отвезти днепрпетровских школьников, принятых в Киевский интернат. Благодаря этому я познакомился с интернатом. Серьёзной проблемой была высокая плата за интернат – выше половины моей учительской зарплаты. Родители одного днепрпетровского мальчика забрали его из интерната, так как не могли платить. Мы, конечно, не сделали бы этого ни при каких обстоятельствах, но мне удалось добиться скидки.

Хотя приём большинства евреев, зачисленных в Киевский интернат, был сразу после начала занятий отменён с помощью повторного экзамена, но несколько евреев остались – в основном те, кто, как Лёня, принёс интернату победу на республиканской олимпиаде.

В следующем году я перешёл из заочной аспирантуры в очную и уехал в Москву. Решил попытаться перевести Лёню в Московский интернат с тем, чтобы он потом поступил в Московский университет. В Киевском университете я сдавал кандидатские экзамены, а в Московском (МГУ) я учился, так что мог сравнивать их уровень. Помню, как в ходе экзамена по теории педагогики, отвечая на вопрос о дидактических принципах, я стал рассказывать, что такой-то автор называет столько-то принципов, другой, третий – столько-то. Профессор Грищенко прервал меня вопросом: “А в науке как считается?” Я опять начал: Казанцев считает так-то, Иванов так-то ... “А в учебнике что написано?” – уточнил свой вопрос профессор. Я понял, что наука – это тот учебник (довольно жалкий) по которому они учат студентов. На таком же уровне проходил экзамен по истории педагогики. Спасибо, что хоть отметки хорошие поставили.

Эти небольшие личные впечатления подтверждают общеизвестный факт: в Советском Союзе, в отличие от Америки, уровень провинциальных вузов, за редким исключением, был несопоставим с уровнем ведущих столичных вузов. Приехав в Москву, я написал на имя академика А. Н. Колмогорова, курировавшего интернат, заявление с просьбой разрешить перевод Лёни из Киева в Москву. Поехал в МГУ и передал заявление помощнику Колмогорова Розову, который отнёсся к заявлению скептически, но обещал передать. Через несколько дней лаборант сообщил мне в устной форме об отказе.

Прошло некоторое время. Я занимался в своём общежитии (обычно я занимался в библиотеках). Вместе со мной в комнате занимался аспирант-математик Саша Терентьев. Вдруг он говорит: “Анатолий, завтра в нашем секторе Колмогоров будет рассказывать об этих интернатах. Он ездил в Киев” (Саша знал, что Лёня учится там). Я пошёл на заседание. Колмогоров рассказал об этих интернатах. Во время перерыва я решил подойти к нему. Подумал: может быть, моё заявление не дошло до него?

Колмогоров сидел в одиночестве. Я спросил: “Андрей Николаевич, можно к вам по личному вопросу?” Он встал, предложил мне сесть, потом сел сам (старый русский интеллигент, из дворян!). “Какой у вас вопрос?” – “Можно ли перевести ученика из одного такого интерната в другой?” – “Из какого в какой?” – спросил он, как мне показалось, с некоторым напряжением (уж не собираюсь ли я забрать сына из Московского интерната – его детища). “Из Киевского в Московский” – “Если есть какие-то специальные обстоятельства, например, переезд родителей ...” – “У нас как раз такие обстоятельства. Мы жили на Украине, но сейчас я заканчиваю аспирантуру Академии педагогических наук Российской Федерации и после окончания должен буду работать в России” – “Ну что ж, привезите вашего мальчика, мы посмотрим на него.”

Подтвердилось, что моё заявление Колмогорову не показали – ведь я свою просьбу аргументировал нашим переездом. На осенних каникулах мы с Лёней приехали в Москву. Оказалось, что Андрей Николаевич заметил его ещё в Киеве, когда Лёня во время встречи Колмогорова с учениками успешно решал предложенные А. Н. задачи. Во время встречи на совещании я не назвал себя, и А. Н., вероятно, не знал, о ком идёт речь. Лёня на меня мало похож. После беседы с преподавателем Лёня был переведен в Московский физико-математический интернат.

Как-то я прочитал статью о юбилее этого интерната. Вот выдержки из неё. “В эту субботу, 6 декабря, исполняется 40 лет со дня открытия одной из лучших школ России –

18-ого интерната, школы имени академика Колмогорова ... Инициаторами создания (таких) школ выступили выдающиеся советские учёные, в том числе президент Академии Наук СССР Мстислав Келдыш, ректор МГУ Иван Петровский, президент Сибирского отделения АН СССР Михаил Лаврентьев, академики Исаак Кикоин и Андрей Колмогоров. Школы-интернаты создавались как центры отбора и обучения талантливых детей, живущих не в центральных городах России, а на периферии.

И свою задачу в значительной степени они выполнили. Более 10 выпускников ФМШ стали академиками или членами-корреспондентами Российской Академии Наук, более 100 человек защитили докторские диссертации и около 500 – кандидатские ... Несколько сот выпускников живут и работают за рубежом, в основном в США, Великобритании, Германии и Австралии. В 1988 году ФМШ-18 была реорганизована в Школу имени А.Н. Колмогорова Специализированного учебно-научного центра МГУ. Тем самым школа стала составной частью Московского университета, ученики школы начали называться учащимися МГУ, а учителя школы, большинство из которых имеют учёные степени и звания, стали преподавателями МГУ ...”

В 1966 году Лёня закончил ФМШ и был принят на механико-математический факультет Московского университета. Будучи студентом, Лёня опубликовал в Докладах Академии Наук и математических журналах свои первые научные работы. Некоторые из них были переведены на английский язык. В 1970 г. Лёня закончил этот университет – один из лучших в мире.

Вот снимки: (1)¹⁰⁶, (2)¹⁰⁷, (3)¹⁰⁸, (4)¹⁰⁹, (5)¹¹⁰, (6)¹¹¹, (7)¹¹², (8)¹¹³. Вскоре Лёня познакомился с Ларисой Ластовецкой, аспиранткой биологического факультета МГУ (9)¹¹⁴. В августе 1977 года они у нас в Махачкале объявили о своей помолвке. Вот какими они были в день бракосочетания 3 сентября 1977 года (10)¹¹⁵.

¹⁰⁶ Лёня в Москве.

¹⁰⁷ Лёня в Москве.

¹⁰⁸ См. 22-1.

¹⁰⁹ См. 22-1.

¹¹⁰ Московская физико-математическая школа - интернат.

¹¹¹ Академик А. Н. Колмогоров с учащимися ФМШ.

¹¹² Лёня (лежит) со своим другом Звонкиным.

¹¹³ В походе. Слева - Лёня, Тома.

¹¹⁴ Лёня и Лариса.

¹¹⁵ Совет да любовь!

Часть III

23 Как мы отдыхали.

Работа, дети и бытовые заботы составляли основное содержание нашей взрослой жизни. Теперь – об отдыхе. Если в будние вечера и в выходные дни оставалось немного свободного времени, читали, позднее появился телевизор. На выходные всегда планировали много всякой работы. Также посещали родителей.

Иногда удавалось с детьми выбраться в парк, летом на Днепр. Вот снимки: (1)¹, (2)².

Праздники. Отмечали дни рождения застольем с обильным и вкусным угощением и скромной выпивкой (в отличие от многих из окружающего населения, для которых поводом для обильной выпивки был не только любой праздник, но и получение зарплаты, “обмывание покупки” и т.д.). Так же мы всегда встречали гражданский Новый год, женский день 8 марта, 1 Мая, 7 ноября (день Октябрьской революции). О последних двух никто из нас не думал как о таковых – были по два дополнительных выходных дня и повод собраться с родственниками. При этом обычно собирались последовательно у всех, чтоб никого не обидеть. Беседовали, пели песни, в том числе еврейские. Моя скромная, по слуху, игра на пианино пользовалась успехом. Как и в Америке, молодёжь, в том числе и наши повзрослевшие дети, собирались отдельно и проводили время веселее.

Летний отдых у нас проходил не так, как у американцев. Личные машины тогда были у немногих, так что на выходные мало кто выезжал далеко за город. Но у большинства горожан был месячный оплачиваемый отпуск (как и в других странах, у преподавателей средней и высшей школы – двухмесячный). Было принято, независимо от уровня дохода, выезжать на отдых из города.

Однако этот отдых проходил по-разному, в зависимости от социального положения и семейного бюджета. В стране было много санаториев, домов отдыха, туристических баз, что в некоторой степени компенсировало острый недостаток гостиниц. Санатории считались и были лечебными учреждениями. Но в них стремились попасть и здоровые в общем люди, чтобы просто отдохнуть (в том числе и от жены, мужа – санаторный флирт был весьма распространён и был темой множества анекдотов). Впрочем, и здо-

¹Мы с Лёней и Надей на берегу Днепра.

²Лёня – очень хороший снимок.

ровые люди принимали какие-то лечебные процедуры – что-то подлечить, укрепить здоровье каждый был не прочь.

Санатории были разные. Были великолепные санатории для руководящей элиты. Но и обычные санатории были, как правило, неплохими. Они располагались в живописных местах, многие – в Крыму, на Кавказе, возле моря и лечебных источников. Были комфортабельны. Питание было обычно хорошим, с выбором из нескольких блюд. Большую часть стоимости оплачивал профсоюз. Но получить путёвку в санаторий было трудно.

Ещё были более скромные, чем санатории, двухнедельные дома отдыха (иногда удавалось получить путёвки на 2 срока). Были так называемые курсовки, дававшие санаторное лечение, иногда и питание, но жильё нужно было найти самому. В пансионатах не было лечения, это были гостиницы с питанием. Я в течение жизни лечился и отдыхал в санаториях 8 раз – это немало. 3 раза был в домах отдыха, 3 раза лечился по курсовке, один раз жил в пансионате. Аня тоже несколько раз была в санаториях и домах отдыха. Вот снимки: (3)³, (4)⁴. Очень дешёвыми и доступными (пока не вошли в моду) были туристические путёвки. О наших путешествиях я расскажу отдельно.

Для больных детей были бесплатные санатории, в которые попасть было очень трудно. Когда мне было 9 лет, папа достал мне путёвку в санаторий в Феодосии, в Крыму, у Чёрного моря. По дороге туда я испытал тяжёлое потрясение. На станции Джанкой наш вагон отцепили с тем, чтобы потом прицепить к другому поезду. Мы гуляли по перрону. Потом я пошёл в туалет (на станциях туалеты в вагонах закрываются). Вернулся – где наш вагон? Ушёл! Представляете? Мне 9 лет, я впервые выехал из дому без родителей. Уже вечер, темно. Увидел какого-то дяденьку, подбежал: “Здесь стоял вагон с детьми из Днепропетровска!” Он взял меня за руку и отвёл к нашему вагону, который перегнали на далёкий запасный путь. Был ли я когда-нибудь ещё так счастлив, как тогда, когда лёг на свою полку?

Но в основном дети школьного возраста отдыхали летом в пионерских лагерях.

Однако я отдыхал в лагере только один раз, после 8 класса. Лагерь был хороший, находился в Крыму, в Бельбеке. Нас возили на интересные экскурсии в Севастополь, в столицу татарских ханов Бахчисарай, в сохранившиеся пещерные города Черкез-Кермен и Эски-Кермен. У меня был хороший вожатый Юра.

И там я пережил одну из самых сильных влюблённостей. Я долго не мог забыть девочку по имени Надя Петрина. И сейчас помню. Она осталась в моей памяти такой, какой была. Страшно подумать, что ей сейчас больше 80 лет (в лучшем случае). Себя, сверстников – мальчишек не так жалко. Всё нормально, таковы правила этой игры. А представить себе Надю Петрину и других наших девочек, которых я больше не видел, старушками, трудно и очень жалко. Хорошо, наверное, что нам не суждено увидеть друг друга.

Во время зимних каникул я однажды побывал в однодневном доме отдыха для школьников. Всего один день, но впечатление осталось на всю жизнь, так хорошо там было всё организовано (а мы к тому же не были избалованы). Там был зимний сад с

³Аня в подмосковном (в Переделкино) кардиологическом санатории.

⁴Я там же.

искусственным снегом, но с настоящими певчими птицами. Игры и развлечения на все вкусы. Концерт популярной музыки. Особенно понравилась игра струнного квартета. Очень хорошо кормили.

После окончания школы папа достал мне путёвку на экскурсию Москва – Ленинград. В Москве я никуда не ходил, готовился к собеседованию для поступления в институт. А Ленинград полюбил на всю жизнь. Потом мне довелось быть в Вене, Риме, Париже (Версале), но я нигде не видел ничего лучше дворцов и парков ленинградских пригородов Петергофа, Царского Села (город Пушкин). По всему миру искали похищенную немцами во время войны Янтарную комнату – один из десятков великолепных залов Екатерининского дворца в Царском Селе. А я был там до войны, когда всё было ещё на месте.

Версальские парки с их знаменитыми фонтанами, по-моему, не идут ни в какое сравнение с парком и фонтанами Петергофа. Сколько там красоты и творческой фантазии! На репродукции (6)⁵ – один из петергофских фонтанов. Внутри беседки – скамейка. Вы садитесь, и сверху сплошной стеной низвергается поток воды, который отделяет вас со всех сторон от внешнего мира. Как выключить, как выйти? Нигде никакого крана. Как догадаться, что надо просто подняться, и фонтан выключится? Может быть, взрослым больше запоминаются другие вещи, но мне было неполных 17 лет. Очень понравились мне тогдашние ленинградцы – многие из них погибли во время блокады или рассеялись по стране.

Наряду с отдельным отдыхом взрослых и детей, широко практиковалась поездка на отдых всей семьёй. Семейных санаториев и пансионатов было очень мало, попасть туда простому человеку было невозможно. И семьи выезжали на так называемый “дикий,” то есть самостоятельный отдых. В течение года накапливали необходимые деньги, долго обсуждали, куда поехать. Многие горожане, недавно переехавшие из деревень, решали этот вопрос легко – отправлялись к оставшимся там бабушкам и дедушкам. У нас такой возможности не было. Тем не менее с 1935 года мама стала ежегодно вывозить нас с Софой летом в деревню (папа работал).

К этому времени украинское село оправилось после страшных потрясений и голода начала 30-ых годов. Урожаи были хорошими (я помню, что абрикосов в каком-то году уродилось столько, что их уже перестали собирать). На базаре и прямо во дворах можно было покупать свежие продукты по ценам, намного ниже городских. Крестьянам было выгоднее продавать их на месте, а не везти в город в дорогое летнее время. Мы снимали комнату в какой-то хате и наслаждались новой для нас сельской жизнью.

Впервые видели не на картинке коров, забавных телят, цыплят, которые смело, прямо из рук склёвывают какую-то пищу, и прочую живность. Видели, как растут полевые и огородные культуры. Видели крестьянский труд (иногда я охотно помогал, например, молотить вручную кукурузу и выколачивать подсолнухи). В Царичанке купались в чудной неглубокой речке Орель, с прозрачной водой и чистым песочком на дне и на берегу, в Могилёвке (Могилёве) – в более глубоком озере, а в Орлике – в Днепре. В Котовке и в Могилёвке вешали гамак в сосновом лесу, дышали целебным смолистым воздухом.

⁵Один из петергофских фонтанов.

Украинские хаты тогда были ещё такими, какими их описали в 19-ом веке классики украинской литературы Шевченко, Нечуй-Левицкий, Панас Мирный. Без так называемых удобств, крытые камышом или соломой, но свежее-побеленные, с прохладным земляным полом, с большой печью, в которой готовили пищу и на которой спали. Маме, конечно, приходилось варить, стирать и т.д. На базар мама со мной выходила в 5 часов утра – в 6 базар кончался, люди начинали работать. Но мама была довольна, что могла оздоровить нас. И я с тёплым чувством вспоминаю этот отдых и украинское село. Аню её родители вывозили в село Китайгород. Снимок: (7)⁶.

Теперь о наших детях. Как отмечалось выше, Лёня в детстве болел воспалением печени. Мне удалось достать ему бесплатную двухмесячную путёвку в Трускавец, лучший бальнеологический курорт по этому профилю. В следующем году я достал курсовку и поехал с ним на курорт того же профиля, в Ессентуки. В пионерских лагерях наши дети отдыхали несколько раз. Эти лагеря были разного качества. Томе иногда везло с лагерями. Однажды в пионерском лагере, в котором была Тома, в “живом уголке,” жил настоящий медвежонок! Какой-то умный, добрый и энергичный человек (ведь это очень непросто) сумел доставить детям такую радость. Выше я упомянул о Томином лагере “Комарик,” который она (и все они) очень любили.

Мы с Аней, по примеру наших родителей, тоже стали вывозить сначала Лёню, а потом и Тому (даже в двухмесячном возрасте!) в те же сёла и в другие – Солошино, Орловщина (где я работал в лагере спецшколы ВВС). (8)⁷. Потом наш “дикий” отдых переместился к Чёрному морю, в Крым (Алушта, Ялта, Фрунзенское) и Скадовск, в Геничеськ (на Азовском море), на Кавказ (Ессентуки), в Литву (Паланга).

Этот отдых был связан с большими трудностями и неудобствами. Поскольку на юг отправлялись миллионы горожан, причём в основном по железным дорогам, очень трудно было купить (у нас говорили “достать”) билеты. В очередь становились с ночи. В гостиницу попасть было невозможно. Жители курортных городов сдавали приезжим комнаты в своих квартирах. Жить приходилось в большой тесноте. Чтобы пообедать в недорогом кафе, долго стояли в очереди.

Пляжи были в основном закреплены за санаториями, для “дикарей” оставляли маленькие общественные пляжи, где была такая теснота, что нужно было рано утром прийти и занять место, постелив какой-то коврик. При этом в Алуште, например, рядом с общественным пляжем, где люди теснились, как сельди в бочке, за забором находился пляж дачи какого-то партийного руководителя. На даче всё лето жила только ... большая собака, которую служащие каждый день купали в море. Вот такой у нас был социализм.

В Паланге и вообще в Прибалтике условия были лучше. Обширные пляжи (песчаные дюны), лучше организовано питание, хорошие молочные продукты. Правда, и море, и воздух прохладнее. Чтоб купить обратный билет, снова надо было ночью стать в очередь. Американцы, наверное, ни за что не согласились бы на такой отдых. Но мы не были избалованы, к трудностям привыкли. Эти трудности выпадали в основном на родителей, а дети, ради которых, собственно, и предпринимались поездки, наслаждались купанием, новыми впечатлениями, свободой от школы и т.д.

⁶Репродукция с картины М. Н. Дубовского “Вечер на Украине”.

⁷Тома в Орловщине.

Да и мы, несмотря ни на что, не мучились, как может показаться, а жили. Радовались за детей, общались с ними (дома у нас не было столько времени для общения, причём свободного от школьных забот). Мы не думали о работе и домашних делах, купались, гуляли, читали, посещали интересные места, например, царский дворец в Ливадии (где в 1945 году проходила встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина).

Мы с Лёней совершали небольшие путешествия (Тома была ещё маленькая). Из Фрунзенского (Партенита) перевалили через гору Аюдаг (Медведь-гора, высота 572 м.). Незабываемое чувство прохождения сквозь облака. Вот они над тобой, а внизу – великолепное синее-синее Чёрное море. Немного поднялись сквозь влажный воздух (ведь облака – это не что-то сплошное, солидное, как нам видится с земли, а просто воздух с капельками воды). И вот уже облака под тобой, море исчезло! За Аюдагом прошли через знаменитый пионерский лагерь Артек в воспетый Пушкиным Гурзуф. Артек – прекрасный лагерь, но попасть туда обычным детям было почти невозможно. Там отдыхали даже приглашённые в СССР дети коронованных особ. Была такая пьеса: “Будьте готовы, Ваше Высочество!” (“Будь готов!” – обычный призыв к советским пионерам).

В другой раз пошли с Лёней на восток от Алушты, довольно далеко, к водопадам. По дороге была памятная (для меня) встреча. Спросили у человека, как пройти к водопадам. Он сказал, что идёт в ту сторону. Это был татарин, вернувшийся (наверное, нелегально) оттуда, куда их Сталин во время войны сослал, вместе с другими народами. Надо было видеть, как этот человек пил воду из своей родной речки! Я смотрел на него, переживал и думал о том, как много других людей, наряду с евреями, натерпелись от этой власти. А дорога вдоль быстрой, но неглубокой речки была своеобразной. Берега были крутые, тропинка часто перемещалась с одного берега на другой, так что надо было переходить речку по камням или вброд. И водопады были величественны.

Плавали с Лёней по Чёрному морю на лодке. Вокруг нас, буквально рядом, резвились дельфины. Мы заплыли в пещеру под Аюдагом, проплыли в полумраке вдоль стен пещеры – очень романтично. В общем, о нашем “диком” летнем отдыхе можно сказать словами Мопассана: такова жизнь – не слишком хорошая и не слишком плохая. Вот снимки: (9)⁸, (10)⁹, (11)¹⁰, (12)¹¹, (13)¹².

24 Литература и искусство в нашей жизни.

Советский народ, в своей значительной части, был читающим народом. Помню, как польская туристка, показывая на лежащих на пляже и почти поголовно читающих людей, спросила: “Что это, пляж или читальный зал?” (правда и в Америке многие в метро читают). Чтение отвлекало от будней, доставляло радость, которой в реальной жизни было немного. Но это был не только отдых. Маркс, Энгельс, Ленин считали,

⁸Мы с детьми на Южном берегу Крыма.

⁹Аюдаг.

¹⁰Аня с Томой в Геническе.

¹¹В Паланге (Литва).

¹²Мы в Паланге с семьёй Аниной кухни Эммы.

что их учение основывается на всех достижениях мировой культуры. Поэтому в Советском Союзе большими тиражами (которых всё равно не хватало) издавались классики русской и мировой литературы. И хотя эти издания сопровождались статьями, в которых произведения “освещались” с позиций марксизма-ленинизма, но книги говорили сами за себя. Эти книги нарушали монополию партийной идеологии, показывали другой мир, влияли на мировоззрение людей сильнее, чем нудные обязательные занятия в сети политического просвещения.

Что касается советской литературы, то большинство писателей не покушались на официальную идеологию. Среди них было много бездарных, но были и талантливые, например, Маяковский, Алексей Толстой, Фадеев, Пришвин, Шолохов, Маршак, Панова, Шукшин, Распутин и другие. Вместе с тем целый ряд писателей в разной степени выходили за рамки дозволенного. Назову некоторых: Булгаков, Бабель, Зощенко, Платонов, Ильф и Петров, Василий Гроссман, Искандер, Трифонов, Аксёнов, Дудинцев, Гельман. В поэзии – Есенин, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Твардовский, Евтушенко, а также так называемые барды Окуджава, Высоцкий, Галич и другие, которые создавали на основе своих стихов песни разной степени крамольности и сами исполняли их под гитару.

Время от времени партийное руководство устраивало погром против неугодных писателей (а также композиторов, художников, деятелей театра и кино). Некоторые из них поплатились за своё мужество жизнью, некоторых выслали из страны, других шельмовали, не печатали, не давали работать. Но свою роль в пробуждении сознания народа они сыграли.

Мы много читали, начиная с детства (телевидения ещё не было). Я убеждён, что ребёнок, подросток, прочитавший Маршака, а потом такие книги, как “Робинзон Крузо” Дефо, “Таинственный остров” Жюль Верна и другие, будет, как правило, лучше того, кто ничего этого не читал. Мой “сухой” рассказ о литературе я хочу немного оживить. Прочитирую несколько любимых стихотворений.

М. Ю. Лермонтов. Утёс.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса – великана;
Утром в путь она пустилась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Выше я рассказал, как мы с Лёней, подымаясь на Аюдаг, прошли сквозь облако. Мы видели влажный след на скале, это было интересно. А поэту увиделось больше: скала, с которой ушло светлое облачко, тихонько, беззвучно плачет, как одинокий старый человек, которого легко и беззаботно покинула его последняя любовь.

Ф. И. Тютчев. Накануне годовщины 4 августа 1964 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня ...
Тяжело мне, замирают ноги ...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю -
Улетел последний отблеск дня ...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня ...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Несколько стихотворений А. С. Пушкина, самого великого и любимого русского поэта, к сожалению, недостаточно известного вне России.

Зимний вечер (в сокращении).

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашуршит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко постучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей ...

Зимнее утро.

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче ... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

(Без названия).

Я вас любил; любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Я очень люблю также близкий к литературе драматический театр. Не могу равнодушно смотреть спектакли и кинофильмы. Или получаю удовольствие, или, если спектакль, фильм плохой – расстраиваюсь. Довелось посмотреть спектакли лучших театров нашего времени. В том числе Московского Художественного театра (МХАТа), когда он ещё был художественным (потом он выродился).

Посчастливилось видеть семь спектаклей БДТ – ленинградского Большого драматического театра великого режиссёра Товстоногова. Смотрели спектакли новых театров “Современник,” “На Таганке,” “На Малой Бронной.” Не меньше люблю старый, традиционный московский Малый театр, пересмотрел множество его постановок. В Саратове мы смотрели спектакли замечательного Театра Юного Зрителя. Его главный режиссёр Ю. П. Киселёв был вице-президентом Международного объединения детских и юношеских театров.

Много хороших спектаклей показывали в кино, по телевизору – полностью (фильмы-спектакли) или в переработанном виде. Некоторые театральные деятели смело использовали сцену как трибуну для критики советской действительности, особенно в шестидесятые годы (“оттепель”) и позднее. После смерти Сталина власти иногда терпели это – “выпускали пар,” но часто запрещали спектакли, преследовали их создателей. Всеобщей любовью пользовались талантливые и смелые сатирики Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий, Геннадий Хазанов.

В музыкальных театрах больше всего люблю балет, прославленный “русской Терпсихоры душой исполненный полёт” (Пушкин). Не будучи специалистом, интуитивно выделил будущих ведущих балерин Большого театра Екатерину Максимову, позднее Нину Ананиашвили, когда они ещё не имели никаких званий.

Кинофильмов до войны выпускали мало, каждый новый фильм, как и немногие попадавшие к нам зарубежные, был событием. Песни из кинофильмов распевала вся страна. Потом кинофильмов и телефильмов стали выпускать и покупать за рубежом больше. Среди них, наряду с плохими, были и очень хорошие.

Меня, как и многих детей, немного учили играть на музыкальных инструментах, но не учили понимать музыку, изобразительное искусство, а это, наверное, важнее.

Композитор Д. Б. Кабалевский позднее разработал систему эффективного музыкального образования учеников обычной (не музыкальной) школы. Мне довелось побывать на его открытом уроке. Это производило впечатление чуда! Ученики четвёртого класса, где он имел, как и во всех школах страны, всего один урок музыки и пения в неделю, не только охотно слушали музыку, слаженно пели на два голоса хоромы пьесы классического репертуара, но ещё проявили понимание особенностей музыки разных

композиторов. Кабалевский сыграл им что-то и спросил: кто мог быть автором этой музыки? Одни назвали Бетховена, другие Моцарта. Д. Б. сказал: “Мне нравятся ваши ответы. Эту музыку создал молодой Бетховен, когда он ещё был под влиянием Моцарта.”

Вот какие резервы есть в настоящей педагогике! Когда одна знакомая попросила Д. Б. проверить её сына и посоветовать, стоит ли учить его музыке, он ответил: “А к учителю математики вы обращаетесь с таким вопросом?” Я, к сожалению, не учился по системе Кабалевского и не могу похвастаться хорошим знанием музыки и изобразительного искусства, хотя то и другое меня интересовало и интересует. В стране была высокая музыкальная исполнительская культура (среди выдающихся музыкантов – много евреев. Извиняюсь, что я это иногда акцентирую, но ведь и другие народы гордятся своими достижениями!).

Мы с Аней посещали концерты “серьёзной,” реже – эстрадной музыки. Однажды на концерте румынского джаза произошёл забавный случай. Когда мы с Аней заняли наши места в одном из последних рядов (слух у меня тогда, в семидесятые годы, был нормальный), к нам подошли парень и девушка с предложением поменяться местами. Они сказали, что им надо через некоторое время уйти, а это будет неудобно, так как их места в одном из первых рядов. Мы, конечно, охотно обменялись. В ходе концерта двое артистов спустились в зал и пошли по двум проходам. Когда один из них поравнялся с нами, он остановился, посмотрел на Аню (она сидели возле прохода) и повернул обратно. Второй остановился в другом проходе возле нашего ряда и пригласил девушку, сидевшую с краю, на сцену потанцевать. Она пошла. Всё стало понятно. Молодым людям у билетной кассы предлагались бесплатные билеты, если девушка согласна выйти потанцевать на сцене. А “наши” ребята обманули их.

Всегда любил слушать, петь и играть (в основном, по слуху, но иногда по нотам) хорошие песни и романсы. Одна из издержек прогресса – люди почти перестали петь, собираясь компаниями (разве только сильно опьянев). Зачем самим петь, если, включив телевизор или запись, можешь услышать песню в прекрасном исполнении? Я люблю многие народные песни – русские, волнующие еврейские, прекрасные украинские, а также неаполитанские. Среди песен, которые создавали наши современники, было много песен с хорошей музыкой, но лживым, пропагандистским текстом. Например, в знаменитой “Песне о родине” были такие слова: “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек.” А в это время ни в чём неповинных людей объявляли врагами и расстреливали.

Но были и очень хорошие песни о любви, о детях, о юности и старости, об обычных радостях и печалях – ведь жизнь состояла не только из трагедий. И даже о таком трагическом событии, как война, было создано много проникновенных песен. Теперь, говоря словами Есенина, “другие юноши поют другие песни” (наверное, не столько поют, сколько слушают, не так ли?). Приведу тексты (некоторые в сокращении, что обозначено многоточием) нескольких наших песен – оцените их.

Та весна, казалось, будет вечной -
И глядят из рамок со стен
Наши мамы в платьях подвенечных,
Наши мамы юные совсем.
Брови разлетаются крылато,
Ни одной морщинки возле глаз.
Кто бы мог подумать, что когда-то
Наши мамы были младше нас ...
(И. Шаферан, "Наши мамы")

Спят усталые игрушки, книжки спят,
Одеяла и подушки ждут ребят.
Даже сказка спать ложится,
Чтобы ночью нам присниться.
Ты ей пожелай – баю-бай ...

Баю-бай, должны все люди ночью спать.
Баю-баю, завтра будет день опять.
За день мы устали очень,
Скажем всем – спокойной ночи.
Глазки закрывай, баю-бай.
(З. Петрова)

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты теперь далеко, далеко,
Между нами снега и снега ...
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, выюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.
(А. Сурков, "В землянке")

Ещё два маленьких отрывка.

Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли ...
(Юнна Мориц).

Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы ...
(Н. Добронравов, “Надежда”).

В отношении изобразительного искусства я также консерватор. Мы воспитывались на классическом искусстве. Люблю скульптуры Микеланджело (видел в Италии), портреты Ван Дейка (был в Вене в его галерее), пейзажи Левитана, Айвазовского (посетил прекрасный музей в Феодосии), французских импрессионистов, некоторые жанровые картины русских художников – реалистов и многое другое. Классическое искусство богато представлено в музеях Ленинграда (Эрмитаж, Русский музей), Москвы (Третьяковская, Пушкинский музей Западного искусства, музей Восточного искусства) и других.

Научно-педагогическая библиотека имени Ушинского, в которой я часто занимался, расположена рядом с Третьяковской галереей. Вечерами, по пути домой из библиотеки, я часто заходил в Третьяковку. Билеты были дешёвые, очереди вечером не было, посетителей мало. Заходить в музей почти каждый день – это совсем не то, что обойти его за одно посещение (как это приходится делать экскурсантам, например, мне в Лувре). Идёшь в один зал, к одному художнику, даже к одной картине!

О новом и новейшем искусстве, ввиду некомпетентности, судить не могу, но многое мне нравится. У нас долгое время преследовали художников -абстракционистов. Непонятно было, почему нельзя любоваться игрой красок, линий, форм, если в картине нет сюжета. Ведь коврами, другими видами декоративного искусства мы любимемся, невзирая на отсутствие сюжета? А музыка ведь абстрактна почти всегда – реальные звуки в ней большая редкость. Но многое в современном искусстве не понимаю, в отличие от тех “вождей,” которые считали себя специалистами во всём, включая искусство.

Как-то Хрущёву доложили, что московские художники устроили в Манеже выставку своих “неправильных” работ. Хрущёв посетил выставку и, конечно, разругал её. В частности, его гнев вызвали скульптуры Эрнста Неизвестного, особенно “Хиросима.” Я побывал на выставке, видел Неизвестного, стоявшего возле “Хиросимы,” и мне многое понравилось, в том числе эта скульптура. Кстати, после смерти Хрущёва его семья именно Неизвестному заказала надгробный памятник. Я видел его. Постамент памятника выполнен из чёрного и белого камня – такую противоречивую память оставил по себе Хрущёв.

Подвожу итог. Великие и просто хорошие творения литературы и искусства были важной составной частью нашей жизни. Они поддерживали нас, не давали опуститься, погрязнуть в мелочах быта.

25 Моя сестра Софа, её учёба, работа, семья. Подвиг матери.

О Софе говорилось в главе о нашем детстве. О её учёбе в голодные военные годы – в главе о войне. Вернувшись в 1945 году в Днепропетровск, Софа продолжала учёбу в медицинском институте. Училась с увлечением, рассказывала о многих интересных вещах. Например, о профессоре, который в лекции включал стихи собственного сочинения. Не странно ли – стихи в лекции по акушерству? Оказывается, – очень эффективный приём, если не только Софа, но и я, которому это ни к чему, помню их и через десятки лет:

Четверокурсники-студенты!
Я вам твержу из года в год:
При предлежании плаценты
На ножку делай поворот!

В 1947 году Софа окончила институт и была направлена в город Красный Луч санитарным врачом. Эта работа считалась очень выгодной. При осуществлении санитарного надзора многие коррумпированные врачи получали взятки и подарки за сокрытие обнаруженных нарушений санитарных норм. Но Софа, как и наш папа, делала своё дело честно. Софа закончила не санитарный, а лечебный факультет и хотела быть лечащим врачом. Она стала по совместительству бесплатно работать в опасной инфекционной больнице. Врач – инфекционист Анна Осиповна, видя её заинтересованность, полюбила её и многому научила. Разрешала начинающему врачу делать спинно-мозговую пункцию, привлекала к вскрытию умерших, даже ночью вызывала, чтоб показать что-то необычное.

Когда я писал эту главу, я попросил Софу рассказать о своей работе. И ещё раз убедился, каким она была замечательным, преданным делу врачом. Думаю, что немногие врачи помнят, с мельчайшими подробностями, десятки сложных случаев, которые происходили 50 лет тому назад. Софа рассказала о многих случаях, когда её, молодого врача, диагноз, с которым не соглашалось начальство, оказывался верным.

Сразу по приезде в Красный Луч Софа познакомилась с врачом-невропатологом Фаней Самойловной Локшиной и её сыном Мусей (Самуилом), демобилизованным офицером, награждённым многими орденами и медалями. Софа и Муся полюбили друг друга и в 1949 году поженились. В 1950-ом году переехали в Николаев, куда Муся, закончивший Ростовский машиностроительный институт, был направлен на работу инженером. В том же году у них родилась дочь Люба, через пять лет – сын Марик. Софа прожила в Николаеве 44 года, до эмиграции. Муся, всю жизнь страдавший от болезней, полученных на фронте, умер в 1993 г.

Параллельно с врачебной работой Софа 25 лет преподавала терапию в училище, готовившем медицинских сестёр. И к этой работе Софа относилась с такой же ответственностью и интересом. Много читала, что, несомненно, способствовало совершенствованию её как лечащего врача. Софа вспоминает с сожалением Большую Медицинскую

Энциклопедию (36 томов), которую не позволили вывезти в Америку. В последние годы Софа работала в медицинской комиссии, определявшей годность призывников для военной службы. В СССР военная служба была обязательной и очень тяжёлой. Многие молодые люди и их родители стремились добиться освобождения, что создавало почву для коррупции. Надо ли повторять, что Софа была не из тех, кого можно было подкупить?

Софа вспоминает такой эпизод. Один призывник принёс документ о болезни, которая давала право на освобождение от военной службы. Софа отметила это в его личном деле. Но потом этот парень захотел поступить в военное училище. Он принёс новый документ, в котором об этой мнимой болезни ничего не говорилось. Оказалось, что его личное дело исчезло из сейфа, надо было заводить новое. Когда Софа нашла у него другое заболевание, с которым нельзя поступить в училище, начальник комиссии стал просить Софу помочь парню. Так как Софу уговорить не удалось, это дело передали другому врачу. В главе об антисемитизме я писал о том, что испытала Софа во время погромного “дела врачей.”

На долю Софы и Муси выпало ещё более тяжёлое испытание. В результате неправильного лечения их дети потеряли слух. Люба – полностью, Марик – частично. Как можно было примириться с тем, что дети – глухонемые?

Наша мама, которая приняла близко к сердцу эту трагедию и оказала очень большую помощь, нашла и прислала книгу “История одной матери.” Автор описывает, как её сын после тяжёлой болезни потерял слух, и все советовали ей отдать его в школу для глухих детей. Она не хотела. Поехала в Москву к сурдопедагогу Наталье Рау и с её помощью научила мальчика понимать по губам, так что он смог учиться в обычной школе. В дальнейшем он стал известным скульптором.

Книга произвела на Софу большое впечатление. После колебаний она отвезла Любочку в Москву и очень неохотно оставила её в специальных яслях Елены Рау, дочери Н. Рау. Опять выручила мама. Она узнала, что в Москве организуются четырёхмесячные курсы сурдопедагогов. Софа оформила отпуск без зарплаты и поехала в Москву. Курсы не состоялись. Софа решила изучать сурдопедагогику самостоятельно. 4 месяца она занималась в Ленинской библиотеке от открытия до закрытия. Изучила труды Ф. Рау и Н. Рау. Затем Софа посетила ясли-садик Елены Рау. Ей показали мальчика, который прочитал стишок. Но речь его была неестественной. Потом Софа пошла в школу для глухих. Возле школы увидела ребят, общавшихся посредством жестов. Воспитательница сказала, что это их родной язык.

Тогда Софа решила забрать Любочку и самой её учить. Е. Рау не хотела отдавать её, так как у Софы не было опыта. Софа сказала, что если не сможет, привезёт Любу обратно. В Москве Софа купила домино, игрушки, которые видела в яслях и садике. Рау подарила ей букварь для глухих. Елена Рау посоветовала не отдавать Любочку в садик, чтоб у неё не появился язык жестов. Софа стала работать на полставки и могла почти весь день учить Любу. Изобретала всё новые и новые игры и способы вызвать у неё речь. К играм привлекала детей со двора, чтоб Любочке было интереснее. Нужно было не только научить её звукам и словам, но и дать ей понятия. Так, например, чтобы она поняла разницу слов “ушла,” “нашла” и “пришла,” нужно было приходиться, уходить, находить.

В 4 года Люба уже умела читать и читала все вывески на улице. Когда у неё появился приличный запас слов, Софа решилась отдать её в обычный садик.

Вначале Люба молчала, но когда дети увидели, что она может говорить, они просили её называть разные предметы. Для них это была игра. Люба танцевала вместе с ними, хорошо чувствуя ритм. Писать Любочку учила учительница первого класса. Она приходила к ним вечером, когда Любочка возвращалась из садика. Она посоветовала вместо садика определить её в школу и посадить к ней в класс.

С разрешения директора так и сделали. Любе тогда было 6 лет, и она пришла в школу в третью четверть. Она сидела за первой партой, писала со всем классом диктанты. Но завуч школы вызвала Софу и сказала, что глухих нужно учить в специальной школе. На возражение, что она никому не мешает и не снижает успеваемость и что можно попробовать, она заявила, что у них не экспериментальный институт. Пришлось забрать Любочку из школы.

В Днепропетровске, где жили наши родители, кроме школы для глухих, была школа для слабослышащих детей. Мама познакомилась с учительницей этой школы и чудесным человеком Людмилой Владимировной Прошко, которая, подшлифовав Любочкину речь, представила её на комиссию. Люба произвела очень хорошее впечатление. Комиссия дала заключение, что Люба грамотная, что ей привиты все культурные навыки, что она прекрасно понимает по губам, и комиссия рекомендует обучать Любу в массовой школе. Получив это заключение, Софа с Любочкой уехали домой в Николаев и получили направление в обычную школу. Вера Климовна Максимова, строгая учительница и прекрасный человек, после занятий в школе писала с Любочкой диктанты, чтоб Любочка лучше изучила её губы.

Любочка читала лучше, чем все в классе. Её тетради всегда были на выставке. В классе было 4 отличника, среди них Любочка. Она много занималась, у неё развилась очень хорошая память. Так втянулась в чтение, что её нельзя было оторвать от книг. По губам она понимала виртуозно. Она могла смотреть на отражение губ в зеркале и отвечать на вопросы. Она часто приводила детей, чтоб родители подтвердили, что она не слышит – они не хотели ей верить. Не только дети, но и учителя сомневались в отсутствии у неё слуха. Они проверяли её, говоря за её спиной. Их удивляла её абсолютная грамотность.

Когда Любочка была в 5 классе, Софу вызвал директор школы и сказал, что учитель русского языка заявил: так как она глухая, пусть родители переведут её в школу для глухих детей. На педсовете постановили ... поменять учителя в классе! И русскому языку Любочку стала учить прекрасный педагог Белла Израилевна. Люба многому у неё научилась и, когда поступала в институт, написала сочинение на "отлично." Хуже обстояло дело с математикой. Софа и Муся решили после 8 класса отдать Любу в математическую школу. Не просто ей было заниматься там. Учитель математики Томов давал им такие задачи, которые Муся, инженер, не мог решить. Любочка сидела над ними до полуночи и шла в школу с решённой задачей. В учительской зачитывали её сочинения.

После школы Люба успешно сдала экзамены и была принята в инженерно-экономический институт в Харькове. Училась она хорошо. Люба прекрасно чувствует себя среди слышащих. С ней легко общаться. Софа даже забывала, что она не слышит.

Как-то Люба не реагировала на вопрос, и Софа спросила: “Ты меня слышишь?.” Она с улыбкой ответила: “Нет, не слышу.”

Любочка очень гордая и самолюбивая. Она не допускала мысли, что её будущий муж будет в чём-то лучше её. Она пошла в клуб для глухих, выучила язык жестов и познакомилась со своим будущим мужем Колей. После окончания института Люба работала в вычислительном центре. Её фотография висела на Доске почёта. Но инженеры в Советском Союзе получали очень маленькую зарплату, а ей нужно было оформить пенсию по глухоте. Она пошла работать на тяжёлую работу в горячий цех. У них с мужем появилось много глухих друзей. В доме царил язык жестов. Софу утешало то, что речь Люба уже потерять не могла. Родился сын Митя, потом Виталик. Оба глухие. Софа некоторое время также учила их и добилась успехов – но не таких, как с Любой, потому что дети дома научились языку жестов и в Харькове они жили больше, чем у Софы в Николаеве.

В это время случилось ещё одно большое несчастье. Любочка попала в аварию, получила тяжёлую черепно-мозговую травму, перелом таза, ключицы. Она чудом осталась жить, но стала инвалидом и страдает от головных болей. Где уж тут было думать об учёбе. Митя бросил школу, пошёл работать. Он рано женился.

То, как Софа сделала свою глухонемую дочь образованным человеком с развитой речью, – это поистине был подвиг.

У Марика есть слух, хотя недостаточный. Софа с ним занималась, и Марик тоже может говорить. Марик неудачно женился, потом развёлся. Его сын Толик не слышит. У Мити с женой Витой двое детей, Денис и Карина. Дети нормально слышат и говорят, так что теперь Софины сурдопедагогические знания, слава Богу, не будут востребованы.

Вот снимки: (1)¹³, (2)¹⁴, (3)¹⁵, (4)¹⁶, (5)¹⁷, (6)¹⁸, (7)¹⁹, (8)²⁰, (9)²¹, (10)²², (11)²³, (12)²⁴, (13)²⁵, (14)²⁶, (15)²⁷.

26 Саратов. Анина работа. Педагогический институт.

В связи с окончанием аспирантуры нужно было искать работу. Меня хотели оставить работать в Академии Педагогических Наук, но это было нереально. Для тех, кто не

¹³Софа.

¹⁴Муся.

¹⁵Любочка.

¹⁶См. 25-3.

¹⁷См. 25-3.

¹⁸Софа с детьми.

¹⁹Наша мама и Люба.

²⁰Люба и Марик.

²¹Марик.

²²Люба выросла.

²³Люба и Коля, женитьба.

²⁴Муся и Митя.

²⁵Люба, Коля и Виталик.

²⁶Виталик.

²⁷Марик с сыном Толиком.

знает: в СССР люди не могли поселиться в другом городе, не получив разрешение милиции (прописку). В Москве прописку давали, да и то ограниченно, только неквалифицированным рабочим, так как их не хватало. Прописывали, конечно, партийных и других руководящих работников, которых переводили на работу в столицу. Некоторые получали московскую прописку через брак (часто фиктивный) или за очень большую взятку. В Москве было сосредоточено много ведущих учебных и научных институтов. Они, как правило, могли принимать на работу только москвичей. Это ограничение снижало уровень их работы.

А мне нужно было искать работу в педагогическом институте вне Москвы. Аспиранты Академии Педагогических Наук могли самостоятельно договариваться о работе, и это потом оформлялось как направление от АПН. В Сибири можно было устроиться, а поближе – нелегко, особенно с моей фамилией.

Я предпринял широкий поиск. Послал письма (неформальные резюме) во все пед-институты больших городов центральной России, из которых можно было приехать в Москву за одну ночь – всего 50 писем. Получил приглашение в Саратов.

Так же основательно занялся, вместе с Аней, обменом квартиры. Поскольку почти все квартиры принадлежали государству, продавать и покупать их нельзя было, можно было только обменивать. Осуществить прямой обмен было трудно, так что стали искать тройной обмен. Я в Саратовском бюро по обмену квартир выписал адреса всех людей, желающих обменять саратовскую квартиру на квартиру в каком-то другом городе. А Аня выписала адреса всех, кто хочет обменять свои квартиры в разных городах на Днепропетровск.

Собрав эти данные, я стал искать пересечения и начал переписку. Это была большая работа, она заняла целый год, в течение которого Аня с Томой оставались в Днепропетровске; мне дали комнату в общежитии. Я осмотрел много квартир и хорошо узнал Саратов. Наш труд увенчался успехом. Семья из Саратова переехала во Владимир, семья из Владимира – в Днепропетровск, а мы получили вместо квартиры на первом этаже на окраине города квартиру на третьем этаже в центральном районе Саратова.

Саратов – областной город на Волге, воспетой во многих русских песнях самой большой реки Европы (1)²⁸. Очень красива набережная (2)²⁹. К городу подходят покрытые лесом южные отроги невысоких Жигулёвских гор. В. Аксёнов пишет, что Жигулёвские горы – третий по красоте заповедник во всей Европе. Наши дети уже подросли, работа в институте занимала меньше времени, чем в школе, и мы с Аней начали по воскресеньям подниматься на так называемую Лысую гору. Думаю, что название ей дали те, кто никогда на неё не подымался. Снизу, из города, она кажется безлесной. Поднявшись, сначала, действительно, проходишь через небольшое голое плато, похожее на лунный пейзаж. Но затем попадаешь в лесное царство. Мы однажды даже огромного лося совсем рядом встретили.

За этим лесом ухаживают, прореживают, в отличие от тех, заросших молодняком пригородных лесов в Америке, в которых мне довелось побывать – по ним трудно ходить (возможно, их не трогают по соображениям экологии, а может быть, из экономии). Особенно живописны покрытые лесом широкие ущелья. В некоторых из них

²⁸Саратов.

²⁹Волга. Набережная.

располагались санатории (3)³⁰ и пионерские лагеря, в которых Тома была вожатой. И множество соловьёв! Как-то ранней весной Тома пошла с нами, а потом смеялась: “Папа с каждым листочком здороваётся.” Люблю природу. Здороваюсь с первой травкой, с первыми клейкими листочками.

Это поистине новое чудо,
 Это, как прежде, снова весна.
 (Борис Пастернак).

Мы бережно относились к природе. Ни разу не оставили в лесу ни консервной банки, ни бумажки, ничего. Кстати, и на улицах тоже. Я видел в Саратове хороший плакат: “Чисто не там, где убирают, чисто там, где не сорят.” В московском метро всегда было чисто, потому что ...было чисто! Если человек не видит нигде ни бумажки, ничего, он обычно и сам ничего не бросит. Но если на полу уже лежит бумажка, она обязательно обростёт другим мусором. Летом мы ездили на Волгу – на пляж или брали лодку и палатку и плавали по волжским протокам, протекавшим меж зелёных берегов. Зимой любили переходить широкую Волгу по льду.

С большим опозданием немного занялись спортом. В детстве в нашей, как и во многих других еврейских семьях в те времена, спорту не придавали должного значения. А в школе на уроках физкультуры учительница просила меня играть на пианино марши и вальсы и ставила за это зачёт (меня это устраивало). В институте на первом курсе я на занятиях по физкультуре кое-чему научился. Был доволен, что сумел сделать оборот через высокую перекладину (турник). Но интересовался не спортом, а учёбой. По возможности, облегчал себе нагрузки (сейчас немного оправдываю себя низкокалорийным питанием, хотя это в основном было от лени и незаинтересованности). Например, когда занятия проходили на лыжной базе в Сокольниках я, пользуясь отсутствием контролёров на трёхкилометровой круговой дистанции, нашёл более короткую прямую дорожку. Потом была война, работа, дети – было не до этого.

В Саратове мы жили возле стадиона и начали заниматься в так называемой “группе здоровья” (4)³¹, (5)³², (6)³³, (7)³⁴. В Саратове, и позднее (8)³⁵, (9)³⁶, (10)³⁷, (11)³⁸, (12)³⁹, (13)⁴⁰ ходили в лыжные походы. В этом отношении большое значение имеет компания. Когда занимаешься спортом в одиночку, при всём понимании его полезности находишь множество причин, чтобы отложить тренировку. Но когда знаешь, что там будет группа, что потом поинтересуются, почему пропустил занятие, всё откладываешь

³⁰ Санаторий в живописном ущелье.

³¹ На стадионе. Аня в центре.

³² Аня справа, я в центре.

³³ Аня справа, я второй слева.

³⁴ Аня слева, я у сетки.

³⁵ На побитие мирового рекорда.

³⁶ В лыжном походе. Аня вторая слева.

³⁷ Я слева.

³⁸ На лыжах.

³⁹ См. 26-11.

⁴⁰ См. 26-11.

и идёшь. И доволен. Переехав через 10 лет в Махачкалу, я стал бегать трусцой. Вместе с молодым коллегой, психологом Грачёвым каждое утро пробегали по 4 километра. Но потом он уехал, и мои пробежки прекратились.

Теперь о работе. Аня в Саратове снова стала работать на железной дороге, по своей основной специальности – проектированию мостов и туннелей. Была назначена руководителем группы. Часто ездила в командировки, что оплачивалось дополнительно. Иногда ехали в специально оборудованном вагоне-лаборатории. Это давало возможность осенью привозить из Астрахани много знаменитых астраханских арбузов. Они были натуральные, без “химии,” и сохранялись у нас под кроватями по несколько месяцев.

Аня порой подрабатывала на стороне, проектировала какое-то строительство или ремонт для железных или автомобильных дорог – обычно небольшие мосты, но не только. Иногда заказы были весьма оригинальными. Какая-то организация уже построила что-то небольшое без всякого проекта, а потом заказывала проект, без чего нельзя было оформить постройку. Когда Аня достигла пенсионного возраста, она получила максимальную пенсию, чем была очень довольна.

Осенью 1965 года я начал преподавать педагогику в Саратовском педагогическом институте. Хотя я до защиты диссертации занимал скромную должность ассистента (assistant professor), но мне, учитывая, что я прибыл из Академии Педагогических Наук, сразу поручили чтение лекционного курса – вопреки правилам. Как и в школе, строил свои лекции, семинары и практические занятия не по официальным программам, а так, как считал нужным (из программ брал только названия тем, да и то не все). Наряду с идеями великих педагогов, использовал свой опыт, свои идеи об обучении и воспитании, которые частично изложены в предыдущих главах.

В отличие от многих преподавателей, думавших одно, а излагавших другое, не говорил того, во что не верил. И студенты, которым надоела лживая пропаганда, чувствовали разницу. Внимательно слушали. Не было у меня проблем с посещаемостью или дисциплиной. Я готовился не к одной очередной лекции, а ко всем сразу. Имел папки с названиями тем и, читая что-то или размышляя, записывал и вкладывал в них соответствующие заметки. Перед лекцией или семинаром просматривал и упорядочивал материал по очередной теме. Так же работал и над этими мемуарами.

Расскажу о забавном эпизоде на одной из лекций. Это было вечером (занятия проходили в две смены). После лекции ко мне подошли студенты с какими-то вопросами. Потом я собрал свои бумаги и пошёл к двери. Хотел выключить свет, но увидел, что сзади кто-то остался. Я попросил его перед уходом выключить свет. Он не ответил. Я сказал: “Товарищ, я к вам обращаюсь!” Никакой реакции. Может быть, ему плохо? Я подошёл к нему. Это был ... бюст Ленина.

Продолжал научную работу, опубликовал ряд статей. Провёл широкое социологическое исследование интересов студентов всех факультетов, всех курсов. Не будучи программистом, составил программу компьютерной обработки полученных данных, которую одобрили профессионалы. В нашем институте тогда, в 60-ые годы, компьютера не было (и вообще их тогда в стране было мало). Хотел купить “машинное время” в институте геологии, где стоял компьютер, занимавший целую комнату, – не получилось.

Делать эту огромную работу (тысячи анкет, десятки тысяч связей) вручную я не стал, так как в это время увлёкся созданием Школы юного педагога – об этом ниже.

Институты должны были ежегодно отчитываться о числе студентов, вовлечённых в научно-исследовательскую работу. Погоня за количеством приводила к типичному советскому обману. Студентам предлагалось переписать какую-то статью и прочитать её на “научной” студенческой конференции. Мои студенты в своих докладах всегда рассказывали о методике своих исследований, что весьма смущало моих коллег – научных руководителей списанных (без указания источника) работ.

В педагогических институтах выпускники могли выбирать между написанием дипломной работы и сдачей государственного экзамена. Сдавать экзамен было намного легче, но институт должен был отчитываться о количестве дипломных работ. Поэтому руководство настаивало, чтобы преподаватели выпускали хотя бы по одной дипломной работе в два года. Мои студенты защитили 6 дипломных работ в один год. Я много времени уделял дипломникам, и мне, и им эта работа была интересна.

После защиты диссертации и утверждения в учёной степени кандидата наук получил должность и звание доцента (associate professor). Должность – временная, звание – пожизненное. Это помогло мне потом найти другую работу. Наряду с преподаванием, добровольно взял на себя обязанности куратора студенческой группы (от этой хлопотной неоплачиваемой работы стараются уклониться). Уделял своей группе много внимания, подружился с ними. Добился того, что все студенты группы (единственной в институте!) стали получать стипендию, которую давали хорошо успевающим.

Вот снимки: (14)⁴¹ – мои студенты (в основном студентки – в СССР учительская профессия была по преимуществу женской, мужчины предпочитали профессии с более высокой зарплатой). (15)⁴², (16)⁴³ – я со студентами на практике. На снимке 16 я беседую с моей лучшей студенткой Любой Решетниковой. Я её узнал за два года до её поступления в институт – она училась в Школе юного педагога. (17)⁴⁴, (18)⁴⁵, (19)⁴⁶, (20)⁴⁷, (21)⁴⁸.

Как-то осенью я поехал со студентами (правда, не с моими) в село Екатериновку на уборку урожая (о самой этой работе – ниже). Там сложилась очень опасная ситуация. При Хрущёве, наряду с политическими заключёнными, из тюрем и лагерей выпустили массу уголовников. В Екатериновке собралась целая банда, которая терроризировала население. Они стали врывать в общежитие, где поселили наших студенток. Бандиты как-то попытались прямо днём утащить одну девушку в кусты, но подруги сумели отбить её. Милиция боялась бандитов. Вечером девушки придвинули к дверям шкаф, а утром сказали мне, что уедут. “Как бы вы реагировали, если бы изнасиловали вашу дочь?” – спросили они. Я сказал, что приду вечером и буду дежурить возле общежития.

⁴¹Мои студенты.

⁴²Я со студентами на практике.

⁴³См. 26-15.

⁴⁴Возле института.

⁴⁵На демонстрации.

⁴⁶См. 26-18.

⁴⁷Праздник последнего звонка.

⁴⁸См. 26-20.

Мой напарник советовал мне не рисковать жизнью, но я пошёл. Сидел на скамейке. Около 2 часов ночи появились какие-то парни. Они прошли несколько раз, взглядываясь в меня, потом исчезли. Я посидел ещё около часа, никого больше не было (им ведь тоже, наверное, захотелось спать). Я ушёл. Потом узнал, что они приняли меня за следователя. Стало спокойно.

Несмотря на хорошие отношения со студентами, по-прежнему был нетерпим к обману, к “шпаргалкам.” Перед экзаменами переворачивал столы ящиками наружу. Сумки оставлялись на особом столе. Так же я проводил и выпускной государственный экзамен, который часто проходил как комедия – студент подымался со своими бумагами на трибуну и зачитывал ответ. Члены комиссии мало интересовались тем, что он (она) говорит, оживлённо беседовали между собой.

У меня экзамен проходил не формально. Наряду с теоретическими вопросами по педагогике, я задавал вопросы, имевшие целью узнать, каков кругозор, культурный багаж будущего педагога. Например, в связи с вопросом об эстетическом воспитании спросил, чем отличается Большой театр в Москве от Малого. Помню, как студентка ответила: “Большой театр – большой, а Малый – маленький.” И всё. Хотя это, может быть, и незаконно, но я не мог такой студентке (филологу!) поставить высокую отметку, как бы хорошо она ни ответила на вопросы билета. Председатель государственной экзаменационной комиссии (человек со стороны, назначаемый министерством) сказал (мне потом передали): “Впервые вижу на госэкзамене настоящего педагога.”

А вот студенты моей любимой группы обиделись на недоверие – переворачивание столов ящиками наружу перед госэкзаменами. Правда, потом, когда они, как педагоги, сами столкнулись с проблемой “шпаргалки,” обида прошла. Я получил от них много писем. То же повторилось и в Махачкале. 5 лет дружно работали, а на госэкзаменах – обида из-за недоверия. И вот всё думаю – был ли я прав? Наверное, принципиальность, как и все хорошие качества, должна иметь предел, ограничиваться другими важными качествами. Ну, обманули бы один-два человека. А потом думаю: студенты младших курсов узнали бы, что на госэкзаменах можно пользоваться шпаргалками. И сможет ли педагог, который сдавал таким образом экзамены, быть нетерпимым к обману? Не знаю.

В 1969 году, закончив работу над диссертацией, я создал первую в стране Школу юного педагога, призванную помочь школьникам, желающим стать учителями, проверить своё призвание и готовиться к поступлению в пединститут (я расскажу об этой школе в другой главе).

Как следует относиться к такому работнику? Хвалить, поощрять? Это всё было – получал почётные грамоты, благодарности, провели в доценты. Но одновременно на кафедре в отношении меня стала нарастать подозрительность. Зачем он так старается? Запланировал докторскую диссертацию и проводит широкое исследование интересов студентов, в то время как остальные составляют, как полагается, планы научной работы, но после защиты кандидатской диссертации эти планы остаются на бумаге. Шесть дипломных работ и серьёзные доклады на студенческих конференциях. Добровольно стал куратором группы. И Школа юного педагога. Ясно – хочет стать заведующим кафедрой.

Мои коллеги рассматривали свою работу как подарок судьбы. Высокая, по советским меркам, зарплата. Работа лёгкая, престижная – и никакой ответственности. Как можно определить, хорошо ли кто-то подготовил будущих педагогов? Живи в своё удовольствие! Никто не мог себе представить, что человек может просто любить работу.

В это время в институте сменился ректор. Прежний ректор Н. М. Андреев, который взял меня на работу и хорошо ко мне относился, попался, как в США президент Клинтон, на недозволенной связи (со студенткой; её отец поднял шум только после того, как она при окончании института не получила работу, которую хотела). Новый ректор М. С. Кобзев решил стать по совместительству заведующим нашей кафедрой (и стал после моего отъезда). Его жена работала на нашей кафедре. Завертелась интрига. И я опять-таки думаю: следовало ли мне увлекаться работой (в Америке таких людей называют “воркоголиками”), не забывая о том, как к этому отнесутся коллеги? Нет, отвечаю себе, всё правильно. Нельзя изменять себе, приспосабливаясь к окружающим. Я всегда относился серьёзно к работе, как мой папа и наши дети. А иначе чем заполнить жизнь, чтоб она не потеряла смысл? Впрочем, другие ведь заполняли чем-то – но это каждый решает сам.

К этому прибавилась политика. В августе 1968 года Советский Союз вместе со своими сателлитами ввёл войска в Чехословакию, подавив так называемую “Пражскую весну” – попытку построить “социализм с человеческим лицом.” В нашем институте, как и повсюду, прошло партийное собрание на котором зачитали секретное письмо ЦК (Центрального Комитета) партии с объяснением, как и почему это произошло. Выступавшие должны были одобрить политику партии. Среди других предоставили слово и мне, хотя я его не просил.

Я поднялся на трибуну и сказал буквально следующее: “Мне предложили выступить. Я ограничусь двумя высказываниями. Первое – хорошо, что нас подробно информировали о том, что произошло. Второе – плохо, что наши студенты в своём большинстве не интересуются политикой.” И покинул трибуну. Я прослыл диссидентом, то есть человеком, не согласным с политикой партии. Когда выбирали нового декана филологического факультета и была предложена моя кандидатура (я работал на этом факультете и пользовался авторитетом), партком не согласился.

Вскоре я понял, что мной заинтересовались в КГБ. Я заподозрил трёх приставленных ко мне осведомителей. Один из них, мой бывший дипломник (!) Л. пытался меня завербовать. Он сказал, что КГБ не требует, чтобы им выдавали имена людей, которые ведут антисоветские разговоры. Просто руководство страны должно знать, чем люди недовольны, чтобы что-то исправить (так ловят на удочку простаков. Потом от них потребуют имена). Хотя у Л. со мной вербовка не прошла, но он продолжал следить за мной (одновременно пытался ухаживать за Томой).

Что поделаешь – КГБ хотел иметь массу осведомителей, так что приходилось набирать и таких, которые легко разоблачались или сами себя разоблачали, не боясь последствий. В Махачкале мой студент, замечательный парень, дагестанец, рассказал мне, что ему велели следить за преподавателями и доносить. Но он это делать не будет. Им обычно за доносы не платили деньги, а продвигали по службе и предоставляли различные, весьма существенные льготы, за счёт более нуждающихся и более достойных –

это государству ничего не стоило. Л. получил прекрасную четырёхкомнатную квартиру – большая редкость в то время (он мне об этом сказал, когда пытался вербовать).

Возвращаюсь к нашим делам. У нас подрастала невеста – Тома, и я вступил в жилищный кооператив, чтоб к её замужеству была квартира. Однако когда Тома в 1975 году вышла замуж, дом ещё не был построен. Мы предложили молодожёнам поселиться у нас, но они предпочли жить отдельно. Я увидел, в какой они поселились комнате – сырой, буквально с мокрыми стенами, и это была ещё одна важная причина искать другую работу с предоставлением квартиры, с тем чтобы Томе с мужем оставить нашу. Саратовский университет, куда меня приглашали, не годился – у них не было квартиры.

Мне предложили должность заведующего кафедрой в Омском пединституте с предоставлением квартиры через какое-то время. Я подал заявление в Дагестанский пединститут, где был объявлен конкурс на должность доцента с предоставлением квартиры. Я был принят и не пожалел об этом. Тома с мужем поселились в нашей квартире. А мы в Махачкале, столице Дагестана, жили лучше, чем где бы то ни было раньше. Гам зу л'това!

27 Как работали в СССР. Как мы питались и одевались.

То отношение к работе, которое проявляли мои коллеги по кафедре педагогики, было вообще весьма типичным для нашей страны. Конечно, всё не так просто. Кто-то ведь построил гигантские заводы, электростанции, освоил нефтяные и газовые месторождения и т.д., превратив Советский Союз в одну из крупнейших индустриальных стран мира. Это были, конечно, не только заключённые. Наряду с теми, кто работал просто ради зарплаты, было немало людей, любивших свою работу, а поначалу и энтузиастов, веривших в строительство социализма и коммунизма. Во время войны, несмотря на полуголодное существование, энтузиастов было ещё больше.

В СССР с 30-х годов не было безработицы, что являлось предметом гордости и вызывало зависть в странах с постоянной безработицей. В Советском Союзе всеобщая занятость объяснялась высокими темпами индустриализации и низкой производительностью труда. Качество продукции было, как правило, плохим, потому что начальство требовало прежде всего выполнения плана по количеству.

Если в заводских цехах работа, лучше или хуже, но шла (мой папа, прошедший на небольшом заводе путь от рабочего-слесаря до начальника цеха, говорил: когда в цехе станок включён, не работать нельзя), то в бесчисленных учреждениях дело обстояло иначе. В рабочее время читали газеты, разгадывали кроссворды, рассказывали анекдоты, долго пили чай, сплетничали и т.д. Что-то, конечно, делали. Положение работника зависело главным образом не от качества его работы, а от отношения с руководством. А оно любило послушных больше, чем “слишком умных” (в Америке, наверное, боссы тоже любят послушных, но им также важен успех в работе, успех фирмы).

В советских учебных заведениях, научно-исследовательских институтах те, кто хотел работать, работали. В школах и вузах было немало хороших педагогов. Советскими

учёными были сделаны важные открытия. Но многие, пользуясь фактической бесконтрольностью, отсутствием критериев, работали плохо. При этом они обычно не любили тех, кто серьёзно относился к делу, являясь как бы живым укором бездельникам. Там, где нет интереса к работе, начинаются интриги.

Вот любопытный пример того, как относятся к работе даже такие, находящиеся вроде бы под неусыпным контролем люди, как преподаватели марксизма-ленинизма. Почти во всех советских школах можно было найти плакат: “Учиться, учиться и учиться!” (В. И. Ленин). Я спрашивал у многих преподавателей истории партии, откуда взяты эти слова, и ВСЕ ДО ОДНОГО утверждали, что это цитата из речи Ленина “Задачи союзов молодёжи.”

Но там этих слов нет! (есть одно слово “учиться,” а не трижды повторённое). А ведь эту речь Ленина на съезде комсомола они заставляют учить всех школьников и студентов. Я не поленился и послал запрос в Институт марксизма-ленинизма. Мне ответили, что в статье Ленина “Задачи русских социал-демократов,” написанной в 19 веке, есть слова: “Задача состоит в том, чтобы учиться, учиться и учиться и выковывать из себя сознательных социал-демократов.”

Хуже, чем где бы то ни было, обстояло дело в сельском хозяйстве. После того, как крестьян насильно загнали в колхозы, они потеряли всякий интерес к работе – за исключением оставленных им крохотных личных приусадебных хозяйств, за счёт которых они главным образом и жили. Страна, которая до революции вывозила хлеб и другие продукты, стала ввозить их из-за границы. И всё равно их не хватало. Значительная часть выращенного урожая пропадала.

Помню, как я удивился, увидев в Екатерининке свезенное на ток зерно, лежащее под открытым небом и уже начавшее прорастать и гнить из-за дождей. Когда я спросил у заведующей током, почему нельзя хотя бы брезентовую крышу устроить, она ответила: “Брезента нет.” Чтобы спасти часть урожая, осенью в сёла посылали горожан – студентов, школьников (за счёт учёбы), рабочих, служащих, учёных, хотя в СССР процент сельского населения был намного выше, чем в других промышленных странах.

Весь мир знает о рабском труде миллионов заключённых, который, вместе с голодом, сводил очень многих в могилу. Но и “свободные” граждане не были свободны. Никто не имел права самовольно переменить место работы. За прогул и даже за опоздание на 20 минут могли отдать под суд (потом это отменили).

Был ещё один вид бесплатного (часто к тому же бессмысленного) труда в СССР – за счёт свободного времени. Почти все имели какие-то “общественные поручения.” В отличие от широко развитого в Америке волонтерства (в доме, где я живу, многие, включая нас с Софой, охотно это делают), в Советском Союзе оно только считалось добровольным. Отказаться от него значило испортить отношения с начальством. Люди обычно соглашались, но старались ничего не делать (если не рассчитывали использовать это в интересах карьеры, что было иногда возможно).

Среди моих многочисленных общественных поручений было и такое – общественный помощник областного прокурора по делам несовершеннолетних (!). Видимо, кто-то решил, что по таким делам надо привлекать педагогов. Выдали мне красивое удостоверение, но никаких поручений я не получал. Впрочем, удостоверением я один раз воспользовался. Я стоял в кинотеатре в очереди за билетами. Какие-то парни напра-

вились к кассе вне очереди. Я подошёл к ним, показал свою книжечку и предложил стать в очередь. Они ушли.

Во время гражданской войны зародились коммунистические субботники. Чтобы как-то оживить парализованный транспорт, народное хозяйство, коммунисты и сочувствующие в свободное время стали бесплатно работать на железных дорогах и в других местах. Со временем эти субботники и воскресники потеряли своё былое экономическое значение, остались скорее как ритуал, хотя какую-то выгоду государству приносили. Ежегодно ко дню рождения Ленина и накануне Первомайского праздника миллионы служащих, студентов, школьников в выходные дни шли убирать улицы и т.д. (мы работали со студентами или мыли окна на нашей кафедре). Рабочие бесплатно работали на своих рабочих местах. (1)⁴⁹.

Плачевное состояние сельского хозяйства и промышленности, производящей товары для населения (государство всё внимание уделяло тяжёлой и военной промышленности), определяло низкий жизненный уровень большинства населения.

Как мы питались? Голод после 1933 года был только во время войны и сразу после неё. В СССР, по крайней мере, хлеб был дешёвым (и, кстати, вкусным), так что голодных не было. Как я рассказывал ранее, на первом курсе я жил на одну стипендию. Утром и вечером пил сладкий чай с белым хлебом, днём ел суп пшённый и кашу пшённую. Однако голодным не был.

Голода в стране не было, но, хотя на питание тратилась большая часть зарплаты, люди ели не то, что хотели, а то, что могли купить (у нас говорили “достать”). Когда в магазинах появлялись мясные, молочные и другие дефицитные продукты, за ними выстраивались длинные очереди. (Кстати, мне нравится, как люди в Америке ведут себя, если приходится постоять в очереди. Спокойно, вежливо, терпеливо. А во многих учреждениях людям выдают талон с их очередным номером, и они не стоят, а сидят в очереди).

Партийные и государственные руководители в очередях не стояли. У них были закрытые магазины, где они покупали по сниженным ценам дефицитные товары. На заводах были специальные цеха, где для этих магазинов выпускали продукты высокого качества. На базарах продукты были, но по ценам, недоступным большинству. Люди специально ездили за продуктами в Москву, где снабжение было лучше. Получался круговорот. Сначала продукты со всей страны свозили в Москву (ведь там посольства, вообще много иностранцев – нельзя позориться!). А потом люди развозили продукты обратно. Чтобы покончить с этим, в Москве стали продавать дефицитные продукты по предприятиям и учреждениям (“заказы”).

Торговые работники благодаря нехватке продуктов обогащались. Процветал так называемый “блат.” Вообще-то блат, блатной означает преступный (блатные песни – это песни преступного мира). Однако “достать по блату” не считалось в общем сознании преступлением. Это означало достать что-то дефицитное незаконно, вне очереди – по знакомству, взамен за какую-то также незаконную услугу, или за взятку, подарок, дополнительную плату, которую продавец не сдаст в кассу магазина, а разделит с директором (а тот часть отдаст кому-то повыше).

⁴⁹Я работаю на воскреснике на Московском карбюраторном заводе.

Кстати замечу, что я никогда не брал “подарков,” то есть взяток, которые мне предлагали, когда я принимал вступительные экзамены в спецшколе ВВС, где был большой конкурс, а позднее выдавал выпускникам Школы юного педагога рекомендации для поступления в институт. Студенты также знали, что использовать авторитетных родственников, чтобы я, как это стыдливо называют, “внимательно отнёсся” во время экзамена – бесполезно. Как-то в Махачкале, где, как и во всех национальных республиках, уровень коррупции был особенно высок, руководитель организации, где я в свободное время читал оплачиваемые лекции, сказал мне, что его дочь будет сдавать мне экзамен. После того, как я поставил ей ту отметку, которую она заслужила, мои лекции прекратились.

Возвращаясь к проблеме питания. Перед праздниками в магазинах “давали,” “выбрасывали” какое-то количество дефицитных продуктов. Эти слова в советском языке означали совсем не то, что может показаться. “Давали” означало продавали, а не выдавали бесплатно. “Выбрасывали” также означало продавали, а не отправляли в мусор. В такие предпраздничные дни мы старались отложить все дела и, простаивая в многочасовых очередях, занимая одновременно очередь в нескольких местах, делать запасы (в Америке не принято, заняв очередь, куда-то отойти).

В короткий период сбора урожая цены на овощи и фрукты были невысокими, так как крестьяне и торговые организации не могли их хранить. Поэтому осенью мы запасали на зиму картошку, лук, морковь, капусту, солили огурцы, помидоры, капусту, арбузы, варили варенья (очень вкусные), научились консервировать фрукты и овощи. Папа мой делал виноградное вино и вишнёвую наливку, научил и меня. Несколько бутылок вина, которое я поставил в год рождения Тома, сохранились в течение 23-26 лет (но не в дубовых бочонках), и были распиты при отъезде Лёни и Тома в Америку.

К праздникам мы старались приберечь побольше хороших продуктов, а наши женщины умели приготовить из них вкусную еду, включая и еврейские блюда – мамы научили. О холестероле тогда не думали. Помню с детства вкус еврейского сала! Называлось оно кода, готовилось из бараньего курдюка, очень толстого жирного хвоста (я тоже могу что-то приготовить – год жил один в Саратове, два года в Махачкале, даже отбивные делал, но с женщинами – кулинарами, конечно, соревноваться не могу. Назову, кроме мамы, Тому, Ларису, Софу и их детей).

В ресторанах обыкновенные люди не обедали – цены там были по карману только известным писателям, артистам, и, конечно, преступникам. Простые люди в них иногда, очень редко, отмечали какие-то важные семейные события. Мы с Аней и детьми позволяли себе сходить в ресторан во время летнего отдыха на юге (Тома, возможно, помнит “Поплавок” над морем в Алуште). В основном мы во время отдыха питались в столовых. Там они были неплохими, в отличие от очень плохих столовых при предприятиях и институтах. Кстати, в Америке ресторанами называют не только дорогие заведения с певцами и оркестрами, но и простые “забегаловки,” как мы их называли. Они у американцев весьма популярны.

Конечно, мы были очень недовольны описанными трудностями, старались, по возможности, преодолеть их. По литературе и зарубежным кинофильмам мы знали, что есть другая жизнь, но это было как на другой планете.

Наш образ жизни (питания) наложил отпечатки на мои привычки. Плохой отпечаток состоит в том, что мне трудно оставить в тарелке и выбросить недоеденную пищу. Тома правильно говорит, что дети, которых приучили доедать всё, что в тарелке, вырастают толстыми. Есть и хорошая привычка – я не привередлив в еде. Конечно, что-то люблю, что-то не люблю, но могу есть практически всё, что не противопоказано по здоровью.

Теперь об одежде. До войны очень трудно было купить хоть какую-нибудь одежду или обувь. Я помню, как мы с мамой пошли в магазин, где можно было заказать для меня ботинки. Заказов принимали очень мало, и мы вечером заняли очередь, простояли всю ночь и утром буквально с боем прорвались в магазин (многие пытались попасть вне очереди). Заказали ботинки! Были счастливы! (это для размышления над вопросом, что такое счастье). Обувь ремонтировали у сапожников, пока это было возможно (я писал выше, как простудился и чуть не умер из-за дырявой обуви). Одежду также перешивали. Поскольку все окружающие жили примерно так же, чувства ущербности не было.

После смерти Сталина положение несколько изменилось. Так называемая лёгкая промышленность стала развиваться, и в магазинах появилось много одежды, обуви и других товаров для населения. Но качество этих товаров было низким, расцветки унылые, фасоны однообразные. И люди, особенно женщины, стали гоняться за модными импортными вещами, которые иногда появлялись в продаже. Работники торговли наживались на этом. Привилегированные деятели, выезжавшие в капиталистические страны, не только обеспечивали себя и близких, но привозили вещи для продажи по высоким ценам.

Простому человеку поехать за границу, например, в качестве туриста было раньше невозможно, а потом очень трудно. Требовались безукоризненные характеристики от администрации, партийной и профсоюзной организации. Я даже не пытался, так как знал, что на меня заведено досье в КГБ. А Ане однажды удалось получить туристическую путёвку в Югославию. Как и другие советские туристы, Аня использовала всю полученную валюту для закупок. Привезла Томе сапоги, Лёне кофейный сервиз.

Я и в отношении одежды не привередлив. До сих пор с удовольствием ношу костюм производства фабрики “Большевичка” (хотя, конечно, имею другие). Костюм хорошо выглядит, а мужская мода, к счастью, консервативна. Как придумали когда-то пиджак с падающими свободно лапами, скрывающими большой живот, так и носят, меняя только детали (у кого такого живота нет, носят свитера). С гордостью за “мою” фабрику прочитал, что какая-то зарубежная фирма объединилась с ней. Может быть, увидели мой костюм?

28 Тома – студентка. Замужество. Работа. Наша первая внучка.

В 1971 году Тома окончила специализированную математическую школу. Считалось само собой разумеющимся, что она подаст заявление на физико-математический факультет Саратовского университета. Но Тома, испугавшись напряжения, заявила, что

необязательно поступать в вуз и что она предпочитает “делать вещи.” Все на неё напали (у нас гостила Софья Ефимовна), сочли это высказывание блажью – как это девушка из приличной еврейской семьи, успешно окончившая престижную школу, пойдёт работать, не получив высшего образования? Я призвал всех успокоиться и сказал, что решение она должна принять сама. Прошло какое-то время, и Тома подала заявление в университет.

Мои коллеги по институту предложили “подстраховать” её, то есть попросить коллег из университета сделать так, чтобы Тому приняли. Это была обычная практика. Несмотря на всякие хитрости (работа подписывалась не именем поступающего, а девизом и т.д.), экзаменаторы умели принять тех, кого хотели и кого хотело принять руководство. Партийные и советские органы передавали ректорам целые списки, и горе тому ректору, который не сможет обеспечить поступление абитуриентов из этих списков. Чтобы экзаменаторы послушно выполняли задание, им давали возможность провести кого-то из своих кандидатов. Преподаватели радовались, когда их включали в комиссии – в летнее, жаркое время, когда другие отдыхают, ездят на пляж, на курорт! (осенью или зимой им давали отгул). Это была круговая порука и коррупция. Я от помощи отказался. Чтоб не обидеть людей, которые хотели мне помочь, я не говорил им о морали. Сказал: я надеюсь, что она хорошо знает математику и успешно сдаст экзамены. А если знания слабые, зачем ей поступать на математический факультет?

Всё-таки мы решили “подстраховаться,” но иначе. Договорились с частным репетитором, и Тома несколько месяцев занималась с ним в составе небольшой группы. И Тома перестала паниковать. Нужно сказать, что конкурс на физико-математических факультетах (кроме столичных вузов) был небольшой, а преподаватели, принимавшие экзамены, были заинтересованы принять, кроме “блатных,” и тех, с кем можно будет работать, в том числе принимали и еврейских юношей и девушек. При приёме на гуманитарные факультеты антисемитизм проявлялся откровенно.

Тома сама отнесла документы в приёмную комиссию, успешно сдала экзамены, прошла по конкурсу и поступила. Учиться ей поначалу было так легко, что Тома даже выражала недовольство. “Ну и университет!” – говорила она. Дело в том, что программы первого курса были рассчитаны не только на тех, кто закончил математические школы. Потом программы усложнились.

Так же, как и я в своё время (о чём она, наверное, не знала), Тома решила, что в этом возрасте (17 лет!) не следует быть полностью на иждивении родителей (хотя у нас, как когда-то у моих родителей, никаких проблем в отношении денег в это время, после защиты диссертации, уже не было – и мы говорили ей об этом). Тома стала совмещать учёбу с работой, что было, конечно, нелегко. Нанялась охранять по ночам табачную фабрику, потом – учебный корпус университета (во время дежурства можно было спать, но какой уж это сон!). Позднее стала работать воспитателем в рабочем общежитии, где многие “воспитанницы” были старше её.

Тома иногда принимала неожиданные решения. Когда учиться стало труднее, вдруг захотела стать архитектором. Прервала учёбу и поступила на работу в архитектурную мастерскую в Новосибирске (уехала в другой город, чтобы избежать упреков со всех сторон). Подала заявление в Московский архитектурный институт. Тома любила и даже немного училась рисовать, но её умения оказалось недостаточно для поступления.

Уровень рисунков тех, кто смог сдать экзамены (Тома привезла образцы) был, на наш взгляд, таков, что их можно было принять за работы Леонардо да Винчи. (Мне кажется, что будущему архитектору важно проявить творческие способности, а нарисовать то, что задумано, не обязательно на уровне мастеров графики. Однако я не специалист, им виднее). Тома вернулась в Саратов и в 1977 г. закончила математический факультет.

Но ещё до этого в её жизни произошли важные события. В 1975 году Тома отпраздновала свадьбу со своим одноклассником Александром (Саней) Татариновым, студентом физического факультета Саратовского университета.

Саня был не единственным претендентом на Томино сердце. Как-то, когда Тома училась в 8 классе, она пришла домой, позвонила и, когда я открыл дверь, попросила принести её паспорт. Рядом с ней стоял парень, и Тома показала ему отметку о своём возрасте. Он ушёл. Другой жених приехал свататься даже из Новосибирска. Это был армянин, студент медицинского института. Хотя он обещал, что Тома не будет доить корову, Тома за него не пошла. Были и другие влюблённые, о чём Тома знает больше.

Саня – русский (даже с примесью монгольской крови), что для Тома тогда не имело значения. 13 октября 1975 г. (8 Хешвана 5736 г.) у них родилась дочка Машенька. Они прожили вместе почти 25 лет, вырастили четырёх славных детей, а недавно разошлись. Об этом печальном событии – ниже.

Свою настоящую профессиональную деятельность Тома начала с преподавания математики в школе. Она могла бы стать хорошим педагогом. Дочь хозяйки квартиры, которую они с Саней снимали после женитьбы, говорила матери: “Если бы нам в школе так объясняли!” (Тома помогала ей по математике). Но педагогическая работа продолжалась недолго (меньше двух лет).

Они решили переехать в Москву. Лёня помог Сане оформить фиктивный брак с москвичкой. С этой целью Тома и Саня свой брак сначала не регистрировали, ограничились скромным двухдневным празднованием – сначала с родителями, потом с друзьями. Переехав в 1978 году в Москву, они сняли частную квартиру. Тома жила в Москве нелегально. В 1979 году оформили свой брак (после Санинога развода). Потом, в Америке, приняли двойную фамилию Татаринов-Левин.

Саня работал и некоторое время учился на вечернем отделении (для инженеров) математического факультета МГУ. Потом у него на работе произошёл конфликт с руководством. Конфликт носил политический характер. Саня отказался поддержать на собрании решение, осуждающее его и Лёниного друга Леонида Медведевского, подавшего заявление на эмиграцию. Саня ушёл с работы.

Вот снимки: (1)⁵⁰, (2)⁵¹, (3)⁵², (4)⁵³, (5)⁵⁴.

Теперь о Машеньке. Когда 13 октября 1975 года будущая Машенька постучалась изнутри в мамин животик и попросилась наружу, в нашу, а главное, в свою жизнь, Ани и Сани не было дома, а я уже вообще жил в Махачкале. Тома, советский, не избалованный человек, пошла пешком в роддом, благо, он был недалеко.

⁵⁰Тома - студентка.

⁵¹См. 28-1.

⁵²См. 28-1.

⁵³См. 28-1.

⁵⁴Бракосочетание.

В палатах не было свободных мест, и Тому положили под лестницей, рядом с мётлами и швабрами. Но, слава Богу, всё обошлось хорошо. Машеньке было две недели, когда я прилетел из Махачкалы и был первым, кто вынес её на улицу. Опьянённая свежим осенним воздухом, она мгновенно уснула. Так же мгновенно Машенька уснула, когда я, снова прилетев в Саратов на январских каникулах, вывез её на санках (первым – наивная дедушкина гордость!).

Выйдя в 1977 году на пенсию, Аня привезла Машеньку в Махачкалу (Тома заканчивала учёбу). Маша жила у нас несколько месяцев, ходила в детский садик. Потом её ещё привозили, снова ходила в тот же садик. Также приезжала с родителями на летний отдых на берегу моря, в Самурском лесу. Помню, как Маша доверчиво воспринимала сказочные сюжеты. Когда я в сказке доходил до того места, где волк собирался съесть Красную Шапочку, Машенька пятилась назад и жалобно звала: “Баба!” Как и в рассказе о Лёнином и Томином детстве, здесь особенно ценны сохранившиеся фотографии.

“Неужели это я?” – подумает, наверное, Мириам Перлмуттер, доктор юриспруденции, мать четырёх детей. Вот снимки: (6)⁵⁵, (7)⁵⁶, (8)⁵⁷, (12)⁵⁸, (13)⁵⁹, (14)⁶⁰, (15)⁶¹, (16)⁶², (17)⁶³, (18)⁶⁴, (19)⁶⁵.

29 Кавказ. Махачкала. Дагестанский педагогический институт.

Чего только не было в моей вроде бы спокойной жизни! При переезде из Саратова в Махачкалу мне пришлось штурмовать самолёт. Не верите? В аэропорт меня провожал Лёня, который гостил у нас. После того, как я зарегистрировал свой билет и сдал багаж, объявили, что вылет задерживается на 3 часа. Мы решили съездить домой пообедать. Вернулись через 2 часа (в Саратове аэропорт находится очень близко). Войдя в зал, услышали объявление, что заканчивается посадка на наш рейс (за час до объявленного времени). Мы быстро прошли к выходу на посадку, но дежурная сказала, что самолёт уже улетел. “Как улетел, – спросил я, – ведь только что объявили, что заканчивается посадка?” В это время кто-то из провожавших показал Лёне, а он показал мне наш самолёт, стоявший рядом с аэровокзалом.

Не обращая внимания на дежурную, кричавшую “куда, куда!” я бросился к самолёту (сейчас, в эпоху терроризма, меня бы, наверное, застрелили). Дверь в самолёт была открыта, стюардессы не было. Я поднялся в самолёт и занял своё место. Вскоре

⁵⁵Здравствуйте, это я, Машенька!

⁵⁶См. 28-6.

⁵⁷С бабушкой Аней.

⁵⁸С нами.

⁵⁹Ладушки.

⁶⁰На пляже. Люблю мою маму!

⁶¹В садике.

⁶²Мой друг.

⁶³С нами.

⁶⁴С Лёней.

⁶⁵С Ларисой.

в самолёт поднялись какие-то военные и гражданские люди и потребовали, чтобы я покинул самолёт. Я отказался. На шум вышел командир корабля. Они стали с ним говорить. Я уловил слово “перегружен.” Лётчик посмотрел на мой билет и сказал, что билет зарегистрирован, и я занимаю своё место законно. Люди ушли.

Я понял, что этот обман с трёхчасовой задержкой, которую потом сократили, понадобился для того, чтобы вместо поверивших и опоздавших пассажиров погрузить какой-то срочный, наверное, военный груз (возле Махачкалы, в Каспийске, находился секретный военный завод). Для советской власти понятия “нельзя, незаконно” не существовало. Надо – значит надо. Самолёт какое-то время оставался на земле – видимо, выгружали этот груз. Я благополучно долетел, но после приземления, по дороге домой, меня стошнило.

Расскажу немного о том крае, куда мы попали, – о Кавказе, Дагестане, его столице Махачкале, о людях, среди которых мы жили. Кавказ – это расположенные между Чёрным и Каспийским морями величественные горы, цветущие долины, покрытые садами и виноградниками, южные, в том числе курортные, города. С давних времён сюда стремились, сражались за эти земли и закреплялись здесь десятки народов – в основном, белой расы.

Кстати, белую расу называют кавказской, так что мы с вами – кавказцы. Северный Кавказ включает несколько входящих в состав Российской Федерации автономных республик (в основном, мусульманских) и два чисто русских края (впрочем, и в национальных республиках много русских). В южной части Кавказа, называемой Закавказьем, расположены Грузия, Армения и Азербайджан, которые до 1991 года также входили в СССР.

На востоке Северного Кавказа, между многострадальной Чечнёй и Каспийским морем, расположены горы и долины Дагестана. Эта автономная республика является домом 32 коренных народностей, не считая приезжих. Наряду с довольно большими народами (среди них есть и таты, горские евреи), есть такие, которые составляют население одного аула. Например, в селении Гинух всего 25 домов. Но у них свой язык, который, кроме них, никто не понимает.

Я и с Аней, и отдельно, немало поездил и походил по Северному Кавказу, по Дагестану, самостоятельно или с коллегами по институту, с “учениками” – директорами школ, которые учились у нас на факультете повышения квалификации, или в составе туристских групп. Вот некоторые снимки и комментарии к ним.

(1)⁶⁶, (2)⁶⁷ – мы с Аней и с моими коллегами возле знаменитых Чегемских водопадов. (3)⁶⁸, (4)⁶⁹ – Аня и Машенька на подвесной канатной дороге в Кабардино-Балкарии. В отличие от фуникулёра, где пассажиры заперты в клетке, при подъёме в таком открытом индивидуальном кресле чувствуешь себя почти птицей, парящей в воздухе. Медленно пролетаешь над совсем близко расположенным лесом, речкой. Только надо успеть на станции вскочить в кресло, а потом соскочить. В Америке такими подъёмниками пользуются, в основном, зимой, на горно-лыжных трассах, но летом

⁶⁶Возле Чегемских водопадов.

⁶⁷См. 1.

⁶⁸На подвесной канатной дороге в Кабардино-Балкарии.

⁶⁹См. 3.

это интереснее. (5)⁷⁰, (6)⁷¹, (7)⁷², (8)⁷³. (9)⁷⁴ – Город Мёртвых в Северной Осетии. Когда-то осетины не хоронили покойников в земле, а строили для них вот такие домики. Кстати, названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай даны их предками аланам, занимавшими обширные территории Юго-Восточной Европы (“дон” по-осетински – река).

А это уже Дагестан (название означает Страна гор). (10)⁷⁵. Так как годной для обработки земли в горах очень мало, люди издавна стали заниматься различными ремёслами. Вот селение Кубачи (11)⁷⁶ – в горных аулах крыша одного дома служит двориком для расположенного выше. В прошлом кубачинцы славились далеко за пределами Кавказа как оружейники, теперь как ювелиры – чеканщики и златокузнецы. Мастерство передаётся от родителей к детям. Мы с Аней побывали в Кубачах, ночевали у гостеприимных хозяев. (12)⁷⁷.

Среди промыслов есть весьма своеобразные. Например, селение Цовкра – родина канатоходцев. Овладевая с детства этим искусством смелых, многие жители становятся цирковыми артистами (13)⁷⁸. Побывали мы в древнем Дербенте (14)⁷⁹. Эта крепость в прошлом перегораживала узкий проход между горами и Каспийским морем, по которому с юга на север, волна за волной, двигались народы со своими стадами. (15)⁸⁰.

Теперь Махачкала. (16)⁸¹, (17)⁸², (18)⁸³, (19)⁸⁴, (20)⁸⁵, (21)⁸⁶, (22)⁸⁷, (23)⁸⁸.

Мы несколько лет подряд выезжали летом отдыхать на юг Дагестана, в субтропический Самурский лес на берегу Каспийского моря. К нам туда приезжали из Москвы Лёня с Ларисой, Тома с семьёй и их друзья Медведовские и Яценко. Вот снимки: (24)⁸⁹,

⁷⁰Знаменитый Домбай.

⁷¹.

⁷²На быстрой горной речке.

⁷³Спуск с горы.

⁷⁴Город Мёртвых в Северной Осетии.

⁷⁵Дагестан. В суровых горных условиях вырастают смелые дети.

⁷⁶Кубачи – селение мастеров.

⁷⁷Каждый дом - музей старинного оружия и ювелирных изделий.

⁷⁸Селение Цовкра - родина канатоходцев.

⁷⁹В древнем Дербенте (я в центре, между двумя директрисами).

⁸⁰Аня с Машенькой у горного озера.

⁸¹Мы с Аней.

⁸²Махачкала. Машенька с бабушкой возле нашего дома.

⁸³См. 17.

⁸⁴См. 17,18.

⁸⁵Со мной.

⁸⁶См. 20.

⁸⁷Мы отправляемся на гору Тарки-Тау с соседями - дагестанцами.

⁸⁸На Тарки-Тау.

⁸⁹Лесная кулинария.

(25)⁹⁰, (26)⁹¹, (27)⁹², (28)⁹³, (29)⁹⁴, (30)⁹⁵, (31)⁹⁶, (32)⁹⁷, (33)⁹⁸, (34)⁹⁹, (35)¹⁰⁰.

Теперь о населении. Мы с Аней 10 лет жили среди дагестанцев (в основном, мусульман). Многие русские писатели – Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и другие с большой симпатией писали о народах Кавказа. Я здесь не говорю о мусульманском терроризме. Бывают периоды всплеска фанатизма, когда люди звереют. Так было в гитлеровской Германии, в нашей стране во время Гражданской войны, когда многие люди – отнюдь не мусульмане – теряли человеческий облик. Брат подымался на брата, сын расстреливал отца. Еврейские погромы с тысячами жертв устраивали и “красные,” и “белые,” и анархисты – словом, все (почитайте Бабеля). Мы в Дагестане, к счастью, жили в мирное время. И, как оказалось, вовремя уехали – сейчас там плохо. (Как сказал и. о. мэра Махачкалы Муртазали Рабаданов, той культуры, которая была в Махачкале в 80-ые годы, теперь нет, как и того города. Газета.ру, 3 января 2014 г.)

Когда мы приехали в Махачкалу, одна из русских коллег дала мне краткую характеристику всех основных народов Дагестана. Аварцы, сказала она, очень гордые, даргинцы – вспыльчивые, драчливые, кумыки – коммерсанты и т.д. Самую отрицательную характеристику дала лезгинам. Когда лезгин, сказала она, может сделать вам пакость, он сделает, даже если это не принесёт ему никакой выгоды. Наверное, эти наблюдения основаны на каком-то опыте, но ... Нам с Аней довелось познакомиться с лезгинами, когда мы в течение нескольких лет отдыхали летом в их краях, на юге Дагестана. Расскажу о наших впечатлениях.

Выйдя впервые на станции, куда нам советовали отправиться, стали искать попутную машину, которая довезла бы нас до села Приморского, недалеко от которого мы собирались в лесу на берегу моря поставить палатку. Кстати, в Дагестане все хорошо понимают русский язык – единственный, на котором эти народы могут общаться между собой. Попутной машины не было, но один человек согласился нас отвезти. Мы не стали спрашивать о цене – время позднее, заплатим, сколько скажет. Довёз нас и категорически отказался брать деньги. На следующий день приехал к нам в гости с огромным арбузом. Когда мы уезжали, другой, также незнакомый человек отвёз нас на станцию, деньги брать отказался и ещё помог купить билет. Я им обоим дал свой адрес, пригласил в гости, но они не воспользовались.

Через некоторое время мне нужно было поехать в Махачкалу за продуктами. Вернулся поздно. На станции не было ни одной машины. Пошёл по дороге через лес пешком. Где-то близко выли шакалы, рюкзак был довольно тяжёлый, да и дороги я не знал, только общее направление. Но ночь была лунная, мне это романтическое приключение

⁹⁰Лесная кулинария.

⁹¹Мы.

⁹²У нашей палатки в Самурском лесу, на берегу моря.

⁹³С Лёней и Ларисой.

⁹⁴Машенька.

⁹⁵См. 29.

⁹⁶См. 29.

⁹⁷См. 29.

⁹⁸См. 29.

⁹⁹См. 29.

¹⁰⁰См. 29.

даже нравилось – ночью, в лесу, один, в чужом краю ... Страха не было. Вдруг слышу сзади шум мотоцикла. Поднял руку, попросил, если по дороге – подвезти. Сел сзади, поехали. По дороге – его селение. Мотоциклист подъехал к своему дому, показал мне пустой бак для горючего. От денег отказался, Я поблагодарил и пошёл через лес дальше. Слышу – опять мотоцикл. Я поднял руку, попросил подвезти, если по дороге. “Так это же я!” – воскликнул “мой” мотоциклист. Оказалось, он разбудил своего друга и взял его мотоцикл. Довёз до самой палатки. Вот вам лезгины.

Чтоб не задерживаться долго на этнографических наблюдениях (их за 10 лет накопилось много), упомяну ещё только один эпизод. Наш сосед, даргинец, угощал нас арбузом. Но как! Он разрезал арбуз пополам, вырезал из каждой половины самую сладкую сердцевину и положил на наши тарелки. Попробуйте так угостить ваших гостей и прославитесь. У каждого народа можно научиться чему-то хорошему. Конечно, что-то было сначала непривычно. Например, попробуйте выговорить имена моих коллег: Зайнулладин Тухтарханович, Хасай Джамалутдинович, Шихабуддин Джафарович. Ничего, научился.

В бытовом отношении, да и во всех остальных, мы в Махачкале жили лучше, чем в других городах (не считая Москвы). С продуктами питания было лучше, а летом и осенью дешёвые были многие фрукты и овощи – иногда настолько дешёвые, что жалко было производителей. Мне дали очень хорошую (по советским меркам) квартиру – впервые с непроходными комнатами и с двумя большими балконами – впервые после детства.

Опять-таки впервые в жизни я попытался выращивать на них цветы. Проконсультировался у биологов (в университетах и пединститутах есть специалисты по самым разным наукам). Подвесил ящики, принёс землю, песок, удобрения, посадил семена и луковки, поливал и ждал. Прошёл срок, когда должны были появиться ростки – ничего не появилось. Какой стыд перед соседями! – почти все они родились в селениях, знали сельское хозяйство и, наверное, с любопытством смотрели, что у меня, горожанина, еврея, получится.

Прошло ещё два дня и, как по команде, всё взошло, зазеленело. Как я был счастлив! Какие разнообразные цветы, какие запахи! (В Америке цветы, даже розы, обычно не пахнут – возможно, такие сорта вывели, чтоб не привлекать ос. Но для меня цветы без запаха – это не цветы). В следующем году по предложению практичной Ани я часть цветов заменил “полезными” растениями – укропом, петрушкой, кинзой.

Но самое главное “в первый раз” заключалось в том, что я жил в 5 минутах ходьбы от места работы. В течение всей моей взрослой жизни – в Днепропетровске, в Москве, в Саратове – я тратил на дорогу к месту работы или учёбы и обратно по 2-3 часа. И поскольку троллейбусы и трамваи ходили нерегулярно, без расписания, а мне почти всегда приходилось ездить двумя видами транспорта, с пересадкой, поездки сопровождались стрессом, боязнью опоздать. А тут – рядом! В большую перемену можно было зайти домой перекусить, а если в моём расписании был перерыв, то и отдохнуть или позаниматься. И никакого волнения.

Как и прежде, преподавал так, как считал нужным. Из программ брал только названия тем (да и то не все). Стремился не просто сообщать какие-то сведения, но, по возможности, как-то влиять на юношей и девушек, будущих педагогов (в отличие от

Саратова, в Махачкале среди студентов юношей было не меньше, чем девушек). Вот, например, тема “воспитание интернационализма.” В программе и в учебнике – лживая советская пропаганда о “пролетарском интернационализме,” о “братской дружбе народов СССР,” о том, как эти идеи и чувства нужно передавать молодому поколению. А в действительности – и студенты это прекрасно знали – в стране давно развивался великорусский шовинизм, антисемитизм и все виды национализма. В многонациональном Дагестане этот вопрос имел особо важное, жизненное значение. Была межнациональная неприязнь, были и конфликты. И с антисемитизмом я не раз встречался.

Как же не использовать возможность помочь будущим педагогам немного разобраться в этом непростом и важном вопросе? В ходе лекции на эту тему я спрашиваю у одной из студенток, кто она по национальности. Даргинка, допустим, отвечает она. Тогда я спрашиваю: “Считаете ли вы, что все народы хороши, но даргинцы немного лучше? Улыбаясь, соглашается (студенты мне доверяли, у меня вообще были с ними очень хорошие отношения). Задаю те же вопросы юноше. Он, допустим, кумык, и считает, что все народы заслуживают уважения, но кумыки всё-таки лучше. “Кто же из них прав?” – обращаюсь я к аудитории.

И продолжая, говорю, что этот вопрос, вызывающий не только споры, но и конфликты, не такой уж сложный. Ни одна разумная мать не скажет, что её ребёнок – самый лучший в мире. Но для неё он самый лучший. Народ, к которому принадлежит человек, среди которого он вырос, впитал с детства его язык, особенности, традиции, для него – самый близкий, понятный, родной и поэтому самый хороший. Но именно для него. И всякий разумный человек понимает другого, который так же относится к своему народу.

Судя по тому, как меня слушали, как реагировали, льщу себя надеждой, что что-то из моих лекций, семинаров, практических занятий осталось у этих ребят и после сдачи экзамена. Молодая коллега, недавно защитившая диссертацию, посетила многие мои лекции. На прощальном банкете в связи с моим выходом на пенсию она так говорила об этих лекциях, что мне было неловко. И я сказал, что когда на лекции присутствует такая молодая и красивая женщина, любой лектор будет, как говорится, в ударе.

Боролся со “шпаргалками,” плагиатом. Вспоминаю забавный случай. Я уже писал о том, что преподавал, кроме филологического, на факультете повышения квалификации директоров средних школ Северного Кавказа. Если бы я заблудился где-нибудь в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, я бы спросил, где тут школа, и мне было бы оказано кавказское гостеприимство по полной программе. Слушатели менялись каждые два месяца, так что за эти годы у нас перебивали почти все директора, некоторые по два раза. При окончании курса происходила защита выпускных работ. Многие пытались списать какую-то статью, а я пытался с этим бороться. Ведь у директоров был немалый педагогический опыт, который мог лечь в основу интересной выпускной работы.

Запомнилась одна защита. Работа называлась “Использование тестов для проверки знаний учащихся.” Слушатель изложил свою работу. Я заметил, что он вместо слова “тест” всё время говорит “текст.” Когда доклад, в котором было много терминов, закончился, я задал вопрос: “Вы несколько раз использовали термин “корреляция.” Здесь не все математики, так что объясните, пожалуйста, значение этого слова.” В это время

прозвенел звонок на перерыв. “Сейчас ответить или после перерыва?” – спросил он. – “Лучше сейчас.” Подумал немного и сказал: “Откровенно говоря, не знаю.” Общий хохот.

Сразу по приезде в Махачкалу создал республиканскую Школу юного педагога. Существенно развил её по сравнению с саратовской. В отличие от Саратова, здесь ШЮП пользовалась безоговорочной поддержкой ректора Ахмеда Магомедовича Магомедова, выпускника МГУ, профессора, уже при мне избранного членом-корреспондентом Академии Педагогических Наук. Я мог входить к нему в кабинет в любое время. Ректор всячески укреплял авторитет Школы юного педагога.

Некоторое время я исполнял обязанности заведующего кафедрой. Отношения с коллегами были хорошими (до того дня, когда стало известно о моей эмиграции). Вот снимки: (36)¹⁰¹, (37)¹⁰², (38)¹⁰³, (39)¹⁰⁴, (40)¹⁰⁵, (41)¹⁰⁶, (42)¹⁰⁷, (43)¹⁰⁸, (44)¹⁰⁹.

30 Как выбирать профессию. Школа юного педагога.

Разобравшись более или менее в том, как воспитывать интерес к знаниям, я ещё в Саратове занялся вопросом о выборе профессии, прежде всего, педагогической, но не только. Турецкий поэт Назым Хикмет сказал: счастье – это когда утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой. Значит, надо постараться правильно сделать два важнейших выбора – профессии и жены или мужа. Что касается педагогической профессии, то все мы, учившиеся в школе и наблюдавшие за своими или другими детьми, знаем, как много – и для счастливого или несчастного детства и для всей жизни – зависит от того, повезло ли с учителями. Между тем исследования показали, что только один из трёх, поступающих в педагогические институты, проявляет интерес к этой профессии, желание учить и воспитывать детей, любовь к ним.

Так обстоит дело с выбором профессии вообще. Из семи наших внуков, пусть все они будут здоровы и счастливы, только двое до окончания школы как-то определили свою будущую профессию. Для того, чтобы помочь молодым людям выбрать профессию, используются различные анкеты и тесты. Почему они мало помогают?

Посмотрим на профессию учителя и вспомним своих учителей – тех из них, которые оставили добрую память о себе. Не правда ли, они были очень разные? Хорошие, любимые учителя бывают подчас настоящими антиподами. Один строгий, другой мягкий, добрый; один собран, другой рассеян; один – замечательный эрудит, другой – хороший методист, умеющий объяснять самые сложные понятия и т.д. И хорошо, когда в педагогическом коллективе есть такие разные учителя. Они дополняют друг друга

¹⁰¹С коллегами.

¹⁰²Со студентами.

¹⁰³Выступаю на празднике последнего звонка.

¹⁰⁴На государственном экзамене.

¹⁰⁵С директорами школ и дагестанским поэтом Расулом Гамзатовым.

¹⁰⁶Прощание с директорами.

¹⁰⁷Почётная грамота Министерства просвещения.

¹⁰⁸Награда Министерства высшего образования - нагрудный знак “За отличные успехи в работе”.

¹⁰⁹Медаль “Ветеран труда”.

и сообщая оказывают разностороннее воспитывающее влияние на учеников, готовя их к взрослой жизни, в которой им также придётся встречаться не только с какими-то идеально-однообразными, а с самыми разными людьми.

Наличие различных, иногда противоположных и вместе с тем эффективных стилей педагогической работы, требующих для своей реализации различных типов личности учителя, способность человеческой психики компенсировать свои недостатки, позволяющая при наличии большого стремления успешно заниматься “противопоказанной” деятельностью, объясняют неэффективность тестового отбора будущих учителей.

Это относится и ко многим другим профессиям. Собственный интерес школьника к той или иной профессии важен, но недостаточен. Иногда он основан на несущественных её особенностях (пример – красивая униформа стюардессы). Очень часто школьники выбирают ту или иную профессию, потому что с интересом изучали соответствующий предмет и хотят продолжать его изучение, не задумываясь над тем, какую работу они будут выполнять, закончив, допустим, изучение литературы или географии.

Создавая школу юного педагога, я исходил из того, что интерес к профессии должен быть проверен в длительной деятельности, отражающей её существенные черты. Сами школьники это не всегда понимают, а если даже понимают, им трудно это осуществить. Поэтому институтам, в данном случае педагогическим, следует помочь школьникам, желающим стать учителями, проверить серьёзность своего намерения, свои способности, интересы. При этом институты получают возможность познакомиться с будущими абитуриентами не только по отметкам на приёмных экзаменах (которые ничего не говорят о педагогическом призвании) но в ходе длительных целенаправленных контактов.

К этому времени при многих университетах и институтах работали школы юных математиков, физиков, химиков и т.д. Но наша очно-заочная школа юного педагога была первая в стране, о чём “Учительская газета,” орган Министерства просвещения, сообщила в редакционной статье, посвящённой откликам на ранее опубликованную мою статью. Газета рекомендовала пединститутам изучить и использовать наш опыт. Мои статьи о ШЮП были опубликованы в ведущих педагогических журналах “Советская педагогика,” “Народное образование” и в других изданиях. Я выступал с докладами на всесоюзных конференциях.

Министерство просвещения одобрило нашу работу, и такие школы стали создаваться по всей стране. Причём если сначала Министерство в своих приказах хвалило те институты, где уже созданы ШЮП, то через несколько лет в приказах критиковались те немногие институты, которые ещё не создали такие школы.

Такой результат – распространение по всей стране идеи и опыта нашей школы юного педагога – был неожиданным для меня самого. Позже я написал книгу “Система работы Школы юного педагога.” Она была включена в план издательства на 1986 год. Но ... в 1985 году мы эмигрировали. Книжки “предателей родины” тогда не печатали.

Расскажу, как проходила наша работа в Махачкале. Перед началом учебного года Министерство просвещения Дагестана рассылало по всем школам объявление о приёме в школу юного педагога при Дагестанском педагогическом институте, о задачах и содержании её работы и условиях приёма, вместе с приказом о проведении разъяснительной работы. Одновременно мы публиковали наше объявление в газетах. Уже это объявление, обращённое не к выпускникам, для которых вузы публикуют объявления

о приёме, а к ученикам 8-9 классов, стимулировало многих из них, живущих сегоднешним днём, задуматься о будущей профессии, что давало возможность серьёзно проверить свои планы. Принимали хорошо успевающих учеников (не обязательно отличников) по рекомендации учителей. Некоторые восьмиклассники, не принятые из-за неважных отметок, улучшали свою успеваемость и поступали в следующем году (ещё один стимул).

Проводил большую подготовительную работу. Надо было разработать Положение о школе юного педагога, календарный план работы, инструкции и другие документы, подобрать добровольцев, преподавателей и студентов – в ШЮП была только одна штатная лаборантка, которая регистрировала получаемые документы, работы учащихся и отправляемые рецензии (увы, не всегда добросовестно, так что в течение 10 лет пришлось дважды нанимать новую). Надо было составить и напечатать задания. Очень трудно было достать бумагу, договориться с типографией, добиться, чтобы заказ был выполнен вовремя (мне, директору ШЮП, иногда приходилось летом, во время отпуска, самому переносить материалы из цеха в цех, иначе к 1 сентября они не были бы напечатаны).

Учащимся ШЮП высылались задания трёх видов: по профилю выбранной учительской специальности, педагогические и для расширения общей культуры, с рекомендациями по их выполнению. Им предлагалось попробовать себя в качестве вожатых младших школьников, помогать товарищам в учёбе и учителям в качестве лаборантов, подготовить под руководством учителя доклад – объяснение нового материала; если есть братья и сёстры, заниматься с ними, читать газеты, доступную педагогическую (прилагался список), научно-популярную и художественную литературу. Проводимую работу надо было записывать в “Педагогический дневник,” вместе с наблюдениями над отношением детей к тому, что делалось, и анализом удач и неудач. Шесть раз в течение года учащиеся посылали в институт ответы на задания по специальности и отчёты о своей педагогической работе.

Студенты – шефы (наставники) рецензировали работы, что было во всех отношениях полезно и самим студентам, которые к тому же гордились своей ролью наставников. В период обучения в ШЮП происходил отсев части учеников. Их не отчисляли (рецензии писались благожелательно, даже если работы были не очень удачны). Просто ученик, который убедился, что заниматься дополнительно, допустим, биологией или математикой или возиться с детьми ему трудно и неинтересно, переставал присылать письма. Такой самоотсев, никак не травмирующий ученика, – необходимый элемент нашей работы. Это совсем не то, что отсев в период обучения в институте или после его окончания. У школьника оставалось время для поиска своей будущей профессии в другом направлении.

Те учащиеся 10 класса (тогда он был выпускной), которые выполняли задания, приглашались на педагогическую олимпиаду. Она проводилась нами в период весенних каникул при участии (главным образом, финансовом) Министерства просвещения. Учащиеся из всех районов Дагестана в сопровождении учителей приезжали в Махачкалу и размещались в одной из школ, где их опекали студенты из числа наставников. В эти дни весь институт жил олимпиадой. После торжественного открытия студенты-наставники встречались со своими заочными подшефными, знакомили их с институтом.

Ведущие преподаватели читали им лекции, на практических занятиях анализировали их работы.

Участники писали две работы – педагогическую и по специальности. Затем – индивидуальные собеседования, экскурсии по городу и концерт. Вопросы для педагогической олимпиады (как и по специальности) каждый год обновлялись. Вот один из вариантов. Задание состояло из двух частей. В первой, общей для всех участников, было два вопроса: 1. Если хотите стать учителем, то почему? По какому предмету? 2. Расскажите, как выполняли “Педагогические задания.”

Вторая часть включала ряд вопросов, из которых каждый выбирал те, на которые хотел ответить. 1. Расскажите о своём лучшем учителе, об уроке, который запомнился. 2. Опишите какое-нибудь дело, которое вы провели с ребятами. Постарайтесь осветить такие вопросы: зачем вы его наметили, как готовили, как оно проходило, как ребята относились к нему, как вели себя, как участвовали в подготовке и проведении? Оказало ли оно на них полезное влияние, почему вы так думаете? Какие были недостатки, что бы следовало изменить? Чему вы научились на этом деле? 3. Что, по-вашему, нужно сделать, чтобы уроки и жизнь после уроков стали интереснее и полезнее? 4. Воспитание в семьях. Что, по-вашему, делается хорошо, а что плохо? Что можно предложить? 5. Расскажите о самых интересных книгах, теле (радио)передачах, кинофильмах, которые прочли, посмотрели.

Уже первый общий вопрос позволяет разграничить тех, кому нечего сказать, кроме общеизвестных слов (“благородная профессия,” “с детства мечтала”) от тех, кто серьёзно думает о будущей работе. Большое значение имели подробность, заинтересованность или скудность, незаинтересованность в рассказе о работе с детьми и, что очень важно, о самих детях. В ответах проявлялись (или не проявлялись) стремление наблюдать, анализировать, искренность, критичность и самокритичность, а также интересы, начитанность, умение излагать свои мысли, грамотность. Существенным дополнением к олимпиадным работам были “педагогические дневники,” которые участники привозили с собой.

В отличие от других олимпиад, мы, оценивая участников, не распределяли 1, 2, 3 и так далее места. Наша олимпиада – важный, но не последний этап работы ШЮП. Те десятиклассники, которые хорошо проявили себя, получали приглашение на бесплатные летние подготовительные курсы. Это было особенно важно для сельских школьников, которые не имели возможности обращаться к репетиторам. Результаты не объявлялись на самой олимпиаде, а высылались по почте.

В целях экономии места я не буду цитировать олимпиадные работы и дневники, среди которых было много очень интересных. Приведу только несколько выдержек из рецензий, написанных студентами – наставниками, проверявшими работы под руководством преподавателей. Им была роздана обстоятельная инструкция.

“Ответила на все вопросы очень хорошо, без высоких фраз, просто, ясно и грамотно. Олимпиадная работа и дневник сходятся. В дневнике записана вся работа, проведенная с пионерами. Подклеены выдержки из журналов, газет. По всему видно, что А. действительно любит детей. Мнения о книгах Макаренко, Сухомлинского очень содержательные, глубокие. Работа оценивается на “отлично.”

“Учителем хочет быть. На все вопросы ответил содержательно. Дневник читала с удовольствием, так как там было много интересного, мало общего, очень много личных наблюдений и рассуждений. Видно, что это серьёзный человек. Разбирается в искусстве, увлекается историей родного края. Педагогом будет строгим, любящим детей. Имеет подход к детям. Грамотность – “очень хорошо.” Вывод: на курсы надо обязательно пригласить и держать в поле зрения.”

“Учится на 4 и 5 – таковы школьные отметки. Хочет быть учителем, но мне кажется, что ей учиться, а потом работать будет трудно. На вопросы ответила плохо, допускает много ошибок, предложения строить не умеет. В дневнике, кроме плана, ничего нет. Мне кажется, что она не сможет быть учителем.”

“У него нет чуткости. Ему лишь подавай ученика на обсуждение. И каждый раз, когда выносит выговор, у него не дрогнет сердце. Если бы он хоть чуть желал стать учителем, он вёл бы дневник, прочёл хотя бы одну художественную книгу.”

“Видно, что у И, есть желание работать, стараться. Но всё у неё чересчур гладко, никакой самокритики, никаких трудностей не встречала в работе. А ведь они всегда бывают. Я думаю, что у этой девочки мало искренности, и если она будет педагогом, то сухим. Много общих фраз. Вывод: пригласить на курсы можно, девочка старательная, но огня мало. Будущее – педагог средних способностей.”

“На вопросы олимпиады даны глубокие ответы. Дневник очень содержательный. Заинтересованно пишет о работе с детьми, старается ничего не пропустить, пишет, что, как и когда повлияло на каждого. Сразу видно, что человек любит детей, живёт их заботами и будет хорошим воспитателем и учителем. Есть выписки из ‘Педагогической поэмы’ Макаренки. Есть некоторые ошибки грамматические. Но в целом работа оценивается на ‘отлично’.”

“Проверяла эти работы с удовольствием и ставила себя на их место, вспомнила, как три года назад сама училась в ШЮП. Хорошо было бы, если бы в институт принимали только через Школу юного педагога. Именно те, кто учились в ШЮП, являются хорошими студентами, активными участниками студенческой жизни.”

Разумеется, мнения студентов – наставников не всегда совпадали с окончательным решением, но комиссия с ними очень считалась. Даже из приведенных коротких выписок из рецензий видно, как работа в школе юного педагога побуждает студентов конкретно задуматься над тем, каких качеств требует профессия педагога, и – косвенно – достаточно ли они развиты у самого автора отзыва.

Занятия на летних подготовительных курсах проходили по предметам, вынесенным на приёмные экзамены (эти экзамены, а не школьные отметки решали, кто будет принят в вуз). Дважды – в начале и в конце месяца – оценивались знания учащихся. Это давало возможность определить не только уровень знаний, но и прогресс, то, что можно назвать обучаемостью.

Положительно проявившие себя кандидаты получали подписанный ректором института документ о том, что на основании результатов его (её) работы в Школе юного педагога Дагестанского пединститута он (она) рекомендуется в институт на такой-то факультет.

Одновременно мы направляли Министерству просвещения списки получивших рекомендации. Оно посылало их в те сельские районы, которые, ввиду острой нехватки

учителей, имели право направлять своих выпускников на внеконкурсное зачисление в институт. В своём письме Министерство давало указание при отборе кандидатов на внеконкурсное зачисление в первую очередь включать в список тех, кто получил рекомендацию Школы юного педагога. При всём том число принятых в институт выпускников ШЮП было меньше, чем следовало, из-за того, что немало кандидатов поступали по “блату,” против которого мы были бессильны.

Анализ данных об успеваемости студентов, учившихся в ШЮП, показывает, что в своём большинстве они в течение всех лет обучения в институте явно выделялись на общем фоне. Вот некоторые из этих данных. Число (в процентах) выпускников ШЮП, учившихся на 4-5: 1 курс – 60 (по курсу в целом – 29). 2 курс – 59 (по курсу – 27). 3 курс – 60 (по курсу – 30). 4 – 65 (по курсу – 37). 5 – 74 (по курсу – 45). Число (%) неуспевающих выпускников ШЮП: 1 курс – 0 (по курсу – 10). 2 курс – 1 (по курсу – 8). 3 курс – 2 (по курсу – 8). 4 курс – 1 (по курсу – 5). 5 курс – 0 (по курсу – 2).

Несколько слов в заключение. Создание двух школ юного педагога (ни в Саратове, ни в Махачкале никто не верил, что это получится) и их успешная работа на протяжении 16 лет дают основание полагать, что в других условиях я, наверное, в течение жизни мог бы сделать больше.

31 Наши путешествия по самой большой стране мира.

*Поднялся рассвет над крышей,
Человек из дома вышел -
Поглядеть на мир поближе вздумал с утра ...
(А. Ольгин)*

В ходе рассказа о разных периодах нашей жизни я немного коснулся и наших туристических поездок и небольших походов – в Крыму, на Кавказе, под Ленинградом, Саратовом. Теперь расскажу, как мы путешествовали. Юность- обычный возраст походов и путешествий – у нас выпала на военные годы (была такая песня: “Ах, девушки, война, война идёт аж до Урала. Ах, девушки, весна, весна, – а молодость пропала”). Потом мы лето проводили с детьми. А когда дети выросли, мы в 40-50 лет открыли для себя прелесть туристических путешествий.

В первые годы это был в основном активный туризм – не в автобусе, самолёте или на теплоходе, а пешком, на гребных лодках, плотах.

Когда дома у меня случались бытовые неприятности (в СССР это бывало постоянно, в Америке иногда), я вспоминал, что самые лучшие дни своей жизни я провёл в условиях, где не было никаких удобств. Нужна вода? До ближайшего крана несколько километров. Садись в лодку, отгребь подальше, где вода чище, и набери. Нужен туалет? Вот лес – мальчики налево, девочки направо. В палатке иногда так тесно, что поворачиваться нужно одновременно (это преувеличение). А комары! Вечером мы мазались кремами (называли это “вечерний намаз” – есть такая мусульманская молитва), но это не очень помогало.

Позднее, когда мы в связи с возрастом стали выбирать более спокойные виды туризма, нам доводилось жить в комфортабельных отелях с хорошим ресторанным питанием, мы повидали много интересного. Но самые лучшие воспоминания остались от этих первых весьма трудных туристических путешествий.

Россия и сейчас – самая большая страна в мире, а территория СССР была больше, чем США, Канада и Мексика вместе, и с таким же разнообразием природных условий – от северной тундры до южных субтропиков. Мы успели увидеть страну от северной Карелии до Средней Азии, от западной границы до Сибири – без виз и проверки на таможне (сейчас это 8 отдельных государств).

Походы и поездки, которые продолжались по 20 дней, мы совершали в составе групп во главе с инструктором. Туристические путёвки были намного более доступны и дешевле, чем санаторные, и профсоюз обычно оплачивал две трети стоимости. Наши подростки предпочитали “дикий,” самостоятельный туризм. Он имел свои преимущества – сами выбирали маршрут и спутников, никому не подчинялись и т.д. Но в советских условиях недостатков у такого туризма было много. Трудно было запастись продуктами питания. При встрече мы делились с ними своей пищей – нас снабжали хорошо (мы часть продуктов даже меняли на водку, но пили понемногу). Но свобода была для них важнее.

Свой активный туризм я начал, когда мне был 41 год, на озере Селигер. Точнее, это целая система озёр, связанных протоками. Очень живописные места. Там начинается великая русская река Волга. Сначала мы совершили 9-дневный поход на шлюпках – научились грести по-настоящему. Одно дело, когда на воскресной прогулке лениво машешь вёслами, а другое – когда надо успеть до вечера прибыть на стоянку, успеть разжечь костёр и приготовить ужин. Поначалу растирали вёслами ладони, образовывались мозоли. Снимок: (1)¹¹⁰.

На привалах отдыхали, ели, собирали лесные ягоды. Когда я вижу, по какой цене в Америке продают такие ягоды, я вспоминаю, как мы на лесной поляне, сидя, не вставая с места, могли не только съесть, сколько хотелось, но и набрать ягод для компота. Были и происшествия. Однажды кто-то едва не наступил на ядовитую змею – гадюку. Потом чуть не вызвали пожар. Это было днём, во время привала. От нашего костра пошёл еле заметный огонёк по сухой траве (лето было жаркое). Если бы не успели окружить горящую траву канавкой, была бы беда.

Отдохнув один день, отправились в 9-дневный поход на двухпарусном шверботе. Это было незабываемое путешествие. Что может быть в наше машинное время романтичнее плавания под парусами? Мы все тогда пели песню Павла Когана (моего старшего товарища по ИФЛИ, погибшего на войне): “В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса.” И вот мы сами научились управлять парусами (2)¹¹¹, (3)¹¹². А вечером – костёр и песни под гитару.

¹¹⁰Селигер. Иногда приходилось перетаскивать лодку посуху.

¹¹¹Мы научились управлять парусами.

¹¹²См. 31-2.

Перепеты все песни, и затих разговор.
 Не спешите, ребята, бросьте ветку в костёр
 Чтобы ты не спешила уходить от огня,
 Чтобы ты полюбила за песни меня.

Песни были не только лирические. Это был период так называемой “оттепели,” когда после того, как Хрущёв рассказал о сталинских преступлениях, люди стали смелее проявлять своё отношение к власти. Народ в турпоходах был в основном молодой и интеллигентный. И вот над ночным озером звучат запрещённые и полузапрещённые песни Галича, Окуджавы и других диссидентов. Часто к нам “на огонёк” приплывали другие путешественники со своими песнями. Осенью в Москве (я тогда учился в аспирантуре) была встреча участников турпохода.

Потом в связи с работой над диссертацией и переездом в Саратов наступил перерыв. А с 1973 г. мы занимались туризмом ежегодно, в течение 12 лет, до самого отъезда в Америку. В 1973 г. мы с Аней совершили путешествие по озёрам Карелии. По пути остановились в Ленинграде и провели неделю в этом городе, одним из самых замечательных в мире. Для меня каждый приезд в Ленинград был праздником.

Вот снимки: (4)¹¹³, (5)¹¹⁴.

И вот мы в Карелии. Эта автономная республика расположена на северо-западе России, на границе с Финляндией. Нам очень повезло с погодой – лето выдалось необычно тёплое для этих северных мест. Озёра Карелии, по которым мы плыли – одно из немногих мест на Земле, где не нужно запастись водой. Набрал за бортом лодки воду и пей на здоровье – никакой промышленности в тех местах, по которым проходил наш маршрут, и человеческого жилья не видно. Мы были старше всех в группе. Нашими напарниками в шлюпке были студенты, жених и невеста, славные ребята.

Мы старались, чтоб наша лодка не отставала; часто мы приходили на привал первыми – снимки (6)¹¹⁵, (7)¹¹⁶, (8)¹¹⁷. Впервые побывали в настоящей финской сауне. После горячей сауны – в холодное озеро. Посетили на острове Кижы замечательный заповедник русской деревянной архитектуры. Вот снимки: (9)¹¹⁸, (10)¹¹⁹, (11)¹²⁰, (12)¹²¹, (13)¹²².

Долго будет Карелия сниться,
 Будут сниться с этих пор
 Остроконечных елей ресницы
 Над голубыми глазами озёр ...
 (К. Рыжов.)

¹¹³Эрмитаж, бывший царский дворец. Аня возле царского сервиза.

¹¹⁴Гостиница “Октябрьская”, где нам удалось получить номер.

¹¹⁵По озёрам Карелии.

¹¹⁶См. 31-6.

¹¹⁷Мы.

¹¹⁸Любишь кататься, люби и лодку перетаскивать.

¹¹⁹Походная кулинария. Аня на снимках в белой кофточке.

¹²⁰Мы даём прощальный концерт.

¹²¹После Карелии. В Москве нас встречают Тома и Лёня.

¹²²а также моя двоюродная сестра Люба и её дочь Наташа.

Я участвовал ещё в одном лодочном походе – по Мещёре (Аня получила путёвку в дом отдыха). Мещёра – это лесной и озёрный край в центральной России. До начала похода посетили старинный город Суздаль, а после похода – Константиново, родину поэта Сергея Есенина. Как это часто бывает с туристическими программами, не обошлось без хитрости. Нам обещали посещение дома родителей Есенина. Как не повидать воспетый поэтом родительский дом? Оказалось, что этот дом был построен ... после смерти поэта.

Однажды я, не заметив, поставил палатку на муравейнике. Муравьи – не комары, казалось бы, довольно безобидные и милые существа. Но они показали, что здесь, в своём лесу, они хозяева. Сперва стали потихоньку беспокоить, покусывать, потом – всё сильнее и массивнее, пока не вынудили среди ночи переставить палатку. Снимков, к сожалению, нет, так как плёнка засветилась.

Последнее из наших активных (не на теплоходе) водных путешествий мы совершили на плотах в Башкирии, на Южном Урале, по реке Белой (Агидель по-башкирски) – снимки (14)¹²³, (15)¹²⁴, (16)¹²⁵, (17)¹²⁶. По берегам – редкие селения, а в основном горы и леса на десятки километров. В шутку там говорят, что плотность людского населения в Бурзянском районе меньше плотности медвежьего населения. И не в шутку предупреждали – в лес не углубляться. Вокруг одинаковые деревья, пойдёшь не в ту сторону, заблудишься – искать некому.

Течение реки часто менялось. Широкие плёсы, где приходилось спускаться в воду и перетаскивать плоты через мелководье, сменялись местами, где течение реки, зажатой в узких проходах между горами, становилось бурным, с водоворотами, и даже опасным, особенно на резких поворотах течения и у порогов. Но обошлось.

В более населённых местах возникла некоторая педагогическая проблема. Время летнее, каникулы, и, как нам рассказали, мальчишки нашли развлечение – бросать камни с мостов на проплывающих туристов. Местное руководство потребовало от педагогов провести воспитательную работу. И вот мы плывём, а с берега нам кричат: “Здравствуйте! Откуда вы плывёте?” – и сразу, не ожидая ответа: “Счастливого пути!” Немного проплыли, и опять – точно такое же приветствие. Но, как мы заметили, это всё были девочки – послушный народ. Дальше сидят на берегу мальчишки. Молчат. И я им кричу: “А что надо говорить?!” И слышим (тоскливым голосом): “Здравствуйте, откуда вы плывёте ...”

Как-то купили живого барашка. У нас пицци было достаточно, но кому-то захотелось для разнообразия приготовить шашлыки. А мне было невесело. Я не идейный вегетарианец. Знаю, что дикие звери кончают свою жизнь тяжелее, чем домашние. Но когда ягнёнок плыл вместе с нами, блеял, и сейчас его будут резать ... (у тех, кто вырос в селе, таких комплексов, наверное, нет).

Наш инструктор на свой страх и риск предложила нам совершить подъём к пещере, расположенной посреди довольно крутого склона невысокой горы (в программе этого

¹²³На плотах по реке Белой (Агидель по-башкирски).

¹²⁴См. 31-14.

¹²⁵См. 31-14.

¹²⁶См. 31-14.

путешествия не было). И мы поднялись, используя канаты – снимки (18)¹²⁷, (19)¹²⁸, (20)¹²⁹, (21)¹³⁰. Ещё труднее было продвигаться в самой пещере. Один из узких проходов между залами находился над пропастью. Передвигались, упираясь коленями в одну стену и спиной – в противоположную. Обвязывались верёвками для страховки. Потом поднялись на вершину: снимки (22)¹³¹, (24)¹³², (25)¹³³, (26)¹³⁴.

А теперь о поездках на теплоходах. Я совершил круиз по Волге (в конце пути – и по другим рекам) по маршруту Астрахань – Ленинград. Вот снимки: (27)¹³⁵, (28)¹³⁶, (29)¹³⁷.

В ходе этого путешествия я повидал многие приволжские города – Астрахань, Волгоград (Сталинград), Куйбышев (Самару), Горький (Нижний Новгород), Казань, Ульяновск, Ярославль, Чебоксары и другие, а также снова Ленинград.

Ещё я участвовал, когда отдыхал в Сочи, в небольшом круизе по Чёрному морю на борту роскошной личной яхты ... Гитлера! Она была получена у Германии как военный трофей. Софа участвовала в круизах по Днепру, Волге и Чёрному морю.

Из моих сухопутных путешествий одно было очень интересным и очень трудным. В Карачаево-Черкесской автономной республике на Западном Кавказе мы поднялись по Архызскому ущелью от туристской базы на высоте 2000 метров до отметки в 3000 метров. Это был не альпинизм, но настоящий горный туризм. Врач не хотела допускать меня, но группа уговорила её. Когда мы поднялись, наш инструктор очень уговаривал меня принять душ, но я уже лёг, и никакая сила не могла меня поднять (как и большинство других).

Вот снимки: (30)¹³⁸, (31)¹³⁹, (32)¹⁴⁰, (33)¹⁴¹, (34)¹⁴².

Позднее я участвовал ещё в одном восхождении в районе Кисловодска. Подъём был намного короче и легче, но на спуске я поспешил и упал. Поднялся и пошёл дальше. Потом оказалось, что два ребра сломаны; через пару месяцев срослись. Это была единственная травма за всё время путешествий. Вот ещё одна туристская песня (в сокращении). Весёлый народ туристы.

¹²⁷Подъём.

¹²⁸См. 31-18.

¹²⁹См. 31-18.

¹³⁰См. 31-18.

¹³¹См. 31-18.

¹³²См. 31-18.

¹³³Наш палаточный городок.

¹³⁴См. 31-25.

¹³⁵Круиз по Волге по маршруту Астрахань- Ленинград.

¹³⁶Мне, неважному фотографу, удалось заснять чаек в полёте.

¹³⁷Праздник Нептуна.

¹³⁸Перед трудным походом.

¹³⁹Кто этот абрек (кавказский разбойник)?

¹⁴⁰Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал. (В. Высоцкий)

¹⁴¹Вечные снега (снято в июле).

¹⁴²Я потерял голову из-за этих девушек (они меня сняли без головы).

Если вы сорвались в голубые дали
 Со скалы высокой камень догонять,
 Вспомните, что раньше так вы не летали
 И уже навряд ли будете летать ...

Если пролетели эти три недели,
 И московский поезд мчит на всех парах,
 Вспомните, что вы-то улизнуть успели,
 А другие всё ещё корячатся в горах!

За участие в турпоходах второй категории сложности нас с Аней несколько раз награждали значками “Турист СССР”; мне присвоили третий разряд по туризму.

Теперь о наших “спокойных” туристских походах и поездках. Мы участвовали в интересном турпоходе по Западной Украине и Белоруссии. Посетили самый большой город Западной Украины Львов, в котором, несмотря на бурную историю, хорошо сохранились памятники архитектуры и культуры, в том числе старейшая, как считают, в Европе аптека. Побывали в селе Колодежно в мемориальном музее на родине замечательной украинской поэтессы Леси Украинки (между прочим, хотя Западную Украину считают, не без основания, оплотом национализма, ни Леся Украинка, ни другой большой западно-украинский писатель Иван Франко не были националистами).

В Белоруссии побывали в Кобрине, на родине моей мамы (35)¹⁴³. Никаких следов проживания тут евреев, составлявших в начале XX века половину населения, не нашёл. Брест находится на самой границе. За неширокой рекой – Польша. Нам разрешили подойти к самой пограничной полосе, что обычно запрещено, – видимо, хотят привлечь туристов. Немцы заняли город в первый же день войны, но в течение целого месяца, в то время, как их войска продвинулись на сотни километров в глубь страны, не могли овладеть крепостью.

Посетили знаменитую Беловежскую пушу, один из старейших заповедников мира. Теперь она известна не только богатейшим растительным и животным миром, в том числе такими редкими животными, как запечатлённые на снимках зубры, но и тем, что где-то в этих местах главы России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о ликвидации Советского Союза.

(36)¹⁴⁴, (37)¹⁴⁵ – развлечения в турпоходе. Аня иногда получала путёвки на работе, и мы участвовали в разных турпоходах. Вот снимки: (38)¹⁴⁶. Посетила древнюю столицу крымских ханов Бахчисарай, Севастополь, Никитский ботанический сад, “Долину привидений.” (39)¹⁴⁷. Я тоже был в Грузии, на съезде психологов. Мы посетили древнюю крепость, побывали в Гори, на родине Сталина, где земляки сохранили его

¹⁴³Может быть, так выглядел дом моей мамы в Кобрине.

¹⁴⁴Я был ханом, Аня, естественно, моей главной женой.

¹⁴⁵Всё племя.

¹⁴⁶Аня в Крыму, турбаза Сосновка.

¹⁴⁷Аня путешествует по Грузии. Вид на горы в районе Бакуриани.

памятник и музей. (40)¹⁴⁸. (41)¹⁴⁹. Ещё Аня ездила по туристическим путёвкам в Мурманск (на Севере) и в Белоруссию.

Я, как и Аня, немало поездил и по России. (42)¹⁵⁰: Новгород знаменит тем, что в средневековой Руси здесь была республиканская форма правления. Скалы, принявшие причудливые формы в результате ветровой эрозии: (43)¹⁵¹. Побывал, конечно, и во многих других местах. Запомнилась, например, встреча со знаменитым одесским юмором. Как-то летом, будучи проездом в Одессе, где я никогда не бывал, решил посетить пляж. Спросил, как доехать, искупался в море и, выйдя из воды, спросил у девушки, какой это пляж (в Одессе их несколько). – А вы что, с того берега (то есть из Турции)? – спросила она и весело рассмеялась.

В 1984 году мы с Аней совершили путешествие в Среднюю Азию. Вот снимки: (44)¹⁵², (45)¹⁵³, (46)¹⁵⁴, (47)¹⁵⁵, (48)¹⁵⁶, (49)¹⁵⁷, (50)¹⁵⁸. Это путешествие мы совершили за несколько месяцев до эмиграции.

¹⁴⁸ Аня (впереди) в Пушкинском заповеднике в Михайловском.

¹⁴⁹ В Ташкенте.

¹⁵⁰ Господин Великий Новгород.

¹⁵¹ Сибирь, тайга под Красноярском, природный заповедник “Столбы”.

¹⁵² Это отнюдь не мусульманские террористы.

¹⁵³ См. 31-44.

¹⁵⁴ Новая Средняя Азия. Гостиница в Ташкенте, в которой мы жили.

¹⁵⁵ В горах за Самаркандом.

¹⁵⁶ См. 31-47.

¹⁵⁷ В Бухаре.

¹⁵⁸ В Бухаре.

Часть IV

32 Прощание с родиной.

*Горе, горе безумной родине,
Не любившей детей своих!
(Нина Королёва. Москва, 1994)*

Большинство евреев Америки, страны эмигрантов, являются потомками выходцев из России, Советского Союза. Вы, дорогие наши потомки, принадлежите к этому большинству, без которого не было бы современного американского еврейства.

Массовая эмиграция евреев из России в Америку началась в связи с погромами в 1880-ые годы. Вскоре после Октябрьской революции эмиграция была запрещена. Пережив послевоенный взрыв антисемитизма, советские евреи (сначала немногие) после создания Израиля и смерти Сталина стали добиваться разрешения на эмиграцию. Им, как правило, отказывали, их подвергали всяческим преследованиям. Иногда арестовывали. Почти всех увольняли с работы, и, поскольку государство было единственным работодателем, эти “отказники,” как их называли, получить другую работу по специальности не могли.

Оставаться безработным тоже нельзя было (таких преследовали как тунеядцев, то есть паразитов, живущих за счёт общества). Так что квалифицированные профессионалы, в том числе профессора, иногда работали дворниками или истопниками (это запрещалось, но они скрывали свои дипломы).

На помощь отказникам пришла мировая общественность, в первую очередь американские евреи, развернувшие мощную кампанию под библейским лозунгом “Отпусти народ мой!” И Конгресс США в 1974-75 годы принял две поправки к законам о торговле, сделавшие свободу эмиграции условием предоставления Советскому Союзу и другим странам статуса наибольшего благоприятствования в торговле. Назовём с благодарностью имена авторов этих поправок. Это сенаторы Джейкоб Джавиц, Хенри Джексон и конгрессмен Чарльз Вэник. Позднее Конгресс США принял важную поправку Моррисона-Лаутенберга, существенно облегчившую советским евреям получение в Америке статуса беженцев.

Фараон вынужден был уступить. Тысячи евреев стали получать разрешение на эмиграцию – формально только в Израиль, но, покинув СССР, они могли поехать и в другую страну. Однако многим под разными предлогами продолжали отказывать.

Первыми нашими Колумбами были Лёня с Ларисой. Лёня ненавидел советскую власть, и она отвечала ему взаимностью. Как я писал выше, Лёнины научные работы были опубликованы в Докладах Академии Наук и перепечатаны в США, когда он ещё был студентом. Академик Колмогоров, его научный руководитель, написал, что Лёня – один из наиболее выделившихся своими результатами математиков своего поколения. Но Лёню не приняли в аспирантуру, а когда он всё-таки написал диссертацию, ему так и не дали диплом кандидата наук.

Дело было не только в антисемитизме. Некоторые евреи, в том числе Лёнины одноклассники, не испытывали таких трудностей. Но Лёня не скрывал своего отношения к советской власти, коммунистической партии, пропагандировал его. Помню, как мы с ним в Дербенте встретились с группой еврейских юношей. Эти славные ребята очень тепло отнеслись к нам, но, услышав Лёнины высказывания, в частности, о Ленине, поспешно разошлись.

На Лёню завели досье в КГБ. В это время таких массовых репрессий, как при Сталине, уже не было. Немало было арестов, но часто, особенно в отношении молодёжи (если это не была какая-то организация), ограничивались “воспитательной работой” – предупреждением, запугиванием. Лёню вызвали на такую беседу. Через три года они с Ларисой подали документы на выезд.

Требовалось заявление родителей об отсутствии материальных претензий к детям, намеревающимся выехать в Израиль на постоянное место жительства. Лёня вспоминает, что мама посоветовала ему поскорее принять какое-то решение (у её родителей были родственники в Америке, с которыми поддерживалась некоторая связь). У меня были сомнения – в отличие от Лёни, который в Москве общался с иностранцами, я плохо представлял себе условия жизни беженцев в Америке.

Но я мешать Лёне не стал (хотя я вполне мог из-за этого стать безработным). Мы подписали заявление. У меня обошлось – может быть, потому что мы подписали документы не в Махачкале, а в Грозном и в Москве. Ректор моего института узнал об отъезде наших детей только через много лет, когда мы с Аней решили присоединиться к ним. В институте поднялся страшный скандал, но мне это уже было неважно.

Лёня и Лариса получили выездные визы, подписанные 21 апреля 1978 г., как раз накануне Пасхи, дня освобождения евреев из Египта. Вот снимки: (1)¹, (2)², (3)³, (4)⁴. Тогда, в мае 1978 года, я не был уверен, что мы когда – нибудь увидимся, и попрощался с ними пушкинской цитатой из Байрона:

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.
(Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай).

Эмиграция в Америку тогда проходила через короткое пребывание в Вене и довольно долгое в Италии. Это давало возможность увидеть Рим и некоторые другие

¹Прощание с Лёней и Ларисой.

²См. 32-1.

³См. 32-1.

⁴См. 32-1.

города. Но советские беженцы, в том числе и Лёня с Ларисой, были очень бедны. И я до сих пор помню присланные нам из Италии подарки. Позднее, в Америке, они делали нам намного более дорогие подарки, но получение этих скромных подарков было особенно трогательно. Потом Тома тоже, из своих первых скудных денег, прислала нам из Америки две посылки.

Перехожу к Томе. Лёня, снабдив её с Саней соответствующей литературой, помог им лучше понять советскую и американскую действительность и необходимость эмигрировать. Он помог им перебраться в Москву и до своего отъезда всячески помогал им (и потом, после их приезда в Америку, тоже, хотя и сам был ещё беден).

Получить выездные визы им было намного труднее, чем Лёне с Ларисой, которые успели уехать, когда в связи с политикой “детанта” (разрядки напряжённости в отношениях с Западом) число выехавших из СССР евреев достигло максимума (около 50 тысяч в год). После ввода советских войск в Афганистан отношения с Западом резко ухудшились, и в 1981 году число выехавших уменьшилось в 5 раз.

Чтобы попасть в это число, Томе и Сане пришлось преодолеть очень большие трудности. Поскольку главного предлога для отказа в визе – работы, связанной с секретностью, у них не было (они были вообще безработными), пытались использовать тот факт, что они прописаны в разных городах. Тома вспоминает, что чиновник, который должен был решить их вопрос, просто прятался от неё, прекращал приём.

Мы подписали необходимый документ в Махачкале, но применили некоторую уловку. Напечатали начало положенного текста (о том, что у нас нет материальных претензий к дочери), и оставили перед подписями немного свободного места. А когда подписи были неопытным чиновником заверены, мы вставили остальной текст – “в связи с её намерением выехать в Израиль на постоянное место жительства.”

Но вот всё позади. Вот снимки: (5)⁵, (6)⁶, (8)⁷, (9)⁸. 22 мая 1981 г., в Томин день рождения, мы направляемся в Шереметьевский аэропорт. В такси Машенька впервые узнала от меня, куда она переезжает. Я попытался дать ей некоторое представление о географии, но большого впечатления на неё эта новость не произвела – за свои 5 с половиной лет она уже столько раз переезжала! Когда мы провожали Лёню, на перроне собралось много его друзей. Среди них был и канадец Джеймс. Мы знали, что на вокзале должны быть агенты КГБ, и я ожидал неприятностей.

Но поскольку ничего не случилось (у КГБ были более важные дела), во время проводов Тома мы настолько обнаглели, что устроили банкет для провожающих в ресторане аэропорта. Этот аэропорт устроен так, что самолёт, набрав скорость, останавливается перед аэровокзалом и подымается в воздух на глазах провожающих. И я провозглашал тосты сначала за отправление, потом за пересечение границы (в этот момент эмигранты лишаются советского гражданства). Я был уверен, что официанты являются осведомителями КГБ, но – наплевать! Дочку за океан провожаем!

Хотя выездные визы были выданы на троих, но фактически ими воспользовался ещё один человек. Ровно через месяц, 22 июня 1981 г. (20 Сивана 5741 г.), Тома родила в Риме

⁵Опять прощание.

⁶См. 32-5.

⁷См. 32-5.

⁸См. 32-5.

Анечку. Соседки по роддому проявили к беженке из СССР трогательное внимание, подарили ей детскую одежду. Так что у нас, наряду с пятью внуками, рождёнными в США, есть одна внучка, родившаяся в России, и другая – в Италии.

Дети были молоды, они ехали устраивать свою и своих детей жизнь. Для нас вопрос: ехать – не ехать был намного сложнее. В отличие от детей, мы были хорошо устроены. Я жил полноценной жизнью, любил свою работу, пользовался уважением. Эмиграция означала досрочный конец всего этого. Моей зарплатой и Аниной пенсией нам вполне хватало на наши скромные потребности (Лёня прислал нам из Америки деньги, но мы ими не воспользовались, привезли их в США). Мы жили на берегу тёплого моря, купались, путешествовали.

И была ещё одна, не менее важная проблема – будущая ностальгия. Казалось бы, что для нас, евреев, антисемитский Советский Союз, тоталитарное государство с низким уровнем жизни – всё то, что я постарался описать в предыдущих главах, не сгущая краски, но ничего не скрывая? Евреи жили в России, в основном, всего 200 лет из своей трёхтысячелетней истории. Покидали многие страны (обычно не по своей воле), теперь уходят из России.

Но, кроме общей истории, есть ещё история личная. Мы родились и, что более важно, сформировались, стали теми людьми, которыми стали, а не другими, здесь, впитав через наш родной русский язык русскую культуру, которая, как и русская история, стала нашей. Они в нас, как и еврейская ментальность. Мы – русские евреи. Как уехать от себя?

И в течение всей жизни вокруг нас, как и в русской культуре и истории, кроме антисемитов, правящих негодяев, было много прекрасных людей – русских, русских евреев, украинцев, дагестанцев, других. Я называл выше своих школьных и университетских товарищей, учителей, профессоров, коллег, моих учеников и студентов, врачей и т.д. Лёня позднее назвал своего сына Андреем в честь двух замечательных русских людей, с которыми его столкнула судьба – академиков Колмогорова и Сахарова.

Передумав, пережив всё это, в конце концов мы сделали выбор в пользу воссоединения с детьми и внуками. Получили вызов от Тамары Левиной из ... Израиля (в городе Гиватаим нашлась женщина с таким именем – так тогда делали). Что касается нашей русской культуры – она никуда от нас не делась. Мы унесли её с собой – в себе, в книгах. И в Америке, как оказалось, достать нужную русскую книгу легче, чем это было в СССР, так же, как попасть на выступление лучших артистов – русские театры и отдельные исполнители постоянно гастролируют в Америке.

Были ещё большие сомнения насчёт материальных условий. Ведь мы по возрасту вряд ли могли устроиться на работу. Мы ничего не знали об американской системе социального страхования (Софа знала ещё меньше. Она пыталась подарить мне своё золотое кольцо, которое я смогу продать, когда нечего будет есть). Тома снабдила нас необходимой информацией. Её очень хорошо, живо написанные послания объёмом до 60 страниц (!) расходились в копиях по Москве и другим городам.

Однако, кроме нашего желания уехать, требовалось ещё согласие государства отпустить нас. В 1984 году количество эмигрировавших евреев сократилось по сравнению с 1979 г. в 57 раз! (с 51300 до 896). Не хотелось попасть в число несчастных “отказников.” И мы предприняли шаги, оказавшиеся удачными.

Я вышел на пенсию. Ректор очень не хотел отпускать меня. Мне устроили торжественные проводы. На банкете всячески хвалили меня, не зная, что скоро придётся меня ругать как предателя родины.

Затем мы с Аней поехали в Москву, пошли на приём в МВД (Министерство Внутренних Дел), в УВИР (управление, ведавшее выдачей выездных виз). К нам вышел полковник, вежливо представился, попросил записать наши имена в книгу посетителей. Я рассказал, что наши дети давно уехали, сын живёт в Америке, дочь в Израиле. Они много раз звали нас к себе, но пока я мог работать, мы не соглашались. Теперь я на пенсии, пользы от меня уже нет, и мы думаем, что нам лучше на старость поехать к детям и внукам. Мы решили до подачи документов узнать, можем ли мы надеяться получить разрешение. Полковник сказал, что, как он полагает, мы можем рассчитывать на положительное решение.

Мы поблагодарили и вернулись домой. Собрав необходимые документы, пришли с ними в районный ОВИР (соответствующий отдел милиции). Женщина посмотрела наши бумаги, позвонила куда-то и сказала, как о чём-то ожидаемом: “Пенсионеры пришли. Можно принять документы?”. Через 2 недели мы получили разрешение – наверное, это был рекорд. Нам дали на сборы два месяца – очень большой срок (местный ОВИР, вероятно, решил, что у нас в Москве есть влиятельный покровитель).

Мы поехали в прощальное турне. Побывали в Николаеве у Софы и её семьи и на папиной могиле. В Днепропетровске побывали на могилах наших мам, у наших родных, в доме, где прошло детство, в нашей школе, на Днепре, ходили в последний раз по нашим улицам. Вернувшись, успели распродать имущество. Я в Москве оформил разрешение на вывоз книг (далеко не все книги позволили вывезти). Много вещей сдали в багаж – почти всё пригодилось. В Москве удалось получить разрешение на отправку багажа морем – это гораздо дешевле. Было затрачено много труда и нервов – непростое дело эмиграция.

Не желая заранее сообщить всем об эмиграции, я говорил, что уезжаем к детям, не уточняя, куда. Выписываясь в домоуправлении, указал, что едем в город Гиватаим. На вопрос – в какую область, написал “в Еврейскую” Паспортистка поняла так, что это Еврейская автономная область в СССР и приняла анкету (никто этих бумаг потом не читает, если нет особой необходимости).

Буквально накануне нашего отъезда в институте, в котором я уже не работал, провели собрание по исключению меня из партии. В этом не было никакой необходимости – я давно, согласно правилам эмиграции, подал заявление с просьбой об исключении и сдал партийный билет. Собрание провели по указанию партийных органов для “воспитания студентов.” Были уверены, что я не приду – у нас на руках уже были выездные визы и билеты. Но я спросил, будут ли студенты, и пошёл на эту инквизицию, чтобы противопоставить клевете на меня рассказ, почему я уезжаю.

Мне дали слово и не прерывали, как это обычно бывает в подобных случаях. И я сказал всё, что хотел. Рассказал об антисемитизме, из-за которого уехал Лёня. Сказал, что пока я работал, я не хотел уезжать, теперь от меня, пенсионера, пользы никакой. А там – дети и внуки, из которых мы четырёх никогда не видели. Конечно, полностью раскрыть себя я не мог и не хотел. Не сказал, что на пенсию мог ещё долго не выходить –

вышел, чтоб эмигрировать. Как и следовало ожидать, заранее подготовленные ораторы выступили с осуждением моего решения.

Большинство выступили сдержанно. Некоторые жалели меня, рассказывали, как уехавшие жалуется на свою жизнь в Израиле – наверное, были и такие письма (считалось, что мы едем в Израиль). Декан филологического факультета выступил так, что было неясно – ругает он меня или хвалит. “Кто бы мог подумать! Чего ему не хватало?” – сказал он. Перечислил мои награды. – Анатолия Александровича так боготворили студенты!”

Были и другие выступления. Одна дама спросила, знаю ли я, что такое Родина? Кто-то сообщил, что у меня есть валютный счёт – конечно, в швейцарском банке. Преподаватель истории партии пытался опровергнуть моё высказывание об антисемитизме. Я не стал дожидаться конца. Выходя, сказал: “Когда-нибудь некоторым выступавшим будет стыдно за то, что они тут говорили.”

Я не жалел, что пошёл на собрание. После него мне позвонила коллега и сказала, что далеко не все думают так, как выступавшие (на снимке 31-36 она в центре в светлом плаще, на снимке 31-39 слева). Да я и сам видел добрые, сочувствующие глаза, устремлённые на меня – “молчаливое большинство,” которое вскоре заговорило и опрокинуло советскую власть.

На следующий день ко мне пришли студент и студентка и сообщили, что весь курс хотел прийти попрощаться со мной (вот как повернулось собрание, проведенное для “воспитания студентов”). Но их предупредили, что лишат стипендии (советская законность!). А эти двое чувствовали себя героями.

Затем отъезд, несколько дней в Москве, пограничная станция Чоп, переехав через которую мы лишились советского гражданства, и 7 ноября 1985 г., в день годовщины Октябрьской революции, мы прибыли на Запад – в столицу Австрии Вену. Вот снимки: (10)⁹, (11)¹⁰, (12)¹¹, (13)¹². При проверке нашего багажа таможенник, увидев мешочек с песком, спросил – что это? Я сказал – песок с Днепра. Образцы грунта вывозить нельзя, сказал он. Выбрасывайте, я ответил. Его украинское сердце дрогнуло, и он, нарушив закон, разрешил.

В заключение хочу сказать, что я ни разу не пожалел о том, что уехал в Америку. Но я не выбросил свою родину, какой бы она ни была, из своей памяти и мира моих интересов. У меня в квартире – три флажка, американский, израильский и советский. Мне в магазине предложили вместо советского современный российский трёхцветный флаг. Но я отказался, так как никогда не жил под этим флагом. Тогда они где-то на складе нашли красный советский флаг с серпом и молотом. Большую часть этого флага я заклеил портретом Пушкина, как символа русской культуры, и видом моего Днепропетровска (снимок – в главе 38). Мне небезразлично то, что происходило и происходит там после нашего отъезда. Я постоянно смотрю по интернету, наряду с американскими, израильскими и другими, новости из России.

⁹Прощание с Москвой.

¹⁰Проводы на вокзале в Днепропетровске.

¹¹См. 32-11.

¹²Снимок Днепра, на котором проведено столько хороших дней.

33 Как анекдоты и самиздат победили советскую власть.

В 1991 году, когда наша семья уже жила в Америке, Советский Союз и правивший в нём тоталитарный коммунистический (или псевдо-коммунистический) режим перестали существовать. Страна распалась на 15 независимых республик. Это всемирно-историческое событие произошло совершенно неожиданно для всех, в том числе и для профессионалов – “советологов.”

Как, почему это произошло? Бывшие американские президенты и другие политики объявили, что это Америка, Запад одержали бескровную победу над коммунизмом. Ссылаются на то, что Советский Союз не выдержал гонки вооружений, особенно в связи с разработкой противоракетной обороны, которая обеспечивала Америке защиту от советского ядерного оружия, в то время как СССР оставался бы под угрозой ядерного возмездия. Конечно, участие в гонке вооружений давалось Советскому Союзу очень нелегко. Но Соединённые Штаты, Запад ещё в 70-ые годы признали, что выиграть эту гонку оказалось невозможным, несмотря на превосходство их экономики. Дело в том, что в тоталитарном Советском Союзе вся экономика находилась в руках государства, и военный сектор получал все необходимое за счёт других секторов.

И Америка, Запад заключили с СССР целый ряд соглашений о сокращении как ядерных, так и обычных видов оружия, о запрете космического оружия (“звёздных войн”). В 80-ые годы гонка ракетных вооружений снова была усилилась, но вскоре начались поиски компромиссов. Что касается системы противоракетной обороны (которая также была запрещена, за небольшим исключением), то до сих пор, десятилетия спустя, несмотря на все усилия, эта система не создана. Да и можно ли было рассчитывать, даже имея такую систему, на гарантию, в случае войны, от ядерного нападения со стороны СССР, обладавшего тысячами ядерных бомб и ракет для их доставки? Если даже почти все они будут уничтожены, и только 2-3 водородные бомбы, не дай Бог, упадут на Америку ...

Большие экономические трудности, которые испытывал Советский Союз, сами по себе также не объясняют коллапс СССР. Экспорт нефти и газа, несмотря на колебания мировых цен, давал возможность как-то справляться с этими трудностями. Советский Союз во враждебном окружении выстоял в течение 74 лет, выдержал страшную войну против Германии, покорившей почти всю Европу, и продолжал бы существовать, если бы не произошло изменение сознания у самих народов СССР и его империи. Ухудшение экономического положения, острый дефицит самых необходимых товаров, то, что народ прежде терпеливо сносил, теперь начало вызывать протест даже со стороны верхних слоёв населения.

В отличие от президентов и других лидеров Запада, многие учёные и органы печати теперь, когда первоначальная эйфория прошла, признают это. “Путин хорошо помнит, как народ проявил свою волю и сбросил коммунистический режим,” – писала газета “New York Times” в 2004 году (цитировано в газете “Еврейский мир,” 9-15 декабря 2004).

Безусловно, Запад сыграл в этом большую роль, в частности, своим давлением, своими радиопередачами (хотя их глушили), а главное – своим примером. Ещё во время войны советские солдаты и офицеры увидели, что Запад вовсе не таков, как им всю

жизнь внушали. Позднее экономическая необходимость заставляла командировать на Запад тысячи специалистов и принимать у себя зарубежные делегации.

Активные выступления против советского господства начались после войны среди порабождённых стран Европы – в Восточном Берлине, Венгрии, Чехословакии, Польше. Все они были подавлены. В Берлине была построена стена, чтобы остановить бегство из Восточной в Западную часть города, не входившую в советскую зону оккупации. Все эти удары по коммунистической системе были чувствительны, но её судьба решалась в метрополии – в Советском Союзе.

В течение десятилетий многие советские люди верили в утопию скорого наступления светлого коммунистического будущего. Кто не верил, в условиях тоталитарной диктатуры ничего не мог изменить. Люди привыкли к существующему порядку вещей и строили свою жизнь, как могли, не надеясь на серьёзные перемены.

Настроение и поведение людей стали меняться после смерти Сталина, разоблачения его преступлений и освобождения многих политических заключённых, ещё быстрее – после подавления попытки Чехословакии провести в 1968 году демократические реформы. Вера в партию и её идеологию стала исчезать. Одновременно стал уменьшаться страх перед государством.

Тоталитарный строй стал подтачиваться с разных сторон. Одни вступили в открытую борьбу против власти. Эти герои – диссиденты были очень разными людьми – Сахаров, Солженицын, Щаранский, Буковский, Григоренко, Гинзбург, Орлов, Чалидзе, Зиновьев и другие. Их было немного, почти все они были заключены в тюрьмы, лагеря, сосланы, но они сыграли большую роль в борьбе против режима.

Другие – их было очень много – сохраняя внешнюю лояльность, продолжали свою работу, в которой видели смысл жизни, но пользовались любой возможностью, чтобы сеять оппозиционные настроения. Примером может быть поэт Александр Твардовский. Будучи главным редактором журнала “Новый мир,” он сделал его рупором передовой части интеллигенции, публиковал произведения оппозиционных писателей. Такие писатели (в главе о литературе и искусстве я назвал некоторых из них) пользовались огромной популярностью. Поэты, в том числе исполнявшие свои песни под гитару (Окуджава, Галич, Высоцкий и другие) собирали не только полные залы, но целые стадионы со многими тысячами слушателей. Вот начало одной из песен Александра Галича:

Сердце моё заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И – свистите во все свистки!

Многие педагоги, преподаватели высших учебных заведений, невзирая на риск, игнорировали официальные программы и развивали у молодёжи критическое отношение к окружающей действительности.

Об изменении в поведении людей говорит такой факт. Чтобы слушать (“ловить,” как мы говорили) передачи зарубежного радио, умельцы научились переделывать радиоприёмники на такую волну, которую КГБ не глушил, так как продаваемые приёмники

эту волну не принимали. Мне дали адрес такой мастерской. Я думал, что мастер тайно выполнит мой незаконный заказ (он из осторожности, как я понимал, не спросил у меня, зачем мне это нужно). Каково же было моё удивление, когда он, закончив работу, громко, на всю большую мастерскую, включил передачу русской службы лондонской БиБиСи и спросил: “Порядок?”

В это время в стране получил огромное распространение самиздат. Так стали называть, по аналогии с Госиздатом (Государственным издательством), подпольное издание книг, в обход драконовской цензуры (“сами издаём”). В десятках тысяч копий расходилась по стране размноженная на пишущих машинках, магнитофонных лентах и фотоплёнках запрещённая литература – “Архипелаг Гулаг” Солженицына, статьи Сахарова и т.д., в том числе и книги, тайно привезенные из-за границы (“тамиздат”). Не только копировать, но и читать, хранить их было опасно. Но люди постепенно учились не бояться, хотя принимали меры предосторожности.

На знаменитых московских кухнях обсуждались самые острые темы, велись смелые антисоветские разговоры. Народ стал открыто рассказывать и слушать анекдоты, в которых высмеивалась партия и её руководители, петь частушки такого же содержания. Такие анекдоты создавали и рассказывали и прежде, но только по секрету близким друзьям. За такой анекдот при Сталине отправляли в ГУЛАГ или расстреливали. Теперь власти были бессильны. Вот несколько политических анекдотов (было ещё много замечательных анекдотов на бытовые темы – у меня есть несколько сборников).

В сумасшедшем доме лектор расхваливает советскую действительность. Все аплодируют, кроме одного. Лектор спросил, почему он не аплодирует. – А я не сумасшедший, я санитар!

Вовочка учит урок: “Вороне где-то Бог послал кусочек сыру ...” -Папа, а разве Бог есть? – Глупенький, а разве сыр есть? Это же басня!

-Будет ещё хуже! – говорит пессимист. – Нет, – отвечает оптимист, – хуже уже не может быть!

Воспитательница в детском саду говорит детям: – В Советском Союзе все люди сытно едят, хорошо одеваются, живут в хороших квартирах. У всех детей в Советском Союзе много красивых игрушек. Почему ты плачешь, Петя? – Хочу ... хочу в Советский Союз!

– У нас при коммунизме всего будет вдоволь! – говорит на собрании ответственный партийный работник. – А у нас? – спрашивают из зала.

А вот примеры анекдотов на еврейскую тематику. Проект более строгого наказания за нарушение правил дорожного движения: первый раз – штраф, второй раз – тройной штраф, третий раз – в паспорте в графе “национальность” записывать “еврей.”

В КГБ Рабиновича отговаривают ехать в Израиль: – Думаете, там вам будет хорошо? Знаете, как говорится, хорошо там, где нас нет. – Вот-вот, я и еду туда, где вас нет!

В Тель-Авиве открылся дорогой русский ресторан “Ностальгия.” Кормят скверно, официанты хамят, обсчитывают, швейцар говорит уходящим: – Убирайся в свой Израиль, жидовская морда!

Во многих анекдотах высмеивался глава партии и правительства Брежнев. Вот его научили, как надо в Средней Азии отвечать на приветствие. Приехал. Встречающие

кричат: – Салам алейкум! Брежнев: – Алейкум салам! Встречающие: -Архипелаг Гулаг!
Брежнев: – Гулаг Архипелаг!

Брежнева наградили самой высокой литературной премией за мемуары, которые кто-то за него сочинил. Брежнев (про себя): – Все хвалят. Надо бы почитать ...

Правители страны знали о положении в экономике, знали, что над ними и над всей советской пропагандой открыто потешаются. И самиздат они читали. Те, кто поумнее, стали думать о каких-то реформах. А тут ещё один за другим стали умирить старые, больные “вожди.” Анекдот на эту тему: После похорон Черненко в Кремле раздался звонок. – Алло, вам Генеральный Секретарь Центрального Комитета партии нужен? – Вы что, дурак? – Да, я дурак, старый, больной!

И вот 11 марта 1985 года Генеральным Секретарём избрали более молодого и образованного М. С. Горбачёва с тем, чтобы как-то улучшить существующий строй, не меняя его основы. Происшедшая через год, 26 апреля 1986 года, Чернобыльская катастрофа – взрыв ядерного реактора, приведший к радиоактивному заражению обширной территории и большим человеческим жертвам, – усилил понимание необходимости реформ. Начался период перестройки. Была объявлена гласность – ограниченная определёнными рамками свобода слова и печати. Были введены элементы рыночной экономики, разрешен малый частный бизнес и т.д.

Но ограничить реформы полумерами не удалось. Психологически подготовленный народ, прежде всего его активная часть, интеллигенция, в том числе и многие члены партии, даже из её верхнего эшелона, стали добиваться коренных перемен. Я недавно просмотрел подшивку журнала “Огонёк” за 1988 год – самый разгар перестройки. В этом передовом по тому времени журнале (редактор В. Коротич) шла настоящая битва за то, чтобы покончить с прошлым, повести страну к подлинной демократии. Эта борьба выплеснулась на улицы. На многотысячных митингах в Москве, Ленинграде, в других городах провозглашались призывы ввести в стране многопартийную систему, другие, столь же радикальные требования. Начались немыслимые прежде рабочие забастовки.

Воспользовавшись колебаниями центральной власти в СССР, ослаблением давления со стороны репрессивного аппарата, порабощённые страны Восточной Европы в 1989 году вышли из подчинения Москве, а в 1990 году советские республики стали объявлять о своей независимости.

19 августа 1991 года высшие руководители страны, напуганные ходом событий, попытались совершить путч. Объявив Горбачёва больным, взяли его под домашний арест и ввели чрезвычайное положение. Но народ, который при Сталине и позднее был готов терпеть всё, что угодно, был уже другим. Путч провалился. Погибших было 3 человека. Активную роль в противодействии путчистам сыграл Б. Н. Ельцин, первый президент Российской Федерации. Так совпало, что жившие уже в Америке Тома и её семья в эти дни гостили в Саратове. Можно представить себе, что они пережили.

8 декабря 1991 года главы России, Украины и Белоруссии подписали заявление о выходе из СССР и о создании СНГ – Содружества Независимых Государств. Вскоре в СНГ вошли все советские республики, кроме Литвы, Латвии и Эстонии, оккупированных Советским Союзом в 1940 году. Однако СНГ полноценным союзом не стал. 25 декабря 1991 года президент СССР Горбачёв объявил о своей отставке и о прекращении

существования этого государства. Так закончилась история псевдо-социалистического Советского Союза.

Бескровный, “бархатный” характер этой великой революции стал возможным потому, что она произошла сначала в умах значительной части народа, а уж потом – в реальной жизни.

34 По дороге в Америку. Вена, Италия.

Через полгода после прихода Горбачёва к власти мы покинули Советский Союз. Наш путь в Америку, по правилам того времени, проходил через Вену и Италию.

В столице Австрии Вене мы провели одну неделю. Кроме официальных дел, познакомились с прекрасным городом. Посетили Шёнбруннский дворец, собор св. Стефана, музей истории искусства, в котором на меня особенно сильное впечатление произвела великолепная коллекция тонких психологических портретов Ван Дейка. Видели увековеченный Штраусом “голубой Дунай.”

Я впервые попал на Запад, и мне очень понравились люди на улицах – спокойные, услужливые, готовые не только ответить на вопрос, заданный на моём плохом немецком, но часто даже проводить до нужного места, если оно недалеко. К нашей попутчице прилетела дочь из Америки, и по случаю дня рождения матери она пригласила нас в ресторан, где коронным номером был огненный пунш (“пунша пламень голубой” – Пушкин). Когда мы приехали на вокзал для переезда в Италию, вдоль нашего состава мы увидели автоматчиков. Как оказалось, они охраняли нас. Нам выделили отдельный вагон, хотя нас за неделю набралось всего 13 человек.

С эмиграцией нам повезло вдвойне. Как я отметил выше, нас легко и быстро выпустили, когда выпускали очень немногих (в 1979 г. – 51 000, а в нашем 1985 г. – всего 1140). Но с развитием “перестройки” эмиграция стала быстро расти.

В 1989 г. – 71 238, в 1990 – 204 700. В Италии скопились десятки тысяч советских эмигрантов. Американское консульство было не в состоянии справиться с этим потоком. Возникли огромные трудности с жильём, с финансированием и т.д. Были случаи самоубийства. Но всё это было после нас.

Ночью мы переехали через заснеженные Альпы, нас не будили для пограничного контроля – у меня были проездные документы на всю группу, но никто их не спросил. Утро встретили в солнечной Италии. Неделю мы прожили в Риме, в очень плохой гостинице с грубым персоналом. Затем нас перевезли в небольшой посёлок Ладисполи. Выяснилось, что поскольку Лёня уже получил американское гражданство, мы можем въехать в Штаты только как иммигранты, а не как беженцы.

Переговоры и оформление въездных виз продолжались три месяца. Мы жили бедно. При выезде из СССР нам обменяли небольшую сумму на доллары, а в Италии мы получали пособие от американского общества Джойнт. Мы не голодали, но считали каждую копейку. Снимали квартиру вместе с другой семьёй, подсчитывали, на какое время можем включать отопление и т.д. Несмотря на наши возражения, Лёня послал нам из Америки деньги, но мы их не использовали, привезли в Америку (я много раз пытался вернуть их Лёне, но он отказывался, и они, как и другие Лёнины и наши деньги, пропали в связи с Саниным банкротством).

Мы не были избалованными людьми, и, несмотря на трудности, трёхмесячное пребывание в Италии считали подарком судьбы. Мы много ходили по Риму, побывали во Флоренции, в Венеции, Пизе – за счёт строгой экономии смогли выделить деньги, необходимые для этих поездок. Вот снимки: (1)¹³, (2)¹⁴, (3)¹⁵, (4)¹⁶, (5)¹⁷, (6)¹⁸. Мне довелось видеть ещё две великие скульптуры Микеланджело – Моисея возле Колизея и в Ватикане (да простит меня Тома) – Пиету и расписанную им же Сикстинскую капеллу. Там же – картины Рафаэля и многое другое. (7)¹⁹, (8)²⁰ – “Рим – город контрастов.” Так советская пропаганда изображала все города Запада. Следуя этому штампу, я снял бельё, сохнувшее на улице – это считалось символом бедности, и богато одетых детей на одном из знаменитых римских карнавалов. (9)²¹, (10)²², (11)²³, (12)²⁴, (13)²⁵, (14)²⁶, (15)²⁷.

Видели в Ватикане, в окне, папу Римского, ныне покойного Иоанна-Павла II, который, впервые в истории, посетил синагогу в Риме и Израиль, официально объявил о невинности евреев в распятии Иисуса, назвал евреев старшими братьями, попросил у евреев прощения за их преследование католической церковью. Почему бы не объявить его “праведником мира” и не посадить в его честь дерево в Израиле? Своими действиями и заявлениями он, наверное, спас от будущих преследований не меньше евреев, чем другие праведники мира во время войны. Всякий шаг к миру, против всеобщей вражды вселяет надежду на лучшее будущее. Я отвлёкся, так как эта тема мне представляется очень важной.

Возвращаясь к искусству. Мы в Италии видели много замечательных произведений архитектуры, живописи, но скульптуры Микеланджело (а также Венера Капитолийская) произвели на меня самое сильное впечатление. Копии не дают должного представления о них. Давид. Это не только прекрасный юноша. В его глазах читается спокойная решимость выполнить свой долг. Я много раз обходил статую – всё не хотелось уходить от неё, идти по музею дальше.

Лицо Моисея у Микеланджело мне представляется как бы выражающим различные чувства. Нижняя часть лица выражает гнев в отношении этого народа, который слышал Бога, поклялся выполнять его заповеди и так скоро забыл об этом, вернулся к идолопоклонству и постоянным упрёкам – зачем Моисей вывел его из Египта. А верхняя часть лица – глаза, брови выражают ужас. Пророк предвидит трагическое будущее

¹³Пизанская башня.

¹⁴Мне удалось её выпрямить.

¹⁵Рим.

¹⁶Аня у Колизея.

¹⁷Арка Тита.

¹⁸Флоренция, Давид, знаменитая скульптура Микеланджело.

¹⁹“Рим - город контрастов”.

²⁰См. 34-7.

²¹И в Италии бывает снежная зима.

²²См. 34-9.

²³Но море не замерзает.

²⁴Венеция, голуби на площади св. Марка.

²⁵См. 34-12.

²⁶Каналы, гондолы.

²⁷См. 34-14.

еврейского народа. О Пиете-Марии с мёртвым Иисусом – умолчу, так как боюсь, что Тома наложит на меня херем (хотя оба они, как известно, евреи, а еврей, даже плохой, всегда остаётся евреем).

26 февраля 1986 года мы вылетели из Италии в Америку.

35 Америка. Фрамингем. Мэн: Лето с внуками.

Соединённые Штаты. Я глубоко, очень глубоко благодарен этой прекрасной стране за то, что приняла наших детей и нас, дала нашим детям возможность построить свою жизнь так, как они хотят и могут, а нам обеспечила достойную старость.

Я полюбил американцев, в своём большинстве работающих, вежливых – охотно благодарят, извиняются, даже если не виноваты. Услужливы – придержат дверь, если следом кто-то идёт. Как-то мы с Аней освободили машину, вмёрзшую в лёд. Из соседнего дома выбежал незнакомый мужчина с инструментом и помог нам.

Спокойны – никогда не видел ссоры даже в переполненном трамвае; если видят, что кому-то нужно выйти, дадут проход, не ожидая просьбы. Избегая ненужных мелких конфликтов, сохраняют силы для работы (и серьёзных конфликтов?).

Оптимистичны. Приветливо, с открытым взглядом улыбаются (говорят, что это формальные улыбки. Но разве знакомый нам по прошлому подозрительный, хмурый вид лучше?). Конечно, прожив в Америке уже десятилетия, я видел немало плохого. Но моё первоначальное общее положительное отношение к Америке и американцам сохранилось и закрепилось.

В Америке не принято жить семьями из трёх поколений (а подростки дети тяготятся даже жизнью в семье из двух поколений и стараются как можно раньше покинуть родительский дом). Но Тома с Саней предложили нам поселиться у них. Это было полезно и нам, не знавшим Америки и английского языка, и им. На снимках – воссоединение с детьми и внуками: (1)²⁸, (2)²⁹, (3)³⁰.

Мы прожили с ними во Фрамингеме три с половиной года, вели хозяйство, “бэбиситтерствовали.” Детям было – 2 года Саше, 5 лет Анечке, 10 Маше. Называю Анечку уменьшительно не только потому, что люблю её – я люблю всех моих внуков, встреча с ними была важным мотивом нашего приезда в США, – но ввиду наличия ещё одной Ани. Часто виделись и с Ребеккой, Наоми, Андреем. Хозяйство вела в основном Аня, но также и я. (10)³¹, (11)³², (12)³³, (13)³⁴.

Я ежедневно занимался с Машей и Анечкой русским языком и математикой. Прошли по нескольку школьных учебников, причём решали задачи и примеры, выполняли упражнения по языку не выборочно, как в школе, а все подряд. Весной в торжественной обстановке, в присутствии родителей, проходили экзамены. Занимался и с Сашей.

²⁸Первые снимки.

²⁹Первые снимки.

³⁰Первые снимки.

³¹Трудовые будни.

³²Трудовые будни.

³³Трудовые будни.

³⁴Трудовые будни.

В течение нескольких лет я пытался найти работу, чтоб не быть иждивенцем государства. Я знал, что в моём возрасте шансов почти нет, но разослал много резюме. Получил приглашение на интервью в Гарвардский университет, где была объявлена вакансия по кафедре русского языка. Интервьюер оценила меня, мой опыт положительно, но взяли они молодого претендента.

Мы совершили несколько туристических поездок по Соединенным Штатам и Канаде – об этом ниже. Посещали концерты и спектакли русских театров, приезжавших на гастроли в Америку. Использовали возможность увидеть известных артистов, на выступления которых в Союзе было трудно попасть – балет Большого театра с Маей Плисецкой и Ниной Ананиашвили, театр на Таганке, театр Сатиры (Ширвиндт, Державин), “Чайку” режиссёра Виктюка.

Были на концертах и выступлениях Сергея Юрского, Стрельчика, Неёловой, Сергея и Татьяны Никитиных, кинорежиссёра Рязанова, юмористов Хазанова, Карцева и Ильченко, поэтов и писателей Булата Окуджавы, Войновича, Коржавина, Жванецкого, Вероники Долиной, Городницкого, Губермана, Александра Иванова и других. Внукам эти имена ничего не говорят, а Лёня и Тома с супругами посещали многие концерты вместе с нами; Лариса повезла детей и нас смотреть “Щелкунчик” – американские дети знают этот сказочный балет Чайковского, без которого не обходится ни одно Рождество. (4)-(8), (14)-(24). (4), (5) (6), (7), (8) (14), (15), (16) (17), (18), (19) (20), (21), (22) (23), (24)

В течение нескольких лет, пока внуки не выросли, мы ездили с ними на отдых в штате Мэн, иногда с их родителями и Софой. Снимали домик в лагере на берегу озера (Лариса нашла этот лагерь). Дети были очень довольны. Купались, научились плавать (кто раньше не умел), катались на лодках. Дети легко переносили перепады температуры (жаркие дни и холодные ночи) и комаров – неизбежный спутник отдыха у воды. Недавно взрослые Маша и Аня захотели поехать туда с детьми, но пока не получилось. (25)-(37). (25), (26), (27) (28), (29), (30) (31), (32), (33), (34), (35) (36), (37)

36 Мы и религия.

Как я писал выше, мои дедушка и прадедушка по линии отца были раввинами, родители мамы были очень религиозными хасидами, мой папа учился в ешиве, был габе в своей синагоге. Моё раннее детство прошло в религиозной обстановке, я верил в Бога, ходил с папой в синагогу, очень любил субботу. Потом синагогу закрыли, я пошёл в школу, мы отошли от религии. Правда, не совсем. До войны ради бабушки справляли седер. Мама постилась в Йом Кипур. От родителей я узнал некоторые ивритские выражения, мудрые афоризмы. Я стал понимать бытовой идиш (и немного говорить).

На фоне роста национального самосознания, связанного с войной, Холокостом, послевоенным взрывом в СССР антисемитизма и с чудесным воссозданием еврейского государства, у многих советских евреев стал возрождаться интерес к религии. Находясь в 1982 году в Москве во время праздника Симхас-Тейре (Симхат-Тора), который у нас (может быть, из-за его весёлого характера) был особенно популярен, я пошёл в

синагогу на улице Архипова. Я был потрясён! Тысячи или десятки тысяч людей, москвичей и приезжих, заполнили улицу. Люди танцевали, пели на идише, по-русски, на иврите. Оказалось, что в Москве работают еврейские школы – группы детей пели на иврите.

В переулках стояли большие милицейские (кагебистские) машины, но никто их не боялся. Надоело бояться! Меня это волновало не столько в религиозном плане, сколько в плане национального возрождения после долгого унижительного стремления не афишировать свою национальность. Но, как известно, еврейская национальная и религиозная традиции неразделимы. И Лёня, в своём отталкивании от советской идеологии, стал интересоваться иудаизмом. Перед отъездом в Америку он переписал от руки для нас с мамой 10 Заповедей (по-русски).

Более существенное приобщение к религиозной традиции у нас произошло в Италии. Лидер Любавичских хасидов Менахем Мендл Шнеерсон послал раввина в Ладисполи, где в ожидании американской визы жили советские эмигранты, в том числе и мы. Мы стали ежедневно посещать синагогу, благо наша квартира находилась в том же здании. Если я утром задерживался, и нужен был человек для миньяна, раввин Гириш Бирк приходил за мной. В синагоге была литература на русском, религиозная и художественная.

Затем нашим религиозным воспитанием занялись Машенька и Тома. Дом у Тома во Фрамингеме (теперь в Нэтике) – кошерный. В один из первых вечеров, когда я лёг в кровать, ко мне подошла Машенька и научила меня говорить начало Шма.

Теперь я коснусь моих религиозных проблем. Есть люди, которые решили для себя вопрос о религии. Я к ним не принадлежу. Для меня, выросшего в стране господствующего материализма, главная трудность заключается не столько в религиозных идеях, сколько в более широких понятиях идеализма.

Что касается религии, то я вспоминаю моего папу. Получивший религиозное образование, затем отошедший от религии, он в конце жизни сказал: и верить нельзя, и не верить нельзя. В Америке постоянно идёт ожесточённая борьба между сторонниками дарвинизма и креационизма (веры в библейский рассказ о сотворении Богом мира и живой природы во всём её разнообразии). И я не могу считать себя умнее всех современных выдающихся учёных, из которых одни так или иначе верят в Бога, а другие не верят.

Моё отношение к еврейской религиозной традиции поясню на таком примере. В Хануку мы отмечаем два события. Первое – это исторический факт победы евреев под руководством Маккавеев над греческими оккупантами. Второе – чудо с маслом для светильника – вряд ли может считаться доказанным. Тем не менее я вот уже в течение 28 лет зажигаю ханукальные свечи. Почему?

Я согласен с теми, кто полагает, что даже если нет уверенности в том, что те или иные события действительно происходили именно так, как принято считать (реальные события при передаче часто обрастают легендами по принципу испорченного телефона), но в них верили в течение тысячелетий, и эта вера существенно повлияла на жизнь народа, на формирование национального характера, – мы имеем дело с исторической реальностью, с заслуживающим уважения фактором истории, более важным, чем какой-нибудь несомненный факт, о котором давно забыли.

Некоторым религиозным законам, которые считаются не имеющими другого объяснения, кроме того, что так повелел Бог, я пытаюсь найти рациональное истолкование. Например, запрет смешивать льняные и шерстяные нити, засеять поле семенами разных культур, скрещивать животных разных видов, как я понимаю, имел целью уберечь еврейский народ, который всегда жил среди других народов, от ассимиляции, то есть от исчезновения. Если с детства усвоить, что нельзя ничего смешивать даже в не очень важных случаях, то как можно допустить смешанный брак?

Кашрут имеет целью постоянно, ежедневно напоминать еврею о его принадлежности к данному народу (подобно тому, как некоторые не очень понятные правила этикета имеют, видимо, целью отличать людей своего круга от других). Законы кашрута, еврейская религия в целом в течение тысячелетий, в условиях рассеяния и невыносимых испытаний, сохранили народ, который в древности дал человечеству Библию (не только Тору), а потом, выйдя из гетто и приобщившись к современному образованию, – выдающихся деятелей науки, культуры.

Конечно, религиозные установления, национальные традиции не могут оставаться неизменными. Изменения вносились даже в строгие средние века (например, отмена рабства и многоженства в Европе). Тем более они неизбежны, с чувством меры, в наше время.

Тома до сих пор занимается моим религиозным образованием. Иногда я ей благодарен, иногда сопротивляюсь. Некоторые книги и кассеты, которыми она меня (и других) в изобилии снабжает, интересны, даже если я далеко не во всём согласен с авторами. Например, мне понравился израильтянин Пинхас Полонский, как оригинально мыслящий человек и как лектор, хотя не со всем, что говорит и пишет Полонский, в частности, о политике Израиля, я согласен. Тома организовала его лекцию для жителей нашего дома и снабдила меня его кассетами.

Свою лекцию в нашем доме он начал с предложения задать интересующие аудиторию вопросы – не после лекции, как обычно делают, а до, чтобы лекция отвечала потребностям слушателей. Затем, по самому сложному вопросу – можно ли доказать правильность идеализма или материализма, религиозных догматов, он сказал (передаю не дословно), что он в какой-то момент своей жизни просто выбрал то, что ему оказалось близким, понравилось – идеализм, иудаизм.

Я понимаю так, что человек либо усваивает в детстве (как моя бабушка) либо принимает позже, на основе своего личного жизненного опыта, систему постулатов, на основе которых строится его мировоззрение или мироощущение. С этим связана малая продуктивность диспутов между верующими, атеистами, скептиками, между сторонниками разных религиозных направлений.

Перехожу к нашей практике. Соблюдали (и соблюдаю) кошерность, субботу, праздники. Живя во Фрамингеме, а затем в Бостоне, регулярно посещал синагогу. Сейчас – нерегулярно, так как в районе, где я живу, есть только консервативная синагога, которую Тома и рабби Лазарос не советуют посещать (хотя я уважаю евреев консервативных так же, как ортодоксальных). Должен признаться, что соблюдаю далеко не все требования религии. Молитвы читаю в синагоге (по-русски или по-английски, кое-что и на иврите). Дома читаю Шма, благословения в субботу и праздники.

Большее значение придаю неформальным действиям. Часто чувствую потребность выразить благодарность. Не планирую что-то без того, чтобы не сказать Бэ эзрат њаШем (если Бог даст). При зажигании свечей, кроме благословения, с искренним чувством благодарю за всех нас и прошу за всех нас (начало на иврите – Борух Ато и так далее, затем по-русски, следуя примеру тех, кто для таких важных текстов, как Кадиш, Талмуд и другие использовали арамейский язык). Я привык по многу раз в день целовать мезузы, которые Тома развесила по всей квартире.

Не могу сам себе объяснить, на чём основаны эти потребности, если я совсем не уверен, что кто-то меня видит и слышит. Впрочем, кто-то определённо меня слышит. Это я сам. Есть психологическая потребность выразить благодарность, тревогу, надежду. Так иногда в кинотеатре зрители аплодисментами выражают свою благодарность артистам, всем создателям фильма, не надеясь, что те об этом узнают.

Вот снимки: (1)³⁵, (2)³⁶, (3)³⁷, (4)³⁸, (5)³⁹, (6)⁴⁰, (7)⁴¹, (8)⁴².

37 Наши дети, внуки и правнуки в Америке.

*Плодитесь, и умножайтесь, и наполняйте землю ...
(Бытие, 1:28.)*

О своей взрослой жизни, о своих детях и внуках Лёня и Тома знают и смогут написать намного больше и лучше. В этом рассказе об истории нашей семьи я сообщу основные факты, приложу снимки.

Приехав в сентябре 1978 года в Америку, Лёня в 1979 году получил PhD в Массачусетском технологическом институте – в СССР ему не дали диплома. С 1980 г. преподаёт в Бостонском университете computer science (теоретическую информатику). Во время годовичных отпусков, которые профессорам дают каждые 7 лет (их называют субботниками по аналогии с записанным в Торе законом давать земле покой раз а 7 лет) Лёня работал в лучших университетах Калифорнии, в Израиле и Париже, куда выезжал вместе с семьёй, так что дети овладели ивритом и французским языком, в Германии (без детей).

Лёня много занимается исследованиями в своей области (но иногда и не в своей – пишет, например, статьи о налогах, о демократии и т. д.). Часто выступает с докладами на научных конференциях в разных странах. В Москве и Ленинграде выступал с докладами на конференциях, посвящённых памяти его учителя А.Н.Колмогорова. Получает премии и медали. Избран членом американской Национальной Академии Наук.

³⁵Приобщение к традициям.

³⁶См. 36-1.

³⁷Наш первый Песах после перерыва в 46 лет.

³⁸Праздник. Рядом с Томой раввин Яков Лазарос, её большой друг.

³⁹Он узаконил наш с Аней брак по еврейскому религиозному обряду.

⁴⁰См. 36-5.

⁴¹Хуша. Об этом даже писали в газете.

⁴²Хуша. Об этом даже писали в газете.

О Лёне и его коллегах рассказано в книге “Жизнь и открытия 15 выдающихся учёных в computer science”

Приехав в Америку, Лариса также занялась научной работой. Беседуя с ней, я почувствовал, как она увлечена своей биохимией. Лариса приняла гиюр (еврейское имя Сара), училась в еврейском колледже, так что у них настоящая еврейская семья. Родились дети – 5 декабря 1980 г. (27 Кислева 5741 г.) Ребекка (второе имя Алиса, наверное, в связи с тем, что родилась в стране чудес; еврейское имя Ривка), 16 января 1983 г. (21 Тевета 5742 г.) Наоми (второе имя Таня), 4 ноября 1986 г. (2 Хешвана 5747 г.) Андрей (Иосиф).

Все дети окончили еврейскую школу имени Маймонида. Ребекка успешно окончила Бостонский университет по специальности computer science и, в качестве дополнительной специальности, по изобразительному искусству. Ребекка работает программистом. О своей работе говорит с увлечением. Серьёзно занимается живописью.

6-го мая 2007 г. Ребекка вышла замуж за Алексея Макарова. Алексей – русский, москвич. Окончил школу с биологическим уклоном при МГУ, затем с отличием окончил и сам этот университет, с которым многое связано в жизни нашей семьи. Сразу был принят в аспирантуру по микробиологии. В 1998 г. Алексей приехал в США по программе обмена научными работниками. Работал в Калифорнийском университете. Вскоре поступил в аспирантуру и в 2002 г. получил степень магистра по химии. Недавно защитил докторскую диссертацию.

Алексей принял гиюр (еврейское имя – Михаэль). Они сыграли очень красивую еврейскую свадьбу в уютном ресторане, расположенном в живописном парке. 20-го марта 2008 г. (14 Адара 5768 г., вечером, в наступивший день праздника Пурим) у них родился сын Семён (Саймон, Шимон) Александ(е)р. 25-го января 2012 г. (1 Швата 5772 г.) родилась дочь Розанна Элли.

Наоми закончила учёбу в Бостонском университете, получила диплом по двум специальностям – computer science и биологии. То есть она по существу получила два высших образования. Успешно работает. Наоми серьёзно увлечена сионизмом, ездила в составе студенческих еврейских делегаций в Израиль и по Америке. Отлично танцует (показывали по телевидению). Путешествует, даже на Эверест поднималась! Живёт в Нью-Йорке. Работает в престижной компании, которой заинтересовался даже мэр Нью-Йорка Блумберг. В 2018 г. Наоми баллотировалась от Республиканской партии в палату представителей Конгресса США, хотя победил кандидат от партии Демократов. 24 Декабря 2019 года Наоми вышла замуж за Аврахама Кона, адвоката. Сыграли замечательную еврейскую свадьбу. Теперь их общая фамилия Кон.

Андрей был среди призёров всеамериканского соревнования юных исследователей. Президент Буш принял их в Белом Доме. Имя Андрея и имена других призёров были присвоены астероидам, так что отныне наша фамилия надёжно увековечена – вокруг солнца вращается малая планета Andreilevin. Андрей также занял 4-ое место во Всеамериканской олимпиаде по французскому языку и культуре. Соревновался на 5-ом, самом высоком уровне, где в основном участвовали те, для кого этот язык – родной.

В 2008 г. Андрей получил степени бакалавра по физике и по математике в Массачусетском технологическом институте, в котором он ещё в школьные годы занимался научной работой, затем степень магистра по биохимии и биофизике в Johns Hopkins

университете. Опубликовал свои первые научные работы. Был приглашён в докторантуру по физике нескольких знаменитых университетов. Поступил в Гарвард где успешно защитил докторскую диссертацию В 2019 году.

Все трое трудолюбивы – не только в учёбе. Все хорошие кулинары, спортсмены. Недавно Наоми совершила восхождение на Эверест до высоты свыше 5 километров (без кислородной маски). Родившиеся в Америке, они свободно говорят по-русски. Очень дружны между собой. Вот снимки: (1)-(35),(115)-(118). (1), (2) (3), (4) (5), (6) (7), (8) (9), (10) (11), (12) (13), (15) (14) (16), (17) (18), (19) (20), (21) (22), (23) (24), (25) (26), (27) (28), (29) (30), (31) (32), (33) (34), (101) (35), (115) (116), (117) (118)

Тома с Саней, Машенькой и новорождённой Анечкой приехали в Америку в 1981 году. Когда дети подросли, Тома начала работать программистом в городском совете Фрамингема, затем перешла на работу в городской совет Кембриджа, где работает (на более высокой должности) до сих пор. Я шучу, что в её подчинении – расположенные в Кембридже самые знаменитые университеты, Гарвардский и Массачусетский технологический институт. 1984 г. родился Саша, в 1989 – Давид (Вадик).

Очень большое место в Томиной жизни в Америке стали занимать религия и сионизм. В течение многих лет Тома участвует в работе религиозного семинара. Посетила в Нью-Йорке Любавичского реббе Менахем-Мендл Шнеерсона, а теперь ездит на его и его предшественника могилы. Тома активно участвует в различных кампаниях в поддержку Израиля. Ездил с миссией в Израиль. Она не только старается выполнять все требования иудаизма и, по возможности, помогать Израилю и своей синагоге, но и неустанно пропагандирует свои взгляды. Тома также активно участвовала в борьбе против аборт и за право религиозных школ получать государственные субсидии. Публиковала статьи на эти и другие темы, связанные с религией и Израилем.

Жизнь её протекает очень напряжённо. Не высыпается. Когда Тома ждёт меня в машине, чтобы взять во Фрамингем (теперь Нэтик) на субботу, я часто нахожу её спящей. Отпускные дни у Тома в основном уходят на еврейские праздники. Считает такую жизнь нормальной. Приведу несколько цитат из её статей, опубликованных в “Новом русском слове.”

“На практике отказ от рождения ребёнка часто основан на соображениях о материальном недостатке. Но где конец гонки за воображаемым уровнем благополучия? Этот уровень, навязываемый средствами массовой информации, подобно линии горизонта, бесконечно отодвигается от нас по мере приближения.”

“Система автоматической помощи запутавшимся старшеклассникам (жильё, аборты) способствует популяризации их образа жизни, и безответственность ширится ... Можно ли сделать какое-то поведение непривлекательным, одновременно смягчая все последствия такого поведения?”

“Действительно ли ‘одно из самых личных человеческих прав – право женщины на аборт’? ... Правовое общество подразумевает не анархию, когда каждый объявляет священными все свои желания, а, прежде всего, возможность призвать к ответу за нарушение прав других. А борцы за легализацию абортов призывают к расправе с самыми незащитными ...”

“Где граница между небытием и жизнью? Какой момент мы освящаем? Допустите сравнение аборта с убийством – и вы получите тот же спектр реакций – от милосердия

до самосуда. Если месячный ребёнок мешает родителям жить, возможно ли от него избавиться? ... А шестимесячный плод? (Оставим в стороне настоящие случаи угрозы жизни матери и некоторые спорные ситуации).”

“Обращаюсь к вам, будущие родители ... Как рассказать, что значит держать в руках своё родное дитя? Сколько радости приходит в дом с каждым новым младенцем!”

“Нужно перестать смотреть свысока на общины с упорядоченным, размеренным укладом ... Например, меньше вероятность того, что религиозной девушке, которой не положено находиться с посторонним мужчиной в запертой комнате, придётся решать проблему нежелательной беременности. Государство же явно дискриминирует и разъедает религиозные общины, экспроприируя деньги религиозных налогоплательщиков в пользу светских школ ...” (“Единодушные?,” “Новое русское слово,” 29.10.1993).

“Так же ошибкой было бы считать, что отношение беременной женщины к плоду впоследствии определит отношение матери к ребёнку. Многие ли вообще любят эмбрион? Любовь проявляется к ребёнку уже после его рождения. Отсюда и ситуация, когда рожают по контракту, а потом не могут расстаться с новорождённым.”

“Как быть, если родители считают, что детей им уже хватит, а ребёнок всё же появится на свет? Отвлечёмся на время от общих рассуждений и посмотрим на конкретную ситуацию. Представляю: наши дети. Маше 18 лет, Ане 12, Саше 9, Вадиду 4 года. Каждый из них оказался “не ко времени,” что, наверное, понятно многим читателям НРС. Маша – когда мы были студентами. Аня – когда подали на выезд (родилась в Риме). Саша – когда я собиралась в новой стране устраиваться на работу. Вадик – когда наш возраст был уже не “идеальный.” Основания для того, чтобы не дать жизнь любому из них, можно было бы считать вполне уважительными. Так что любого из них могло бы не быть ... Задумайтесь, какая часть жизни была бы потеряна, если бы того или иного из ваших детей не было” (“Выбери жизнь!,” “Новое русское слово,” 4 февраля 1994 г.).

Перехожу к рассказу о событиях, круто изменивших жизнь Тома и её семьи. После приезда в Америку Саня устроился на работу, достиг хорошего положения. Но потом занялся бизнесом. Дело не пошло, образовались долги. Саня стал занимать деньги у родственников и знакомых. Все деньги пропали. Продали второй дом и отдали полученные деньги в частичное возмещение долга Лёне, у которого Саня занял особенно крупную сумму. Объявили банкротство. Испортились отношения Лёни и Тома. Мы с Аней тяжело переживали это, отменили празднование золотой свадьбы. Потом Саня ушёл к другой женщине.

Тома стала с помощью интернета искать нового мужа, такого же религиозного, как она (Саня – не еврей). И нашла – на другом конце земного шара! Точнее, они нашли друг друга. Как я сказал во время их свадьбы, если, как говорят, браки заключаются на небесах, то к их браку это относится в первую очередь. Иосиф Григорьевич Деркач жил в России, в Казани. Закончил Казанский университет. Математик. Уже взрослым пришёл к религии, которая стала важнейшей частью его жизни. Овдовел. Тома и Иосиф встретились в Москве, очень понравились друг другу. 16 июня 2005 года отпраздновали настоящую еврейскую свадьбу.

Теперь – о внуках. Маша (Мария, Мириам) родилась в России. Хотя в пятилетнем возрасте Машенька приехала в Америку, она свободно владеет русским языком. Маша

перевела на английский часть этих мемуаров. Она окончила еврейскую школу имени Маймонида, женскую школу Бэйс Ривка, женский Барнард колледж в знаменитом Колумбийском университете.

Маша вышла замуж за американца, Любавичского хасида, Хаима Перльмуттера. Уже будучи матерью, продолжила учёбу и получила степень магистра по педагогической психологии. Маша занималась школьниками с отклонениями, консультировала педагогов. А недавно решила стать юристом, поступила в юридическую школу (колледж). В мае 2011 г. Маша стала доктором юриспруденции – первым в истории нашей семьи. Хаим окончил колледж, получил степень доктора по фармакологии. Работает фармацевтом. Перльмуттеры переехали в штат Огайо. Это далеко, но они каждый год приезжают во Фрамингем (теперь в Нэтик). Во время одного из таких приездов Маша очень помогла мне, когда я был сбит автомобилем, попал в больницу.

Старшая из их детей, наших правнуков, Бася Шейндл родилась 15 июля 1998 года (21 Таммуза 5758 г.). Названа в память Аниной мамы. Очень самостоятельная, способная девочка. Охотно помогала мне собирать ветки. Умеет контролировать свои желания, подчиняясь привычному порядку. Вот пример. Мне доводилось иногда забирать её из школы (с удовольствием, как раньше внуков). Приходя в школу, я давал ей пару конфет. Она видела, что у меня есть ещё, но не просила, а говорила: “Later” (я давал ей их, когда её забирала домой).

Был такой забавный эпизод, говорящий о её умении ориентироваться. Тома пыталась учить её русскому языку (в семье Перлмуттеров говорят по-английски). Как-то Басе предложили погулять. Она не хотела. “Пойдёшь с папой?,” спросили у неё – “No!.” “С мамой?” – “No!.” “С бабой (по-английски)?” – “Нет!.” Бася хорошо училась, много, непрерывно читает. В 2019 году закончила Бостонский университет - первая из наших правнуков получила университетское образование.

Песах Арон родился 29 апреля 2001 года (6 Ияра 5761 г.). Как только начал ходить, проявил удивительную страсть к звуковой ритмике. Непрерывно отстукивал что-то с помощью ложек и других предметов. Учится музыке (я посоветовал и в течение двух лет оплачивал).

Ханна Эстер родилась 18 сентября 2003 года (20 Тишрея 5764 г.). Названа именем своей прабабушки Ани. Кейла Рохл родилась 29 июля 2005 года (14 Ава 5767 г.).

Нашу внучку Аню (Ханну) родители называли так, не зная ещё, что не следует детям давать имена живых родственников. Анечка была с детства всеобщей любимицей. Когда смотришь на её детские снимки, кажется, что она это чувствует и невольно кокетничает. Я запомнил, как Анечка училась ездить на двухколёсном велосипеде. Я вышел с нею, чтоб помочь, подстраховать и т.д. Но Анечка села и поехала! В этом отразился характер.

Аня ещё в детстве выбрала медицину как свою будущую профессию. И это была не просто мечта. Аня прочла всю многотомную медицинскую энциклопедию для старших школьников. Выбор этой профессии, я думаю, был основан не только на соображении о высоких заработках врачей, хотя и об этом нужно заранее думать, а на доброте, как очень характерной Аниной особенностью. Выше я рассказывал, как Аня настояла на преждевременном окончании нашего отдыха в штате Мэн, потому что, как потом выяснилось, хотела отметить йорцайт трагически погибшего любимого котика.

После окончания школы имени Маймонида Аня поступила в университет МакГилл в Монреале (в Канаде). Во время учёбы опубликовала в научных журналах (в соавторстве) 3 статьи. Окончив университет в Канаде, Аня поступила в американскую медицинскую школу (колледж) – 3 года в Израиле, потом в США. Доктор медицины. Упорно добивалась и добилась осуществления своей мечты.

В университете Аня встретила студента по имени Ален Джеймс Серелс. Они полюбили друг друга и поженились. Свадьбу провели на широкую ногу, по сефардскому обряду (отец Алена – сефардский раввин в Нью-Йорке, доктор наук, получивший, кстати, от короля Испании титул графа). 18 октября 2006 года (25 Елул 5766 г.) у них родилась дочь. Её назвали Хейли Рут – это имя матери Алена. По сефардскому обычаю детей можно называть по именам здравствующих родных. 6 августа 2010 года (26 Ава) родился сын Эван Митчел. 16 февраля 2014 года (16 Адара Алеф) Аня родила дочку, получившую в честь бабушки имя Тамара Айви (Ivy). 27 октября 2016 г. (25 Тишрей 5777 г.) у них родился сын, которого они назвали в честь моего папы Габриэл Александер, на иврите Гавриэл Ицхак. Ален получил степени бакалавра (с отличием) по математике, химии и экономике, и магистра по экономике. Сейчас живут в Кливленде, как и Маша.

Саша (Alexander, Йонасан) родился 11 апреля 1984 г. (9 Нисана 5744 г.). В детстве проявил большие музыкальные способности. Я был на концерте, которым заканчивался учебный год у его педагога Тамары Айзиковой. Мой знакомый, большой знаток музыки, сказал о Саше: “Он среди всех этих учеников – единственный настоящий музыкант (среди них была и его внучка). Потом Саша перестал брать уроки, но музыкой увлекается до сих пор. Играет на пианино, гитаре, очень любит ударные инструменты.

Саша хорошо делает всё, чем увлечётся. Успешно сдал государственные экзамены SAT. Помогал школьникам готовиться к этим экзаменам. Хорошо пишет. И кулинарией увлекается. Имеет много друзей. Окончив еврейскую школу, Саша поступил в Нью-Йорке в Ешива университет. Потом увлёкся интересной, хорошо оплачиваемой работой.

Давид (Вадик) родился 9 августа 1989 года. (8 Ава 5749 г.). Он успешно закончил еврейскую школу и поступил в ешиву в Израиле. Там он решил поступить на военную службу.

Приведу отрывок из интервью, которое газета “The Boston Glob” взяла у Вадика перед его отлётом в Израиль.

Большинство сверстников Давида Татарина-Левина потратили несколько последних недель на поступление в колледжи, подготовку к четырёхлетней учёбе и приобщение к взрослой жизни. Но 19-летний юноша из Фрамингема почувствовал иное призвание.

Татарин-Левин решил присоединиться к армии Израиля, зная, с какими опасностями связана служба в регионе с постоянными атаками террористов и враждебным отношением соседей. Его выбор вступить в армию и отложить поступление в колледж основан на чувстве жизненной необходимости, которое трудно описать, говорит он.

“Я чувствую, что это – мой путь. Это не значит, что я люблю армейскую жизнь или люблю стрелять,” – сказал Татарин-Левин в интервью. Оно

проходило в его доме во Фрамингеме во время перерыва в работе по упаковке багажа за несколько дней до его отлёта в Тель Авив. “Но я физически и духовно готов служить стране, и я хочу делать это сейчас.”

Вадик, слава Богу, закончил свою срочную службу благополучно. Но недавно в сражении с террористами погиб его друг. На печальном снимке, напечатанном в газете New York Times, Вадик на похоронах своего друга. После окончания военной службы Вадик поступил в Иерусалимский инженерный колледж. Закончив первый курс, вернулся на родину. Успешно закончил учёбу в университете UMass Amherst. Живёт и работает в Чикаго. 1 сентября 2018 Вадя (Давид) зарегистрировал брак с Аидой Ершигеиловой (Hill), русско-говорящей казашкой из Казахстана.

Все наши внуки очень разные, и каждый по-своему интересен. Пусть все они будут здоровы и счастливы. У меня с ними большая дружба. Все они уже живут в других городах, но когда приезжают, мы очень рады встрече. Однажды в Рош Хашана, который я праздновал дома, Саша пришёл ко мне из Фрамингема пешком – 4 часа под дождём! Такое не забывается.

Вот снимки: (36)-(114):

(36), (37) (38), (39) (40), (41) (42), (43) (44), (45) (46), (47) (48), (49) (50), (51) (52), (53) (54), (55) (56), (57) (58), (59) (60), (61) (62), (63) (64), (65) (66), (67) (68), (69) (70), (71) (72), (73) (74), (75) (76), (77) (78), (79) (80), (81) (82), (83) (84), (85) (86), (87) (88), (89) (90), (91) (92), (93) (94) (95), (96) (97), (98) (99), (100) (103), (102) (104), (105) (106), (107) (108), (109) (110), (111) (112) (113), (114)

38 Бостон. Мы снова студенты.

В сентябре 1989 года, получив так называемую 8-ую программу, субсидирующую оплату квартирной ренты, мы с Аней переехали в Бостон и начали самостоятельную американскую жизнь. Нашли очень хорошую квартиру с необычно большой кухней-столовой (1)⁴³, (2)⁴⁴, (3)⁴⁵, (4)⁴⁶, (5)⁴⁷. Были некоторые проблемы, но Тома пошла со мной договариваться. Это было незадолго до рождения Вадика, и управляющая, видимо, увидев Томино положение, по женской солидарности сняла свои возражения. Мы вспомнили, что всегда были жителями больших городов, которые имеют свои преимущества, как и такие уютные, с чистым воздухом, небольшие города, как Фрамингем.

Я подружился с отцом Томиной подруги Иры, с которой они вместе эмигрировали и родили в Риме дочерей. Ефим Соломонович Фрид был одним из самых образованных и интеллигентных людей, которых я лично знал. Будучи кандидатом технических наук, он, наряду с близкими ему областями знания, глубоко знал литературу, историю, философию. Мы с ним в течение 10 лет, до самой его смерти, когда ему было уже

⁴³В Бостоне.

⁴⁴В Бостоне.

⁴⁵В Бостоне.

⁴⁶В Бостоне.

⁴⁷В Бостоне.

больше 90 лет, еженедельно встречались у нас или у него, пили чай, играли в шахматы и обсуждали интересующие нас вопросы. Наши взгляды нередко различались, но дискуссии, даже по самым острым вопросам, проходили корректно, никак не мешая нашим добрым отношениям (6)⁴⁸.

Мы пригласили в гости с Украины Софу, которая не решалась на эмиграцию, пока не побывала в Америке, и мою кузину Риту (7)⁴⁹. До этого у нас в гостях во Фрамингеме побывали моя двоюродная племянница Наташа из Москвы и Анины кузины Эмма из Израиля и Аня с мужем, жившие во Флориде.

Мы с Аней решили снова стать студентами – подали документы в ВНСС, Bunker Hill Community College, чтобы изучать английский язык. Я начал изучать английский в Союзе ещё до того, как мы приняли решение об эмиграции – мне это нужно было для научной работы. Я занимался на курсах при библиотеке иностранной литературы, использовал уроки английского по телевидению. Мы достали очень хорошие аудиокассеты. Летом к нам в Махачкалу приезжала родившаяся и выросшая в Америке Анина кузина Эмма, преподававшая в институте английский язык (ей врачи рекомендовали морские купания), и мы ежедневно занимались английским.

В Италии мы учились на курсах у очень хорошего американского преподавателя. Помню, как он интересно пользовался жестикуляцией и мимикой (уроки целиком проходили на английском). Например, прошедшее и будущее время глаголов обозначал движением руки назад или вперёд. Вообще любил играть. Брежнев изображал, выпячивая губы (Брежнев при встрече целовался, даже с президентом Америки Картером).

Во Фрамингеме в течение трёх лет мы посещали вечерние курсы. Меня однажды послали выступить на собрании – деловом обеде клуба бизнесменов Фрамингема, спонсоров этих курсов (несмотря на мой плохой английский – у других он был, очевидно, ещё хуже). Мне было интересно наблюдать их ритуалы – вынос своего знамени, исполнение своего гимна – играют взрослые люди! Библиотека прикрепила к нам волонтеров для индивидуальных занятий – собеседований. Я с благодарностью вспоминаю мою наставницу Люси. Ей, успешно работавшей деловой женщине, настолько понравилась эта деятельность, что она решила поступить в педагогический колледж.

Всех этих занятий было недостаточно для овладения английским языком, но они позволили нам пройти довольно серьёзный тест при поступлении в ВНСС. В связи с возрастом нас освободили от платы за обучение и, непонятно почему, дали многотысячную стипендию (которая почти полностью пропала из-за Саниного банкротства).

Аня взяла в колледже все курсы, необходимые для получения диплома. Она старательно выполняла все задания и в 1996 г. успешно закончила колледж (8)⁵⁰. Меня диплом не интересовал, поэтому я брал только те курсы, которые были мне нужны для изучения английского языка. Кроме курсов по языку, брал курсы по другим гуманитарным предметам (по литературе, истории, географии).

С интересом писал эссе, копии некоторых из них у меня сохранились: “Микеланджело как скульптор (по литературным источникам и личным впечатлениям),” “Анализ “Грузинской песни” Булата Окуджавы (в английском переводе),” “Пётр Великий

⁴⁸С моим хорошим другом Ефимом Соломоновичем.

⁴⁹Наши гости из бывшего СССР Софа и Рита.

⁵⁰Аня в 74 года успешно окончила колледж.

и Запад (сопоставление взглядов западных авторов и русского писателя Пушкина),” “Этническое размежевание после распада СССР (на примере Молдавии),” “Мой взгляд на проблему эвтаназии в случае бессознательного, растительного существования безнадёжно больных людей.”

Нас с Аней включали в Dean List хорошо успевающих студентов, потом мою биографию (более короткую, чем в этих мемуарах) напечатали во всеамериканском Dean List. Приглашение вступить в Альфа Каппа Мью, входящую в братство студентов – отличников Фи Зета Каппа, я игнорировал (интересно, есть ли в демократической Америке братство двоечников? Я бы его назвал Омега Омега Омега). А вот предложением взять специальные курсы для хорошо успевающих я воспользовался. Кто-то из наших детей правильно сказал, что для нас сравнение с недавними выпускниками средних школ не могло быть трудным. Но, с другой стороны, все лекции, учебники, тесты, экзамены были на родном для них английском языке.

Мои успехи в овладении навыками устного общения были очень скромными, хотя я брал курс Oral communication. Но там почти не было общения, дискуссий. Каждый должен был сделать два сообщения. Первое я посвятил Горбачёву и перестройке. Профессор и студенты удивились моей осведомлённости (начиная от так называемых социалистов-утопистов и т.д.) Я сказал, что советские люди, жизнь которых сильно зависела от революций и войн, были очень политизированы. Во втором выступлении я, как мне кажется, убедительно доказывал необходимость всемерно развивать внутри городов общественный транспорт, даже бесплатный, с тем, чтобы личные машины использовались в основном вне городов. Я предупредил в начале, что не ожидаю согласия, поскольку американцы любят свои машины почти как своих детей. Дискуссии после моего выступления не было. (Недавно прочитал, что в Европе с 2000 года проводится “Всемирный день без автомобиля.”) Я общаюсь по-английски, но быстрюю речь понимаю плохо, так как в Америке не работал, а дома говорим по-русски.

Кроме учёбы, в ВНСС было много другого, как во всех более солидных колледжах. Были еженедельные бесплатные концерты приглашаемых музыкантов. Была картинная галерея. Приглашались известные деятели для чтения лекций для всех желающих (Сенатор Джон Керри, “отец американской водородной бомбы” Эдвард Теллер и другие). Студенты вовлекались в различные активности.

Мы иногда (редко) в чём-то участвовали. Например, по предложению одного профессора послали коллективное письмо Первой леди Барбаре Буш по поводу распространённости сцен насилия в кино и телевидении. Каждый из нас получил от неё тёплое письмо с благодарностью за поддержку её усилий в этом направлении (как мне кажется, безрезультатных). Кстати, Барбара Буш мне нравится больше других Первых леди. Какая-то домашняя, настоящая “мама (или бабушка) нации,” похожая скорее на добрую русскую или еврейскую женщину, чем на энергичную американку, помогающую мужу делать карьеру.

А в наших архивах есть ещё письма от трёх американских президентов. Билл Клинтон поздравил Софу с получением гражданства и нас с Аней по поводу Золотой свадьбы. Буш-младший поздравил меня с 80-летием, Барак Обама с женой Мишель – с 90-летием. Пустячок, а приятно.

Несмотря на то, что ВНСС относится к младшим колледжам, весь учебный процесс, вся жизнь в нём протекала по общим стандартам американских колледжей и университетов. Благодаря этому мы понимаем, как проходила учёба и студенческая жизнь наших внуков.

39 Все потомки наших родителей – в Америке.

Авраам родил Ицхака, Ицхак родил Якова, Яков родил 12 сыновей. Лёня вызвал в Америку Тома с семьёй, Тома и Лёня вызвали нас с Аней. Мы вызвали 19 человек – всех потомков наших родителей с семьями (включая приёмных детей). Потом Тома вызвала 8 Аниных родственников и своего жениха. Саня вызвал свою мать. И на сегодняшний день уже 15 родившихся в Америке, слава Богу, детей присоединились к нашему клану, восполняя невосполнимые потери еврейского народа.

Добиться для вызываемых права на въезд в Соединённые Штаты в качестве беженцев было нелегко. Чтобы получить это право, надо быть евреем или членом его семьи (или принадлежать к другому преследуемому меньшинству), доказать, что подвергался преследованиям, и иметь близких родственников в Америке. У каждого из вызываемых родственников были серьёзные проблемы по какому-то из этих критериев.

Я семь лет боролся за Беллу, приёмную дочь Аниного отца. Как и для всех вызываемых, писал заявления о преследовании, другие бумаги, вёл переписку и переговоры. Лёня и Лариса, а потом Тома редактировали мои переводы на английский, давали хорошие советы и по содержанию. Проблема Беллы была в том, что её удочерение, на котором основано её родство с Аней, не было оформлено по закону. Имелась только выписка из решения районного совета об удочерении Н.Л. Эренбургом осиротевшей племянницы своей жены. Вместо имени приёмной матери был прочерк – Бася Ефимовна вернулась в Днепропетровск из эвакуации только через несколько месяцев, и её письменного заявления не было. Вероятно, именно поэтому не было ни решения суда, ни нового свидетельства о рождении (старое пропало, когда Беллу с родителями вели на расстрел). Белла как-то прожила без этого документа, без которого обычно не принимают в школу, в больницу и т.д., до 16 лет, когда ей выдали паспорт, определив возраст по наружному виду.

Пришлось дважды обращаться к сенатору Кеннеди, доказывая, что Белла, выжившая жертва Холокоста, убежавшая по дороге к месту расстрела, где были убиты её родители, с 10 до 12 лет жившая в подвалах разрушенных домов оккупированного города, – должна безусловно получить право на въезд в Америку в качестве беженки. Из канцелярии сенатора пришёл совет обратиться в украинский суд. В конце концов удалось добиться положительного решения. Белла и её дочь Ира приехали в Америку.

Менее продолжительной, но не менее драматичной была эпопея с вызовом Риты, второй дочери Беллы с мужем Геннадием и детьми Костей и Галей. Подавая просьбу о предоставлении ей статуса беженки, Рита назвала себя украинкой. Рите упорно отказывали, так как из украинцев американский закон разрешает принимать как беженцев только тех, кто относится к преследуемым религиозным (христианским) группам. Дело висело на волоске, и Белла уже хотела уехать обратно. Но была предпринята ещё одна

попытка. Дозвонились по телефону в Вашингтон и уговорили рискнуть – дать Рите возможность пройти в Москве интервью, а там, в консульстве, решат. Подготовленное для Риты объяснение оказалось достаточно убедительным.

В отношении Софы, её детей Любы и Марика, внуков Виталика и Мити с семьёй не было проблем ни с родством, ни с национальностью, но теперь, после распада Советского Союза, трудно было, как и в отношении Беллы и Риты, доказать преследования. Государственного антисемитизма ни в России, ни на Украине сейчас нет (а принимается во внимание только государственный – народного, бытового антисемитизма везде достаточно).

Я настойчиво советовал собирать и присылать мне факты. Эти факты я увязывал с исторической памятью евреев России и Украины, показывал связь настоящего с традициями прошлого, подчёркивал попустительство властей по отношению к антисемитам, антисемитским публикациям.

После приезда наших иммигрантов – беженцев надо было заняться их устройством – заполнять бумаги, ходить по различным учреждениям (они не знали английского). Самое важное и трудное дело было обеспечить их жильём. Мне удалось всем добыть 8-ую программу, субсидирующую квартплату. Иногда для этого приходилось выезжать в другие города, где открывалась запись на эту программу – потом её можно было переводить в нужный город. Затем надо было найти хорошие квартиры, соответствующие требованиям 8-ой программы. Слава Богу, все были устроены. Молодые работают, семья Риты уже даже купила дом. Старые и инвалиды обеспечены, спасибо Америке, всем необходимым. Я подсчитал, что, после помощи государства в начальный период, сейчас на одного из нас, получающих помощь по старости или инвалидности, приходится четыре настоящих или будущих работников – налогоплательщиков.

Расскажу о Софе и её потомках. Сестра моя в течение многих лет вела исключительно активную жизнь. Закончив программу по изучению английского языка в Фишерколледже, продолжала ежедневно, без выходных, заниматься английским, пока у неё не ухудшилось зрение. Прочла 68 (шестьдесят восемь!) романов полюбившихся ей авторов. По каждой книге Софа еще писала (печатала) краткое изложение. Посещала занятия кружка по изучению английского, будучи там самой прилежной ученицей (кажется, единственной, выполнявшей задания по чтению во время летних каникул).

Овладела компьютером. В компьютерной комнате нашего дома Софа стала главным специалистом по изготовлению персональных, с фотографиями, поздравительных открыток. Прodelала очень большую работу со снимками для этих мемуаров. Одновременно работала волонтером в столовой – разносила обеды больным соседям. Теперь слушает аудиокассеты. К сожалению, Софа сейчас больна. Лечится в реабилитационном центре. Дети очень хорошо заботятся о ней, посещают её почти каждый день.

И дети, и внуки у неё трудолюбивые. Люба, несмотря на инвалидность, очень много и хорошо работает – она буквально нарасхват. Люба и Коля, к сожалению, разошлись. Он уехал на Украину. Марик хорошо разбирается в сложной технике, умеет найти причину тех или иных неполадок и устранить их. Внук Виталий получил в Америке два диплома – о полном среднем образовании и об окончании профессиональной школы строителей – это очень непросто для глухого, не знавшего раньше английского языка (Митя получил среднее образование ещё в Союзе). Все устроены, работают. Дети Мити

и Виты, Софины правнуки Денис и Карина свободно владеют и английским, и русским, и языком жестов, хотя, слава Богу, нормально слышат. Будем надеяться, что их потомство будет таким же. Дети Виталика, Софины правнуки – Славик и Анна-Мария. Жену Виталика зовут Дениза Хилтон.

Вот снимки: (1)⁵¹, (2)⁵², (3)⁵³, (4)⁵⁴, (5)⁵⁵, (6)⁵⁶, (7)⁵⁷, (8)⁵⁸, (9)⁵⁹.

40 Смерть Ани. Первая могила в Америке – мы укоренились.

Благополучное течение нашей американской жизни было прервано страшной трагедией. Перед этим у Ани после операции по поводу катаракты резко сузилось поле бокового зрения. 20 ноября 2000 года, 23 Хешвана 5761, при переходе улицы возле нашего дома Аня была сбита проезжавшей машиной. В нашу дверь постучали, вошёл полицейский, стал что-то говорить. Я ничего не понял, полицейский позвонил Лёне. Лёня сказал мне, что маму ударила машина, она в госпитале. Я понял так, что Аня сама поехала в госпиталь. Вскоре Лёня позвонил снова и сказал, что мама умерла.

Мы все знаем, что люди смертны, что все мы умрём. Но это знание обычно находится где-то на задворках сознания – иначе трудно было бы жить. И всякая смерть оказывается неожиданной, даже в случае тяжёлой, неизлечимой болезни, так как всегда есть надежда если не на выздоровление, то хотя бы на некоторое продление жизни. Как же может уложиться в сознании, что Аня только что купила в магазине хлеб – и её уже нет?

В госпитале пытались что-то сделать, но это было бесполезно. Некоторые говорят, (а другие думают), что такая мгновенная смерть для старого человека лучше, чем весьма вероятная тяжёлая смерть от болезни. Но в таком случае надо всех серьёзно заболевших стариков подвергать эвтаназии, безболезненно “усыплять” (так деликатно говорят даже о животных). Это неверно (за исключением редких случаев). Конкретно – у Ани было, конечно, много болезней. Но она с помощью врачей держала их под контролем, жила полноценной жизнью, помогала детям и внукам, порадовалась родившейся правнучке, названной именем Аниной мамы. И это могло продолжаться ещё много лет. У неё было бы ещё много хороших дней. Борух Адышем ей-ейм – благодарю тебя, Боже, за каждый день, часто повторяла моя мама.

Но это случилось, и все рассуждения уже ни к чему. Тома провела возле мамы ночь, согласно религиозному правилу (я заранее освобождаю детей от этого в отношении

⁵¹ Софина семья. Слева направо - Виталий, Митина жена Вита с их дочкой Кариной, их сын Денис, Люба, её муж Коля, (недавно, к сожалению, развелись), Митя, Марик, Софа.

⁵² В гостях у Лёни.

⁵³ Софа с детьми Виталика.

⁵⁴ Софа.

⁵⁵ См. 39-4.

⁵⁶ Софа со своими детьми Любой и Мариком.

⁵⁷ Митя.

⁵⁸ Вита.

⁵⁹ Виталик.

меня). Лёня в течение 11 месяцев читал в синагоге Кадиш. У него была длительная депрессия. Я впервые в жизни обратился к психотерапевту, и он помог мне. А ещё для меня, в моём возрасте, очень актуальны слова Гёте – Лермонтова: “Подожди немного, отдохнёшь и ты.”

Все мы вспоминали (и продолжаем вспоминать, каждый про себя), в чём были виноваты перед Аней. На траурной церемонии раввин Лазарос говорил об Аниной жизни, работе, о том, в частности, что она участвовала в проектировании таких известных строек, как крупнейший металлургический завод в Бхилаи (Индия), Дворец культуры и спорта в Варшаве и других. А я (потом, дома) говорил о том, что главная Анина должность на земле была должность матери. И она была очень хорошей мамой и бабушкой. Никакая занятость, недуги не могли помешать ей выполнять то, что она считала своим долгом перед детьми и внуками – не только когда дети были малы, а Аня молодой, но и в старости. Буквально накануне дня своей гибели Аня закончила собирать листья на Томином дворе. В этот же день Аня занималась починкой детской одежды и помогала Маше проверять математические работы её учеников.

Тома вспоминает, как мама говорила ей о планировании своего дня: пока я могу стоять, я планирую сделать то-то и то-то; если не могу стоять, я буду делать то-то и то-то, а если я могу только лежать, я буду делать то-то и то-то. Несмотря на возраст и болезни (бронхиальную астму и другие), Аня в Америке научилась водить машину, получила диплом в колледже, регулярно посещала плавательный бассейн, охотно помогала людям, в частности, активно участвовала в устройстве приехавших в Америку родственников.

Неделю шивы мы провели у Лёни. Должен признаться, что я подчас выполняю какие-то мицвы ради Тома (Лёня меньше пытается руководить мною), ради сохранения еврейского народа. Но тут я осознал, что еврейский народ поддерживает религиозную традицию и ради меня! Знакомые и незнакомые люди из трёх синагог – моей из Бостона, Лёниной из Ньютона и Томиной из Фрамингема во главе с раввинами посещали и поддерживали нас. В этот тяжёлый час я почувствовал то, что раньше понимал теоретически – как важно быть со своим народом, в горе и радости.

Потом пришло время поставить памятник. Заказали двойной, оставив место для второй надписи. Оплатили и место для второй могилы. Так что мне довелось при жизни побывать на своей могиле. Вот адрес: Boston West Roxbury, Baker Street Jewish Cemeteries, Chevra Shaas cemetery, Numbers: left ## 37, 38.

“Человек не связан с землёй, пока в ней не лежит его покойник.” (Габриэл Гарсия Маркес, “Сто лет одиночества”).

Вот снимки: (1)⁶⁰, (2)⁶¹, (3)⁶², (4)⁶³, (5)⁶⁴, (6)⁶⁵, (7)⁶⁶, (8)⁶⁷, (9)⁶⁸, (10)⁶⁹, (11)⁷⁰, (12)⁷¹, (13)⁷², (14)⁷³, (15)⁷⁴, (16)⁷⁵.

41 Ньютон. Клуб любителей поэзии и эти мемуары.

Мы с Аней прожили 10 лет в многоквартирном доме в Бостоне, не зная никого из соседей и не чувствуя необходимости общаться с ними. Но мы решили, что когда один из нас приобщится к своему народу, как это называется в Торе, оставшейся или оставшемуся будет трудно жить в одиночестве. И мы подали заявления в несколько многоквартирных еврейских домов для пожилых (с льготной рентой).

В феврале 2001 года я получил квартиру в Golda Meir House. Это не дом для престарелых (Nursing Home). Каждый житель или супружеская пара ведёт независимый образ жизни. Вместе с тем жильцы чувствуют себя коллективом и, в соответствии со своими интересами, принимают участие в каких-то общих программах и мероприятиях. На досках объявлений подчас не хватает места для объявлений о них. Мне это напомнило студенческие годы, жизнь в общежитии. Только живём не в общей комнате с другими, а в отдельных квартирах со всеми удобствами.

Хотя дом находится в большом городе, но он расположен между тремя обширными зелёными полями гольф-клубов, что хорошо влияет на микроклимат. При доме разбиты два садовых участка с цветниками, с терренкуром между ними и вокруг дома. Близко к дому – трамвайная остановка, что для меня и других очень важно. При Ане у нас была машина (когда мы приехали в Америку, Лёня нам подарил, потом мы купили). Но я из-за плохого зрения машину водить не могу (могу водить только самолёт – см. главу 19).

В доме – кошерная столовая, небольшой магазин, парикмахерская, стиральные машины. Если нужен ремонт, его делают, как правило, в тот же день (бесплатно). Электричество бесплатно. Есть гимнастический зал с тренажёрами, несколько классов оздоровительной гимнастики, библиотека (с русским отделом), компьютерная комната с быстрым интернетом.

⁶⁰Место возле нашего дома в Бостоне, где погибла Аня.

⁶¹Схема расположения нашего кладбища.

⁶²Памятник.

⁶³Открытие памятника.

⁶⁴См. 40-4.

⁶⁵См. 40-4.

⁶⁶См. 40-4.

⁶⁷См. 40-4.

⁶⁸Такой мы помним нашу дорогую маму, жену, бабушку.

⁶⁹См. 40-9.

⁷⁰См. 40-9.

⁷¹См. 40-9.

⁷²См. 40-9.

⁷³См. 40-9.

⁷⁴См. 40-9.

⁷⁵См. 40-9.

Впервые после далёкого детства я попал в этом доме, носящем имя Голды Меир, в еврейское окружение. Отмечаются еврейские праздники. Среди жильцов примерно три четверти американских евреев, остальные, в основном, – русские евреи (есть также китайцы и другие, так полагается по законам о недопущении расовой дискриминации). Среди американцев – много богатых, которые после наступления старости продали дома и поселились в ДГМ. Они платят ренту в полном размере. Вот снимки: (1)⁷⁶, (2)⁷⁷, (3)⁷⁸, (4)⁷⁹, (5)⁸⁰.

В Америке вообще и в нашем доме в частности широко развито волонтерство – причём вполне добровольное, в отличие от советских так называемых общественных поручений. О Софином волонтерстве я уже рассказал в другой главе. Вскоре после переезда в ДГМ я организовал Клуб любителей русской поэзии. Вопреки предупреждениям скептиков, говоривших, что из этого ничего не получится, так как интерес к поэзии, достигший своего пика в шестидесятые годы, давно пошёл на убыль (это правда), наш клуб действовал больше девяти лет.

На наших встречах я рассказывал о русских поэтах, от Державина и до современных, как хорошо известных по школьным программам, так и менее известных широкому кругу читателей. Многие ли, например, перечитывали пушкинского “Евгения Онегина,” будучи взрослыми, когда этот шедевр может быть понят и оценён намного лучше, чем в 8 или 9 классе? А мы прочли его полностью, главу за главой, с соответствующим обсуждением и прослушиванием оперы Чайковского. Целый год посвятили серебряному веку русской поэзии. Поскольку многие из русских классиков занимались также переводами, в нашу программу были включены выдающиеся произведения мировой поэзии – от античности до современности.

Примерно половину времени посвящали чтению стихов. Звучащее поэтическое слово – совсем не то, что текст, просматриваемый глазами. Читающий стихи вслух выражает своё понимание, свои чувства и становится как бы соавтором поэта, так же, как и слушатель. Мы знаем, как по-разному звучит в разных театрах одна и та же пьеса. Сама мысль о клубе у меня возникла в связи с тем, что, поскольку мне удалось договориться об очень дешёвой отправке в Америку морским путём багажа, я привёз с собой “Страницы русской поэзии XVIII – XX веков,” комплект записей стихов в исполнении мастеров художественного чтения.

Конечно, я и сам с удовольствием читаю стихи – работая в школе и в институте, я, в отличие от многих преподавателей, которые только говорили о литературе, читал на занятиях стихи, и меня слушали. Другие активные участники нашей работы – Лазарь Каганов (Зорик) и Фира Кокошвили.

Мы дважды разыграли (в сокращении) мою любимую комедию Грибоедова “Горе от ума.” Первый раз всем коллективом, потом, через несколько лет, я один (включая женские роли). На наших встречах мы также играли в буриме (по-французски – рифмованные концы). Даются готовые рифмы, к которым нужно сочинить стихи.

⁷⁶ У нашего дома в Ньютоне.

⁷⁷ См. 41-1.

⁷⁸ См. 41-1.

⁷⁹ См. 41-1.

⁸⁰ Лехаим! За ваше здоровье, дорогие!

В журнале, который издаётся в нашем доме, опубликованы благодарственные отзывы, в прозе и стихах, о работе клуба. Вот снимки: (6)⁸¹, (7)⁸².

После переезда в ДГМ я также начал писать мемуары. Поставил перед собой задачу рассказать историю нашей семьи, историю моей жизни и, в связи с этим, рассказать, не упрощая, о драматической (и, будем надеяться, неповторимой) эпохе, в которую нам довелось жить. Весь мир знает о том, что такое КГБ, Гулаг, знает о миллионах загубленных людей. Все действительные и мнимые достижения страны при советской власти – ничто на этом фоне. Но те люди, кого сталинский террор непосредственно не коснулся (они, видимо, всё-таки составляли большинство), жили своей жизнью с её трудностями и радостями. Масштаб террора до смерти Сталина не был известен.

В учебниках истории очень большое место обычно уделяется деятельности правителей. Считается, что политика королей, президентов, диктаторов – главное, что определяет жизнь людей. Хотя, безусловно, тоталитарный советский режим не только погубил миллионы людей, но и другим принёс неисчислимые бедствия, однако жизнь сильнее и богаче, чем власть с её возможностями. Люди, преодолевая большие трудности, учились, работали, влюблялись, женились, растили детей, читали, ходили в кино и театры, интересовались отношениями со своими близкими и даже успехами своей футбольной команды больше, чем очередным съездом партии.

Не знаю, смог ли бы я так, стараясь быть объективным, вести это повествование, если бы я или кто-нибудь из моих близких был жертвой террора. Но, слава Богу, ни с кем из моей семьи этого не случилось, хотя мы немало натерпелись от советской власти.

Работа над мемуарами заняла 12 лет. Я вообще пишу медленно, всё время вношу изменения. Но вот работа подошла к концу. По ходу написания мемуары читали, давали ценные советы дети и Софа. Когда я перечитываю написанное, я не просто вспоминаю, а эмоционально переживаю эпизоды, о которых читаю. Происходит то, о чём летописец Пимен из трагедии Пушкина “Борис Годунов” сказал:

На старости я сызнава живу.
Минувшее проходит предо мною ...

42 Снова туризм: США, Канада, Париж, Израиль.

Вскоре после приезда в Америку мы стали совершать туристические поездки. Посетили в составе групп с русским гидом Нью-Йорк и Вашингтон. С детьми и внуками (в основном, с Томиной семьёй) побывали на Ниагаре и других объектах Канады и Америки (о летнем лагере в штате Мейн я уже писал). Потом, наверное, в связи с возрастом, поездки прекратились (когда папа жил у нас в Махачкале и я уговаривал его пойти с нами на море, папа отказывался: что, я моря не видел?).

Но сравнительно недавно, уже после смерти Ани, Лёня уговорил меня посетить Париж, где он с семьёй жил и работал в течение года, а потом – совершить хадж в

⁸¹В клубе любителей поэзии.

⁸²См. 41-6.

Израиль (так мусульмане называют паломничество к святым местам). Лёня хотел и оплатить эти поездки, но мы не привыкли принимать финансовую помощь у детей. Достаточно того, что пособия и разные льготы, которые предоставляет нам правительство Соединённых Штатов, оплачиваются нашими детьми – налогоплательщиками.

В своей квартире в ДГМ я устроил “Музей географии и биографии.” На всех стенах в спальне разместил снимки наших путешествий по Советскому Союзу и другим странам (Марик сказал, что ещё не использован потолок). Если включить, кроме Австрии, Италии, США, Канады, Франции, Израиля бывшие республики СССР, ставшие независимыми государствами, то я побывал в 14 странах, Аня посетила больше стран – она была в Югославии, Латвии, Эстонии, Армении, где я не был.

Как и в других порядочных музеях, кроме фотоснимков, были размещены реальные экспонаты: песок с Днепра, сталактит из пещеры на Урале (не отломал, а подобрал обломок), кедровая шишка из сибирской тайги, сувениры с Кавказа (рог для вина, чеканка, мой портрет, отпечатанный на камне), раковина из Средиземного моря, галька из Красного моря (Эйлат), ментоловые лепёшки из старейшей в Европе аптеки во Львове, монеты разных стран, значки 31 города. Пригласил в музей соседей по дому и рассказал о наших путешествиях.

Вот снимки: (1)⁸³, (2)⁸⁴, (3)⁸⁵, (4)⁸⁶, (5)⁸⁷, (6)⁸⁸, (8)⁸⁹, (9)⁹⁰, (10)⁹¹, (11)⁹², (12)⁹³, (13)⁹⁴, (14)⁹⁵, (15)⁹⁶, (16)⁹⁷, (17)⁹⁸.

(18)⁹⁹, – в замечательном зоопарке. Тома из машины говорит, почти по Заходеру, обезьяне, которая, как и остальные звери, находится здесь на воле, в то время, как туристы заперты в своих машинах: “Наши предки, ваши предки На одной качались ветке, А теперь нас держат в клетке.” (19)¹⁰⁰, (20)¹⁰¹, (21)¹⁰², (22)¹⁰³, (23)¹⁰⁴, (24)¹⁰⁵.

⁸³Мисс Liberty приветствует миссис Левин.

⁸⁴Капитан, обветренный, как скалы.

⁸⁵Аня у Белого дома.

⁸⁶Таким жестом Ленин указывал народу путь в светлое будущее.

⁸⁷У Капитолия.

⁸⁸См. 42-5.

⁸⁹Аня, инженер-мостостроитель, на фоне Бруклинского моста.

⁹⁰Трагическая фотография. Аня на фоне небоскрёбов-Близнецов в Нью-Йорке. 20 ноября 2000 года погибла Аня. 11 сентября 2001 года - день гибели 3000 человек в этих небоскрёбах.

⁹¹Аня и Томина семья в Disney World во Флориде.

⁹²Water Country недалеко от Бостона.

⁹³Женщина, спускающаяся с поднятой рукой - Аня.

⁹⁴На Ниагарском водопаде.

⁹⁵См. 42-13.

⁹⁶См. 42-13.

⁹⁷См. 42-13.

⁹⁸Канада, “тысяча озёр”.

⁹⁹В замечательном зоопарке.

¹⁰⁰В музее архитектуры.

¹⁰¹См. 42-19.

¹⁰²Анечка и Саша, последние из могикан.

¹⁰³См. 42-21.

¹⁰⁴На этом антикварном поезде мы поднялись с Лёней и Ларисой.

¹⁰⁵Золотая осень в Новой Англии.

О поездке в Париж и в Израиль я расскажу больше (Америку вы сами хорошо знаете). (25)¹⁰⁶, (26)¹⁰⁷ (27)¹⁰⁸, (29)¹⁰⁹ (30)¹¹⁰, (31)¹¹¹.

Возле дворца Трианон стоит статуя, которая, когда бросаешь монету, кланяется в пояс. Мы думали, что это автомат. Но внуки разобрались, что там внутри – человек (вечером статуя не кланялась – рабочий день окончился).

На меня особенно сильное впечатление произвела Венера. Репродукции не дают представления о том, почему эта статуя так знаменита. На них мы видим фигуру, но не видим по-настоящему лица. А от него нельзя отвести глаз. Это не лицо демонстрирующей себя красотки. Это лицо богини (да простит меня Тома) – прекрасной, мудрой, уверенной в себе.

Одно замечание – не о Лувре, а о музеях вообще. Чтобы осмотреть километровые экспозиции, нужны месяцы (Ребекка так и делала – в течение года проводила в Лувре и в других музеях целые дни, делала зарисовки). Но большинство посетителей имеют всего один или два дня. Пройдут более или менее быстро по некоторым залам и уходят, не имея никакого представления о других. Может быть, стоит, отступая от хронологии, выставить в нескольких залах главные шедевры. А у кого есть возможность, осмотрят всю экспозицию.

Следующие снимки относятся к современному искусству. (32)¹¹². (33)¹¹³: в начале 20-го века Казимир Малевич своим “Чёрным квадратом” основал новое направление в искусстве – супрематизм; в начале 21-го века я основал сразу два (использовал фотоплёнку, частично засвеченную – не где-нибудь, а в Notre-Dame de Paris, Соборе Парижской Богородицы). (34)¹¹⁴.

Мы посетили квартал Марэ, где живут ортодоксальные евреи. Хотя, как известно, во Франции существует антисемитизм (а где его нет?), но мы увидели много хасидов, спокойно идущих в своём традиционном одеянии. (35)¹¹⁵: говорят, правда, что этот фаллафель доставляют из Нью-Йорка. (36)¹¹⁶.

(37)¹¹⁷: этот город расположен, сравнительно с другими мировыми столицами, весьма компактно. Монмартр в недавнем прошлом – центр искусств. Менее знаменитые художники здесь работают и сейчас.

Монмартр также был и остаётся центром преступности. Я в этом убедился лично. Ещё в первый день моего пребывания в Париже экскурсовод посоветовал нам носить свои пояса с бумажниками так, чтоб бумажник был на животе. Я не придавал этому значения. И вот в последний день, на Монмартре, находясь в плотной толпе, заходящей в

¹⁰⁶Наш Андрей в Версальском парке.

¹⁰⁷Лариса, Ребекка, Андрей и я возле Большого Версальского дворца.

¹⁰⁸Полежал рядом с кроватью, в которой спал король Франции.

¹⁰⁹Наоми в Париже.

¹¹⁰Мы с Ребеккой и Андреем перед пирамидой - входом в Лувр.

¹¹¹Венера Милосская. Рядом с ней - Ребекка.

¹¹²Скульптура, которую мне трудно расшифровать.

¹¹³Чёрный прямоугольник и цветной квадрат.

¹¹⁴В парке.

¹¹⁵В этом кафе мы ели израильский фаллафель.

¹¹⁶В этот ресторан нас повела Ребекка. Там готовят вкусный шоколад.

¹¹⁷Монмартр, с которого открывается прекрасная панорама Парижа.

фуникулёр, я почувствовал лёгкое давление сбоку, где на поясе находился бумажник. Мне удалось схватить карманщика, пытавшегося расстегнуть пояс, за руку. Находившаяся рядом Наоми потом удивлялась, как крепко я его держал. Она посоветовала мне отпустить его. Я так и сделал. Этот высокий, красивый, хорошо одетый мужчина (возможно, араб) спокойно, с достоинством прошёл в фуникулёр – в поисках очередной жертвы.

Стоявшая тут же Лариса сказала, что преступников было трое. Один, видимо, должен был только расстегнуть пояс, ничего не взяв – никаких улик! Его напарник, стоявший рядом со мной с другой стороны, должен был передать расстёгнутый пояс третьему, который сразу отошёл бы в толпу. В бумажнике были деньги, паспорт и билет. Накануне отлёта! А если бы я не отпустил его? В лучшем случае это бы означало связаться с полицией, испортить себе последний день в Париже. Но у них, наверное, были ножи. Так что “Увидеть Париж и умереть” могло, не дай Бог, для меня из названия кинофильма стать реальностью, и не было бы тогда этих мемуаров.

А в последние минуты пребывания в Париже мне суждено было ещё одно испытание. Мы с Лёней приехали в аэропорт, сдали багаж, я прошёл регистрацию, попрощался с Лёней, прошёл контроль. Когда объявили посадку, я не мог найти билет и паспорт. Идёт посадка. Я в самолёт и в Америку попасть не могу. Вернуться обратно на французскую территорию без документов тоже не могу. Лёня уехал, его адрес и телефон – в багаже. Чувствуете моё состояние? Пожалейте меня! Подошёл к одному из контролёров – их было много, и я не помнил, через какой контроль проходил. Сказал о потере (все там понимают по-английски. У меня французское произношение лучше, но английский словарный запас уже больше). Оказалось, что именно здесь я проходил контроль. И контролёр спокойно, как-то безразлично сказал – возьмите ваши документы в таком-то окне. Нет чтобы объявить по радио!

Получилось так. Проходя контроль, я направил сумку в детектор, а паспорт и билет держал в руках. Контролёр велел мне снять и направить в детектор пояс с бумажником. Это делается двумя руками – одна расстёгивает, другая подхватывает пояс (помните моих знакомых карманщиков?). Я положил на столик документы, снял пояс, направил его в детектор и, пройдя контроль, взял свои вещи. Паспорт и билет остались по ту сторону, на виду у контролёра, который не подумал окликнуть меня. Борух ѓаШем! Сколько в моей жизни было таких трудных и опасных ситуаций с благополучным концом!

Эти драматические события никак не повлияли на мои впечатления от посещения великого города и на чувство благодарности Лёне, Ларисе, Ребекке, Наоми, Андрею, уделившим мне много внимания в течение этих памятных дней.

Наша с Софой поездка в Израиль была не совсем обычным путешествием. Из-за терроризма в Израиле резко сократился поток иностранных туристов, что нанесло удар по экономике, и без того испытывавшей в это время большие трудности (в 2002 году был зафиксирован самый низкий уровень туризма в Израиле). И в 2003 г. в средствах массовой информации появилось воззвание ряда еврейских организаций: “Дорогие друзья! Сегодня Израиль, как никогда прежде, нуждается в нашей поддержке, и мы призываем вас, русскоязычных евреев Америки и Канады, принять участие в крупномасштабной Миссии Солидарности с народом Израиля”

Я решил поехать. В Израиле побывать надо. Аня ездила туда в 1994 году по приглашению Лёни, который там жил с семьёй и работал в течение года (39)¹¹⁸, (41)¹¹⁹. Тома ездила в Израиль в ноябре 2001-го года. А тут ещё и участие в хорошем деле. Лариса помогла с оформлением. Трудно было уговорить Софу. Ведь в это время был разгар интифады, о которой ежедневно сообщали средства массовой информации. Аргументы, вроде того, что в Америке на дорогах гибнет во много раз больше людей, чем в Израиле от террористов, что Аня благополучно съездила в Израиль, а погибла здесь, возле своего дома, действовали слабо.

Но в конце концов Софа решилась – и не пожалела. Увидев в Израиле, как народ заполняет улицы, пляжи, рестораны, словно ничего не слышали о террористах, все сразу как-то забыли о своих опасениях. И нам повезло – террористы куда-то попрятались, во время нашего пребывания терактов не было.

“Успех первой миссии окрылил многих, люди перестали бояться ездить в Израиль,” – писала газета “Еврейский мир.” Уже состоялись 11 подобных миссий солидарности, в которых участвовали тысячи людей. Вот снимки: (42)¹²⁰ – сертификат благодарности от министра туризма и председателя Еврейского агентства. Нас приняли в кнессете министр туризма, вице-спикер кнессета и руководитель русской партии Юрий Штерн. (43)¹²¹. (44)¹²², (45)¹²³ – марш солидарности и его охрана. Тысячи людей со всего мира прошли через весь Иерусалим (из нас пошли в основном те, кто помоложе – марш продолжался 4 часа, Иерусалим – гористый город, да и холодно было в ноябре. Но я пока ещё ходить люблю).

Политика политикой, но мы ведь поехали посмотреть наш дорогой Израиль. И нам это удалось. Общее впечатление – захватывающее. Хотя вроде всё знаем. У меня есть большой путеводитель по Израилю и другие книги, включая 10-томную Еврейскую энциклопедию, но это чудо нужно лично увидеть. “Израиль – это на сегодняшний день единственная утопия, которая выстояла на ветрах истории” (Александр Бовин, бывший посол России в Израиле). Почти на пустом месте создали такую страну и (не на пустом месте) такой народ – самих себя! В Израиле теперь всё есть – как в любой высокоразвитой стране мира.

Что касается природы, то особенность Израиля в том, что в этой очень маленькой стране разнообразнейшие ландшафты быстро сменяют друг друга. Вот наш автобус в горах – не успели оглянуться, и мы уже в долине. Пустыня – и вот сразу парк. Мы побывали, кроме Тель-Авива и Иерусалима, в Хайфе, Кейсарии, Акко и Бахайских садах, на Мёртвом море, в Массаде, в Галилее, Тверии, Цфате, на Голанах, в Кацрине, в винодельческом предприятии Кармел Мизрах, в Эйлате.

Конечно, мы уставали. Подъём – в 6 или 6:30. Без дневного отдыха, к которому я привык после выхода на пенсию. Возвращались поздно вечером. К тому же 7 часов разницы во времени. И две ночи в самолёте. Но не хочешь уставать – сиди дома! Мы жили

¹¹⁸ Аня в Израиле.

¹¹⁹ См. 42-39.

¹²⁰ Нам присвоено имя Посол доброй воли для Израиля.

¹²¹ Нас приветствует гостиница в Тель-Авиве.

¹²² Мы участвовали в вечернем марше солидарности с Израилем.

¹²³ См. 42-44.

в очень хороших гостиницах. Кормили нас великолепно, даже слишком, если иметь в виду проблему веса. Кто жил в Израиле у родственников или снимал квартиру, не представляет себе, как там в гостиницах кормят. Утром завтрак с самообслуживанием (шведский стол) с огромным количеством отлично приготовленных блюд на все вкусы. Никаких ограничений. Не нужно думать, как в обычном ресторане, о том, каков будет счёт. Такой же ужин. Днём давалось время на обед, но после такого завтрака, кроме фруктов, уже до вечера ничего не ели.

Нам повезло с экскурсоводом. Ленинградка, умница, с хорошим образованием, Лена не выдавала нам кем-то написанный готовый текст. Всё, что она говорила, отражало её личный интерес, эрудицию.

На снимке (46)¹²⁴. Когда мы поднялись на это место, нам дали вино и листочки с молитвой Борух АтоЛизман Хазэ- благодарение Богу за то, что мы дожили до этого дня, о котором тысячи лет мечтали гонимые евреи, снова и снова повторяя: в следующем году – в Иерусалиме! Хотя при этом имелось в виду не посещение города, а возвращение из изгнания, но я и сейчас с волнением вспоминаю этот момент, эту молитву. Пусть не мы, но народ вернулся и сделал это наше посещение возможным.

(47)¹²⁵. Теперь мы стали настоящими сионистами. В мемориале Яд Вашем мы посетили исторический зал и зал погибших детей. Там светятся многократно отражённые тысячи огоньков – как души загубленных детей. (48)¹²⁶: мы с Софой нашли имя нашего Днепропетровска – 11 тысяч расстрелянных евреев. Я заполнил анкету на убитую там нашу тётю Маню (Белла заполнила такие анкеты раньше). Наша делегация возложила у мемориала венки.

Говорят, человек должен вырастить детей, построить дом и посадить дерево. Детей мы вырастили, дом не построили, но деревьев посадили много. (49)¹²⁷, (50)¹²⁸: в честь погибшего израильского космонавта Илана Рамона. Здесь посадка деревьев – важная традиция. Когда-то в Эрец-Исраэль были леса, потом их вырубали. Премьер-министр как-то сказал: или пустыня победит нас, или мы её. Страна покрылась садами, парками – всё на искусственном орошении. Кстати, в Израиле уже давно, надеюсь, растут наши деревья – Лёня посадил их в честь мамы и меня, у меня хранятся документы. Миссии солидарности, последовавшие за нашей первой (как пишут в объявлениях, “исторической”) продолжают сажать деревья в заложенном нами лесу.

(51)¹²⁹: Отцы-основатели Израиля были социалистами. Многие из основанных тогда сельскохозяйственных коммун сохранились в капиталистическом Израиле до сих пор, хотя порядки в кибуцах стали более либеральными. (52)¹³⁰: Этот город – центр промышленности, особенно высоких технологий, и науки. В Израиле есть такая поговорка: в Иерусалиме молятся, в Тель-Авиве развлекаются, в Хайфе работают. По пути в Хайфу посетили места, названия которых стали нарицательными именами. Слово фаворит

¹²⁴Панорама Иерусалима с Масличной горы.

¹²⁵У главной еврейской святыни, Стены Плача.

¹²⁶В мемориале уничтоженных еврейских общин - Днепропетровск.

¹²⁷В нашу программу входила закладка леса и посадка деревьев.

¹²⁸См. 42-49.

¹²⁹В кибуце.

¹³⁰Порт в Хайфе.

произошло от названия местности Фавор, где, согласно Евангелию, произошло преображение Иисуса. Армагеддон – конец света, сражение между силами добра и зла – это маленькое каменистое ущелье.

Наша Лена по ходу экскурсий очень много рассказывала из Торы, Пророков – ведь это происходило здесь! (53)¹³¹: Туда стоит ездить только для лечения и чтоб купить производимую здесь косметику или, как мы, чтоб потом не жалеть, что не побывали на знаменитом Мёртвом море. Плавать невозможно – вода выталкивает. Не советуют опускать лицо в воду.

Зато в Эйлате, где мы отдыхали три дня, накупались вволю (в Тель-Авиве в ноябре купаются только наши эмигранты). Побывали в замечательном морском музее, точнее, музейном комплексе. Кроме аквариума, подобного тому, что есть в Бостоне, в Эйлате есть ещё два музея. Мы спускаемся по трубе под воду и видим сквозь иллюминаторы открытое подводное царство. Наверное, с помощью подкармливания привлекают всех этих рыб, скатов, черепах. Ещё один музей или аттракцион – это панорамный театр. Показывают путешествие на подводной лодке. Кресла и пол трясутся – держись!

Акабский залив Красного моря поделён. На западе – Эйлат, первоклассный израильский курорт мирового значения. Восточнее, совсем рядом – Акаба, иорданский курорт. Перефразируя Михалкова, здесь говорят: а из нашего окна Иордания видна! Будем надеяться, что мрачные пророчества насчёт грядущего Армагеддона не сбудутся. Залог этого – растущая мощь Израиля и его союз с Америкой и мировым еврейством.

Моё повествование подходит к концу. Вот снимки 2012-2014 годов: смотрите, вспоминайте ... (54)¹³², (55)¹³³, (56)¹³⁴, (57)¹³⁵, (58)¹³⁶, (59)¹³⁷, (60)¹³⁸, (61)¹³⁹, (62)¹⁴⁰, (63)¹⁴¹, (64)¹⁴², (65)¹⁴³, (66)¹⁴⁴, (67)¹⁴⁵, (68)¹⁴⁶, (69)¹⁴⁷, (70)¹⁴⁸, (71)¹⁴⁹, (72)¹⁵⁰,

¹³¹Мёртвое море.

¹³²Вырос сынок Лёничка!

¹³³Выросла дочурка Томочка!

¹³⁴И мы с сестричкой Софочкой подросли!

¹³⁵Лариса, моя дочь в законе. Так на английском называют невестку.

¹³⁶Маша и Хаим.

¹³⁷Бася.

¹³⁸Арон импровизирует.

¹³⁹Бася, Ханнале, Кейла и мы с Томой.

¹⁴⁰Ребека и Алексей с детками.

¹⁴¹Сёмочка и Розочка.

¹⁴²Вундеркинд, его главная учительница - мама, бабушка и сестричка.

¹⁴³Кулинария. Ещё одна учительница, Наоми.

¹⁴⁴Аня и Алэн.

¹⁴⁵Семья.

¹⁴⁶Хейли и Эван.

¹⁴⁷Аня с дедушкой.

¹⁴⁸Наоми. Подъём на Эверест.

¹⁴⁹На каяке.

¹⁵⁰Наоми с Розочкой.

(73)¹⁵¹, (74)¹⁵², (75)¹⁵³, (76)¹⁵⁴, (77)¹⁵⁵, (78)¹⁵⁶, (79)¹⁵⁷, (80)¹⁵⁸, (81)¹⁵⁹, (82)¹⁶⁰,
 (83)¹⁶¹, (84)¹⁶², (85)¹⁶³, (86)¹⁶⁴, (87)¹⁶⁵, (88)¹⁶⁶, (89)¹⁶⁷, (90)¹⁶⁸, (91)¹⁶⁹, (92)¹⁷⁰.

И все, все ... узнавайте! (93)¹⁷¹, (94)¹⁷², (95)¹⁷³, (96)¹⁷⁴, (97)¹⁷⁵, (98)¹⁷⁶, (99)¹⁷⁷,
 (100)¹⁷⁸, (101)¹⁷⁹, (102)¹⁸⁰, (103)¹⁸¹, (104)¹⁸².

¹⁵¹Красавица.

¹⁵²Андрей с Ребекой и детками на Кейп-Коде.

¹⁵³Андрей исследует графен в Гарварде.

¹⁵⁴Летом в горах.

¹⁵⁵Зимой на лыжах.

¹⁵⁶Саша.

¹⁵⁷С Аней.

¹⁵⁸С дедушкой.

¹⁵⁹С Ароном.

¹⁶⁰Вадя в Израиле после службы в армии.

¹⁶¹Прилетел в Америку на мой юбилей.

¹⁶²С Эваном..

¹⁶³С Андреем.

¹⁶⁴С Божьей помощью мы создали человека!

¹⁶⁵Мы счастливы!

¹⁶⁶Мне было так уютно...

¹⁶⁷Получай, Айви Тамара, своё имя и американское гражданство!

¹⁶⁸Тёзки - бабушка и внучка.

¹⁶⁹Умножаемся и наполняем землю.

¹⁷⁰Мир открывается. Интересно...

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

Заключение.

О себе. Когда работаешь над мемуарами, возникает желание подвести некоторый итог, оценить прожитые годы. Я знаю свои недостатки. Из-за них я в течение жизни совершил множество больших и малых ошибок. Я помню о них и очень переживаю. Об этом в мемуарах сказано немало, хотя полностью раскрыть свою душу невозможно, да и не нужно.

Вместе с тем, читая мемуары, можно видеть, что мне удалось кое-что сделать и в профессиональной сфере и в решении проблем нашей семьи. Я всегда серьёзно относился к работе. Надеюсь, что многие из моих учеников и студентов извлекли из наших занятий что-то полезное для своей жизни, а студенты – для своей педагогической работы. Эта надежда основана, в частности, на том, что многие мои ученики и студенты поддерживали со мной связь после выпуска. Как я писал выше, когда я уезжал в Москву, весь мой бывший класс собрался на вокзале. Перед эмиграцией мне пришлось выбросить толстую пачку писем от моих студентов и учеников (рукописи вывозить не разрешалось). Последнее из этих писем, от Андрея Тимошенко, я получил за неделю до отъезда из Махачкалы – через 22 года после его окончания школы.

Некоторые мои педагогические идеи получили распространение. В свой актив могу занести создание в двух пединститутах первых в стране школ юного педагога. Осуществить это было очень нелегко. В течение 16 лет через эти школы прошли тысячи учеников. Многие из них, получившие путёвку в педагогическую профессию, которую они сознательно выбрали ещё в школьные годы, стали, наверное, не худшими из учителей. Этот опыт распространился по всей стране.

Как видно из мемуаров, не только в работе, но и в жизни вообще мне иногда удавалось успешно преодолевать трудности, решать непростые проблемы нашей семьи. Иногда удавалось сделать что-то хорошее другим людям.

О нашей семье. В драматических, часто трагических, условиях жизни у нашей семьи было немало того, что евреи называют МАЗЕЛ. 27 миллионов погибли в нашей стране в ходе войны. Миллионы погибли во время сталинского террора и от голода. Нас это обошло, Борух х̄аШем. В мемуарах описано много случаев удивительных удач. Конечно, далеко не всё в нашей жизни было хорошо (а у кого-нибудь бывает всё хорошо?). И болезни были, и бедность (до 47 лет, до защиты диссертации), и преследования, и в аспирантуру я поступил только через 14 лет после получения рекомендации, а Лёня, талантливый математик, получил профессиональные возможности только в эмиграции. И так далее.

Но в целом оценка моего, нашего МАЗЕЛ могла бы быть, по-моему, положительной – до трагической смерти Ани. Мы не только выжили – в такое время! У нас выросли

очень хорошие дети и внуки. Мы дожили до правнуков. Мы и наши дети получили хорошее образование. Я ни одного дня не был безработным, работал по своей профессии, которую любил. И мы, и все потомки наших родителей смогли попасть в благословенную Америку и успешно обосноваться здесь.

И ещё в моей, нашей жизни было немало событий не таких важных, но о которых тоже приятно вспомнить. Например, туризм, водный, пешеходный, горный – всякий. Когда читаю что-то, где действие происходит в Москве, на Кавказе, в Крыму, на Украине, в Ленинграде, во многих других городах России, в Средней Азии, Карелии, в Италии, Израиле, в Нью-Йорке, Вашингтоне, Вене, Париже, – нередко названия улиц, площадей, других мест, в которых довелось побывать, звучат для меня как имена старых знакомых.

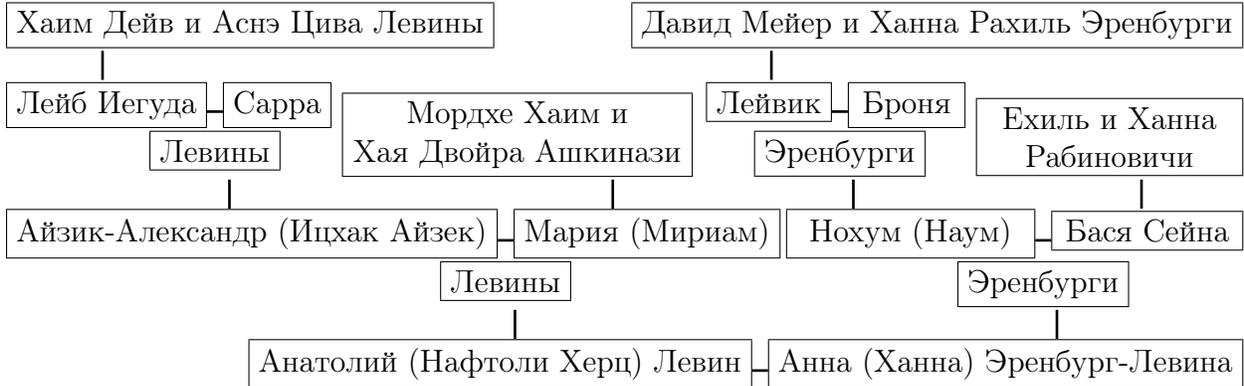
(0)¹⁸³

¹⁸³Наша большая семья на устроенном моими дорогими внуками праздновании моего 90-летия.

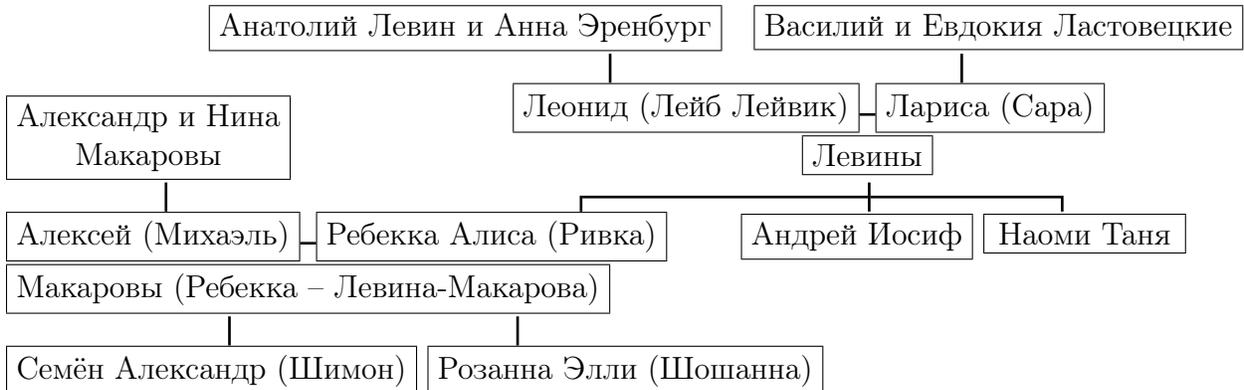
Приложение А

Наше родословное дерево.

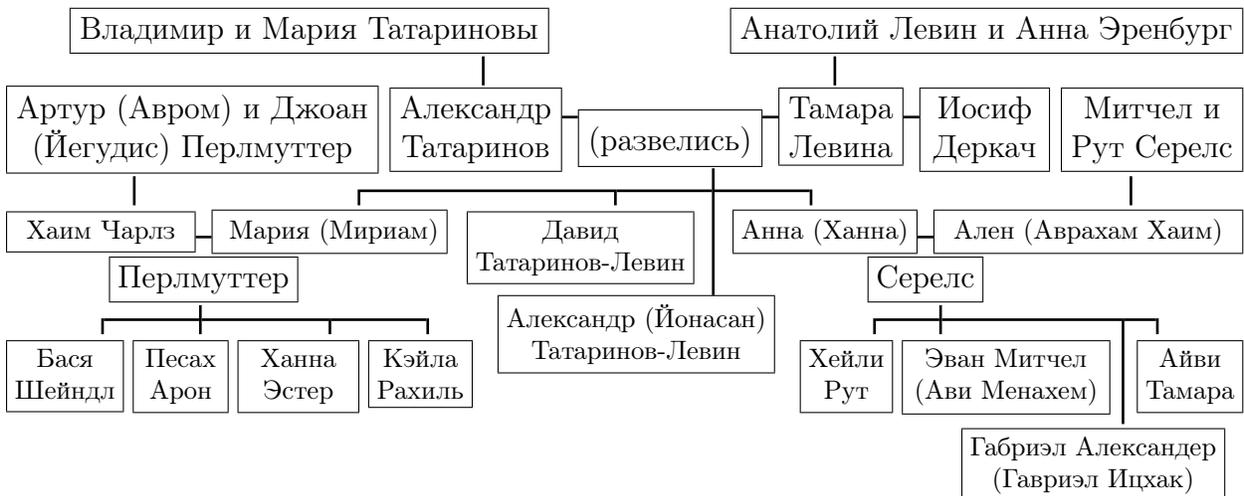
Ваши предки. (О других родственниках см. в Приложении В.)



Семья Леонида Левина



Семья Тамары Левиной



Приложение В

Родственники на трёх континентах.

Как обещано в первой главе, я сейчас прежде всего сообщу наиболее существенные положительные и отрицательные сведения о здоровье предков и родственников. Некоторые из нас, несмотря на неблагоприятные условия, прожили довольно долгую жизнь. Больше 90 лет жили мой папа, мать моей мамы, сестра моей мамы Циля, Анина тётя Соня; Анина кузина Эмма – около 90. Двоюродная сестра моего папы Аннета прожила 101 год, хотя болела всю жизнь. Больше 80 лет прожили сёстры моей мамы близнецы Лена и Инна и Анина тётя Клара. Мне сейчас, слава Богу, 93 года, моей сестре Софе – 91. Аня случайно погибла на 79 году жизни.

Назову серьёзные болезни, которыми болели больше, чем один человек из моей и Аниной семьи. Это рак желудка, лейкемия, туберкулёз лёгких, бронхиальная астма, в старости – разной степени потеря памяти, снижение слуха, инсульт. Учёные пишут, что, например, рак только на 5-10% зависит от наследственности, а в основном от образа жизни. Кроме того, я очень надеюсь, что в ваше время этих болезней уже не будет, или они будут легко излечиваться. Но на всякий случай сообщаю эту информацию, чтобы вы могли, если нужно, передать её врачу.

О моих и Аниных предках и родителях я рассказал в первых главах. Моей сестре Софе, её детям и внукам посвящены две главы. Теперь – о других наших близких и дальних родственниках, включая свойственников, родство с которыми основано на браках.

1 Родственники по линии моей мамы.

Я начинаю с них, потому что по этой линии, слава Богу, живы мои двоюродные сёстры и братья, их дети и внуки. Из близких родственников по линии папы, к сожалению, уже нет никого (а среди свойственников был даже президент Советской России Свердлов).

У мамы было 5 сестёр, кроме умерших в раннем детстве. Старшая – Хася (Ася). Благодаря ей мой папа в начале войны смог выехать из Днепропетровска и избежать гибели. Потом к ней приехала Софа, и Хася заботилась о ней, как о своей дочери. Хася работала кассиром. Её муж Моисей Минькевич работал бухгалтером. Страдал психическим расстройством. В период обострения заболевания покончил с собой. Снимки Хаси и Моисея – в первой главе.

Вторая сестра – Циля (1)¹, также см. снимки в главе 1. Циля не была замужем. Живя с семьёй своей сестры Инны, была второй мамой её детей. Всю жизнь была палочкой-выручалочкой для своих сестёр и племянников, даже когда те уже жили своими семьями. Ей ничего не стоило срочно сорваться с места и выехать в Москву, как только возникала малейшая необходимость. Отвезла в Москву моё заявление в аспирантуру. Во время длительной (18 лет) болезни нашей мамы постоянно приезжала к ней домой, а в больницу – каждый день, делала всё, что необходимо, В периоды обострения забирала её к себе (мы с Софой жили в других городах). Циля, безусловно, продлила мамину жизнь на несколько лет.

Но, кроме того, Циля всю жизнь работала, и очень хорошо работала! Поступив после смерти отца на крупнейший завод имени Петровского копировщицей, вскоре стала заведующей копировальным сектором и проработала на этом заводе всю жизнь. Благодаря ей Инна смогла получить высшее образование. Циля на заводе пользовалась большим уважением. Руководители отдела капитального строительства, в который входил её сектор, евреи Вулах и Вернер запросто бывали у неё дома (я запомнил фамилии, потому что Циля постоянно упоминала их – она жила интересами завода так же, как интересами своих сестёр и их детей).

Теперь Минна (2)², (3)³ – с внучкой, см. также снимки в главах 1 и 16. В 30-ые годы Минна вышла замуж и уехала в Харьков. Её муж, Иосиф Левин, горный инженер, работал в проектно-институте (4)⁴ – он с Минной и дочкой Любой. Йося всю жизнь был религиозным. После эвакуации семья переехала в Москву. Минна работала в больнице диет-сестрой. Поддерживала постоянную связь с сёстрами, помогала им и их детям. Минна и её дочь Люба заботились обо мне (во время моей болезни), о Лёне. Минна устроила в московскую больницу нашу маму, а потом Софу, когда ей нужна была операция. Сёстры и племянники, приезжая в Москву, останавливались у неё.

Младшие сёстры Ашкинази – близнецы Лена и Инна. На снимках (5)⁵, (6)⁶ Лена с Минной, с внучкой Наташей, также см. в главах 1 и 32. Лена училась в техникуме, но, выйдя замуж, посвятила себя семье. Была очень хорошей хозяйкой. Её муж – Абрам Лабковский (7)⁷, (8)⁸ – с Леной и Минниной дочкой Любой, (9)⁹ – с внучкой Наташей, см. также снимки в главах 1 и 32. Абраша был видным инженером. Участвовал в создании знаменитых миномётов “катюша.” После войны проектировал строительство доменных печей. На его счету, в частности, две доменные печи, которые в то время были крупнейшими в мире. Получил несколько авторских свидетельств (патентов) и много государственных наград (орден, медали, в том числе золотая медаль ВДНХ – Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства). Когда Аню во время антисе-

¹Тётя Циля.

²Тётя Минна.

³С внучкой Наташей.

⁴Минна, её муж Иосиф Левин и их дочка Люба.

⁵Тёти Лена и Минна.

⁶Лена с внучкой Наташей.

⁷Лена и её муж Абрам Лабковский.

⁸Лена, Абраша и их племянница (а потом невестка) Люба.

⁹Абраша с внучкой Наташей.

митской кампании уволили с работы, Абраша помог ей устроиться. Он был хороший семьянин.

Брат Абраши Яша был лётчиком. Прошёл всю войну, до Берлина. Потом защитил диссертацию, был деканом в Днепропетровском университете.

Среди дальних родственников Абраши (точнее, свойственников, когда родство через браки) были известные люди. Муж его тётки Риты Николай Николаевич Гинсбург во время войны был главным микробиологом фронта. Отец Н. Н. Гинсбурга, ректор Казанского университета, был свояк Льва Толстого (женат на сестре его жены Софьи Андреевны Берс). Условием женитьбы было крещение, но Гинсбург сохранил свою фамилию. Я встречался у Минны с Н. Н. Гинсбургом, был на его даче, включавшей большой лесной массив.

А это Инна (10)¹⁰, (11)¹¹ – она с племянницей Любой, также см. снимки в главах 1 и 32. У неё была очень трудная юность. Хотела учиться, но её, как дочь “лишенца,” не принимали в институт без трудового стажа. Инна поступила работницей на завод имени Петровского, потом на стройку. Затем окончила металлургический институт, поступила инженером на тот же завод Петровского, где проработала до выхода на пенсию. У Инны был хороший голос. Её коронным номером была неаполитанская песня “Моё солнышко.” Инна вышла замуж за Зяму Хаина (12)¹² – с Инной и детьми. Зяма был тоже инженером. Исключительно добрый, услужливый человек. Мастер на все руки, он без лишних слов являлся туда, где нужна была его помощь. В частности, очень активно помогал нам при переезде в Саратов. Отношения между Инной и Зямой были идеальными. Я не знаю более дружной семейной пары.

К сожалению, все мои дорогие тётки и их мужья уже завершили свой жизненный путь. Перехожу к двоюродным сёстрам и братьям с их семьями.

Дочь Хаси и Моисея Лиля (снимки в главе 1) была зубным врачом. Её муж Аркадий Манилов (13)¹³, (14)¹⁴ – с Лилей и Минной, с дочкой, см. также в главе 1, был инженером, занимал видное положение. Лиля и Аркадий долго болели. После их смерти их дочь Люда и внучка Галя выехали в Израиль.

Этот кукольный ребёнок – дочь Минны и Иосифа Люба (15)¹⁵. Потом Люба, естественно, росла (16)¹⁶, (17)¹⁷, (18)¹⁸, также см. в главах 1, 16 и 31. Люба родилась в Харькове, но почти всю жизнь прожила в Москве, и у неё чистое московское произношение. Окончила лучший в стране 1-ый Московский мединститут. Всю жизнь проработала в одной поликлинике. Люба вышла замуж за своего (и моего) двоюродного брата Марка.

¹⁰Тётя Инна.

¹¹Инна с племянницей Любой.

¹²Инна, её муж Зяма Хаин и их дети Толя и Рита.

¹³Наша двоюродная сестра Лиля, её муж Аркадий Манилов и Минна.

¹⁴Аркадий с дочкой Людой.

¹⁵Люба.

¹⁶См. а1-15.

¹⁷См. а1-15.

¹⁸См. а1-15.

Марк Лабковский – старший сын Лены и Абраши (19)¹⁹, (20)²⁰, (21)²¹, (22)²², (23)²³ – с Любой, см. также в главе 1. Марик отслужил в армии. Инженер. Был в Москве заведующим отделом научно-исследовательского института металлургического машиностроения. Имеет 16 авторских свидетельств и патенты на изобретения в США, Великобритании, Франции и Германии. В новое время был директором фирмы Элером. Библиофил, собрал очень хорошую библиотеку. Они с Любой успешно работают на своём садовом участке (24)²⁴, (25)²⁵. Как видно на снимке (26)²⁶, не только они. В свою двухэтажную дачу Марик и Люба вложили очень много труда, прекрасно оборудовали её.

Продолжая традицию сестёр Ашкинази, которые были очень дружны между собой, Марик и Люба поддерживают тесную связь с двоюродными братьями и сёстрами, их семьями и, конечно, с родным братом Марика Владиком. Помогали нам с Аней приобрести санаторные путёвки. Когда мне в процессе работы над этим приложением нужно было уточнить сведения о ком-то из родственников, особенно из юного поколения, (мы живём теперь в разных странах), я обращался к ним.

А вот их дочь Наташа (27)²⁷, (28)²⁸, см. также в главе 31. (29)²⁹ – в день свадьбы с Евгением Тодриным (справа Люба и Марик). Наташа окончила биологический факультет университета, работала по специальности. Приезжала к нам в Америку в гости. В новое время Наташа занялась бизнесом. Директор туристской фирмы, которую она основала. Евгений – инженер. Теперь работает в Наташиной фирме. Вот снимки: (30)³⁰, (31)³¹, (32)³², (33)³³, (34)³⁴, (35)³⁵ – Люба, Марик, Наташа, Евгений, их дети Элла и Саша.

Посмотрите внимательно на этот последний снимок, на этого славного мальчика. В ночь с 30 на 31 августа 2005 года семью постигло страшное горе, отозвавшееся острой болью и в наших сердцах. Саша Тодрин скончался от миокардита – результата вирусной инфекции. Мальчик умер в больнице буквально в течение дней. Для Любы и Марика Саша был не просто внук, хотя и это значит очень-очень много. Саша фактически вырос у них, так как родители работали с утра до ночи. Что тут можно сказать или сделать? Ничего.

¹⁹Марк Лабковский, старший сын Лены и Абраши.

²⁰См. а1-19.

²¹См. а1-19.

²²С Любой, своей будущей женой.

²³См. а1-22.

²⁴Они успешно работают на своём садовом участке.

²⁵См. а1-24.

²⁶И гостей приобщают к труду (на этом весёлом снимке - мы с Аней).

²⁷Их дочь Наташа.

²⁸См. а1-27.

²⁹В день свадьбы с Евгением Тодриным.

³⁰См. а1-29.

³¹Марик и Люба с детьми и внуками.

³²См. а1-31.

³³См. а1-31.

³⁴Евгений с детьми.

³⁵Саша.

Надо продолжать рассказ. Младший сын Лены и Абраши, брат Марика Владик (Владимир), как и его отец и брат, также инженер. Очень способный. Работал на крупном заводе начальником лаборатории. В независимой Украине, как и многие, создал свой бизнес. Но дело не пошло. Владик – добрый и услужливый человек. Мастер на все руки, он никому, кто просил, не отказывал в помощи. Очень доверчив. Видимо, это не те качества, которые нужны для успешного бизнеса в эпоху “дикого капитализма.” Женат. Его жена Римма – экономист.

Их дочь Марина, её муж Александр и их дети давно живут в Израиле. Марина работает воспитательницей в детском садике. Саша – автомеханик. Вслед за ними Владик и Римма также переехали в Израиль. Вот снимки: (36)³⁶ – Владик с Софиной Любочкой. (37)³⁷ – Владик с Мариной. (38)³⁸ – Владик и Римма. (39)³⁹ – Марина. (40)⁴⁰, (41)⁴¹ – свадьба Марины и Саши. Второй снимок – один из самых впечатляющих во всей этой книге – женитьба как похищение невесты на скакуне. (42)⁴², (43)⁴³, (44)⁴⁴ – Владик и внуки Юля, Максим и Шон (66)⁴⁵.

Сын Инны и Зямы Толя родился в 1941 году, дочь Рита (Маргарита) в 1946. Жили в Днепропетровске. Вот Толя – маленький (я был Толя – большой).

(45)⁴⁶, (46)⁴⁷, (47)⁴⁸ – с Ритой и кузиной Любой. Толя – был инженером. (48)⁴⁹ – свадьба. Толина жена Ирина была санитарным врачом. (49)⁵⁰ – Ирина, Толя, Инна и Циля. Недавно Толя, умер. Сын Толи и Ирины Костя окончил школу с медалью. Инженер. Стал бизнесменом. Живёт в Днепропетровске. Вот снимки: (50)⁵¹ – Костя и его кузина Алина. (51)⁵² – Костя с женой Нелей, мужем Риты Игорем, Любой и Мариком. (52)⁵³ – Костя с женой и Алиной.

Рита окончила биологический факультет университета. Защитила кандидатскую диссертацию, была доцентом в Днепропетровском университете. Вышла замуж за Игоря Серебряного. Он тоже кандидат наук, экономист. Работал в научно-исследовательском институте. Недавно умер. Их дочь Алина окончила школу с золотой медалью, затем, как и мама, биологический факультет. Вышла замуж за москвича Александра Меламеда. Александр – экономист. Одно время работал у известного предпринимателя, миллиардера, хозяина английского футбольного клуба Челси Романа Абрамовича.

³⁶Младший сын Лены и Абраши Владик с Софиной Любочкой.

³⁷С дочкой Мариной (в коляске, так сказать, за кадром).

³⁸С женой Риммой.

³⁹Марина.

⁴⁰Марина и Александр. Красивая свадьба.

⁴¹См. а1-40.

⁴²А вот и внуки Юля, Максим и Шон.

⁴³См. а1-42.

⁴⁴См. а1-42.

⁴⁵Наши израильтяне. Семья Владика Лабковского.

⁴⁶Наш двоюродный брат Толя Хаин.

⁴⁷См. а1-45.

⁴⁸С Любой и сестрой Ритой.

⁴⁹Женитьба.

⁵⁰Толина жена Ирина, Толя, Инна и Циля.

⁵¹Сын Толи и Ирины Костя и его двоюродная сестра Алина.

⁵²Костя с женой Нелей, мужем Риты Игорем, Любой и Мариком.

⁵³Костя с женой и Алиной.

У Алины и Александра двое детей – Дмитрий и Мария. Вот снимки: (53)⁵⁴, (54)⁵⁵, (55)⁵⁶, (56)⁵⁷, (57)⁵⁸, (58)⁵⁹, (59)⁶⁰, (60)⁶¹, (61)⁶², (62)⁶³.

Вот новые снимки (2011 год): (63)⁶⁴, (64)⁶⁵, (65)⁶⁶.

2 По линии моего папы.

У папы были две сестры, которых по-русски называли сходными именами Маша и Маня. Маша (1)⁶⁷ была красавица, умница, закончила с золотой медалью гимназию (при царе!), потом медицинский институт. Вышла замуж за инженера Гуревича, детей не было. Молодой умерла от воспаления лёгких. Маня (2)⁶⁸ жила в Костроме, в молодости участвовала в любительских спектаклях (я видел множество снимков), потом жила у нас. Замужем не была. Работала в магазине. В 1941 году не успела эвакуироваться и была расстреляна немцами в числе 11 тысяч евреев Днепропетровска.

Папина тётя Сима (по линии отца), по мужу тоже Левина, жила в Рудне. У неё было 6 сыновей. Один из них, Борух, работал до революции в конторе у папы. Сима часто приезжала в Екатеринослав. До Второй мировой войны была переписка, потом ответов не было.

Папин дядя Михаил Обдиркин был женат на тётке Якова Свердлова. Папа бывал в доме отца Якова Михаила (Моисея) Свердлова, гравёра, заказывал у него печати. Яков Свердлов стал революционером, был в ссылке вместе со Сталиным. После революции был президентом Советской России (председателем ВЦИК). В 1919 году умер. Город Екатеринбург был переименован в Свердловск – сейчас ему возвращено прежнее имя. Ленин записал на пластинке речь памяти Якова Свердлова.

Если бы Свердлов тогда не умер, его, наверное, расстреляли бы в 30-ые годы. Две его сестры и брат были в 1937 г. репрессированы. Спасся брат, который был усыновлён

⁵⁴Наша двоюродная сестра Рита (в замужестве Серебряная).

⁵⁵См. а1-53.

⁵⁶С дочерью Алиной, Любой и Цилей.

⁵⁷Рита, Игорь, Люба, Марик.

⁵⁸В день свадьбы Алины и Александра Меламеда. Слева от них Наташа, Марик, Эллочка, Игорь, Рита. Справа - мать Александра.

⁵⁹Сын Алины и Александра Митя.

⁶⁰Вернёмся назад. 1951 год. Слева направо сидят: мать Зямы Хая, Рита, Люба, наша бабушка, Владик, Лиля, Хася, стоят: Циля, Моисей, Толик, Минна, Марик, Лена, Абраша.

⁶¹1958 год. Слева направо сидят: Аркадий, Лиля, Тома, Владик, Абраша, Лена, бабушка (последний снимок, ей больше 90 лет), Циля; стоят: Минна, Инна, Люба, Рита, будущий автор этих строк, Аня и Лёня.

⁶²Перенесёмся в памятный 1991-ый, год распада Советского Союза. Тома с семьёй в гостях у днепропетровских и московских родственников. Впереди наш юный Саша и старенькие Циля и Инна. Стоят слева направо: Тома, Люда с дочкой, Костя, Алина, Маша, Аня, Саня, Рита, Толя.

⁶³Наши внуки Маша, Саша и Аня с Ритой, Толей, Инной, Костей, Алиной.

⁶⁴Золотая свадьба Любы и Марика. Эллочка читает своё поздравление в стихах.

⁶⁵Наташа с мужем.

⁶⁶Рита и Алина с мужьями.

⁶⁷Папина старшая сестра Маша.

⁶⁸Папина сестра Маня. Расстреляна немцами в 1941 году.

Максимом Горьким, стал носить его настоящую фамилию Пешков, эмигрировал. Потом он стал французским генералом, соратником де Голля во время войны.

У Михаила Обдиркина были дочери Берта, Татьяна и Анета и сын Михаил – папины двоюродные сёстры и брат. Михаил был инженером, жил в Киеве. Берта закончила юридический институт – по словам папы, первая в России женщина-юрист. Её долго не принимали в коллегия адвокатов, потом приняли. Вышла замуж за врача. С Таней и Анетой я был знаком. Красавица Таня вышла замуж за богатого фабриканта Баби́ча (папа работал у него коммивояжёром, потом представителем). Баби́ч участвовал в русско-японской и Первой мировой войне, награждён. Уцелел и во время революции. Был потом коммерческим директором большого завода в Мариуполе. Приезжал с женой к нам в Днепропетровск. Производил на меня, ребёнка, впечатление аристократа (душистое мыло, которого мы не знали, и другие подобные вещи). У них был сын. Во время Второй мировой войны немцы убили всю семью.

Анета (3)⁶⁹ окончила гимназию. Свободно владела немецким языком, переписывалась по-английски. Дожила до 101 года, хотя всю жизнь болела и лечилась. Её муж Семён Витухновский имел диплом зубного врача, но занимался бизнесом, был богат. Бизнес вёл совместно с Баби́чем (“Торговый дом Витухновский и Баби́ч”). Был сионистом. Папа рассказал, что у него на свадьбе на бокалах были наклеены рублёвые сионистские марки. У них с Анетой было трое детей. Двух из них, Соню и Михаила, я знал. Соня и её муж Сандлер – художники-графики. Вот снимок: (4)⁷⁰. Их сын Саша (5)⁷¹ – глухой, учился в специальной школе.

Михаил Витухновский был сценаристом. По его сценариям сняты широко известные в своё время художественные фильмы “Последний табор,” “Комсомольск,” “Близнецы” и много документальных фильмов. Участвовал во многих международных конгрессах кинематографистов. В главе о моей учёбе в Москве я рассказал, как они с его женой Татьяной тепло приняли меня. На снимке (6)⁷² – их обаятельная дочь Галя.

3 По линии Аниного папы.

У родителей Аниного папы Лейвика (1)⁷³ и Брони Эренбург было девять детей. Один мальчик, которого в американской родословной называют, как и отца, Лейвик, умер младенцем. Дочь Сорка (Сарра) также умерла маленькой. Блюма умерла от тифа. Выжили дочь Клара и сыновья Евсей (Ишие), Самуил (Муля), Наум (Анин папа), Изя (Иззи) и Шаул (Сол). Старшей из детей была Клара, и все обязанности по дому лежали на ней. В 1911 г. Клара вышла замуж за Льва Альперина и уехала с ним в Америку, в Чикаго, через год переехали в Лос-Анжелес. У них родились дети – Абраша, потом Эмма. Жили трудно. Абраша уехал в СССР. Во время депрессии Лев Альперин, переплётчик, был безработным. И вслед за Абрашей вся семья уехала в СССР.

⁶⁹Папина двоюродная сестра Анета. Дожила до 101 года.

⁷⁰Каталог персональной выставки её дочери Сони.

⁷¹Сын Сони Саша.

⁷²Племянница Сони обаятельная Галя.

⁷³Отец Аниного папы Лейвик Эренбург.

Абраша (2)⁷⁴ – справа), (3)⁷⁵, (4)⁷⁶ окончил Харьковскую консерваторию по классу скрипки. Участник войны. Женится на москвичке Циве Горелик. У них родился сын Виктор. Сестра Цивы Лёля (5)⁷⁷, (там же и на (6)⁷⁸ – их мать Роза) была замужем за историком Михаилом Гефтером (снимок 5. При повторной ссылке номер снимка не берётся в скобки). М. Гефтер защитил диссертацию, работал в Институте истории Академии Наук, был одним из редакторов многотомной Всемирной истории.

Стал известным диссидентом и был изгнан из института. Долго был безработным, болел. Впоследствии стал одним из советников Ельцина. Их сыновья Валентин (снимок 5) и Владимир. Валентин, по образованию – математик, в настоящее время – директор Института прав человека, продолжает в новых условиях дело отца.

Брат Цивы Семён Горелик в числе тысяч молодых энтузиастов строительства социализма поехал на Дальний Восток строить новый город Комсомольск. Потом занялся научной работой, стал профессором, деканом в Московском институте стали и сплавов. Его жена Белла также была научным работником: (7)⁷⁹, (8)⁸⁰.

После смерти Цивы Абраша женился. На снимке 4 – его вторая жена Ева.

Сын Абраши и Цивы Виктор – филолог. Эмигрировал в Америку, живёт в Нью-Йорке. Его жена Лена – психотерапевт. У них есть приёмный сын Сэм.

Сестра Абраши Эмма (9)⁸¹, также в главах 16 и 23, окончила факультет иностранных языков, преподавала в институте английский язык. Вышла замуж за юриста Наума Хазановича (снимок в главе 23). После его смерти Эмма с детьми Феликсом и Женей и внуками эмигрировала в Израиль (10)⁸², (11)⁸³ – на снимке с ними Аня. Феликс (на снимке 10, также в главах 16, 23) – инженер. Его жена Лариса на снимке 10. У них четверо детей Юлик, Вика, Лея, Наоми – снимки 10 и (12)⁸⁴.

У Жени (снимки 9, 10, 11, также в главах 16 и 23) жизнь сложилась трагически. Развелась с мужем. Дочь Ника (13)⁸⁵ на глазах у брата Эдика попала под машину и погибла (они вместе на снимке (14)⁸⁶). И сама Женя умерла молодой. Недавно умерла Эмма.

После революции Кларе удалось вызвать в Америку младших братьев Изю и Шаула. Изя – на снимках 2, (15)⁸⁷, увлёкся идеями коммунизма и вернулся в Советский Союз.

⁷⁴Братья Аниного папы Абраша (справа) и Изя.

⁷⁵Абраша.

⁷⁶Абраша и его вторая жена Ева.

⁷⁷Его свояченица Лёля, её мать Роза, муж Михаил Гефтер и сын Валя.

⁷⁸Роза.

⁷⁹Жена Абрашиного шурина Семёна Горелика Белла с сыном.

⁸⁰Их дети.

⁸¹Анина двоюродная сестра Эмма с дочерью Женей.

⁸²Эмма, её сын Феликс (второй слева), его жена Лариса (крайняя справа), их дети Юлик, Вика, Лея и Наоми.

⁸³Аня в гостях у Эммы.

⁸⁴Наши внуки Аня и Вадик с семьёй Феликса.

⁸⁵Дочь Жени Ника.

⁸⁶Ника и её брат Эдик.

⁸⁷Спереди Изя (справа) и его жена Аня, между ними наша Аня. В среднем ряду его братья Евсей (слева) и Муля, рядом их дочери Аня и Броня, на коленях у Мули дочь Женя. Сзади слева жена Евсея Хая, родители нашей Ани, жена Мули Леся.

Окончил факультет журналистики, работал в Харькове, вызвал туда Абрашу. В 1937 году уехал с молодой женой Аней – на снимке 15 рядом с мужем (слева от неё – моя будущая жена Аня) – в Красноярск (Сибирь), Там Изя работал заместителем редактора областной газеты. Через полгода они с женой были арестованы и расстреляны или погибли в Гулаге. Посмертно реабилитированы.

Шаул в Штатах переменял фамилию на Шерман – говорят, что из-за вступления в американскую компартию. Наум Львович подвергался преследованиям за то, что скрыл наличие брата за границей. После войны Шаул приезжал в СССР. Коммунистических убеждений у него в это время не было.

Мулю и Евсея после бармицвы отправили на заработки в Екатеринослав, учениками приказчика к дальнему родственнику, который занимался сплавом леса в Херсон. Хозяин был строг, мальчики привыкли к дисциплине. Деньги матери хозяин отправлял сам. Муля (снимок 15) участвовал в Первой мировой войне. Он женился на учительнице Лесе (Елене) – (снимок 15), предки которой похоронены в Иерусалиме, на Масличной горе.

У них было две дочери. Броня (15) умерла во время эвакуации. Женя (15) стала преподавателем английского языка. Её муж Сева (Евсей) Грейфер был лётчиком, потом окончил университет, работал инженером. Выехали в Израиль, в Маалот. Женя недавно скончалась от лейкемии. Их сын Александр закончил университет, работает инженером. У них с женой Женей двое детей Миша и Таня. Миша – талантливый шахматист. Дочь Грейферов Ира закончила мехмат. Работает с компьютерами. У неё есть сын Александр.

О Евсее Эренбурге знаю больше (в основном, от его дочери, хотя я и лично знал его). Евсей (16)⁸⁸, также на снимке 15 рядом с Мулей и в главе 16, успешно учился в ешиве, тоже участвовал в Первой мировой войне, был ранен. Женился на Хае Шерман (на снимке 15; рядом с моими будущими тестем и тётцей). Потом окончил заочно Харьковскую промышленную академию, считался там лучшим студентом. Занимал руководящие должности в системе местной промышленности в Днепропетровске (а во время войны в Орске). В начале войны был ранен осколками бомбы.

В 1948 г. Евсея исключили из партии за связь с заграницей – его жена переписывалась со своими американскими братьями и сёстрами, получала от них посылки. После смерти Сталина, за несколько дней до смерти Евсея, его восстановили в партии. Его дочь Аня рассказала о его доброте, отзывчивости, любви к детям (и дети его любили). Очень много читал, обладал энциклопедическими знаниями, знал языки. “Когда он умер, – пишет Аня, – я растерялась: у кого я теперь буду спрашивать?” – а у неё за плечами уже было 29 лет и диплом об окончании университета.

Аня – на снимках 16 с родителями, 15 в среднем ряду слева, 11 и (17)⁸⁹ – преподавала английский язык. Её муж Михаил Шунис был дантистом. Их сын Гена с рождения страдает функциональным психическим заболеванием – у него нет речи. Хороший, добрый парень, но не говорит, не мог учиться. Родители добились разрешения на эмиграцию в Америку, когда ещё никого не выпускали, но и американские врачи не смогли помочь. Гена живёт в специальном интернате. Аня часто забирала его домой.

⁸⁸Евсей с женой Хаей и дочерью Аней.

⁸⁹Дочь Евсея Аня Шунис с внучкой Ларисой.

Михаил сумел, проявив большую настойчивость, получить американский диплом. Он уже умер, но успел обеспечить материально семью. Аня по приезду в Америку работала в газете “Новое русское слово,” затем стала работать с мужем. Жила во Флориде, в Майами. Я поддерживал с Аней постоянную связь. Их дочь Софа училась музыке в знаменитой школе Джульярд. Она также успешно работала в области информационных технологий. В течении семи лет была одним из вице-президентов крупной компании. После выхода на пенсию вернулась к музыке как преподаватель и исполнитель. Живёт в Нью-Йорке. Её дочь Лариса – на снимках 17 и (18)⁹⁰ недавно вышла замуж. Софа вышла замуж вторично. Её муж Джон преподаёт математику. Недавно Аня умерла.

4 По линии Аниной мамы.

У родителей Аниной мамы Ехилия и Ханны Рабинович было семь детей – Анина мама Бася Сейна, Клара, Эсфирь, Давид, Семён, Бенья и Соня. Клара и Эсфирь с мужьями были расстреляны немцами в Днепропетровске. Клара и её муж Александр погибли бездетными. Дочь Эсфири и Семёна Белла, которая шла вместе с родителями в колонне смертников, сумела спастись – я об этом рассказал в главе о войне (там же, в главе 8 – их фотографии).

Теперь Белла с дочерьми Ирой и Ритой, её мужем Геной и их детьми Костей и Галей живут в Бостоне. Ира – инвалид, не работает. Рита и Гена – программисты. Уже обзавелись собственным домом. Костя окончил университет, продолжает учиться и работает в области биотехнологии. Галя учится в университете. Снимки – в главе 40.

Все сыновья Ехилия и Ханны рано начали работать. У Давида и его жены Соси детей не было. У Семёна и его жены Розы было три сына – Абраша, Шура и Женя. Никого из них уже нет, Абраша погиб на фронте. Шура жил в Прибалтике, Женя воевал, потом в Москве работал управдомом. Аня у них обоих бывала в гостях. Детей Жени зовут Семён и Ира. Из сыновей Ехилия и Ханны только Бенья немного учился. После революции он некоторое время заведовал школой.

Дочь Бени и его жены Нехамы Ника преподавала историю. Её муж Толя был военным представителем на заводе в Риге. Аня ездила к ним. Эмигрировали в Израиль. Толя погиб в автокатастрофе. Ника живёт в районе Тель-Авива. Их дочь Света умерла. Вторая дочь Бени и Нехамы Зина (1)⁹¹ окончила университет. Работала инженером-химиком. Её муж Александр (на том же снимке) воевал, потом был учителем, заместителем директора школы. Умер. Зина живёт в Днепродзержинске (Украина). Их сын Саша окончил металлургический институт. Сейчас занимается бизнесом.

Только дочь Рабиновичей Соня училась в гимназии, но её учёба всё время висела на волоске, так как нечем было платить. С собой ей давали огурец и кусок хлеба. Она была самая бедная в гимназии, и очень страдала от унижения. После революции Софья Ефимовна (так я привык её называть) окончила педагогический институт и преподавала химию. Считалась хорошим педагогом. Как я писал выше, помогла мне найти мою первую работу. Снимки – в главах 3 и 16.

⁹⁰Лариса.

⁹¹Анина двоюродная сестра Зина с мужем Александром.

Её муж Яков (снимок 5 в главе 3) занимал руководящий пост на шахте. В годы Большого террора был арестован, потерял в лагерях здоровье и вскоре после освобождения умер. С. Е. сама вырастила дочь Тамару. Они жили у Аниных родителей. После смерти Аниной мамы С. Е. вышла замуж за Аниного отца.

Тамара (2)⁹², также в главах 3 и 40) окончила музыкальное училище, потом металлургический институт, но интерес к музыке оказался сильнее, и Тамара окончила Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. Преподавала музыку. Вышла замуж за Григория Айзикова (снимок 2, также в главе 40). Он был врачом, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание профессора, работал в академическом Институте медико-биологических проблем (космонавтики).

Они эмигрировали в Америку со своим сыном Костей (3)⁹³, дочерью Светой – (4)⁹⁴, (5)⁹⁵, также в главе 16 – и её мужем Сашей Новаком (6)⁹⁶. На снимке 2 справа – живущий в Америке отец Саши Вадим Новак и его жена. Поселившись во Фрамингеме, Тамара давала уроки музыки, в частности, Томиным детям (за низкую плату). Теперь живёт в Нэтике. Григорий умер. Костя окончил университет, работает. Имя его жены – Нино, у них родилась дочь Маша Габриэла. Света – зубной врач. Её муж – бизнесмен. Его бизнес связан с Украиной. У них двое детей. Илюша (7)⁹⁷ окончил Бостон-колледж. Работает. Дочь Наташа – школьница.

5 По линиям супругов наших детей, внуков, Софы.

О самих супругах говорится в основном тексте. Здесь – об их родных.

Вот снимки: (1)⁹⁸, (2)⁹⁹, (3)¹⁰⁰ – родители Лёниной жены Ларисы, бабушка и бабушка наших внуков. Снимки сделаны, когда они приезжали в гости к нам в Махачкалу. Они произвели на нас очень хорошее впечатление. Василий Наумович был агрономом, участвовал в Отечественной войне. Евдокия Фёдоровна Саенко получила высшее агрономическое и педагогическое образование, работала агрономом, преподавала биологию и химию, была заместителем директора школы. Обоих, к сожалению, уже нет. Кроме Ларисы, Ребекки, Наоми, Андрея, они оставили дочь Валентину, внуков Тараса и Лесю и их детей.

Санин отец Владимир Татаринов давно умер. Мать Марья Петровна (снимки – в главах 35 и 37) в Советском Союзе была врачом-гинекологом. Приехала в Америку, живёт в Нэтике. Любит внуков. В Саратове живёт её младший сын Алексей. У него есть дочь. В главе 12 я рассказал о том, как Марья Петровна, оказавшись в Москве во время Томиной болезни, вызвала скорую помощь, что было для Томи спасением.

⁹²Анина двоюродная сестра Тамара Айзикова (вторая слева) её муж Григорий (в центре). Справа – их сват (отец зятя) Вадим и его жена.

⁹³Сын Тамары и Григория Костя.

⁹⁴Света.

⁹⁵Света.

⁹⁶Света с мужем.

⁹⁷Их сын Илюша.

⁹⁸Василий Наумович и Евдокия Фёдоровна Ластовецкие.

⁹⁹Они приезжали к нам в гости.

¹⁰⁰См. а5-2.

На снимках (4)¹⁰¹, (6)¹⁰², (7)¹⁰³, (5)¹⁰⁴, (8)¹⁰⁵, (9)¹⁰⁶ – Томин второй муж Иосиф, его покойная жена Мира, их дети и внуки. Отец Иосифа Григорий (Гирш) окончил исторический факультет. Работал в архивах, потом преподавал. Мать Иосифа Зельда была экономистом. Мира преподавала. Их сын Борух (Борис) учился в университете, потом, став ортодоксальным хасидом, учился в ешиве, преподаёт, как и его жена Ора, в еврейской школе. На общем снимке в конце главы 37 он – слева от меня. У них пятеро детей: Рувен Мордехай, Хана Этел, Леви Ицхак, Мира Рохел и Хая Виттел.

Рома успешно учился в специализированной математической школе. В 1995 году, через несколько дней после выпускного вечера, погиб, был сбит машиной.

Брат Иосифа Геннадий окончил авиационный институт. В 1996 г. эмигрировал в Америку. Живёт в Нью-Йорке, работает инженером. У них с женой Людмилой двое детей – Саша и Вера. Вера вышла замуж, родила дочь Юлю.

Муж нашей внучки Маши Хаим – из семьи американских евреев. Его отец Артур (Авром) – программист. Мать зовут Джоан (Иегуди). Сестра Рене – социальный работник. Её муж Бенъямин – учитель. У них две дочери – Лея и Сарра. Живут в Массачусетсе (снимки – в главе 37).

Муж нашей внучки Ани Ален – из семьи сефардского раввина. Его отец рабби Митчел Серелс – доктор психологии, доцент Беркли колледжа. Он в разное время был духовным лидером нескольких сефардских общин в США и Канаде и директором Института сефардских общин в Ешива университете. Автор пяти книг о сефардской культуре. В 1996 году король Испании Хуан Карлос I присвоил ему титул графа – первый случай за 500 лет после изгнания евреев из Испании. Мать Алена Рут руководит в Нью-Йорке департаментом образования. Его брат Стивен имеет учёную степень магистра, преподаёт в Монреальском колледже МакГил (который окончили Анечка и Ален). У другого брата Шалти недавно была бармицва. Сестра Диана в МакГил изучает психологию. Вышла замуж. Вот снимок: (10)¹⁰⁷, также в главе 37.

Муж Ребекки Алексей – из интеллигентной московской семьи. Отец Алексея Александр Павлович Макаров разошёлся с женой, когда Алексею было 7 лет. Мать Алексея Нина Михайловна Макарова окончила институт нефтехимии. Работала в Государственном Комитете нефтепродуктов, потом в известной компании Роснефть. Сейчас на пенсии. Отчим Алексея Валерий Пвлович Филиппов – инженер.

Отец Софиного мужа Муси Абрам Маркович был кандидатом технических наук, доцентом, преподавал в Харьковском горном институте (снимок – во второй главе). Мать Муси Фаня Самойловна была врачом-невропатологом. Среди их родственников были учёные, крупные инженеры.

Я рассказал о наших близких и более отдалённых родственниках. Иных уж нет, а те далече ... Судьба разбросала нас по странам и континентам – Америка, Израиль, Россия, Украина.

¹⁰¹Иосиф и Мира.

¹⁰²Иосиф и его брат Геннадий в детстве.

¹⁰³Рома.

¹⁰⁴Борух.

¹⁰⁵Внуки Иосифа Рувен, Хана, Леви, Броха, Хая.

¹⁰⁶Внуки Иосифа Рувен, Хана, Леви, Броха, Хая.

¹⁰⁷В гостях у бабушки и свёкра.

Мир вам, живые и мёртвые.

От автора.

Я завершил многолетнюю работу над мемуарами. Пора: мне без малого 96 лет, слава Богу. Ещё раз благодарю всех кто помогал мне в этой работе (их имена названы во Введении) и всех кто читал эту книгу. Я надеюсь, что среди наших потомков найдутся те, кто продолжат летопись нашего рода. Надеюсь, что в том, что они напишут будет много хорошего и очень хорошего, что только оптимистические прогнозы будущего будут сбываться. Будьте счастливы!

— Анатолий Левин.

